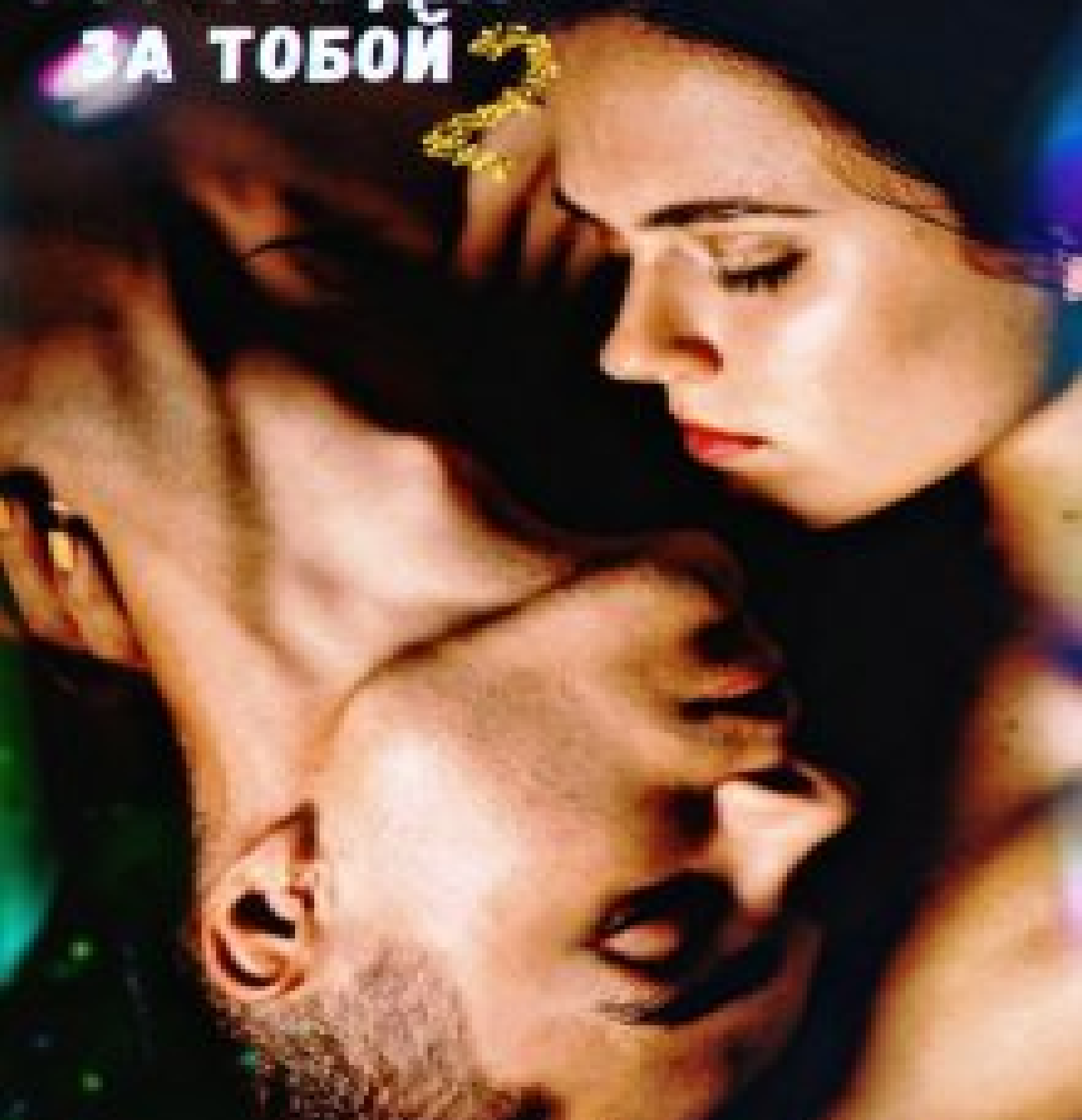

**ТОТ,
КТО СЛЕДИТ
ЗА ТОБОЙ**

Натали Новикова

Annotation

— Эван, почему твое имя стало ассоциироваться с болью? Отпусти меня! Позволь дышать!

— Отпустить, значит, отказаться от того, что дорого. А свое я никогда не отпущу!

Тот, кто следит за тобой 2

Натали Новикова

Январь 2027

Белые снежинки крупными хлопьями кружась, падали на землю. Сильный порывистый ветер подхватывал их и вихрем кружил в воздухе. В этом году зима выдалась на редкость холодной и снежной. Где-то вдалеке виднелись отголоски света из окон домов. Но из-за густого снега не видно, как далеко они находятся. Пряча лицо от снега и пронизывающего ветра, девушка сильнее укуталась в меховую шаль. Она торопилась, пробираясь сквозь пелену не проглядывающего снега, но сильный ветер тормозил ее шаги. Девушка прижала руки в варежках к груди, пытаясь хоть немного согреться. Было холодно, шаль от дыхания покрылась инеем. Сквозь тонкую подошву не по сезону низких и холодных ботинок пробрался холод, распространившийся от кончиков пальцев ног до самой шеи.

Вьюга завывала, запорашивая дороги и поля. Снег мог идти всю ночь, тогда на утро навалит таких сугробов, что из дома не выйти. Бедный скот мог остаться без еды и питья. Необходимо скорее добраться домой, иначе, входную дверь завалит так, что она не сможет открыть ее. Нужно иметь недюжинную силу, чтобы отпереть занесенную снегом дверь. С грустью думая об этом, девушка едва волочила бесчувственными околевшими ногами. Что она забыла в такую погоду так далеко от дома? Всему виной воля случая или происки дьявола? Она ехала из города на своей старенькой машинке, но внезапно та заглохла. Внутри сильно запахло гарью и серый дым стал заполнять салон автомобиля. Громко выругавшись, девушка стала шарить в бардачке машины, ища фонарик. Ничего не найдя, она вышла из нее, решив добраться до дома пешком. Ничего, завтра кто-нибудь приедет из мастеров и починит ее старушку. Натянув варежки и кутаясь потеплее в одежду, девушка пошла вперед. До дома было около пяти километров, будь на улице хорошая погода, она быстро бы попала домой. Но внезапно поднялся сильный ветер и ничего не предвещающий снег. Холодно стало настолько сильно, что девушка застучала зубами.

Больше половины пути было пройдено, оставалось всего несколько километров, когда девушка встретила на своем пути мужчину. Приятной наружности человек с пронизывающим темным взглядом василиска предложил девушке свою помощь. Интуиция отчаянно кричала держаться от него подальше, но холод притупил инстинкты самосохранения.

Мужчина рассказал, что поблизости есть домик, где она могла отогреться. После он пообещал, что отвезет ее прямо домой. Девушка с благодарностью согласилась, радуясь тому, что на свете все еще есть добрые люди, которые не остаются равнодушными к чужой беде.

Подкупленная милосердием человека, девушка слепо доверилась ему. Идя позади мужчины, она буравила его спину взглядом. У него была уверенная, твердая походка. Несмотря на заснеженную неровность дороги, мужчина шел ровно, как заведенный. В его походке виднелась жесткость и неестественная напряженность. Серое пальто до середины бедра сидело на нем статно. Она не могла определить его возраст, черный шарф был повязан вокруг его шеи, закрывая часть лица.

Свернув с дороги в чащу леса, девушка заволновалась. Она всегда боялась ходить туда, переживая, что может потеряться и не найти дорогу домой. В детстве дети придумывали много ужасных истории связанных с лесом. Детские страшилки оживали каждый раз, стоило

ей оказаться в самой его гуще. Она всегда боялась чего-то мистического и нереального. В страхе озираясь вокруг, девушка с быстро бьющимся сердцем и дрожащим голосом, спросила:

— Долго ли еще до домика? — обернувшись, мужчина с черным пустым взглядом направил свет фонаря ей в лицо. Глаза, привыкшие к темноте, были чувствительны к свету, зажмурившись, девушка закрыла лицо руками.

— Мы почти пришли. — холодно отозвался человек и побрел дальше вглубь леса.

В лесу протоптанной дорожки не было, словно ни одна нога не ступала здесь долгое время. Девушка падала в снег, спотыкаясь о коряги и корни. Не оборачиваясь на девушку, мужчина не сгибаемой походкой шел вперед. Ей казалось, если она упадет и не поднимется больше, он даже не заметит ее потери. В конце концов, сама виновата. Парень не нанимался оберегать ее от происшествий в пути. Он и без того помогал ей, провожая в теплое место.

Догнав его, девушка решила немного отвлечься разговорами.

— Вы один там живете?

— Да. — не желая вовлекаться в дальнейшую беседу, безразлично холодным тоном ответил он. Решив не докучать ему, девушка затихла. Но лес был бесконечен, а домика так и не было видно. Она понимала, что уже могла греться дома у печки, если бы не пошла на поводу у своего замерзшего тела. Черт ее дернул искать тепло в другом месте! Впрочем, ей обещали недолгий путь, а они шли целую вечность. Она попыталась успокоить себя тем, что путь увеличился из-за снегопада, который замедлял их шаги.

Но интуиция девушки вновь стала напоминать о себе, крича не верить мужчине и бежать куда глаза глядят. Она никогда не была настолько доверчивой, чтобы пойти в ночь с незнакомцем неизвестно куда. Ужасная погода сделала ее заложницей обстоятельств. Девушка вдруг осознала, что никакого домика и машины у человека нет и ведет он ее на верную смерть. Страх сковал ей разум, а холод пробрался в каждую клеточку тела, измучив и забрав все силы. Нет пути назад. Довериться или умереть. Все равно в одиночку живой из леса ей не выбраться.

— Похоже наш путь слишком затянулся, — холодно отозвался мужчина, поворачиваясь к ней лицом. — пора заканчивать!

— Мы пришли? — наивно поинтересовалась девушка, озираясь по сторонам.

— Мне казалось, что у женщин интуиция сильно развита, но ты показала обратное. — его глаза скучающе взглянули на девушку.

— Ч-что вы имеете в виду? — отступая назад, спросила она дрогнувшим голосом.

— Ты еще не поняла? Я заманил тебя сюда, чтобы убить! Ты без сил и слишком замерзла, чтобы хоть как-то сопротивляться. С тобой не будет проблем!

— Зачем вы это делаете? Что я сделала вам плохого? — зарыдала она, продолжая пятиться назад.

— Всегда одни вопросы: зачем вы это делаете? Почему я? — скучающе говорил он. — Впрочем, эти вопросы понятны, каждый хочет знать, за что умирает. — отвечая на свой же вопрос, он засмеялся. — Хорошо, сегодня побуду добрым и отвечу на твои вопросы. Все дело в девушке, что испортила мне жизнь.

— Но причем тут я? — дрожащим от страха и холода голосом, спросила она.

— Думаешь, твоя машина сломалась просто так? — он с издевкой улыбнулся, намекая на то, что произошедшее с ней неслучайно. — Я увидел тебя пару дней назад, с тех пор я, не переставая думал о том, как убью тебя. — заметив растерянный взгляд и непонимание, он

пояснил. — Что? Ты все еще не понимаешь? Ты похожа на нее, глупышка!

— Но я не она. — покачала головой девушка и заплакала.

— Верно, ты суррогат, который помогает ненадолго унять жажду крови. — он облизнулся, закатив глаза в блаженной эйфории, предвкушая предстоящее убийство. — Но довольно разговоров, на улице слишком холодно, чтобы трепаться попусту!

Наступая на девушку, мужчина быстро поймал ее, когда она попыталась сбежать. Ватные ноги не слушались, холод пробрался в самые дальние уголки ее тела, завладев полностью им. Мучитель был невосприимчив к холоду, словно людские чувства давно перестали трогать его.

Прижав девушку к дереву, парень достал длинный острый нож. Приставив его к тонкой коже горла, мужчина улыбнулся садисткой улыбкой. Девушка отбивалась, боролась за свою жизнь, как могла. Мужчина смеялся над ее отчаянными попытками спастись. Понимая, что самой спастись ей не удастся, девушка закричала, зовя на помощь. Зная, что поблизости нет ни единой живой души, мужчина зловеще засмеявшись. Ей некому помочь. Плача и моля сохранить ей жизнь, девушка упала перед ним на колени, расставаясь с гордостью. Но никакие мольбы и унижения не способны были разжалобить этого жестокого монстра, упивающегося людской болью... Этой ночью, среди густо падающего снега и завывающего ветра, колыхающего кроны деревьев, — ее тело упало на землю. Снег окрасился алой кровью. Пока ее тело не лишилось духа и не испустило последний вдох, мужчина стоял над девушкой, наслаждаясь предсмертными муками. Вытерев о ее одежду нож, он завернул холодное оружие в темную ткань. Бросив равнодушный и пустой взгляд на тело убитой, с его губ сорвалось имя:

— Рина...

Уходя прочь, он тотчас забыл о совершенном преступлении.

Ветер стих, только снег крупными хлопьями ложился слоями на землю. Было в этом что-то печальное и мистическое, словно погода оплакивала трагедию, случившуюся пару минут назад. Укрывая белым покрывалом девушку, словно согревая, легкий ветер пел ей колыбельную, убаюкивая на вечный сон.

Глава 1

Кто как ни я может понять птицу в клетке? Бедное существо бьется в заточении, мечтая вырваться и оказаться на свободе. Я могла понять ее чувства. С самого детства меня лишали свободы в жизни. Выбирать друзей, идти туда, куда хочу, общаться с тем, с кем захочу — не про меня. Еще в детстве я выбрала того, кто для меня был наиболее важен, и чтобы не потерять его — мне пришлось отказаться от всего. Только представить: на весах стоят две чаши, на одной был мой сводный брат Эван, на другой все мои желания и предпочтения. Эван имел для меня настолько большой вес, что с легкостью перевешивал все. Однако, в своей жизни, мне не хотелось ограничиваться лишь обществом Эвана, я хотела жить, а не прятаться за спиной своего брата. В отличие от той птицы я уже свыклась со своим заточением и не пыталась вырваться на свободу, хотя всем сердцем мечтала о ней.

Мне всегда хотелось иметь много друзей, ходить в кино и парки, увидеть красивые места, путешествовать по разным странам. Эван был не против путешествий, прогулок и кино, но только в его компании. А вот о друзьях он даже и слышать не хотел, он ненавидел всех тех, кто проявлял ко мне хоть малый интерес. В детстве у меня уже был печальный опыт дружбы с мальчиком, к сожалению, ничем хорошим он не закончился. А уж о том, что я выбрала вместо Эвана другого, я вообще вспоминать не хочу. Это воспоминание было сродни ужасному сну, который вспоминался с ужасом. Именно эта ситуация заставила меня ценить и ставить Эвана выше всех.

Мне всегда нужны были друзья, чтобы чувствовать себя легко и беззаботно, но Эван ненавидел других людей и злился, когда я общалась с кем-то. Сначала я чувствовала себя принцессой в заточении. Меня это угнетало, но поделать с этим я ничего не могла. Эван ставил мне ультиматум, заставляя выбирать между им и другими. Я была не слишком отважна, не с ним, он всегда подавлял меня собой, заставляя подчиняться, получая желаемое. Так было в детстве и осталось неизменным сейчас.

Мы с Эваном были неразлучны. Где бы мы ни находились — всюду нас можно было встретить вдвоем. Мне было легко с ним, комфортно, мы много смеялись и шутили. Рядом с ним я могла позабыть обо всем на свете. Мой самый лучший друг и любимый сводный брат. Но вместе с тем — самый коварный враг, который мог сделать меня несчастной одним только взглядом или колкой фразой.

У нас с Эваном был один отец, который бросил нас, когда мне было восемь лет. Мы жили вместе с мамой, любви которой хватало с лихвой. Однако, я очень скучала по папе, он был замечательным. Я помню, как любила его, особенно запомнилось, как он играл со мной. Помню, как сильно он любил маму... о такой любви мечтает любая девочка, он буквально на руках ее носил, осыпал подарками и едва не целовал землю, по которой она ходит. Я до сих пор не могу поверить, что он бросил нас! Как он мог это сделать, когда так сильно дорожил нами?! Эван предполагал, что он нашел другую и оставил нас, а я думаю, что в здравом уме мой папочка никогда бы этого не сделал. Я пыталась говорить об этом с мамой, но она избегала этой темы, не желая говорить об отце. Впрочем, ее можно было понять. Ведь он для нее был всем. Его исчезновение стало для нее настоящим ударом. За это время у нее так никто и не появился, своим романтическим сердцем, я искренне надеялась, что мама до сих пор его ждет.

Я была младше Эвана на два года. Помню, как он решил заниматься со мной, чтобы я

сдала экстерном экзамены и ходила с ним в один класс. Тогда эта идея мне так понравилась, что я день и ночь сидела за учебниками, штудирюя их с отчаянным рвением. В то время мы с Эваном особенно сблизились, он видел мое стремление учиться вместе с ним и радовался каждой пройденной теме вместе со мной. Он этого не показывал, но я видела, как много для него это значит. Помню, как засиживаясь допоздна мы могли уснуть прямо над книгами. Это было тяжелое время, бессонное и упорное, но оно того стоило — я все-таки сдала экзамены, и мы наконец с Эваном стали ходить в один класс.

Со временем я все же пожалела о таком решении. Ходя с ним по раздельности, могла завести хоть каких-то друзей по классу, а теперь я была полностью у него на прицеле.

Переведясь в класс к Эвану, я столкнулась с неприятным моментом: нас стали дразнить женихом и невестой. Я устала всем доказывать, что мы с Эваном только брат и сестра! Как может он быть моим женихом? Но мои возмущения никто всерьез не воспринимал, продолжая смеяться над нами. Эван с легкостью мог положить конец этим приколам, для него поссориться с кем-то или подражаться — было пустяковым делом, но он не обращал внимания на эти шутки. Ему безразличны были пустые разговоры за спиной. Однако, я замечала, как смеются его глаза, когда кто-то говорил об этом, он словно находил мрачное удовольствие в этих шутках.

Школьные годы прошли в бесконечных разговорах о нас с Эваном, они надоели мне так, что я попусту перестала обращать на них внимание. Хотят считать нас парой — пусть считают, главное, я знаю, что это не так!

Школу я закончила на отлично, для меня был открыт любой ВУЗ, в который я только пожелала бы вступить, но мне нужно было думать не только о себе. Эван с трудом закончил школу, он не был глупым парнем, скорее проблемным, из-за частых драк ему снижали оценки и ставили неуды. В какой-то момент ему стало неинтересно учиться, и он перестал заниматься. Только благодаря мне он сдал экзамены и закончил школу.

Я всегда хотела стать врачом, но из-за того, что мне нельзя было самостоятельно поступить в медицинский университет, я пожертвовала своей мечтой. Эван знал об этом и несмотря на свое нежелание связывать себя с медициной, подал документы на вступление. В тот день я была самой счастливой на свете! Если все получится мы с Эваном будем учиться в том месте, о котором я всегда мечтала. Однако, нам стало известно заранее о том, что Эвана не приняли. К счастью, ректор университета была маминой особо благодарной клиенткой. Мама помогла ей выйти из затяжной депрессии после расставания с мужем-тираном. После звонка мамы она с радостью решила помочь и приняла Эвана в ряды студентов. Меня взяли без труда. Помню какой счастливой была в тот день, как прыгнула от счастья в объятия Эвана и звонко поцеловала его в щеку. Эван тогда стоял минут пять в какой-то прострации, с улыбкой глядя на меня.

В университет мы поступили, когда Эвану исполнилось семнадцать, а мне пятнадцать. В свои семнадцать лет Эван был красивым и харизматичным парнем. Благодаря занятиям борьбой у Эвана было красивое рельефное тело с фактурными мышцами на руках и животе. Девчонки сходили по нему с ума и мечтали встречаться, но он не воспринимал их всерьез. Бедные девичьи сердца были разбиты жестокими грубыми отказами Эвана. Он не хотел быть тактичным и вежливым к тем, до кого ему не было дела. Мне было жаль их, но вместе с тем, я была рада, что по-прежнему остаюсь для него номером 1.

Эван часто участвовал в соревнованиях и неизменно выходил из них победителем. Я ходила на каждый его бой, не пропустив ни одного. Каждую свою победу он посвящал мне и

для меня это было очень ценно. После соревнований на лице Эвана оставались ссадины и синяки. Я кропотливо обрабатывала ранки, боясь причинить малейшую боль. Эван был терпеливым, на его губах неизменно сияла улыбка, когда я ухаживала за ним. Через обработку ран он чувствовал мою привязанность к нему.

Студенческий городок подразделялся на: учебное заведение, медпункт, женское и мужское общежития, огромную библиотеку, столовую и парковку. Мальчики и девочки жили в разных общежитиях, после наступления комендантского часа их встречи были под запретом.

В том, что мальчики и девочки разделены был и хороший момент: Эван не мог меня всецело контролировать и я могла подружиться хоть со всеми девочками общежития. Правда на такой глобальный поступок я не решилась, рискнув вначале подружиться с соседкой по комнате.

Моя соседка оказалась приятной девушкой, легкой в общении, она с удовольствием шла на контакт. Дженнифер Нэйтон обладала открытым сердцем и добрым нравом. Мы сразу подружились. Она часто делилась со мной своими чувствами и эмоциями. Я же была совсем не откровенна с ней. Дженнифер не обижала моя неразговорчивость в личных вопросах, она была мудра не по годам, и казалось, понимала меня. Дженни рассказывала, что в старой школе у нее было много поклонников, но она была равнодушна к ним, потому что в ее сердце уже была любовь. С этим парнем она была помолвлена с детства, она очень ценила их отношения и никогда не давала поводов для ревности. Дженнифер не распространялась о нем слишком много, возможно, что-то не договаривала, но я считала, если в ее истории любви и есть какая-то тайна, когда Дженни будет готова — все расскажет.

Внешне Дженнифер была бледнолицей, тонкой и хрупкой. Большие голубые глаза, белокурые волосы и почти кукольное лицо, тело стройное и миниатюрное. Она часто болела, поэтому зачастую выглядела ослабленной. Для такой хрупкой и болезненной девушки, она была на редкость жизнерадостной и оптимистичной.

Несмотря на то, что мы стали настоящими подругами, я скрывала свою дружбу с ней от Эвана.

Эван, с присущей ему насмешливостью, рассказывал с каким зубрилой его поселили. По рассказам брата: Питер МакЭндрю настолько много учился, что на болтовню с соседом у него совсем не оставалось времени. Эван этому факту был несказанно рад.

— А что у тебя, Рина? Какая твоя соседка? — Риной называл меня только Эван. Он хотел отличаться от других, переиначив эту идею от папы. Папа тоже переиначивал имя мамы, называя ее так, как не называл никто. Мне всегда казалось это чертовски милым. По правде, мне нравилось сокращение Эвана, даже больше, чем оригинал.

Эван ждал от меня насмешливых подробностей, но я не могла кривить душой и врать. Правду, конечно же, тоже не могла сказать. Поэтому пришлось быть немногословной.

— Нормальная, ничего особенного. — мои глаза бегали и Эван сразу почувствовал неладное. Он видел меня насквозь.

— Кто она? Покажи мне ее? — я показала пальцем на Дженни. Увидев мой жест, Дженнифер жизнерадостно замахала руками, тем самым выдавая нашу дружбу. Попавшись на удочку Эвана, мысленно я застонала.

— Значит, ты завела себе подругу... — начал Эван тихо, почти злое.

— Эван, пожалуйста, не злись. — я порывисто схватила его за руку, пытаюсь предупредить бурю.

— Я не злюсь, Рина. Может это и неплохо с кем-либо подружиться. — его голос был спокойным и каким-то усталым, нутром я чувствовала неладное, но решила поверить ему, как делала всегда. — Интересно, если я заведу себе друга, что ты скажешь?

— Я буду счастлива за тебя, Эван. — с готовностью ответила я, хотя в глубине души боялась этого, вспоминая неприятное воспоминание из детства. Тогда он подружился с девочками, что обижали меня и мне это совсем не нравилось.

— А если я променяю тебя на нового друга, тоже будешь рада?

— Однажды ты променял меня на близняшек, — грустно ответила я, вспоминая, как была несчастна. — мне совсем не понравилось то чувство.

— То чувство — ничто, по сравнению с той болью, что причинила мне ты, Рина. Я не хочу, чтобы когда-нибудь это повторилось.

— Не волнуйся, я сделала выводы из той ситуации. Такого больше не повторится. — в такие моменты, видя его сияющую улыбку и глаза, я была счастлива. Разговор был прерван звонком, но тема и без того была закрыта, по крайней мере я надеялась на это.

На удивление Эван ничего не говорил о нашей с Дженнифер дружбе. Я пыталась уделять ему еще больше времени, чтобы он ненароком не надумал ничего скверного. Я знала его достаточно хорошо, чтобы перестраховаться.

Но что-то мне подсказывало, что Эван не оставит этого так просто.

Глава 2

Однажды на выходные Дженни уехала домой. Воспользовавшись отсутствием соседки, Эван пробрался через окно в мою комнату. Сначала я испугалась темного силуэта за окном, но позже поняла кто передо мной и, недолго думая, бросилась к нему в объятия.

— Ты меня напугал, Эван. Я так рада, что это ты. — Эван широко улыбнулся и как всегда, когда я чем-то его очень радовала, крепче обнял меня.

— Я решил воспользоваться случаем, когда твоей соседки не будет и мы сможем нормально поговорить.

Я захихикала, потянув его в сторону кровати.

— Садись, почувствуй себя как дома. — улыбнулась я.

— Рядом с тобой, Рина, я всегда дома. — я мягко улыбнулась ему, не придавая большого значение его словам. Вскипятив воду в чайнике, я разлила нам чай. Эван любил крепко-сладкий напиток, я же совсем слабый.

— Сегодня звонила мама, ждет нас на Рождество домой. — я передала кружку с горячим напитком Эвану.

— Ей пора завести мужчину, а не жить тобой. — пожав плечами, я мягко улыбнулась Эвану.

— Мне иногда кажется, что мама до сих пор ждет его. — после моих слов Эван напрягся.

— Лучше бы ему больше не появляться в нашей жизни, Рина. — сердито проговорил Эван, сдвинув брови на переносице.

— Почему? Я очень хочу его вновь увидеть.

— Он плохой, Рина. Я убью его, если он хоть близко подойдет к тебе. — Эван не на шутку рассердился, я видела какое недовольство плескалось на дне его глаз. Сжатые кулаки готовы были дать бой тотчас, стоило отцу появиться на пороге.

— Почему ты так говоришь, Эван? Папа не плохой, он всегда хорошо ко мне относился.

— Тебе мало, что он бросил нас? — закричал Эван, не сдержав свой гнев.

— Тише... — зашипела я в его сторону. — Здесь стенки тонкие, уже завтра будут знать, что поздно ночью в моей комнате был парень! — немного успокоившись, Эван заговорил тише.

— Ты очень наивная, Рина, и слишком добрая. Отец бросил нас, но вместо того, чтобы сердиться на него — ты готова простить, лишь бы он вернулся.

— Потому что я не верю, что он бросил маму! Он так ее любил. — Эван усмехнулся на мои слова.

— Он бросил однажды мою маму, значит, мог также бросить и твою. — я протестующе замотала головой.

— Извини, Эван, я не соглашусь с тобой. Я слышала разговор родителей о твоей маме, увы, он совсем ее не любил. — Эван отвел взгляд. На удивление он не стал спорить, прекрасно понимая, что это правда.

— Хорошо, даже если так, по-твоему, куда он делся? — Эван напряженно сжал кружку с чаем, ожидая моего ответа.

— Где бы ни был — он мечтает вернуться к нам. — сказанные слова прозвучали как магическое заклинание. В мгновение воздух стал разреженным и холодным.

— Какая же ты глупышка, Рина. — напряженно погладив меня по волосам, он задумчиво уставился в кружку.

Взглянув на его лицо, я отметила про себя, каким красивым был Эван. Никогда прежде я не встречала кого-то красивее его. Надеюсь, мой будущий парень не будет уступать Эвану в смазливости.

Подумав, каким красавчиком был мой брат, я сразу вспомнила, как много у него поклонниц и заговорила с ним об этом.

— Знаешь, у тебя всегда было так много поклонниц, сначала в школе, теперь здесь...

— Тебя это беспокоит, Рина? — подняв брови, удивился Эван.

— Конечно, нет, я буду рада если у тебя появится подружка. — соврала я, мягко улыбнувшись.

— Похоже тебе на меня совсем все равно! — с грустью пробормотал он.

— С чего ты взял? — озабочено спросила я, заметив, как Эван сдвинул брови на переносице. — Разве это не естественно завести девушку и жениться? — улыбнулась я, представляя какой замечательной может быть супружеская жизнь.

— Когда она у меня появится, ты будешь не нужна мне. — холодно, ответил Эван, уставившись в сторону.

— Это плохо... мне будет не хватать тебя, Эван. — серьезно ответив, я знала наверняка, что такой ответ придется ему по вкусу.

— Тогда мне не нужна девушка. — конечно, я понимала, что он хочет услышать от меня тоже самое, но я не могла так врать. Я мечтала о парне и о настоящих отношениях.

— Почему ты заговорила об этом? — коснувшись ладонью моей головы, он ласково погладил по моим волосам. Заливаясь краской смущения, я ответила, тщательно подбирая слова.

— Я подумала о том, что красивее тебя никогда никого не видела. — Эван широко улыбнулся, не в силах сдержать свою радость от моих слов.

— Знаешь, Рина, то же самое я могу сказать и о тебе. Ни одна девочка не сравнится с тобой. — я крепко обняла его, довольная ответом.

— Интересно, если ты останешься ночевать у меня, тебя кто-нибудь хватится? — переводя тему, я лукаво улыбнулась, откидывая покрывало с кровати.

— Думаю нет, Питеру нет дела ни до чего, кроме своих учебников. — мы засмеялись друг другу в лицо, понимая шутки друг друга.

Раньше, когда мы были детьми, я часто пробиралась к Эвану в спальню. В его объятиях всегда было так спокойно и тепло, я сразу забывала обо всех тревогах на земле.

— Эй, Рина? — позвал Эван в тишине.

— Что? — хрипло спросила я, начиная засыпать.

— Кое-что произошло недавно. — мгновенно сон слетел, и я приготовилась внимательно его слушать. — Мне на электронную почту написал один мужик, он утверждает, что я его сын.

— Что-что? — дыхание перехватило от неожиданных слов. — Может он тебя с кем-то перепутал?

— Я тоже так подумал, но он назвал имя моей матери. Она приходила к нему сказать, что у него родился сын. — мне трудно было подобрать слова, чтобы хоть как-то поддержать разговор. Эта тема оказалась полной неожиданностью для моего душевного состояния.

— Но разве она не сказала так же папе? — удивилась я, припоминая фразы из детства.

— Мне и самому это интересно.

— И что ты думаешь об этом? — некоторое время Эван задумчиво молчал, обдумывая вопрос.

— Еще не знаю. Но это дает надежду... — я удивленно захлопала глазами.

— Надежду на что?

— На счастье. — Эван замолчал, задумчиво уставившись в потолок. Я не стала больше допытываться, что он имел в виду, но что-то мне подсказывало, что это было связано со мной.

— Ты собираешься встретиться с ним? — Эван кивнул. В тот момент мне безумно захотелось пойти вместе с ним и посмотреть кто тот человек, что называет себя его отцом. Есть ли у Эвана схожие черты с ним? Эван не был похож с папой, но я часто слышала от мамы и бабушки, что по повадкам, характеру — он был его точной копией.

Эта тема могла вызвать бессонницу, если бы я не перестала думать об этом. Постаравшись думать о чем-то менее увлекательном, например, о предстоящих занятиях, я погрузилась в крепкий сон.

Приобняв Эвана, я уткнулась носом в его плечо, вдыхая дорогой моему сердцу запах. Мне было так удобно и уютно, что всю ночь я проспала крепким сном младенца. Эван не жаловался, даже когда кровь прекратила нормально циркулировать по венам, и он перестал нормально ощущать тело. Смутно, я почувствовала, как он осторожно отодвинул меня в сторону, а когда кровоток в руках и теле нормализовался, обнял обратно. Такой заботливый...

Утром, в 7 часов, Эван выскользнул в окно, пожелав мне доброго утра.

В тот день Эвана поймали... ему пришлось провести долгий час в кабинете ректора, выслушивая нравоучительные речи. Ректор пообещала, что о неподобающем поведении Эвана узнает мама. К маме Эван относился хорошо. Он не выказывал к ней какой-то привязанности, но всегда по-доброму отзывался о ней. Впрочем, мнение мамы его тоже не интересовало. Он был вольной птицей, которая делает что хочет и плевать он хотел на мнение других. Других... но не меня. Эван всегда ставил меня выше всех людей и это, признаться, льстило моему самолюбию.

Эван просил, чтобы о новоиспеченном отце я не рассказывала маме, по крайней мере до тех пор, пока он не узнает об этом больше.

На следующих выходных, он собирался пойти на встречу, которая обещала изменить его жизнь. Как мы надеялись, к лучшему.

Глава 3

Неделя тянулась бесконечно. Я едва не умирала от ожидания, узнать наконец тайну происхождения Эвана. Возможно ли, чтобы он не был моим братом? Задавая себе этот вопрос, я не верила, что такое возможно. Эван, кровный родственник или нет, все равно останется навсегда мне братом. В моих глазах он родной человек и никакая правда это не изменит. Мы были связаны наиболее крепкими узами, которые неподвластны никакой открывшейся тайне.

Эван тоже ходил сам не свой. Притихший, задумчивый и окрыленный. В ту неделю он не замечал моего общения с Дженни и мне казалось, начини я встречаться с кем-либо в тот момент — он и не заметит.

Радовался ли он, узнав, что, возможно, мой папа — не его? Судя по его словам, это является наиболее вероятным. Но почему ему так этого хотелось? Мы жили замечательной жизнью, которой Эван всегда был доволен. Что же изменилось с тех пор? Или может ему не хватает отца и в лице этого мужчины он хочет увидеть настоящего любящего родителя? Хм... хотя Эван не любил разговаривать о родителях, думаю, каждому ребенку они нужны, чтобы чувствовать себя счастливым. Думаю, и Эван был не исключением.

Когда выходные наступили Эван подошел ко мне. Он был возбужден от предстоящей встречи.

— Рина, хочешь пойти со мной? — спросил он и я радостно улыбнулась, желая увидеть эту встречу лицом к лицу. С радостью согласившись, я побежала одеваться. Наскоро надев легкое платье и танкетки, я зачесала волосы в высокий хвост. Хотя моя кожа была без изъянов, гладкая, бархатистая и не нуждалась в макияже, я нанесла немного тона на лицо, сделав акцент на глаза и легко подкрасив губы розовым блеском. Милая куколка с розовыми губками смотрела на меня из зеркала.

Увидев меня, Эван удовлетворённо улыбнулся.

— Ты собралась покорить моего потенциального папашу?

— Думаешь, это возможно? — улыбнулась я. — По-моему, я выгляжу как обычно.

— Обычно ты не наносишь боевой раскрас. — иронично улыбнувшись, он коснулся кончиками пальцев моего лица. — Скажу честно, Рина, тебе он вовсе не нужен. Ты и без него достаточно красива. — я залилась румянцем, принимая комплимент Эвана.

— Спасибо. — взяв меня за руку, Эван потянул меня в сторону ожидающего такси. Открыв для меня дверь, как настоящий джентльмен, Эван обошел машину с другой стороны и сел рядом со мной. А Эван галантный, все-таки воспитание мамы не прошло даром и с виду нелюдимый ребенок впитал в себя все знания, вкладываемые в него.

— Волнуешься? — шепнула я ему на ухо, видя, как он не находит места своим рукам, нежелающим спокойно лежать на коленях.

— Немного. — признал он и перевел задумчивый взгляд на меня. — Но благодаря тебе — это не столь ощутимо. — я мягко улыбнулась ему, сжав его ладонь в своей.

Приехали мы быстро. Встреча должна была состояться в небольшом придорожном кафе, достаточно популярном в этом районе.

— Ты знаешь, как он выглядит? — тихо спросила я, проводя взглядом посетителей кафе.

— Он будет в черной косухе. — ответ Эвана очень удивил меня. Мужчине должно быть

не больше сорока, его можно было представить в костюме, в обычной куртке, пальто, но в косухе! Может он байкер, любящий гонять на мотоциклах?

Мы с Эваном одновременно увидели широкую спину, обтянутую дорогой качественной кожей. Голову мужчины покрывали вьющиеся светлые волосы. Переглянувшись с Эваном, мы кивнули друг другу, молчаливо соглашаясь с тем, что тот мужчина вполне себе подходил на роль того, кого мы ждали. Остановившись напротив него, Эван заговорил:

— Лайт Джонс? — мужчина поднялся, приветствуя Эвана легкими объятиями.

— Эван? Ты так вырос, малыш. — наблюдая за ними со стороны, я не нашла ни единого сходства. Лайт и Эван были двумя противоположностями. Если у Эвана были темные волосы, полные губы и голубые глаза, то у Лайта было все наоборот. Светлые волосы, тонкие губы и зеленые глаза. Он совсем не был на него похож. И Эван тоже это заметил.

— Почему вы решили, что я ваш сын? — сходу спросил Эван, пропуская меня к окну и садясь напротив него.

— Я уже говорил, что твоя мать приходила ко мне, чтобы рассказать о тебе.

— Видимо тогда вы ей совсем не поверили? — усмехнулся Эван, листая меню. Есть совершенно не хотелось и когда подошла официантка, я просто попросила принести молочный коктейль. Эван тоже был не особо голоден, поэтому заказал лишь эспрессо. А вот Лайт заказал большой гамбургер, колу и еще какой-то фастфуд. На секунду я заметила, как сморщился носик Эвана в раздражении этим человеком, он ненавидел фастфуд и людей, любящих его — не признавал.

— Не поверил, — с готовностью ответил мужчина, откусывая огромный кусок гамбургера. — Трудно поверить, когда через ее постель прошел не один десяток мужчин. — бестактно ответил мужчина, чем вызвал внутри меня недовольство. После его слов в разговоре настала пауза. Эван и я были в шоке от услышанного. Эван как-то рассказывал, что помнил маму всегда пьяной, каждый день к ней приходили много разных мужчин. В это время она всегда выгоняла его на улицу, чтобы он не мешал ей. В детстве он не понимал, чем занималась его мать, но став старше, Эван понял все.

— Почему в итоге вы написали мне? — спросил Эван, беря чувства под контроль.

— Пять лет назад я попал в аварию. После этого врачи сказали, что я потерял возможность иметь детей. Ты моя последняя надежда. — с грустью взглянув Эвану в глаза, он отложил свою еду в сторону.

— Надежда на что? — удивленно спросил Эван, найдя под столом мою руку. Он волновался и искал во мне силу и поддержку.

— Надежда иметь наследника всего состояния Джонсов. — я внимательно пригляделась к нему: своим бестактным поведением и сомнительными предпочтениями в еде Лайт вызывал сомнение своей состоятельностью. В прочем, я могла заключить неверные выводы, учитывая какую дорогую одежду он носил. Сразу видно настоящую кожу.

— Мне жаль вас расстраивать, но моя мать говорила это не только вам. Сейчас я уверен, что она ходила так к каждому, кто мог бы взять ответственность за ее ошибку. — в глазах Эвана безразличие, ему было неважно то, чем занималась его мать и какие поступки совершала. Но, как мне стало обидно, что Эван считал себя ошибкой.

Лайт опустил грустный взгляд на свои большие ладони.

— Если есть хоть какая-то вероятность, что ты мой сын, я предпочту воспользоваться этим.

— Сильно не надейтесь. Глядя на вас, я с уверенностью могу сказать, что мы не

родственники. — Лайт улыбнулся.

— Внешне ты очень похож на свою мать, поэтому не торопись насчет внешности. — он лукаво улыбнулся насупленному Эвану, а потом его зеленые глаза переместились на меня. — А это кто? Твоя девочка? — щеки Эвана чуть покраснели, и он сильнее сжал мою руку.

— Нет, я его сестра. Нарин. — он как-то невесело улыбнулся.

— Я был уверен, что вы встречаетесь.

— Наши отношения с Риной не имеют никакого отношения к делу. — холодно отозвался Эван.

— А ты, паренек, с характером. — довольно улыбнулся Лайт. — Мне это нравится.

— Оставьте это. — отрезал Эван безапелляционно. — Когда мы сможем узнать есть между нами родство или нет?

— Я договорился с клиникой. Завтра мы сможем провести экспертизу, результаты будут готовы через 10 дней. — я тихо вздохнула, понимая, что долгие дни Эван будет ходить в неведении и волноваться.

— Адрес пришлите электронной почтой. — Эван встал с места, глазами показывая, что мы уходим. — Нам пора.

— Уже уходите? — удивился мужчина. — Я думал, мы сможем еще немного поговорить.

— Нет смысла узнавать друг друга лучше, если в итоге мы окажемся никем. — безразлично ответил Эван.

— Ты так пессимистично настроен?

— Пессимизм для слабаков. Я таковым себя не считаю. Вы должны кое-что узнать о своем предполагаемом сыне, мистер Лайт Джонс: ненавижу общение с людьми и если возможно снизить его до минимума — я сокращу. — потянув меня за руку, он не стал дожидаться ответа мужчины.

Движения Эвана были резкими, отрывистыми, было видно, как он раздражен. Я не понимала его состояние, но всем сердцем хотела разделить все его внутренние горести.

Эван молчал, он не желал пока делиться со мной своими чувствами. Я не лезла с расспросами, прекрасно зная, что он все мне расскажет, когда немного остынет. Заведя меня в какой-то укромный уголок для курения, Эван достал из внутреннего кармана коричневые сигареты и зажигалку. Я смотрела на Эвана и не понимала, когда он закурил? Никогда прежде он не был за этим пойман. Я думала, что знаю о нем совершенно все, но это открытие стало для меня шоком.

Затянувшись сигаретой, Эван впустил в себя немного дыма и напряжение потихоньку стало заменяться расслаблением. Эван откинулся спиной об стену и подняв к небу глаза, закрыл их. Я смотрела на него, ожидая, когда он наконец заговорит. Взглянув на меня расслабленным от сигареты взглядом, Эван спросил:

— Задаешься вопросом, как давно я закурил? — я кивнула. — Около года.

— Год? — ужаснулась я. — Как я могла этого не заметить!

— Будь ты внимательна ко мне — заметила бы это. И не только...

— Но от тебя даже не пахло дымом. — оправдывалась я, не обратив внимания на вторую фразу.

— Верно, эти сигареты с вишней практически не дают запаха. — я стояла напротив него и не узнавала. Какая причина побудила Эвана закурить? Он ведь спортсмен и это вредит здоровью. Новость совершенно не укладывалась в голове, полностью отвергаясь, как

неправильная. Я должна была что-то сделать, чтобы Эван бросил дурную привычку и подумал о здоровье. Но что я могла?

Подойдя к Эвану вплотную, я осторожно взяла из его пальцев сигарету и поднесла к губам.

— Рина, что ты делаешь? — его глаза распахнулись от удивления и непонимания.

— А что, по-твоему, я делаю? — смотря в его глаза, я приоткрыла губы, чтобы сделать затяжку.

— Тебе нельзя! — отняв у меня сигарету, он бросил ее на землю, затушив ботинком.

— Почему нельзя? Если тебе можно, то и мне! — неожиданное упрямство вдруг подняло свою голову, и я смело взглянула в его глаза. Если ты будешь курить, то и я!

— Рина, ты глупая, что ли? Я не позволю тебе гробить свое здоровье. Только не тебе.

— С чего ты решил, что мне хочется видеть, как ты губишь свое? — все с тем же упорством наседала на него я. — Чем твоя забота лучше моей? Я отношусь к тебе так же, как и ты ко мне.

— Не так же. — покачал головой он, опустив взгляд.

— В чем различие? — непонимающе взглянув в его глаза, спросила я.

— Ни в чем. — покачал головой он, отворачиваясь от моего лица. Что же ты скрываешь, Эван? Какие секреты у тебя появились от меня? — Курю я или нет, это только мое дело.

— Правда? — саркастически переспросила я, на что Эван кивнул. — Тогда с этого дня я тоже буду курить и мне без разницы, что ты скажешь на это!

— Рина... — угрожающе прошипел Эван.

— Я уже сказала тебе, Эван. Куришь ты — курю я. Арифметика проста. — Эван смотрел на меня удивленно, борясь со своими внутренними демонами. Уступить или придушить меня на месте? И выбор его пал именно на тот вариант, на который я делала ставку.

— Что ж... Твоя взяла, Рина. Я редко курю, поэтому большой тяги у меня к этому нет. — он достал из внутреннего кармана пачку сигарет, смял ее в кулаке и выбросил в урну. — Довольна? — улыбнулся он.

— Если ты меня обманешь, Эван, я никогда тебя не прощу, так и знай. — и видимо решимость в моих глазах повлияли на него так, что он прижал меня к себе.

— Никогда, Рина... — я мягко погладила его по голове, чувствуя приятное тепло от объятий Эвана.

— Что тебя так расстроило, что ты сорвался и закурил передо мной? — сев на рядом стоящую скамейку, спросила я.

— Не думаю, что этот человек мой отец.

— Тебя это расстроило? — касаясь его плеча спросила я, вглядываясь в лицо полное сомнений.

— Дело не в этом. — покачал головой он.

— Почему ты не хочешь принимать тот вариант, что мой папа и твой тоже?

— Потому что я хочу знать правду. Я вспомнил толпы мужиков у матери и понял, что она, возможно, и сама не знала от кого родила меня.

— Тебя это так волнует? — Эван кивнул, избегая моего взгляда. Было что-то еще, что он не хотел мне говорить. Ладно, не буду допытываться. Обязательно все расскажет тогда, когда захочет.

— Рина, я хочу, чтобы завтра ты поехала в клинику и вместе со мной сдала анализ на родство. — он мягко погладил меня по щеке.

— Зачем?

— Чтобы исключить родство с твоим отцом.

— Ты уверен, что хочешь этого?

— Поверь мне, Рина, больше всего на свете мне не хочется быть твоим братом.

Поэтому, да, я уверен.

Сказанная Эваном фраза повисла в воздухе. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но потрясение было столь велико, что напрочь лишило меня дара речи. Что, черт возьми, происходит? Почему Эван не хочет быть моим братом? Он что, перестал меня любить? Мои глаза налились слезами от понимания, что Эван не хочет быть ничем со мною связан. Отвернув лицо, я попыталась скрыть свои слезы. После сказанного, Эван внимательным взглядом смотрел на меня, словно ожидая какой-то реакции. Увидев, что я отвернулась от него, Эван обнял меня сзади за плечи и прижал к себе.

— Даже ничего мне не ответишь, Рина? — в его голосе была забота и нежность, он ждал моей реакции, но я не понимала, что именно он хотел услышать. Его слова очень задели меня, но я не хотела, чтобы он знал это. Не заметно стерев слезы, я сглотнула подошедший к горлу ком и безразличным тоном сказала.

— Что ж, раз уж ты так этого хочешь, тогда я сдам анализ вместе с тобой. — сказав это безразличным тоном, я пошла вперед не оборачиваясь. Почти сразу Эван догнал меня, остановив за руку.

— Что не так, Рина? — он развернул меня к себе и требовательно взглянул в мое лицо, выискивая в нем ответы.

— Все так. Не хочу больше здесь оставаться. Поехали в общагу.

— Я думал, мы сможем немного погулять или сходить в кино. Ты ведь хотела сходить на ту дурацкую романтическую комедию. — его глаза были живыми и заинтересованными, он всерьез хотел провести время со мной, но мне было так больно, что я хотела только одного: спрятаться подальше от него в своей комнате и долго рыдать в подушку, выплакивая свою боль и обиду. Его слова, подействовали на меня хуже любой боли, словно он, как было уже в детстве, предал меня, предпочтя других подружек.

— Я устала. Хочу отдохнуть. — Эван нахмурился, глядя в мое безразличное лицо.

— Я понял. Ты хочешь выходной день провести со своей подружкой. — его глаза сверкнули недовольством, но мне было до такой степени плохо, что я решила сделать ему так же больно, как и он сделал мне.

— Да, Эван. Хочу провести вечер с Дженни.

— Что ж... рад, что ты не стала врать мне, как делала обычно. — отвернув от меня свое лицо, Эван пошел вперед, не обращая внимания иду я за ним или нет.

Быстро поймав такси, Эван сел вперед, не открыв для меня дверь. Эван сердился и я понимала, что сама виновата в этом. Теперь он ни за что не поверит, что сказанное было ложью. Даже если буду настаивать на этом.

Всю дорогу до общежития в машине стояла гнетущая атмосфера. Таксит пытался заговорить с хмурой молодежью, но быстро оставил попытки, заметив убийственный взгляд Эвана. Тем лучше, не хочу сейчас ни разговаривать, ни слышать пустой болтовни.

Заплатив за такси, Эван пошел в сторону своего общежития, но на пол пути остановился, холодно бросив мне:

— Будь готова завтра. — и ушел, не дождавшись моего ответа. В прочем, я и не собиралась что-либо говорить, потому что мое лицо было залито слезами.

Слезы застилали взгляд, с трудом, но я добралась до своей комнаты. Дженни не было, и я поблагодарила Господа за это, не хотелось делиться своей болью с подругой.

Я не могла поверить, что это происходит со мной. Эван всегда был самым близким мне человеком, даже ближе мамы. Я ставила его выше всех, боясь, что когда-нибудь он меня оставит. Я потакала ему во всем, делала все, что он хотел, только бы вызвать его одобрение. Мне пришлось так много стараться ради него. И теперь он говорит мне, что не хочет быть мне братом! Как он может?! После всего через что мы прошли нанести такой сильный удар в спину? Почему, Эван? Почему ты меня предал? Не в силах остановиться я рыдала во весь голос, пытаюсь в подушку выплакать свое отчаяние. Я плакала так долго, что сорвала голос и он стал похож на хриплый баритон. Вскоре я так ослабла, что погрузилась в сон.

Дженни в тот день так и не вернулась, она прислала смс на телефон, предупредив, что останется на выходных у жениха. На мгновение я позавидовала счастью своей подруги, а потом с грустью подумала, что сейчас отношения совсем не занимали меня. Я была разбита и уничтожена. Единственное, чего мне так отчаянно хотелось — взять огромное ведро с мороженым, включить слезливую трагедию и обедаясь лакомством, рыдать в три ручья над фильмом. Мне было очень плохо. Ни в какую клинику идти мне совсем не хотелось. Эвана я тоже не хотела видеть. Но рано утром он прислал сообщение, извещая, что к десяти утра я должна быть готова. Что ж, придется идти.

Неспешно приняв душ, я надела первое, что попало мне под руку. Это оказался короткий топ, который тесно обтягивал мою пышную грудь и джинсы с высокой посадкой. Простой наряд, который достойно подчеркивал прелесть моей фигуры. Расчесав волосы, я наскоро завязала их в хвост. Не хотелось излишеств, макияжа, хоть мое лицо отчаянно молило привести его в приличный вид. Опухшее от слез лицо нуждалось в помощи, иначе я рисковала тем, что прохожие станут шарахаться от меня. В прочем, в тот момент мне было настолько все равно, что это совсем не имело значения.

Из-за того, что я вяло собиралась, Эван ждал меня пятнадцать минут. Подходя к нему, я готовилась услышать поток гневной речи в мою сторону. Его лицо было осунувшееся, бледное, мешки залегли под глазами... Он вообще спал?

Увидев меня, Эван нахмурился. Он собирался разразиться ругательством насчет моего опоздания, но остановился как вкопанный, уставившись в область моего декольте. Сглотнув слюну, он потрясенно перевел взгляд на мое лицо и ужаснулся, заметив следы страданий.

— Что с тобой случилось, Рина? Ты плакала? — он обхватил меня за плечи, впитывая в себя каждую мою эмоцию. Не в силах выносить его близость и смотреть на него, я убрала от себя его руки. Эван нахмурился, ничего не понимая.

— Я так тебе противен? Ты считаешь мое признание мерзким? — признание? О чем он вообще?

— Ты в праве хотеть, что угодно, но я думала, что значу для тебя хоть что-то. Наше прошлое... детство... для тебя все это ничего не значит. — я вновь зарыдала, но уже не пытаюсь скрыть свои чувства от него. Пусть видит последствия своих слов.

— Рина... — он крепко прижал мое рыдающее мокрое лицо к своей груди и стал гладить по волосам: так знакомо, трепетно и нежно. Запах Эвана обволакивал, напоминая, что рядом мой любимый брат, который большую часть моей жизни — был рядом. — Не знаю, что ты себе на придумала, но все совсем не так.

— Ты хочешь отказаться от нашей связи... — продолжала всхлипывать я, не в силах остановиться.

— Глупая, я никогда не откажусь от тебя, даже, если будешь сильно просить. — он еще крепче прижал меня к себе. Губы Эвана опустились на макушку, и я почувствовала, как

тепло расцветает в груди. Неужели я все неправильно поняла? Дуреха, накрутила себя вместо того, чтобы разъяснить возникшее недопонимание.

— Значит, ты не собираешься отречься от меня? — подняв на него заплаканный взгляд, с надеждой спросила я.

— Конечно, нет. Ты — самое дорогое, что есть в моей жизни, Рина. Как ты могла подумать иначе?

— Я так испугалась, Эван. — прижавшись еще сильнее к нему, я подняла на него свой взгляд.

— Вот, значит, почему вчера ты повела себя так? — я коротко кивнула, подтверждая его слова.

— Дженни даже не приходила в общагу, так что я не торопилась к ней. — нехотя отстранившись от меня, Эван заботливо сказал.

— Ты ведь знаешь, что в любой другой день я с удовольствием буду обнимать тебя и успокаивать. — он мягко улыбнулся и заботливо стер слез с моих глаз. — Но сейчас нам пора... Больше не плач. — красивые голубые глаза Эвана светились нежностью. Видя доброту брата, все напряжение спало с плеч и мне уже не было так важно, почему он не хочет иметь со мной родство.

До клиники доехали мы за двадцать минут. В машине ехали держась за руки, выйдя из нее, Эван вновь соединил наши руки. Это действие было настолько знакомым и привычным, что я не видела в нем странности, но вот Лайт Джонс увидел, смерив наши руки удивленным взглядом. Он словно сомневался в природе наших отношений. Бррр. Забывать этими глупостями голову мне совсем не хотелось, поэтому поздоровавшись с мужчиной, мы зашли в клинику.

Оформив необходимые документы, оплатив анализы, нас пригласили в просторный процедурный кабинет, где взяли биологический материал у нас троих. Соскоб с внутренней части щеки я перенесла легко, было немного щекотно. А вот, когда у меня брали кровь — я едва не лишилась сознания от страха. Зная, мой страх к иголкам, Эван подошел ко мне и взяв за руку, стал отвлекать, рассказывая что-то милое и интересное. Отвлекаясь на него я совсем не почувствовала, как процедура кончилась, и к моему локтевому сгибу прижали вату, останавливающую кровь.

— Мисс, вам повезло с парнем. — улыбнулась молоденькая медсестра, глядя на нас с Эваном. В тот момент я превратилась в камень. Какой, к черту, парень? Эван мой Брат! Почему на нас постоянно странно смотрят, говорят за спиной? Сначала школа, теперь Лайт Джонс и эта медсестра. Неужели глядя на нас люди видят пару? Эта мысль резко испортила мне настроение. Захотелось даже отодвинуть Эвана по дальше, только бы отмыться от этих слов, как от грязи. Считав мое настроение, Эван смерил медсестричку убийственным взглядом и холодно процедил:

— Мы брат и сестра! Разве вы не были об этом осведомлены?

— Простите-простите... Я не хотела вас задеть, просто вы действительно похожи на возлюбленных. — протараторила девушка и густо покраснела. Получив подтверждение своему вопросу, я подскочила с места и не прощаясь побежала к выходу. Не хотелось разговаривать ни с кем, а тем более с Эваном. Что это за чертовщина такая? Ладно школьники, глупые и ребячливые, могли сочинять про нас байки, но когда взрослым людям наши отношения кажутся странными, значит, действительно наши отношения со стороны кажутся ненормальными.

— Рина! Постой! — схватив меня за руку попытался остановить меня Эван.

— Оставь меня в покое, Эван! Не хочу ни с кем разговаривать! — отталкивая его, я пошла прочь.

— Что тебя так разозлило? Разве раньше над нами так не шутили? — он говорил спокойно, пытаясь воззвать к моему разуму и успокоить, но я была слишком возмущена.

— То были шутки! А сейчас посторонние люди, не знающие нас, думают, что мы пара! Что с нами не так? Почему всем кажется, что мы встречаемся? Мы всего лишь брат и сестра, другого быть не может. — жестко отрезала я, продолжая свои возмущения.

— Даже, если окажется, что мы не родственники? — потрясенно взглянув Эвану в глаза, я замерла от его слов. Что за надежда в его глазах? Нет, этого не может быть! Происходящее мне только снится! Эван не может чувствовать ко мне никаких других чувств, кроме братских.

— Я сейчас поеду назад в общагу, сделаю вид, что не слышала твоих слов. — отшатываясь от него, с недоверием во взгляде ответила я.

— Рина, не беги от меня... — с мольбой взглянув мне в глаза, он протянул свою руку, чтобы коснуться меня, но я дернулась в сторону, не желая его прикосновений.

— Я не хочу сейчас разговаривать, Эван. Просто оставь меня в покое. — и я ушла не оборачиваясь. Впервые я позволила себе так своевольно разговаривать с ним, словно не Эван был властителем моей жизни, а я сама. Мне понравилось это чувство, но сохраню ли его в дальнейшем? Это спорный вопрос. Все-таки, не смотря ни на что, я любила Эвана больше жизни.

Записки Эвана 1

Мое детство было жутким и страшным. Матери было безразлично на меня, она все время делала вид, что я не существую. Вызывающие наряды, алкоголь, сигаретный дым, бесконечная вереница мужиков, лапающих ее во всех местах. Таким был ее мир и в этом мире она иногда обращала на меня внимание, но только затем, чтобы отругать и вышвырнуть на улицу. Она считала, что я путаюсь у нее под ногами и мешаю обслуживать мужчин. В том возрасте я даже не понимал, о чем она говорит.

Так как мать совсем мной не занималась, меня воспитывала улица, ее суровые правила выживания и жестокая шпана. Благодаря им я научился отстаивать себя, защищаться и давать отпор. Мальчишки постарше взяли меня под свое крыло, научив жестокости и выживанию.

Такое воспитание, или его отсутствие, сделало меня нелюдимым, злобным и вечно недовольным мальчишкой. Конечно, во мне были и другие отвратительные качества, которые выходили каждый раз стоило мне разозлиться.

Мужики матери, видя ее пренебрежение ко мне, вели себя грубо и надменно. Такое отношение к маленькому, еще невинному ребенку повлияло на неокрепшее мировоззрение, сделав из меня настоящего мизантропа. С недоверием, исподлобья, я глядел на этот мир и видел его в черных тонах.

Но все изменилось после смерти матери, когда Амит Ливарт смерив меня презрительным взглядом — сказал, что он мой отец и теперь я буду жить в его доме. Как и другие люди, этот человек мне сразу не понравился. Было в нем что-то животное, заставляющее содрогнуться мои внутренности изнутри. Возможно, виноваты его холодные злые глаза или надменный вид. Глядя на него, я сразу почувствовал, что он намного хуже всех тех людей, с кем когда-либо встречался. Ничего хорошего я не ждал от новоиспеченной семьи, даже пообещал себе, что убегу при любом удобном случае.

Тот мужчина привел меня в сказочный замок, подобный я видел только на картинках детской книги. У меня никогда не было книг, хотя признаться, проходя мимо больших витрин книжных магазинов, я с замиранием сердца глядел в их сторону. Меня не манили сладости, игрушки, я испытывал манящий интерес к бумажным очеркам с картинками. Однажды я робко попросил маму купить мне книжку с иллюстрациями, но она так разозлилась, больно ударила меня по затылку и осыпав оскорблениями, велела позабыть о всякой ерунде.

Однажды мне повезло, какой-то ребенок оставил красочную книгу на улице, и я с жадностью стал рассматривать картинки. Тогда я еще не умел читать, но глядя на незатейливые буквы — мне не терпелось обучиться этому умению. Иллюстрации в книге были такими яркими, красивыми, они погружали меня в тот придуманный мир добра, где люди счастливы и свободны. Так книга стала единственным хорошим воспоминанием из жизни того времени.

Хорошее воспоминание было навеяно потрясающего вида замком, в котором я должен буду жить. На фоне грозового неба и косога проливного дождя, он казался устрашающим. Он произвел на меня неизгладимое впечатление.

В доме было не менее впечатляюще. Пока мы с матерью жили в убогой лачуге, этот ублюдок даже не думал о нас, купаясь в роскоши и деньгах. Тогда я так возненавидел его,

дом и близких, к которым он так спешил.

Передо мной возникла настоящая дружная семья. Красивая женщина вышла навстречу, сияя улыбкой, она собиралась тепло поприветствовать папашу, но остановилась, увидев меня. Следом за ней бежала девочка с ослепительно-красивыми глазами и такой лучезарной улыбкой, что трудно было отвести свой взгляд. При виде девочки я почувствовал, как сердце ускорило свой темп, никогда прежде не видел никого красивей. В моем мире меня окружали нищие, оборванцы и девочки, которые ходили вечно чумазые, грязные и не расчесанные. Эта малышка была другой, возможно, поэтому она так мне понравилась.

Узнав, что девочку зовут Нарин, я понял, что это имя совсем ей не подходит. Оно ассоциировалось с чем-то грубым и строгим, хотя она была самым воплощением нежности. Нет, она не может быть Нарин, скорее Рина, в моей голове переименованное имя звучало ласково и нежно, какой должна быть и она. Но девочка меня разочаровала, как и все люди, что всю жизнь меня окружали, она не приняла меня, посчитав недостойным. Я помню, что довел ее до слез своим убийственным взглядом и меня поспешили увести от этой принцессы.

Я долгое время разрабатывал план, как мне сбежать от них, но в один из дней меня ждал сюрприз в виде новоиспеченной сестры. Она принесла мне на большущем подносе еду. Я удивился, как она, такая маленькая, сумела дотащить его? Льдина моего сердца начала топиться от понимания, что она сделала это для меня. Сначала я не шел на контакт, грубил ей, злился и не понимал, зачем она пришла ко мне, если недостойный. Однако девочка не злилась на меня, не пыталась нагрубить или как-то обидеть, она пыталась понять меня и узнать получше. Я был так тронут, что стал откровенничать с ней, хотя такого не позволял себе ни с кем. Она чем-то разозлила меня, и я вновь довел ее до слез. Она так жалобно плакала, что мне захотелось успокоить ее. Это новое для меня чувство, о котором доселе я никогда не знал.

С тех пор мы стали лучшими друзьями. Она была для меня, как яркая звезда, которая светила лишь мне. Я хотел, чтобы это никогда не менялось. Мне не хотелось, чтобы она общалась с другими детьми, зачем ей они, когда есть я? Вот мне никто не нужен. Если в мире вымрут все люди на свете и останется она — я буду счастлив. Потому что для счастья мне нужна была лишь Рина. Моя сестра... Вот только сестрой я никогда ее не считал, для меня она была обычной девочкой, о которой я думал день и ночь. Я очень удивился, когда наш папаша заметил мою тягу к Рине и поддержал меня. Наверное, в тот момент, почувствовав его одобрение, я решил, что мои чувства к ней допустимы. Но она всегда называла меня братом, а мне претила сама мысль о нашем с ней родстве. Но пока я был еще мал и не понимал толком ничего. Я лишь знал, что Рина девочка, которая мне нравится, а насколько глубоко проросли в моем сердце чувства к ней — даже не думал. Мне хотелось, чтобы мы стали настолько близки, что о других друзьях она даже не будет думать.

Через какое-то время я узнал, что у нее есть друг. Я сразу возненавидел его и захотел избавиться. Но мне не хотелось отпугнуть от себя Рину, поэтому я претворился, что дружу с ним и постепенно втерся к нему в доверие. Эту идею подкинул мне папа, который посоветовал всех соперников держать подальше и, если надо убивать. Я имел понятие о добре и зле и понимал, что то, о чем он говорил было страшно и жестоко, но внутри меня загорелся огонек, предвкушающий это зло. Я тщательно спланировал план, все шло как по маслу. Кайл напугался до чертиков, но это того стоило — больше он не подходил к Рине. Кайл не видел моего лица, но я знаю, он как-то понял, кто виновник. Я был доволен собой, но допустил ошибку, и мама Рины поняла, что в деле Кайла присутствует моя рука. Хорошо

папа пришел на выручку и обеспечил мне алиби, в противном случае, эта правда могла навсегда разлучить нас с Риной.

В прочем не долго музыка играла, вскоре на горизонте появился какой-то заграничный хлыщ, который мало того претендовал на дружбу с Нарин, так еще и захотел называть ее так же, как и я. Он, видите ли, считал, что раз уж я называю ее так, значит, и ему можно! Черта с два! Ради Риной я решил потерпеть его присутствие неделю, но обстоятельство сложились так, что Рина глубоко обидела меня, причинила боль такую глубокую, что я даже не хотел ее видеть. Из нас двоих она выбрала его, а не меня. Это был удар под дых, выбивший опору у меня из под ног, лишив всякого сопротивления. Я ушел из дома, не хотел видеть никого, даже ее. Плакал, злился, ненавидел все вокруг, но возвращаться домой не собирался. Я знаю, Рина очень переживала обо мне, но в тот момент — мне было все равно. Когда папа нашел меня, он убедил, что я должен вернуться и проучить Рину, чтобы в следующий раз в ее голове не возникло желания выбрать кого-то другого. Так и случилось, я стал игнорировать ее, начав общаться с девочками, которые всегда задирали ее. Я ненавидел этих девчонок из-за Риной, но продолжал с ними общаться, чтобы досадить горячо любимой подруге.

Я видел, как Рина страдает от того, что я отдалился. Каждый день я хотел подойти к ней, сказать, что прощаю, но папин голос отговаривал меня сделать это. Рина должна запомнить этот урок на всю жизнь, а если я так легко прощу ее, то в следующий раз она вновь выберет не меня.

Иногда мне казалось, что мы с отцом можем нормально контактировать и я смогу ему доверять, но совсем скоро понял, что с ним что-то не так. Он мог рассказывать мне какие-то совершенно ненормальные вещи, жуткие и злые с фанатичным блеском в глазах и счастливой улыбкой. Он словно искал во мне отклик, но все больше общаясь с ним, я понимал, что этот человек психопат. Думаю, откровенничая со мной на такие темы он пытался найти во мне схожесть с собой. В прочем она была, учитывая, что я сделал с Кайлом. Глядя на отца, стал понимать, насколько низким был мой поступок. Я не гордился им и уж точно не наслаждался, совершая преступление и калеча психику, тогда еще маленького ребенка. Став взрослей, я стал понимать, что были и другие варианты избавиться от нежеланного присутствия третьего колеса в нашей дружбе с Нарин, но я вдохновился советом отца и пошел на жестокость.

Прошло не так много времени, когда я решил, что пора мириться с Риной. Я пришел к ней поздно ночью, долго смотрел на ее спящее, в свете ночника, личико и любовался. Она была очень красивой. Потревожив ее сон, мы поговорили, после чего помирились и я остался спать у нее. Мы часто ночевали вместе и эти ночи были наполнены умиротворением и гармонией, так и должно быть всегда. Рина и я вместе.

Однажды я заметил странности в доме, тетя ходила сама не своя, с осторожностью наблюдая за папой. Папа, в свою очередь, вел себя странно. Он со странной злобой смотрел в сторону Риной и избегал любого контакта с ней. Я не знал, почему он так вел себя, но искренне опасался за нее. Мог ли он причинить ей боль или она, как и многие маленькие дети, просто раздражала его? Ответ я нашел, когда увидел, как отец пытается утопить Рину в ванне. Во мне поднялась буря возмущения, злоба и ненависть к этому человеку. Что он делает? Почему? Она ведь его родная дочь, его плоть и кровь, в их родстве даже можно было не сомневаться! Тогда почему он хочет ее смерти!? Он должен был убить меня, из нас двоих я раздражал его больше, но почему-то его целью была Рина.

Я спас ее, но Рина практически ничего не поняла, думая, что папа лишь играет с ней.

Глупышка, она была настолько наивна, что не видела плохого отношения отца к себе. Я находился с ней рядом, пытаюсь успокоиться и прийти в себя. Я был так зол, что готов был оставить Рину и с кулаками наброситься на папашу. Но рассудив, что Рина нуждается во мне, решил, что побуду с ней пока она не уснет.

Рина уже спала, когда я услышал крики отца, какую-то брань и шум потасовки. Решив проверить, я пошел на звук. Я боялся, что Рина может проснуться, но рискнул.

То, что я увидел в тот день навсегда перевернуло мою жизнь с ног на голову. Страшная картина открылась мне, отпечатываясь в памяти на вечные года. Мертвое тело матери близняшек, избитая тетя, папа, измазанный кровью и мужчина, решивший спасти всех из лап психопата. Я заметил неподалеку от меня валяющийся пистолет и дрожащими руками взял его. Я понимал, что папа не в себе и его нужно было остановить. Я прицелился, хотя и не умел стрелять, общее представление об оружии у меня было. Я попал... Но этот выстрел морально дался мне тяжело, внутри царил паника, страх и отчаянное желание сбежать, спрятавшись куда-нибудь под кровать. Я не был создан для убийств, это я понял тогда... Вот только Кайл не согласился бы с этим утверждением, там, в лесу он столкнулся с чудовищем...

Папу посадили в тюрьму, Рина очень переживала, что отца нигде нет. Мы с тетей придумали для нее историю, будто папа нас бросил. Настоящая правда, для ее ранимой души, была слишком жестока.

Время шло, мы с Риной становились взрослей. С каждым днем Рина превращалась в неопишную красавицу и каждый раз, глядя на нее, я любовался.

В школе нас называли женихом и невестой, меня эти шутки полностью устраивали, ведь они делали меня ближе к самому заветному моему желанию, быть для Риной всем. Рину бесили эти разговоры, она очень хотела, чтобы я положил им конец, но мне не хотелось этого делать. Лишать себя радости не в моей власти.

Каждый день я старался делать Рину счастливой, хотел заменить собой весь ее мир, но все чаще стал замечать, как с тоской она смотрит на других людей. Ей хотелось больше общения, больше знакомых и друзей, а я стоял у нее на пути, душа своей опекой. Немного подумав, я пришел к выводу, что не хочу видеть рядом с ней парней, а вот девочки-подружки меня совсем не заботили, они не представляли угрозы для меня и наших отношений. Однако, рассказывать об этом я не собирался. Рискнет найти себе подружку — ладно, не рискнет — тоже хорошо. Приму любой исход.

Я знал, что она с самого детства мечтает стать врачом, ей нравилось обрабатывать мои раны после драк или соревнований. Видимо, мой буйный характер повлияли на ее мечту, и она захотела помогать так же и другим людям. Я видел какой она была несчастной от понимания, что из-за меня должна пожертвовать мечтой. Я не мог позволить, чтобы всю свою жизнь подсознательно она обвиняла меня за то, что по моей вине лишилась счастья. Я еще не знал, кем хочу быть, страсть к книгам осталась в детстве, мне нравились мои тренировки и время проведенное с Риной. И я решил, что вместе с Риной пойду учиться в медицинский университет, что угодно, только бы на улыбалась мне своей лучистой улыбкой. Главное она счастлива, мы вместе и, значит, все хорошо.

В университете она нашла себе подругу и, хотя мне приходилось делать вид что очень расстроен этой новостью, я был спокоен. Пока эта девочка хорошая ей подруга плохого от меня она никогда не увидит, но в случае предательства или слез моей малышки — эту фифу будет ждать наказание. Я никому не прощу ее страданий, даже себе. Каждая слезинка,

упавшая с ее прекрасных глаз, резала меня по сердцу. Знала бы, какую она имеет надо мной власть обязательно бы воспользовалась. Но я не виню ее, со мной Рине можно все.

О том, что мы, возможно, не родственники, я начал догадываться став старше. Мы с Риной совсем не были похожи, сестринских чувств к ней у меня не было, да и вспоминая папу, тоже понимал, что внешне у нас не было сходства. Конечно, тетя и дедушка говорили, что я напоминал отца в детстве, но я не хотел в это верить. Папа был чудовищем и хотел сделать меня своим протеже. Теперь мне стало понятно, к чему были все его рассказы, он хотел, чтобы я продолжил его дело. Больной урод, не понимающий, что творит...

Убивать, как он, просто так из удовольствия — меня не тянуло. Я допускал возможность, что ради Риной пойду на убийство, но, чтобы кайфовать от этого — нет. Любовь к убийствам, как он не пытался, он не смог мне передать, за то передал другое: желание и стремление обладать тем, кого любишь, не смотря ни на что, любой ценой. Но мне не хотелось ее принуждать манипуляциями или обманом, я желал, чтобы она была со мной по собственной воле. Но я видел, что Рина любит меня исключительно, как брата и другая связь для нее неприемлемая, постыдная и мерзкая. Поэтому я очень желал, чтобы в итоге мы не были кровными родственниками. Пока она не чувствует романтических чувств ко мне, но постепенно я приручу ее и в ней возродятся истинные чувства... Нужно только опровергнуть родство... О другом случае я даже думать не желал, не верил, что моя надежда может оказаться пустой.

Возникновение потенциального отца в моей жизни стало настоящим сюрпризом. Нет, он мне не был нужен, просто тем самым я уверился, что между мной и Риной, возможно, не было связи. То, что моя мать сказала ему то же самое, что и моему нынешнему папаше, навеяло на мысли, что она и сама не была уверена, кто мой отец. Или она просто хотела выдать меня за их сына, чтобы срубить по больше денег. Если на Амита Ливарта я мог бы сойти цветом волос, то с Лайтом Джонсоном сходств совсем не было. Полная противоположность и дело даже не в том, что я похож на мать. Я чувствовал, что с этим человеком кровного родства у меня совсем не было, оставалось надеяться, что и с Риной тоже не будет.

Когда Рина сказала, что не хочет проводить со мной время, вместо этого торопится к своей подруге — я заметил что-то неладное в ней. Да, меня зацепили ее слова, но было что-то в ее голосе, глазах, что заставило всерьез усомниться в сказанных словах. Зная, как Рина дорожит мной она не стала бы говорить мне это, должно быть я чем-то очень сильно ее обидел или расстроил. Но чем? Или... И тут я все понял. Рина поняла, что я люблю ее. Ей стало мерзко и противно от этого, и она решила отдалиться. Чувство горечи затопило мою грудь, и я сжал грудную клетку, пытаясь справиться с болью в сердце. Она не принимала меня... Я хотел с ней поговорить, но понимал, что этот разговор должен состояться, когда чувства успокоятся и можно будет спокойно поговорить. Завтра после сдачи анализов мы поговорим об этом. Всю ночь я боролся с собой, чтобы не пойти к ней, пробравшись через окно. Каждый раз я отдергивал себя, объясняя самому себе, что не время.

На следующий день я едва дождался нужного часа. Всю ночь не спал, мечтая поскорее выяснить все. Рина опаздывала и меня начинало это злить, я едва не сорвался с места, чтобы пойти за ней, но вдруг увидел ее и застыл. Короткий топ тесно обхватывал ее красивую внушительную грудь, соблазняя и возбуждая не только мой интерес, но и меня самого. Я почувствовал, как в штанах стало тесно, а сердце забилося в груди быстрее... Сглотнув слюну, скопившуюся во рту, я не мог отвести свой взгляд. В моей голове уже расцвела

возбуждающая картинка, как я опускаю бретельки топа с ее плеч, оголяя соблазнительные груди... Больших усилий стоило мне оторвать взгляд от ее выреза, я поднял глаза и ужаснулся, увидев синие круги под глазами, дрожащие губы и взгляд, мгновенно наполнившийся слезами. Захотелось тотчас прижать ее к себе, вдыхая сладкий манящий запах и никогда не отпускать. Я коснулся ее, спросив почему она плачет, но Рина убрала от себя мои руки и отошла назад. Я ей противен... мои чувства не нужны ей... Я решил не ходить вокруг, да около и осторожно спросил об этом, но она удивилась моим словам, думая, о том, что я хочу от нее отдалиться, потому что больше не люблю. Я просветлел, мое сердце отлегло, и вновь почувствовал какво уметь дышать. Наконец прижав ее к себе, я зарылся носом в сладкую шею и вдохнул запах любимого существа. Хотелось надышаться ею, но нужно было ехать.

В больнице я отвлекал Рину, когда у нее брали кровь. Я знал, как ее отвлечь и легко справился с этой задачей. Рина даже не почувствовала какого-то вмешательства медсестры. Но потом эта глупая девка — медсестра стала говорить, что мы прекрасная пара. В другой ситуации я расцеловал бы ее в щеки, но не тогда, когда Рина была так впечатлительна к любым словам. Видя, как с каждым сказанным словом с Риной происходят странные метаморфозы, я сжал руки в кулаки, мечтая заткнуть этой глупой особе рот. Она прекрасно знала, что мы считаемся родственниками, но решила пойти на поводу у своих глаз, которые видели то, что никогда не замечала Рина — моих небратских чувств к ней. Замечали все, но Рина — никогда. Возможно поэтому нас и дразнили в школе, потому что чувствовали мое к ней отношение.

Рина бросилась из кабинета, на ходу оттолкнув меня от себя. Я увидел ее взгляд полный обиды и мне стало не по себе. Я должен поговорить с ней. Пустившись за ней, я догнал ее на пути к такси. Рина оттолкнула меня, не желая видеть и разговаривать. В ней долго копилось недовольство тем, что все думали, что мы пара и наконец чаша терпения переполнилась, вылившись в протест. Она не хотела со мной разговаривать, желала свои чувства держать под контролем, но я больше не мог держать все в себе и спросил то, что не должен был спрашивать. Открыл свой секрет одной фразой и она, наконец прозрела, поняла мои чувства и посмотрела на меня, как на самое низшее и всех существ на планете. Она не захотела даже обсуждать это. Для нее мои чувства не были важны.

Что ж, Рина, когда я узнаю правду о нашем родстве, мы еще вернемся к этому вопросу, а пока я дам тебе время свыкнуться с моими чувствами.

Мой мир рухнул в одночасье, когда я узнала, что Эван, мой любимый брат, испытывает ко мне запретные чувства. Я почувствовала в тот момент, как земля под ногами рушится, теряется опора и все, что было мне когда-либо важно — теряло смысл. Когда это началось? Я никогда не замечала каких-то изменений в отношении Эвана ко мне. С самого детства он был нежным и заботливым. Неужели с самого начала за этими внешними проявлениями скрывалась симпатия и любовь? Да нет, не может такого быть. Эван всегда много контактировал со мной, объятия, прикосновения, нежность во взгляде и если раньше я видела в них братские чувства, то теперь уверена в точности, что за ним скрывалось что-то другое. Самое неприятное, что для всех это было очевидным, только я одна ходила дурочкой, водрузив на глаза розовые очки и не видя истину сквозь них.

Почему жизнь так несправедлива? Почему хочет отнять у меня самого близкого человека? Я не смогу ответить на его чувства, значит, рано или поздно мы отделимся и наше общение сойдет на «нет». Мне очень было страшно, не хотела его терять. Мысль о нашем расставании заставила мое сердце сжаться, на глаза навернулись слезы, и я заплакала. Нет, я не позволю такому случиться.

Я не разговаривала с Эваном неделю. Мы ходили в одну группу, посещали одинаковые занятия, сидели рядом, но я не могла даже взглянуть в его сторону. Во мне стоял какой-то барьер, из-за которого я не могла смотреть на него как раньше. Я была наполнена чувством неправильности происходящего и каждый раз, когда наши глаза пересекались, вспоминала об этом. Он был рядом, я видела его каждый день, ощущала кожей, дыханием, но этого было недостаточно. Заговорить с ним я не могла и мне было так грустно от этого.

Эван не пытался со мной поговорить, дал время на раздумья. Он мог не быть рядом, но я все время ощущала его поблизости, словно между нами существовала некая связь, позволяющая чувствовать друг друга. Интересно, он мог также ощущать меня на расстоянии?

Всю эту неделю я ходила грустная и безэмоциональная. Когда Дженни что-то рассказывала мне, я была безучастна и постоянно теряла нить разговора.

— Так, подруга, с тобой явно что-то не то. — она присела рядом со мной на кровать и взяла меня за руки. — Что стряслось? — я взглянула в ее глаза и подумала, что было бы здорово рассказать ей все, обнажить то, что скребло на душе, но поняла, что язык не может повернуться сказать такое. Эта тема была настолько ненормальной, что даже говорить о ней было неприятно.

— Извини, Дженни, я не могу рассказать. Мы немного повздорили с Эваном...

— Теперь понятно. — кивнула Дженни, коснувшись моей щеки. — Не расстраивайся, ему также плохо, как и тебе. — видимо ее слова должны были подействовать на меня, как успокоительное, но я совсем не была рада тому, что Эван страдает.

— Я знаю. — печально ответила я и замолкла, отведя взгляд в сторону.

— Ну уж нет, подруга, ты не можешь продолжать вот так сидеть грустить. Сегодня выходной, нам нужно срочно прогуляться. — я улыбнулась, когда Дженни с присущей ей энергичностью открыла шкаф и стала быстро выбирать наряды для нас. Она не спрашивала моего мнения, Дженни чувствовала, что мне нужна эта прогулка. Я понимала, что должна прогуляться, в противном случае сожру себя постоянными мыслями об Эване. Они сводили меня с ума и расстраивали. Нет, Дженни права, я должна выйти прогуляться.

Сначала мы пошли в кондитерскую, где нам предоставили широкий выбор лакомств. Я была ужасной сладкоежкой и не смогла удержаться от призывно-манящих витрин со сладостями. Заказав себе четыре вида пирожных и молочный коктейль, я стала ждать Дженни у стола. Девушка подошла быстро, неся в одной руке стаканчик свежесжатого апельсинового сока.

— Я думала это у меня не должно быть аппетита. — поддела ее я.

— Мне нельзя есть сладкое, Нарин. Я на диете. — я расширила от шока глаза, смерив подругу удивленным взглядом. Какая диета? Она и без нее была худышкой.

— Ты давно смотрела на себя в зеркало? Мне все время хочется тебя накормить. — подруга не удержалась от смеха.

— Тоже самое говорит и моя бабушка.

— Видишь, всем заметна твоя худоба. А что говорит твой парень? — я внимательно взглянула на нее. — Разве он не любит тебя такой, какая ты есть?

— Наверное любит, он не показывает своих чувств. — мои брови взлетели вверх.

— То есть как?

— Ох, Нарин, не люблю я рассказывать о своих отношениях с женихом, но так как ты моя подруга, не хочу скрывать что-то от тебя. — от ее слов стало как-то стыдно, ведь я скрывала от нее практически все.

— Нам было по десять, когда я влюбилась в него. Он был моим соседом, мы тогда только переехали в новый дом. Очень стеснительный, робкий, сам себе на уме, но такой красивый — он свел меня с ума. — она мечтательно закатила глаза, представляя своего парня. — Я постоянно искала с ним встречи, сначала хотела с ним дружить, а потом замахнулась на нечто большее. Наши родные очень подружились, поэтому видя нас вместе, стали шутя говорить, что мы замечательная пара. Тогда я взяла его за руку и сказала, что хочу, чтобы он женился на мне, когда мы станем взрослыми. Он даже не отпирался, робел каждый раз от моего напора.

— Звучит так, словно ты была инициатором всего. — Дженни залилась краской.

— Так и есть. Он не показывает своих чувств, но я чувствую, что за внешней холодностью, безразличием, скрывается сильная любовь ко мне. — она мечтательно улыбнулась. Я была удивлена, как можно любить и не проявлять чувства к любимой? Вот Эван проявлял, маскируясь за братской любовью...

— А вы... — я залилась краской стыда, смущаясь задать интересующий меня вопрос. — уже целовались?

— Конечно же, Нарин, мы ведь не первый год вместе. — самодовольно улыбнулась она. — Инициатором нашего первого поцелуя, кстати, тоже была я.

Я нахмурилась, рассказ подруги не выглядел как счастливые отношения. Скорее отношения, которые она тянет сама, а он просто плывет по течению, принимая все как данность. Разумеется, я не высказала это в слух, не желая расстраивать подругу.

— А как он относится к тому, что ты на диете?

— Не думаю, что ему это важно. — мягко улыбнулась она.

— Дженни, не говори мне, что ты худеешь, чтобы привлечь его внимание к себе! — поразившая догадка так изумила меня, что я не смогла промолчать.

— Что ты, Нарин! — засмеялась она. — Дело не в нем! Я начинающая модель. В следующем месяце будет закрытый показ, но в прошлом месяце из-за стресса я набрала 2 килограмма и теперь платье едва застегивается на мне. Модельер переживает, что я могу

испортить его творение в самый ответственный момент.

— Вот оно что! — улыбнулась я. — Я рада, что дело не в твоём парне.

— Знаешь, Нарин, с твоей внешностью ты тоже смогла бы стать моделью.

— Я никогда об этом не думала. — призналась я. — С детства моей мечтой было стать врачом, но модель... Это словно другой мир. — засмеялась я.

— Он совсем близко, только рукой подать. — Широко улыбнувшись, Дженни вытянула в мою сторону руку. Улыбнувшись, я приняла её руку, словно касаясь неведомого мира. — Завтра, после занятий, очередная примерка платья, после у меня фотосессия. Я хочу, чтобы ты пошла со мной. Сделаем пару фотографий, может почувствуешь себя лучше.

Признаться, меня очень заинтересовало предложение Дженни, но я не знала, как отреагирует на него Эван. Впрочем, сейчас мы с ним не общаемся, поэтому он, скорее всего, даже не узнает о моей вылазке.

Я никогда не стремилась быть в центре внимания, не предвкушала видеть своё лицо на обложках глянцевого журнала и не мечтала дефилировать по подиуму. Я была слишком далека от этого. Если бы кто-то сказал мне, что я когда-нибудь буду моделью — засмеялась бы ему в лицо.

На следующий день, как и договаривались, мы с Дженни пошли сначала в ателье, а затем в фотостудию. Ателье и фотостудия находились в одном здании. Платье Дженни было выполнено в стиле высокой моды. Такую одежду только демонстрировать на подиуме, для выхода в свет она не годится, по крайней мере я не осмелилась бы надеть такое на улицу. Впрочем это исключительно мнение девушки, ничего не смыслящей в настоящей моде. Я никогда не выбирала одежду, подходящую по цвету к сумочке, обуви или лаку на ногтях. Мне нравился удобный стиль с хаотичной гаммой. Думаю, понимающие в моде люди сочли бы мой внешний вид помпезным или вычурным. Весь мой гардероб был куплен с Эваном, он выбирал для меня одежду и мне нравился его вкус.

Примеркой платья Дженни осталась довольна, она похудела настолько, что оно пришлось ей в пору.

Наблюдая за Дженнифер в фотостудии, я невольно восхитилась её грации, легкости и раскрепощенности перед камерой. Принимая очередную позу, она делала это изящно, естественно и непринуждённо. Она была удивительной.

— Ленни, ты не мог бы сделать несколько снимков вместе с Нарин? Хочу оставить их для себя.

— Конечно, моя куколка. — предложение Дженни застало меня врасплох, я совсем забыла о намерении подруги сфотографироваться со мной. Шепнув расслабиться, подруга потянула меня к белоснежному фону. Какой там расслабиться! Я напряглась ещё больше.

Первые секунды я стояла неподвижно, как столб, после начала принимать какие-то неловкие позы, лишённые грации и изящества. Полный провал. Видел бы меня Эван в тот момент — разлюбил бы тотчас. Подумав об этом мне стало смешно, и я немного расслабилась. Но щелчок затвора напомнил мне, где я и что делаю. Вновь вернулось волнение и я не могла заставить взять себя в руки.

— Так не пойдет, девочка. — покачал головой фотограф. — Отбрось стыд, почувствуй легкость и свободу. — Но как это сделать, если глядя на этого человека, мне хочется сбежать? Дело было не в нём, а во мне. Я не могла расслабиться при незнакомом мужчине, обычно меня фотографировал Эван... вот с ним я чувствовала себя естественно и беззаботно.

Закрыв глаза, я представила, что фотографом был Эван. Вот его пальцы сомкнулись на

фотоаппарате, приближая его к своему лицу. Вот он улыбается мне своей красивой улыбкой и его глаза довольно сверкают, глядя на меня... я расслабилась и получила истинное удовольствие от съемки. Фотограф не ограничился несколькими снимками, ему понравилось, как я смотрюсь в кадре, как держусь и полностью отдаюсь работе. Для девочки новичка я была на высоте. После съемки он похвалил меня и сказал, что не встречал такой фотогеничной девушки давным-давно. И все это было благодаря образу Эвана в моей голове, без него итог был бы совершенно противоположным.

За фотосессией мы не заметили, как в зал вошел человек. Это был мужчина средних лет одет, как мне кажется, очень модно и стильно. Он не был обычным зрителем, благодаря ему неизвестные парни и девушки становились звездами...

— Великолепно! — хлопал в ладоши он. — Что за юное дарование? В каком модельном агентстве вы работаете?

— Ни в каком, я случайно оказалась здесь. — опустив смущенно глаза, пролепетала я.

— Случайности — не случайны. Значит вы новичок... и такое триумфальное представление!

— Спасибо. — кивнула я с улыбкой, мне были так приятны его слова, что я смущенно опустила глаза в пол.

— Меня зовут: Андре Ришар, возможно, вы слышали обо мне. Если нет — не страшно. Я ищу талантливых людей и вы, несомненно, мне подходите. — я вновь смущенно улыбнулась, происходящее казалось нереальным.

— Нарин Ливарт. — представилась я. Андре кивнул.

— Подумайте, пожалуйста, над моим предложением. Каждую субботу, с 10 утра, я нахожусь по адресу, указанному на визитке. — он протянул красивую дорогую карточку. — Как будете готовы — приходите. Но не думайте слишком долго. — хитро улыбнулся он.

— Я поняла вас, спасибо. До свидания. — мы с Дженни проплыли мимо него. Я находилась в трансом состоянии, не до конца веря в происходящее.

— Ты хоть понимаешь кто сделал тебе предложение? — пораженно, с восхищением, спросила Дженни.

— Какой-то важный человек... но я никогда прежде о нем не слышала.

— Ты что! Он очень известный! — выдохнула удивленно Дженни. — В мире моды ему нет равных! Все начинающие модели мечтают попасть к нему, потому что он гарантированно поможет добиться признания. — я понимала, что мне невероятно сильно повезло, но не могла самостоятельно принять такое предложение. Мне нужна была поддержка самого дорогого человека на свете. — Соглашайся, Нарин! Такой шанс выпадает не часто!

— Я понимаю. — кивнула я. — Но это слишком серьезно, чтобы быстро согласиться. Сначала мне нужно обсудить это с Эваном. — но я была на 100 % уверена, что он никогда этого не одобрит.

Хотела бы я стать моделью? До сегодняшнего дня я никогда прежде не задумывалась об этом, но вспомнив, то невероятное чувство, которое наполнило меня во время фотосессии — я поняла, что хотела бы попробовать.

— Хм... обычно такие решения обсуждают с родителями... — хмыкнула Дженни.

— Я прекрасно знаю, что мама поддержит любое мое желание, только бы оно приносило удовольствие, но Эван...

— Почему тебя вообще интересует его мнение? Он тебе кто: муж или парень? Ты

свободная личность и сама можешь выбирать то, что тебе нужно. — Дженни была, конечно же права, но она не знала, насколько крепка наша связь с Эваном и рушить ее ложью я не хотела. Лучше сначала поговорю с ним, а дальше будет видно.

— Эван самый близкий человек в моей жизни.

— Ты любишь его? — в упор задала свой вопрос Дженни, чем ошеломила меня. Неужели и мое отношение к нему кажется ненормальным? — Как парня? — пояснила она.

— Что ты такое говоришь?! Эван мой брат! — возмутилась я. — И самый близкий друг!

— Друзей не боятся. — покачала головой Дженни.

— С чего ты взяла, что я его боюсь?

— Ты напрягаешься каждый раз, когда разговариваешь со мной в группе, боишься, что он заметит это.

— Я не боюсь. Просто не хочу проблем. Эван собственник и не хочет, чтобы я дружила с кем-то помимо него.

— Но это ведь неправильно! — воскликнула она. — У него помимо тебя, наверняка есть друзья. — я покачала головой.

— Эван с детства никого к себе не подпускает. Весь его мир вертится вокруг меня. — мои губы тронула мягкая улыбка.

— Это не может быть нормальным, Нарин... Тебе нужно найти парня и навсегда избавиться от его влияния!

— Если в моей жизни не станет Эвана — я потеряю себя, он нужен мне как воздух.

— Я совсем не понимаю тебя. Ты должна жить, воспользоваться шансом быть успешной, найти парня, а Эван... Эван должен ослабить поводок.

И хотя я понимала, что Дженни права, что-то внутри отвергало ее слова.

— Если я соглашусь, разве это не повлияет на мою учебу? Стать врачом — это мечта всей моей жизни и я не хочу, чтобы что-то мешало ее осуществить.

— Не волнуйся, Нарин. Все можно совмещать. Обычно примерки, показы, фотосессии назначают на послеобеденное время, поэтому сложностей возникнуть не должно. Попробуй, а потом решишь стоит оно того или нет. — она мягко улыбнулась.

— Хм...

— Пообещай, что подумаешь над предложением Андре. — взяв меня за плечи, она с напором взглянула мне в глаза.

— Конечно подумаю, Дженни. Я ведь не совсем дура. — засмеялась я. Дженни лукаво улыбнулась.

— Правда? На мгновение я подумала, что ты именно такая. — она иронично улыбнулась, вызвав во мне ответное действие.

Мы с Риной не разговаривали больше недели... Я хотел дать ей время побыть наедине с собой и старался держать дистанцию, не напрягая своим видом. Я знал, что сказанные слова сделали меня в ее лице незнакомцем — неприятным и далеким, но она свыкнется с этим и когда-нибудь примет.

Я старался не смотреть в ее сторону, но глаза то и дело возвращались к тонкой фигурке Риной. Слишком тяжело было смотреть на нее, не имея возможности прижать к себе, обнять, коснуться лица, волос... Эти тактильные действия были доступны мне раньше в неограниченном количестве, но своими словами я отдалил ее от себя. Позволит ли она еще когда-нибудь мне это? Или теперь, чтобы я ни делал, все будет напомнить ей о моих постыдных чувствах? Я искренне надеялся, что наша связь победит и она примет меня таким какой я есть.

Мы сидели на теоретическом занятии по хирургии. Преподаватель, со скучающим видом, рассказывал какие виды хирургических инструментов существуют и их назначение. Я едва не засыпал, слушая его. Но переведя взгляд в сторону Риной, внимательно слушающей скучную тему, я замер, внимательно наблюдая за ней. Я пожираю ее фигуру глазами и каждый изгиб ее стройного тела. Любовался красивыми синими глазами, длинными ресницами, пухлыми соблазнительными губами и невероятно шелковистыми, гладкими как шелк, черными волосами. Я помнил, какой сладкий запах у ее волос, как нравилось мне вдыхать их аромат, прикасаться к ним, гладить. Я любил ее длинные волосы, любил губы и каждую черточку прекрасного лица.

У Риной была привычка, внимательно слушая преподавателя, она подносила к пухлым губам ручку и приоткрыв рот закусывала кончик, соблазнительно оттопырив нижнюю губу. Так сексуально... Этим движением она сводила меня с ума и все окружающее переставало иметь значение, словно Рина и я были одни в этой аудитории. Я представил, как встаю с места и подхожу к ней. Развернув ее лицом к себе, я впиваюсь ее растерянный взгляд и впиваюсь в манящие губы страстным, сводящим с ума поцелуем. Одного этого представления было достаточно, чтобы мое сердце забилося в бешеном ритме, дыхание участилось, а в штанах стало так тесно, что казалось они вот-вот лопнут на мне.

Она задумчиво стала водить кончик ручки по губам, не подозревая, какую пытку совершает по отношению ко мне. Ее губы изогнулись в улыбке, когда преподаватель задал вопрос группе и она знала на него ответ. Желающих ответить совсем не было и Рина с готовностью дала ответ. Она всегда готовилась к занятиям с особым усердием. Медицина ей нравилась, поэтому учеба давалась ей легко. Впрочем, она всегда была лучше всех, все-таки не за красивые глазки ее перевели в один класс со мной. А я учился на два года старше! Сначала — лучшая ученица, теперь — студентка, она всегда была в центре внимания. Конечно, зубрилок никто не любит, но я выбил ей место под солнцем и она может не бояться косых взглядов.

Многим парням Рина нравилась, но настолько смелого, готового противостоять мне — не нашлось. Благодаря тренировкам мое тело было сильным и выносливым, я не страшился никого, а вот меня — все. Как только узнавал, что Рина кому-то приглянулась, я проводил сперва беседу, если это не помогало и ухажер все еще не оставил мысли о Рине, переходил к действиям. Кулаками выбив из парня обещание забыть о Рине, я удовлетворялся ответом и

уходил, оставив парня приходить в себя. Нет, я не избивал их до смерти или до обморочного состояния, но достаточно сильно, чтобы не захотеть даже думать о какой-то девушке.

Рина думала, что никому не нравится и всерьез засомневалась в своей привлекательности, я пытался возместить ей мужское внимание, чтобы она даже не сомневалась в своей неотразимости. Знала бы она над сколькими пацанами мне пришлось поработать, чтобы они даже близко к ней не подходили. Уверен, ее самооценка вознеслась бы до небес, узнай она об этом. Но я не планировал рассказывать ей это.

Иногда я чувствовал на себе взгляд Риной, она тоже скучала по мне, но открывшаяся правда останавливала ее от перемирия.

Признаться, я боялся, что она больше не сможет подпустить меня к себе. Может я поторопился с этим разговором? Конечно поторопился. Я не собирался намекать ей на свои чувства до тех пор, пока не узнаю результаты на родство. Понятно, что моя любовь ее отпугнула, ведь она верит, что мы родственники. Вот только она сказала, что результат для нее неважен, все равно ее чувства останутся неизменными. Что если это так? Что я должен буду делать тогда?

На десятый день нашего молчания я уже ходил как на иголках. Я был настолько чувствителен к ней, что из всеобщего гула звуков улавливал ее дыхание, вздохи и даже сердцебиение. Я чувствовал, что сойду с ума, если не поговорю с ней. Так бы обязательно и произошло, не реши она сама подойти ко мне. Прозвенел звонок, извещающий об окончании занятий. Я медленно собирал в сумку тетрадь и письменные принадлежности, чувствовал, что она стоит сзади, решаясь заговорить со мной. Я ждал ее голоса, как верующий Бога.

— Эван. — позвала она, коснувшись кончиками пальцев моей спины. Меня словно прошибло разрядом, но таким приятным, отрезвляющим. Я с готовностью обернулся, едва скрывая счастливое выражение лица. — Давай поговорим. — она соединила кисти в замок, не зная куда их деть.

— Ты подумала? — спросил я, прощупывая почву ее принятия.

— Нет, — покачала головой она, нахмурившись. — Я не хочу разговаривать об этом...

— Тогда о чем?

— Разве нам больше не о чем разговаривать? — удивилась она. — Нас столько всего связывает.

— Все темы для разговора меркнут перед тем, что меня особенно волнует. — она разочаровано выдохнула, понимая, что такими успехами мы вновь станем обсуждать ту тему. Она все еще не была готова принять правду, ей хочется видеть меня только как брата, а моя любовь — Рине не нужна. Если я вновь буду гнуть свою линию и настаивать на своих чувствах — мы вновь отдалимся, а я больше не хотел находиться вдали от нее.

— Расслабься, Рина. Мои слова были шуткой, я люблю тебя братской любовью, так что можешь не переживать. — она с сомнением взглянула на меня, но потом ее лицо просветлело, и она широко улыбнулась, повиснув на моей шее.

— Правда? Ох, Эван! Ты такой придурок! Все это время я так переживала из-за твоих слов, думала, что не смогу больше с тобой нормально разговаривать. А ты все это время в тайне смеялся надо мной. — смех, Рина, последнее, что было у меня на уме в это время. Сказал я себе. Она обижено стукнула меня в плечо и тут же еще крепче прижалась ко мне. Обвив ее спину руками, я наклонил голову, чтобы вдохнуть запах ее волос... все это время мне так не хватало ее. Мы были словно две половинки, которые тосковали друг без друга, мечтая соединиться. И наконец мы сошлись, став одним целым.

— Почему тебя так заботят слова других? Ничего незначащие люди в твоей жизни — не должны волновать тебя.

— Я понимаю, но мне так надоело это слушать. Почему все кругом считают, что между нами что-то есть? — она наивно заглянула мне в глаза, пытаясь услышать ответ.

— Хм, возможно, потому, что мы все время вместе. — пытаясь увести ее от правильного ответа, ответил я.

— Брось. Та медсестра увидела нас впервые, откуда ей знать, что мы неразлучны. Думаю что-то в наших отношениях. — она задумчиво подняла взгляд в небо, а я невольно залюбовался ее чуть приоткрытыми губами. В учебе Нарин не было равных, но по жизни она была очень наивной и неразумной, до нее не могли дойти совершенно очевидные вещи. Окружающие видели любовь в моих глазах, трепет и нежность. Объятия и прикосновения были далеко не братскими, но она так свыклась с ними, что считала их вполне обыденными, естественными. А другие нет. Я не собирался рассказывать ей это. Знал, что тогда она постарается исправить все, лишь бы люди перестали думать так, а мне это было не нужно.

— Замечательные отношения близких друг другу брата и сестры. — я провел ладонью по ее гладким шелковистым волосам. — Как проводила эти дни? Надеюсь, скучала по мне так же, как и я? — она хитро улыбнулась.

— Я так была занята своей новой подругой, что о тебе совсем не вспоминала. — она захихикала, я знал, что она врет. Ей было также больно и тоскливо, как и мне. Ведь я чувствовал ее на расстоянии.

В честь перемирия мы решили прогуляться по набережной, сходить в кафе и кино. Это был замечательный день, наполненный ее запахом, улыбкой и смехом. Мы шли держась за руки, много улыбались и смеялись. Я знал, что каждый прохожий, глядя на нас видел влюбленную парочку и это грело мне душу.

— На следующей недели день благодарения, мама ждет нас домой. — после того случая с папой, я проникся к тете симпатией. Нет, более разговорчивым или открытым я не стал, но появилось уважение и тепло к этой женщине. Они с Риной были очень похожи, не внешне, скорее характером, такая же дружелюбная, милая и наивная. Наверное, этим она так зацепила моего папашу. Он любил ее до безумия и не скрывал это. Я боялся, что моя одержимость Риной имела все же наследственный характер. Тест ДНК даст ответ на этот вопрос.

Я с нетерпением ждал результата, он должен был прийти сегодня на электронную почну, но уже был вечер, а сообщения так и не поступило. Я не хотел показывать своей нервозности перед Риной, но то и дело посматривал на телефон, в ожидании заветного сообщения. Она косо поглядывала на меня, наверное, думая, что у меня завелась подружка. Рина наверняка уже забыла, что сегодня будут готовы результаты. Впрочем, не удивительно, для нее ведь это не имеет такого значения, как для меня.

— Представляю, как тетя обрадуется тебе.

— Не только мне, но и тебе. Ты ведь знаешь, что мама любит тебя как сына. Кстати, в этом году приедет и дедушка. Давно мы его не видели. Интересно, может он слышал что-то о папе. — она мечтательно улыбнулась, предвкушая встречу с дедом. Он, как никто, знал о папе. К нему домой приходят все письма из тюрьмы, что папа писал тете. Возможно, что-то новое он расскажет о нем, но уж точно не Рине. Я не хотел разговаривать об отце, разговоры о нем меня угнетали, заставляли отправиться в тот день, когда моим глазам открылась ужасная картина. Переведя тему на другой разговор, оставшееся время нашей прогулки мы

провели потрясающе.

Вечером мы разошлись по общагам. Терпеливо выстояв очередь в душ, я ополоснулся и вернулся в комнату. На телефон пришло сообщение, с замиранием сердца я увидел желанное сообщение и с нетерпением открыл его. Пробежав по нему глазами, я счастливо выдохнул, увидев заветные слова. Мы с Риной не родственники!!! От этих строк я готов был расцеловать зубрилу Питера, что усердно корпел над книгами, хотел обнять весь мир и объявить об этом. Есть на свете все-таки Бог и он услышал меня.

Хотелось рассказать об этом Рине, но я понимал, моей радости она не разделит, учитывая, что Лайт тоже оказался не моим отцом. А радоваться тому, что мы не родственники, она не будет. Рина ведь не влюблена в меня, чтобы радостно желать этого. Говорить ли ей об этом? Или стоит немного подождать, все-таки мы только сегодня помирились. Я решил, что откроюсь ей в день благодарения, а пока буду наслаждаться ею. А дальше, будь что будет.

Прозвенел звонок, звонил мой псевдо папа.

— Здравствуй, Эван. Получил результаты? — грустным тоном спросил он.

— Да. Как и ожидалось: вы не мой отец. — безразлично ответил я.

— Да, вижу, тебя несколько это не огорчило. Еще бы, ведь теперь ты знаешь, что Нарин не твоя сестра. — я напрягся.

— Вы меня раскусили. Что-то еще? — недовольно спросил я, желая поскорее отделаться от него.

— Ты занятный парень, Эван, мне действительно жаль, что между нами нет родства. Мы бы поладили.

— Это вряд ли. — скептически ответил я.

— Что ты собираешься делать, искать своего настоящего отца?

— Зачем? Что мне было нужно — я узнал. Мне все равно кто он. — Лайт неодобрительно выдохнул.

— Значит, все дело было в ней. — понял он. — Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь — найди меня, с радостью помогу. — я сбросил вызов, желая поскорей избавиться от того, кто совсем не был мне интересен.

Несвойственно своему мрачному характеру, я сиял ярче солнышка. Никто не был способен испортить мне настроение и даже зануда Питер, который не замечал ничего вокруг — приятно удивился моим метаморфозам. Ладно, скоро День Благодарения, я должен подождать с признанием лишь до него, а потом я откроюсь Рине и больше никогда не заберу свои слова назад. Мне не за чем стыдиться своих чувств. Я люблю ее и это главное.

Наконец мы с Эваном помирились! Меняхватило лишь на пару дней, в остальные дни я боролась сама с собой, чтобы не подойти к нему. Я так по нему скучала! Меня ломало изнутри, словно я была наркоманкой, зависимой от него. Это было ненормально, я прекрасно понимала это, но мне было все равно. Возможно, те же чувства испытывает ко мне Эван, ошибочно принимая их за любовь.

Я все еще не могла принять то, что Эван любит меня, как девушку. Разлука давалась так тяжело, что я не смогла больше терпеть ее. Когда я позвала его, коснувшись широкой спины пальцами, Эван обернулся тотчас, словно только и ждал этого. Смотря в родное, красивое лицо, я очень переживала. Сможем ли мы вернуть наши отношения, какими они были раньше? Или Эван будет продолжать настаивать на своих чувствах?

Сначала Эван хотел поговорить об этом, но когда я дала понять, что не хочу говорить на эту тему, увидела, как он расстроился. Правда, в следующую секунду он поразил меня своими словами. Он сказал, что все это время водил меня за нос и любит меня исключительно, как сестру. Первая мысль, которая пронеслась в моей голове — это сомнение, все-таки я видела, как для него было важно поговорить об этом. Если это действительно была шутка, то Эван сознался бы уже в первые дни, но вместо этого он мучился вместе со мной. Решив все-таки не докапываться, а принять все на веру, я засияла. Зарыть голову в песок, иногда, лучше, чем смотреть правде в глаза и искать истину.

Мы провели замечательно время вместе, я хотела рассказать ему про предложение Андре, но не решилась. Не хотела портить замечательное времяпрепровождение и нарушать идиллию. Зная Эвана, этот разговор не мог пройти мирно и спокойно, а тот день хотелось запомнить хорошим. Поговорим в другой обстановке немного позже.

Каждый день я собиралась с духом, чтобы поговорить с ним и каждый раз находила причины, чтобы не делать этого. Мне было так тяжело решиться на разговор. В очередной раз дав себе обещание поговорить с ним на праздник, я немного успокоилась. На День благодарения у Эвана будет хорошее настроение, и он примет мою новость хорошо и даст согласие. По крайней мере я надеялась на это.

Накануне Дня благодарения, мы с Эваном отправились в Ливерпуль домой к матери. Мама готовилась к нашему приезду с самого утра. Она приготовила наши с Эваном любимые блюда и убралась в комнатах. Дом работницы и кухарки у нас не было, мама предпочла отказаться от этих излишеств. Она рассказывала, что до встречи с папой жила в приюте, а потом одна и все домашние обязанности были на ней. Она привыкла заботиться о доме и готовить, поэтому для нее это не было в тягость. По детству и я ей помогала в этом, хотя признаться, поначалу мне это претило, все-таки я росла в достатке, когда все делали за меня слуги. Эван ворчал, не хотел участвовать в уборке, но я знала как на него воздействовать, и он всегда присоединялся к нам. Мы были отличной командой и в доме всегда была чистота. Каждую такую уборку я вспоминала с особым теплом и улыбкой. Мама, Эван и я.

Дедушка должен был приехать только вечером. Поэтому в обед мама накрыла на стол для нас троих. Глядя на нас мама улыбалась.

— Смотрю я на вас, такие взрослые стали. — она загадочно улыбнулась. — Еще совсем недавно Нарин в куклы играла, а Эван глядел на меня исподлобья.

— Я и сейчас так на вас смотрю. — не преминул отозваться Эван нарочито сердитым

тоном, но по его глазам я видела, что он лукавит.

— Разве только в твоих мыслях. — засмеялась мама и послала Эвану добрую улыбку.

Я смотрела на маму и удивлялась ее красоте, с годами она совсем не менялась и, казалось, становилась еще красивей. Стиль в одежде немного поменялся, она полюбила красивые костюмы разных оттенков, которые подчеркивали ее и без того стройную фигуру. На ногах она неизменно носила туфли на высоком каблуке, подчеркивающие ее женственность. Светлые волосы она предпочитала собирать в строгую прическу, которая невероятно подходила ее лицу. Папа влюбился бы заново, увидев маму такой. — Кстати, на День благодарения, помимо дедушки, у нас будут еще гости.

— Вы, наконец, решили снять пояс верности? — саркастически заметил Эван, накладывая в тарелку салат. Услышав вопрос, я незаметно от мамы стукнула его по ноге.

Но мама не оскорбилась вопросу Эвана, наоборот он ее очень развеселил.

— Нет, Эван, не сняла. Я очень рада, что ты переживаешь обо мне.

— Интересно, что натолкнуло вас на эту мысль? — с издевкой переспросил он. Это была обычная манера разговора с мамой, мы уже привыкли к этому и никогда не обижались на него.

— Наверное то, что ты единственный очень уж этого хочешь. — Эван пожал плечами.

— Еще бы, вместо того чтобы думать о себе, вы до старости лет будете опекать Рину.

— Ах, Эван, когда у тебя появятся свои дети — ты меня поймешь. А пока просто позволь мне любить вас, пока я это могу.

— Этого никогда не случится. — коротко ответил Эван, бросив задумчивый взгляд на меня.

— Ну-ну, я понимаю, у тебя еще не тот возраст, чтобы думать об этом, но поверь мне, когда ты полюбишь — обязательно захочешь, чтобы она подарила тебе ребенка. — в глазах мамы была печаль и я подумала, что в этот момент она думала о папе. В ответ на слова мамы Эван скептически улыбнулся, ничего не ответив.

— Так кто еще придет? — спросила я, переходя на другую тему.

— Рэйчел с мужем и дочкой. Ты ведь помнишь ее? — конечно помню, но больше Дэвида, из-за дружбы с которым я едва не лишилась Эвана.

— Надеюсь, тетя, вы никого не забыли упомянуть? — поняв вопрос Эвана буквально, мама ответила.

— Если ты о Дэвиде, то его не будет. Так что можешь крепко спать Эван. — он удовлетворенно улыбнулся, оставив слова мамы без ответа.

Вечером приехал дедушка, подарил нам с Эваном подарки. Почти с порога, уведя его в гостиную, я стала долго и упорно расспрашивать дедушку обо всем на свете. Мы часто созванивались, но встречались достаточно редко. С нашей последней встречи дедушка очень сильно постарел. Глубокие морщины глубокими нитями испещряли все его лицо.

Когда мама вышла из комнаты, я стала расспрашивать дедушку о папе. Он как-то странно переглянулся с Эваном, сказав уже мне, что ничего о нем не слышал. Их поведение было подозрительным, и я заподозрила неладное. Станные переглядывания говорили о том, что они что-то от меня скрывают. Эван явно знал больше меня. Но что он мог знать такого, чего не говорил мне? Обязательно спрошу у него, когда представится возможность.

Ночью приехали Рэйчел со Стивеном и трехлетней дочкой Лорой. Лора повсюду таскалась за Эваном, пытаясь добиться его внимания. В столь малом возрасте она была уже невероятной кокеткой, которая знала, как можно строить глазки и очаровывать парней. Мне

у нее стоило поучиться этому, может быть я бы смогла кому-нибудь понравиться.

Эван был не в восторге от постоянного присутствия маленькой шалуньи и старался уйти туда, где нет ее. Но Лора все равно находила его, видя в этом некую игру. Я смеялась, глядя на них, а Эван держался, чтобы не злиться в такой праздник.

Утром мы отправились на ярмарку. На нас с Эваном легла ответственность следить за Лорой и не потерять ее в толпе. Я отнеслась к этому заданию со всей ответственностью, Эван же успел порядком устать от постоянного щебетания девочки и мечтал поскорей избавиться от нее. Она слишком много говорила, ходила за ним и требовала внимания. А вишенкой на торте стало ее заявление в том, что, когда она вырастит — Эван женится на ней. Я едва не надорвала живот от смеха, а вот Эвану было совсем несмешно. Он даже попытался объяснить ей, что это невозможно, но избалованной Лоре его слова были нипочем, она просто не желала их слушать. Решив, что зря сотрясает воздух, Эван стал ее игнорировать.

Вечером мы сели за стол. Зал украсили в коричнево-оранжевых тонах, приготовили индейку и другие традиционные для Дня благодарения блюда. За столом каждый вознес благодарственную речь Господу и каждому сидящему за столом.

Рэйчел с гордостью рассказывала о достижениях своего сына Дэвида в учебе и спорте. Он учился в университете, изучая ведение бизнеса. Дэвид готовился стать достойным приемником своего отца и унаследовать бизнес. Мне было очень интересно послушать про давнего друга, но я должна была следить за собой, чтобы Эван не заметил излишнего интереса. Пока Рэйчел говорила о Дэвиде, Эван сидел напряженный.

Дэвида я знала с детства, еще с тех времен, когда Эвана не было в моей жизни. Будучи малышкой — он нравился мне. Помню, как наши мамы желали, чтобы мы с ним в будущем стали парой. Рэйчел была уверена, что когда я вновь его увижу, то обязательно влюблюсь. Мне было интересно так ли он красив, как она говорила, или это материнская любовь, которая видит своего ребенка самым лучшим?

С каждым словом о Дэвиде, Эван порывался схватить меня за руку и утащить наверх, только бы я не слушала восхваляющие другого парня оды. Но из-за праздника он не мог этого сделать. Ему приходилось бороться с собой, сжимая кулаки под столом. Положив ладонь на его кулак, я почувствовала, как его рука расслабилась и он переплел наши пальцы, сжав их.

Мы сидели с Эваном рядом и могли перешептываться друг с другом. Решив, что пришло время рассказать ему все, я предложила Эвану подышать свежим воздухом. Радуюсь моему предложению, Эван улыбнулся.

На террасе было прохладно и Эван сразу накинул свой кардиган мне на плечи. Я улыбнулась, он был теплый и пах исключительно его запахом.

— Ты не представляешь каких трудов мне стоило не прибить эту тетку. — сердито пробормотал Эван. — Еще чуть-чуть и я точно придушил бы ее. — уже со смехом добавил он.

— Не говори так, Эван. Рэйчел не плохая, просто очень сильно любит своего сына.

— Она уверена, что он тебе понравится. Ты тоже так думаешь?

— С чего мне так думать? — удивилась я. — Дэвид остался в прошлом и до сегодняшнего дня я о нем даже не вспоминала.

— А ведь тогда ты выбрала его, а не меня. — с обидой произнес он.

— Конечно, ведь в отличие от Дэвида, ты был моим братом. И я не могла выбрать

тебя. — он мягко улыбнулся, словно знал что-то, чего не знала я.

— А если бы в тот день ты знала, что я не твой брат, как тогда поступила?

— Разумеется я бы выбрала тебя. — не задумываясь ответила я, потому что знала, какой ответ он хочет от меня услышать. Если подумать, то я бы все равно выбрала Дэвида, потому что в детстве Эван не ассоциировался у меня с принцем, а Дэвид — наоборот. Но Эвану это не нужно знать. Мягко улыбнувшись, он меня обнял.

— Я рад, Рина.

— Кстати о родстве, разве ты не должен был уже узнать результат? — Эван задумчиво улыбнулся.

— Я узнал. — слова Эвана вызвали удивление и небольшое разочарование, что он не захотел поделиться со мной этим.

— И? Лайт твой отец?

— Нет. — выдохнул он и я обрадовалась.

— Вот видишь! Я же говорила, что мы родственники! Я была уверена в этом, ты ведь так похож на папу!

— Не говори так, Рина! Я не похож на него. Он был чудовищем!

— Да, он плохо обращался с тобой, но он не был чудовищем, Эван. Не говори, пожалуйста, о папе плохо.

— Ты ничего не знаешь, Рина... — предупреждающе заговорил он.

— Чего я не знаю? — с вызовом уставилась на него я. — Что не знаю я такого, о чем знают остальные? Вы все что-то скрываете от меня... — я с укором и обидой взглянула в его глаза. — как ты можешь скрывать от меня что-то? Как? — слезы обиды застлали мне глаза, и я сама того не осознавая, схватила Эвана за грудки.

— Не плачь, Рина. — он стер ладонями слезы с моих щек. — Твой отец сбежал и оставил тебя, тут нет ответов, только этот. — не обращая внимания на скрытую фразу в его словах, я ответила.

— Не верю, Эван... не верю...

— Хочешь верь, а хочешь нет. Он ушел и единственное логическое объяснение: просто сбежал к другой. — до меня вдруг начала доходить сказанная им фраза: «твой отец».

— Что ты имел в виду, говоря, «мой отец»? Разве он и не твой тоже? — Эван криво улыбнулся и подпёр балюстраду своим телом.

— Амит Ливарт мне не отец. Тест на родство с тобой подтвердил это.

— Значит, мы... — я растеряно глянула на него, понимая, что между нами нет родства. Эван мне не брат. В моей голове эта правда не могла уложиться так же, как и новость о его любви ко мне.

— Не родственники, Рина. — улыбнулся он и протянул ко мне свои руки. — Вижу, новость стала для тебя настоящим ударом. Неужели, это кажется тебе настолько ужасным?

— Нет, просто... мне трудно воспринимать тебя иначе.

— Я все еще остаюсь самым родным для тебя человеком. Брат я тебе или нет — не имеет значения. — крепко обняв, он прижал меня к себе. Эван прав, это все не важно. После признания Эван не перестал быть тем, кто он есть. Наше детство, воспоминания, дружба и связь — не стерлись с этой новостью.

— Ты прав, Эван. Эта правда не изменит моего к тебе отношения. — Эван улыбнулся, но в глубине его глаз притаилась грусть. Какое-то время между нами висело молчание, я вспомнила о нашем детстве и доме, как бы мне хотелось увидеть его вновь.

— Тебе никогда не хотелось вернуться в наш старый дом, где мы впервые встретились?

— Никогда. — признался он отстраненно.

— Я так хочу вернуться в тот дом, просто посмотреть, как сейчас там. Интересно, твои подружки все еще живут по соседству? Какими они стали? Наверное, такие же противные, как и раньше. — я захихикала, вспоминая Марианну и Изабеллу.

— Плевать, мне совсем не интересна их судьба, да и в дом тот, тоже не тянет.

— С ним связано столько всего хорошего. — продолжала напоминать я. — Наше место я особенно хотела бы посетить.

— Для тебя это так важно? — улыбнулся он.

— Да. — кивнула я. — Пообещай, что когда-нибудь мы поедем туда вместе.

— Хорошо, — безнадежно сказал он у моего уха. — когда-нибудь так и сделаем. — и он развернул меня лицом к себе, пронзительно взглянув в мои глаза. — А теперь признавайся, о чем хотела поговорить со мной?

— Кто сказал, что я хотела? — начиная нервничать, спросила я. Эвана не проведешь, он читал меня словно открытую книгу.

— Брось, ты столько дней ходила сама не своя, я сразу понял, что ты хочешь мне что-то сказать, но не решаешься.

— Ладно, Эван. Ты как всегда прав. — капитулировала я. — Один очень известный человек пригласил меня стать моделью. Мне очень понравилось его предложение, и я хочу согласиться.

— Тебе понравилось его предложение. — задумчиво повторил он. — А ты не подумала, что я буду против?

— Подумала, в противном случае я согласилась бы сразу. — ответила я уверенно.

— Это плохая идея, Рина. Тебе лучше быть со мною рядом, а не светить голым телом перед фотокамерой! — Эвана потряхивало от недовольства, чтобы немного успокоить его я положила свою ладонь на его напряженную руку.

— Для меня это шанс стать известной...

— С каких пор ты этого хочешь? Помнится, ты хотела стать врачом, и я поддержал твою мечту. Теперь это? Что за непостоянство, Рина!

— Мне по-прежнему хочется стать доктором, я могла бы совмещать все. Андре делает звездами всех, в ком видит потенциал и, кажется, он увидел его во мне. — я чуть покраснела под испытующим взглядом Эвана.

— Ты такая глупая, Рина. Все они прошли через его постель, никто не сделает тебя известной за просто так.

— Ты не прав, Эван. Ты всегда ищешь в любой ситуации что-то скверное.

— Я вижу все в реальном цвете! А ты еще маленькая, глупая девочка, которая видит мир в розовых очках! В мире шоу-бизнеса все так. Хочешь славы? Нужно заслужить ходатайство пройдя через постель!

— Но мне ни о чем таком не говорили. — начала сомневаться я.

— Конечно не говорили! Скажи он тебе все сразу — ты не стала бы даже думать о его предложении. А так ты думаешь, мечтаешь и хочешь согласиться. Когда ты подпишешь контракт — уже никуда не денешься.

— Но Дженни в его агентстве! Будь все так как ты говоришь, она обязательно бы меня предупредила!

— Какая ты наивная, Рина! Она никогда не созналась бы в таком.

— Но она помолвлена!

— И что с того? Для некоторых девушек это не имеет большого значения! — я была в сомнениях, Эван умел нагадить в душу и заставить сомневаться в ранее принятом решении. С одной стороны я не верила, что все проходят через постель, чтобы добиться славы, с другой стороны, слова Эвана не были лишены смысла... Я неоднократно слышала истории о певицах и актрисах, которые получали роль на сцене путем постельных утех.

— Когда мне предложат такое — я обязательно уйду.

— Нет, не уйдешь. Ты хочешь славы и пойдешь на все, когда он станет обещать тебе ее. — я отвернулась от него, пытаюсь скрыть обиду.

— Я бы никогда так не поступила. Мне жаль, что ты так думаешь.

— В погоне за желаемым — все женщины становятся одинаковыми. — недовольно ответил он, пожав плечами.

— Ты не прав. — коротко ответила я, бросив на него проницательный взгляд.

— Не прав? — удивился он. — ты пытаешься убедить меня своими невинными глазами? — он поднял мою голову за подбородок так, чтобы я смотрела ему в глаза. Его взгляд был властным и притягательным, он знал какую силу имеет надо мной. Но сейчас это было не важно, во мне поднялось возмущение, которое давало силу бороться против Эвана.

— Я хочу стать моделью! — твердо сказала я. — Если окажется, что ты прав — я убегу, не раздумывая. Если ты так обо мне волнуешься, то ходи вместе со мной и оберегай от любой опасности.

— Что ж, эта идея мне нравится. Так, по крайней мере, я не буду переживать о тебе. — что-то прикинув у себя в голове, ответил он. — Но у меня условие.

— Какое? — обрадовалась я.

— Ты представишь меня, как своего парня.

— Но зачем? — удивилась я.

— Так мне будет спокойней.

— Ладно. — кивнула я. Проявив твердость, я одержала победу и была счастлива. Солгать просто, это ведь ни к чему нас не обязывает, не так ли?

Весь остаток вечера Эван находился в возбужденном расположении духа. Что его привело в такую радость? Неужели ему так понравилась идея быть моим парнем, даже если это все понарошку? Я старалась не думать о том, что у Эвана все-таки были ко мне чувства. Пусть мы и не родственники, но я не могла воспринимать Эвана иначе. Я бросила внимательный взгляд на него, сканируя с ног до головы. Красивый парень, с черными вьющимися волосами. Высокий, широкоплечий, но стройный. Эван был обладателем невероятно красивых голубых глаз в обрамлении длинных подкрученных ресниц. Прежде никогда мне не приходилось видеть настолько красивых глаз. Широкие черные брови были часто нахмурены, нависая над ясным взглядом, делая его тяжелей. На переносице даже образовалась морщинка, которую мне все время хотелось разгладить руками. Красивый прямой нос, гармонично сочетающийся с остальными чертами лица. Пухлые, невероятно красивые губы, которые улыбались только для меня, обнажая замечательную улыбку, от красоты которой замирало сердце. Эван был замечательным, нежным, но жутко ревнивым. Ему была присуща подозрительность и проницательность, благодаря которой он видел меня насквозь. Что значит быть его любимой? Означает ли это вечное счастье и радость? Думаю, девушка, которую полюбит Эван, будет купаться в любви и заботе, он постарается сделать все, только бы она была счастлива. Но он никогда не подпустит к ней других людей, избавится от друзей и сделает себя ее миром. Она будет обречена на вечное одиночество, в объятиях самого лучшего из мужчин.

Эвану трудно будет найти девушку, которая добровольно примет его характер и полюбит таким какой он есть. Она должна будет пожертвовать всем что у нее есть ради него, только тогда они смогут быть счастливы. Мысли о будущей девушке Эвана неприятно задели меня. Ее появление будет означать, что я ему больше не нужна и все свое время он станет проводить с ней. Я потеряю его... но вместе с тем, у меня появится больше времени, чтобы и самой наладить свою личную жизнь и завести больше друзей. Это был ужасно сложный выбор.

— Почему ты так смотришь на меня, Рина? — любопытствовал Эван, опираясь на балюстраду. — словно видишь впервые.

— Я думаю о той девушке, что полюбит тебя. Будет ли она счастлива или ты превратишь ее жизнь в ад? — Эван задумчиво улыбнулся, глядя мне в лицо.

— Почему ты вдруг задумалась над этим, Рина? Разве твоя жизнь похожа на ад?

— Это не одно и то же. Ты меня любишь как сестру. Но если ты опекаешь так меня, как тогда будешь обращаться с возлюбленной?

— Так же, как и с тобой. — с готовностью ответил он. — но не уверен, что полюблю кого-то сильнее тебя. Мне еще не встречалась девушка, которой я был бы по-настоящему заинтересован.

— Эм... может тебе нравятся парни? — пошутила я, но Эван не оценил мою шутку и оцетинился.

— Ты вообще, что ли глупая, Рина? Мне не нравятся парни! Я люблю девушек! Если не веришь могу доказать!

— Как же ты докажешь это? — с издевкой улыбнулась я. — Станешь громко кричать об этом всему миру? Или поцелуешь первую встречную девушку?

— Именно! Первую встречную! — с готовностью заявил Эван и подхватив меня на руки усадил на балюстраду перед собой, а чтобы не сбежала — поставил руки по бокам от меня. Таким образом, я была в клетке его рук, лишённая возможности сбежать. Признаться, мне было интересно, чем закончится эта игра.

Эван коварно улыбался, глядя на меня. В его взгляде плескалось сильное желание, словно перед ним находилась конфетка, которую долгое время он мечтал съесть. И вместе с тем: триумф, счастье и трепет. Нет, я не смогла выдержать его взгляда, уж очень это смущало, словно Эван глядел в самую душу. Эта ситуация была ненормальна, как бы то ни было, я считала Эвана братом, а то, что он хотел мне доказать — невозможно, поцелуй между братом и сестрой противоестественны. Поэтому попытавшись спрыгнуть вниз, я решила закончить эту игру.

— Хорошо, Эван, считай я поверила тебе. — я положила руки ему на плечи, желая опуститься на землю, но он удержал меня от прыжка, прижав свои руки к моей талии.

— Нет, Рина, ты все еще мне не веришь. — и привстав на носочки, Эван со всей страстью прижался губами к моим губам, желая вобрать меня всю. Его пыл был так горяч, что он втянул мои губы в себя и стал просовывать язык в мой рот. Я едва не свалилась с балюстрады, в желании оттолкнуть Эвана от себя, до такой степени его порыв испугал меня. Мне было пятнадцать, это был мой первый поцелуй и никак я не ожидала, что он произойдет с тем, кого я считала братом. Вытирая влажные губы от поцелуя, я пыталась успокоиться. С осуждением во взгляде, я сказала:

— Больше не делай так, Эван!

— Почему? Мы не родственники, теперь нам это разрешено.

— Это все равно ничего не меняет. — покачала головой я. — в романтическом плане ты меня совсем не интересуешь. — брошенные слова сильно ударили Эвана, и я заметила боль, отразившуюся на его лице.

— Есть кто-то, кто заинтересовал тебя?

— Брось. Когда мне заглядываться на парней, если ты все время рядом! — закатила глаза я.

— Тебя пригласили в модельное агентство, там-то ты и могла познакомиться с другим.

— Могла, но не познакомилась. Оставим эту тему, Эван, мне всего 15, парни сейчас меня мало волнуют. — соврала я, желая поскорей отделаться от расспросов Эвана.

— Что ж, Рина, это не имеет значения. — холодно ответил он. — Я лишь пытался доказать, что не гей. Надеюсь, ты убедилась в этом?

— Более чем. — ответила я отстраненно, не желая вспоминать тот кошмарный поцелуй. — Холодно. Пойдем уже в дом.

Отдав одежду Эвану, я первой вошла в дом. Между нами чувствовалось напряжение и мне совсем это не нравилось. Я знала, когда воспоминания о поцелуе сотрутся, мы вновь станем лучшими друзьями. Но что-то мне подсказывало, что ничего не будет прежним.

Когда День благодарения подошел к концу, мы разошлись по комнатам. Так как народу было много, а дом у нас был небольшим, я уступила свою комнату Рэйчел, Стивену и Лоре. Сама отправилась спать к маме. Мама лежала в постели, когда я, переодевшись, легла к ней, прижавшись к ее боку. Увидев мое состояние, мама спросила:

— Что случилось, Нарин? Тебя что-то беспокоит? — хотелось рассказать ей обо всем, услышать совет, но вместо этого я лишь покачала головой.

— Все в порядке. Я очень соскучилась по тебе, мамочка.

— Как у тебя дела с Эваном? Мне показалось, что вы поссорились. — мама проницательная и замечает все, что происходило.

— Немного повздорили на террасе, завтра помиримся.

— Я рада, что вы есть друг у друга. — мама погладила меня по волосам. — У Эвана скверный характер, но он любит тебя и никогда не даст в обиду.

— Я знаю. — кивнула я, борясь с желанием выложить маме все, что меня гложет. Но я не стала, когда-нибудь потом, но не сейчас.

На следующий день мы попрощались с мамой, семьей Рэйчел и дедушкой. Договорились, что обязательно как-нибудь приедем навестить его летом. Лора вцепилась в Эвана и не желала отпускать, ревела, прося не уезжать. Эван, сцепив крепко челюсти, с каменным выражением стоял, ожидая, когда девочке надоест реветь и она его отпустит. Глядя на эту картину, я смеялась, пытаясь смех спрятать за ладонью. Увидев смешинки в моих глазах, Эван расслабился, потрепал малышку по голове и сказал что-то на ухо, от чего она взбодрилась и перестала плакать. Эта ситуация разрядила между нами напряжение и мы стали общаться, как ни в чем не бывало.

Я думала, что тот поцелуй многое изменит в наших отношениях, появится неловкость в общении, недомолвки, но ничего не изменилось. Эван вел себя по-прежнему, словно вчерашнего порыва с его стороны и не было. Поначалу я чувствовала себя не в своей тарелке, при виде него вспоминала поцелуй, но вскоре это прошло, поняв, что веду себя ужасно глупо.

Через пару дней, после занятий, я решила набрать номер Андре и сообщить ему о своем решении.

— Алло, Андре? Здравствуйте, это Нарин Ливарт.

— А-а, Нарин! Долго же вы думали, прежде чем позвонить. — в его голосе слышалось недоумение, оно и понятно, только дурак может упустить такой уникальный шанс быть знаменитой. — И каков же ваш ответ?

— Я согласна.

— Иного я и не ждал. — уверенно заявил он. — Жду вас в своем офисе в субботу в 2 часа. Адрес указан на задней стороне визитки.

— Хорошо, Андре, спасибо.

— До встречи.

До субботы оставалось всего несколько дней, и я была в предвкушении. Сказала Эвану в тот же день, но получила лишь безэмоциональный кивок.

В субботу мы выехали заранее, чтобы не опоздать. К счастью, мы прибыли вовремя, хоть нам и пришлось поискать нужное здание.

Здание агентства было огромным, внешне походившее на фешенебельный отель. В холле сидела секретарша, увлеченно раскладывая пасьянс на компьютере. При виде нас ее глаза приветливо зажглись, и она оперативно включилась в работу, спросив наши имена. Услышав мое имя, девушка кивнула и любезно объяснила, как пройти в студию к Андре. Эван взял меня за руку и держал так, будто бы я являлась для него ценностью, которую нужно охранять. Мне было очень приятно от понимания, что он дорожит мной. Постучав в дверь, нам почти сразу открыл сам Андре, безупречно одетый в модный яркий костюм.

— Приветствую. Прежде чем начать работать, нам нужно подписать контракт. Взгляд Андре переместился вниз на наши с Эваном руки. С интересом взглянув на моего лжепарня, он присвистнул.

— Ах, молодость! Это твой парень, Нарин? — спросил у меня Андре.

— Да, я ее парень. — ответил холодно за меня Эван.

— Вы здорово смотрите вместе. Увидев вас вдвоем, я придумал нечто особенное. Уверен, ты будешь в восторге. Но все зависит от твоего парня.

— Что вы хотите? — серьезно спросил Эван.

— Мне нравится твоя брутальность, парень, твой стиль, манера держаться и взгляд... взгляд, от которого девичьи сердца будут биться чаще. Интересно, будешь ли ты так же хорошо смотреться в кадре. — задумчиво спросил он, не ожидая ответа. Удивленный Эван спросил:

— Зачем это?

— Вы сможете сниматься вместе, как пара. Я придумал беспроектную концепцию, которая сделает вас очень известными. — бросив на Эвана взгляд полный счастья, я едва не запищала от восторга. Я и Эван будем сниматься вместе, о большем я даже не мечтала.

— Мне этого не нужно! — радикально отрезал Эван.

— Эван! — с укором глянув на него, я пригвоздила его к месту. — Простите, Андре, мы поговорим минутку наедине.

— Конечно, буду ждать вашего решения. — и он вышел в смежный зал, где какая-то девушка обрабатывала фотографии.

Я потащила Эвана вправо на диванчик, пихнув его так, чтобы он сел.

— Эван, ты в своем уме отказываться от такого предложения? Если мы будем сниматься вместе, значит, твои походы со мной перестанут быть бессмысленными! Только представь: мы с тобой на обложке глянцевого журнала, рекламируем духи или парную одежду. — Я мечтательно закатила глаза. — Так тебе не придется обо мне волноваться, и ты все время будешь рядом. — продолжала напирать я.

— Всегда буду рядом... — как в трансе повторил Эван. — Хорошо, Рина, твоя взяла. Я попробую, но не вини, если у меня не получится. — в порыве радости я бросилась обнимать Эвана, звонко целуя его в щеку.

— Ты лучший!

Радостная и воодушевленная согласием Эвана, я крепко взяла его за руку и потащила в студию к Андре. Там мы заключили контракт, подписали необходимые документы, обсудили важные моменты и договорились о съемке в следующую пятницу. Вот так быстро. Уже тогда я мечтала, чтобы пятница скорее настала, потому что мне не терпелось узнать, что имел в виду Андре, когда сказал, что мы будем сниматься вместе. Интересно, что нам придется делать?

— Как ты думаешь, что задумал Андре? Я немного волнуюсь.

— Учитывая, что мы еще подростки, думаю, все будет ванильно-розовым, максимум за ручки подержимся. — вместо ответа я мягко улыбнулась ему. Хорошо бы так, иначе мне придется ой как нелегко.

День благодарения — один из любимых мною праздников. Мы всегда проводили его в кругу семьи. Моей семьей были Рина и ее мама. Каждый День благодарения заканчивался тепло, радостно, умиротворенно.

Этот праздник хоть и был в кругу семьи, но его омрачало присутствие тетиной подруги. Она мне еще в детстве не понравилась: слишком шумная, бестактная, лезет туда — куда не просят. А еще она мечтает женить своего сына Дэвида на Рине. Весь вечер она всячески нахваливала его, рассказывая о его положительных качествах, о том какой он замечательный, красивый и самый умный. Я не мог ее слушать, чувствовал, как красная пелена начинает застилать мой взор, требуя выход агрессии. Я желал ей нагрубить, стукнуть об стол или в конце концов придушить, но сделать так, чтобы она поскорей заткнулась. Благо Рина спасла от этого ада и предложила выйти на террасу.

На свежем воздухе я сразу почувствовал себя лучше, на меня благотворно влияло присутствие Рины и прохлады ночи.

Я признался Рине в том, что на самом деле мы не родственники. Как и ожидалось, для нее эта новость не имела значения, и я в ее глазах так и остался братом. Я решил, что пока не буду напирать, постепенно буду сближаться, подогревать интерес и когда-нибудь в Рине проснутся чувства ко мне. Главное все самому не испортить и не наброситься на нее со своей страстью. Правда почти сразу я едва все не испортил.

Рина шутя предположила, что мне нравятся парни, а я, вместо того чтобы посмеяться, принял ее слова в штыки и принялся доказывать ей, что это не так. А как еще доказать, если не на примере! Я решил поцеловать ее. То, что сначала для нее выглядело как шутка, превратилось в настоящий испуг. Впрочем, не удивительно, я набросился на ее губы, пытаюсь истерзать, слиться с ней, стать одним целым. Но это не было незабываемым поцелуем. Это был поцелуй, который испугал ее и оттолкнул от меня. Боюсь, что теперь она будет вспоминать его с содроганием, ужасно, что он навсегда будет связан со мной. Я так облажался... Мне определенно нужно практиковаться, чтобы в следующий раз не ударить в лицо. Следующий поцелуй должен стать самым лучшим в ее жизни. По крайней мере он должен превзойти первый, чтобы он стерся с памяти.

Немного раньше она рассказала мне, что ее пригласили стать моделью. Я немного разозлился, наговорил ей гадостей, пытаюсь отговорить от мутного дела. Я боялся, что, став моделью она встретит кого-то, полюбит и забудет обо мне. Конечно, я никому ее не отдам. Моя задача не позволить ей влюбиться в другого.

Она очень хотела стать моделью, даже предложила ходить вместе с ней. Это предложение было замечательным, так я буду все время приглядывать за ней и в случае возникновения какого-то ухажера — смогу вовремя устранить его. Только мне было этого недостаточно... И тогда я поставил условие, от которого она не смогла отказаться. Она хотела быть моделью, а значит, может с легкостью соврать о романтической связи между нами. Я же хотел быть рядом с ней в роли ее возлюбленного. Всех все устраивает. Все всем довольны.

Совсем скоро мы отправились в агентство. Я сканировал помещение на предмет других парней и был удовлетворён, ни одного не увидев. Конечно, был этот Андре, но он нам в отцы годился. Не думаю, что Рине может понравиться кто-то намного старше ее.

Этому Андре так понравился мой внешний вид, что он позвал меня работать в паре с Риной. Сначала я наотрез отказался, не понимая в действительности, какой джекпот мне выпал. Но когда Рина возмущенно разжевала мне перспективу такого предложения, до меня наконец дошло. Помимо того, что нам придется изображать пару, нам еще нужно будет позировать для фотосессий. Там будут настоящие чувства, прикосновения, объятия и, возможно, поцелуи. Разумеется, я не возлагал на это большой надежды, учитывая, что мы еще подростки. А у подростков имеется возрастной рейтинг, который не позволит на весь мир показать настоящую страсть.

И вот настала черед замечательного времени. В назначенные дни, после учебы, мы с Нарин взявшись за руки, ехали в агентство. Как я и предполагал фотосессии были невинными. Мы много держались за руки, проникновенно смотрели в глаза, обнимались, но наши губы никогда не соприкасались. Андре и фотограф, снимающий нас на камеру, хвалили меня за хорошо переданные чувства, которым веришь. В моем взгляде, глядящем на Рину, они видели любовь, которая была им необходима. С Риной было тяжелей, все-таки романтических чувств ко мне у нее не было. Ей пришлось много тренироваться, чтобы ее взгляд наполнился любовью, и окружающие поверили в это.

Так проходили дни, месяцы, вот и три года позади. За это время мы повзрослели, изменились внешне, стали популярными, но в наших отношениях все еще не было прогресса. Мы по-прежнему были лучшими друзьями, самыми главными друг для друга. Нам часто приходилось изображать любовь перед камерой и в агентстве. Поначалу, Рине было тяжело, но совсем скоро она втянулась в игру и уже сама с удовольствием в нее играла. Интересно, если бы фотосессии носили более откровенный характер, пошла бы Рина до конца или отступила?

Мы много участвовали в показах, демонстрируя странную одежду, которую вряд ли можно было надеть на улицу. Снимались для реклам, рекламируя какой-то парфюм или парную одежду.

Рина разрывалась между учебой и модельным агентством. Хотя она говорила, что у нее все под контролем, я видел, что успевать ей становится все тяжелей. И дело даже не в опозданиях, а в том, что у нее не хватало свободного времени на изучение материала.

Все это время я ни разу не заикнулся о своих чувствах. Она должна была перестать воспринимать меня как брата, я дал ей достаточно времени для этого и модельное агентство очень помогло мне в этом. Ей уже 18 лет — это тот возраст, когда уже точно думаешь о мальчиках и хочешь завести себе парня. Время как нельзя кстати подходило, я должен вновь начать ее добиваться. Слишком долго я не давал напоминать о себе, довольствуясь той игрой, что нам приходилось изображать. Но теперь мне стало этого недостаточно. Мне двадцать лет и почти всю свою сознательную жизнь, я безответно влюблен в девочку своей мечты. Из-за этой любви, я не могу думать ни о ком другом, только о ней. Хотелось бы мне справиться нужду в другом месте, но я не мог. Вид другой девушки, пусть и обнаженной, вызывал дикое желание оттолкнуть ее от себя. Только Рина станет для меня первой и последней.

Кое-что я все-таки сделал. Я поставил камеру в комнате Риной, которая снимала часть ее комнаты. Таким образом, обнаженную Рину я лицезрел регулярно. Я даже скриншотил эти моменты, а потом, представляя Рину в самых откровенных фантазиях, шел в туалет и отчаянно, занимаясь с ней сексом в своих мыслях, изливался прямо на пол. Я был жалок, но не мог иначе. Я целиком и полностью принадлежал ей, а она была еще не моя.

С популярностью у нас появилось много забот. Мне было плевать на моих фанатов, мой игнор только подогревал их интерес, а вот Рина относилась очень трепетно к людям, которые следили за ее жизнью. Практически все они болели за нашу пару и несколько раз просили поцеловаться для них, но Рина переводила все в шутку и просто звонко чмокала меня в щеку. Никаких чувств.

Помимо фанатов — у нас были хейтеры. На них мне, как и на фанатов, было плевать, а вот Рина расстраивалась каждому прочитанному негативному комментарию. В основном они были о том, что наши чувства подделка и мы вовсе не пара. Обвиняли Рину в плохой игре. Она очень переживала по этому поводу, но понимала, что мы должны перейти к более радикальным мерам, чтобы заставить их поверить.

Рина была очень популярна среди парней... Вот это стало для меня очень неприятной темой. Рискую нарваться на проблемы в агентстве, я не мог просто взять и избить неугодного. Узнав об этом в агентстве, с нами могли разорвать договор и попросить выплатить неустойку. Помимо этого мы всегда должны были следить за своим внешним видом, никаких синяков, неопрятного вида или драк. Поэтому мне приходилось мириться с тем фактом, что моя любимая нравится не только мне. Вот только я понимал, что Рина не любит меня, как своего мужчину, а значит, для нее я не был препятствием, чтобы полюбить другого.

Я слишком размяк. Мне нужно взбодриться. С соревнованиями пришлось завязать, чтобы для фотосессий всегда быть идеальным, но тренировки я не бросил. Мне нравилось выплескивать свои эмоции в удары, которые сводили до минимума агрессию и неудовлетворённость жизнью. К тому же, тренировки помогали поддерживать в идеальном состоянии мое тело, которое рано или поздно, привлечет внимание Рины.

Взяв сумку со сменной одеждой, я заметил Рину, весело о чем-то болтающую со своей соседкой. Подойдя к ней со спины, я обнял ее за шею и притянув ближе к своему лицу, нежно поцеловал в щеку.

— Привет. — поздоровалась Рина, ослепляя меня радостным взглядом. — Куда идешь?

— В спортзал. Не хочешь со мной? — Рина улыбнулась, кивнула и побежала брать необходимые вещи для тренировки. Мы с Дженифер остались одни, я заметил на себе ее оценивающий взгляд и мне он не понравился. Впрочем, мне редко когда нравились посторонние взгляды.

— Когда ты собираешься признаться ей? — а вот это интересно.

— Признаться, в чем? — переведя на нее свой взгляд, спросил я.

— В своих чувствах. Для всей нашей группы очевидно, что ты в нее влюблен, но Нарин даже не допускает об этом мысли. — я тяжело вздохнул.

— Все дело в том, что Рина до сих пор видит во мне брата.

— Но, насколько мне известно, вы не родственники.

— Да, но для нее это не имеет значения.

— А если я тебе скажу, что ваша игра в пару не прошла бесследно для сердечка Нарин?

— Она что-то тебе говорила? — потрясенно спросил я.

— Лишь то, что готова открыть свое сердце и влюбиться. Кто знает, может она выберет тебя. — слова Дженифер стали для меня потрясением, я собирался задать ей еще один вопрос, но вышла жизнерадостная Рина и взяв меня за руку, сказала, что готова идти.

Впервые доброжелательно кивнув подруге Риной, мы двинулись в спортзал.

Спортзал находился недалеко от университета, поэтому мы быстро дошли до него. В

зале тренировались лишь несколько парней, и я сразу окинул всех взглядом, оценивая степень их заинтересованности в Рине. Как и предполагалось — все уставились на нее, замерли, едва не открыв рот. Еще бы, ведь за эти три года Рина стала еще женственней и красивей, благодаря работе в модельном агентстве Рина одевалась со вкусом, ухаживала за своим лицом и несмотря ни на что — выглядела великолепно. Я не хочу сказать, что раньше она выглядела плохо, нет, для меня Рина, независимо есть на ней макияж, надето ли платье и каблуки, выглядела лучше всех. Она стала еще выше, стройней, а грудь выросла еще больше. Рина была самым воплощением девичьей красоты, сводящей с ума. И каждый мужчина, смотревший на нее, замечал это.

Рина не замечала на себе взглядов парней, ища в своей сумке лосины и топ. Улыбнувшись своей находке, она пошла переодеваться, плавно покачивая бедрами. Боже! Парни переглянувшись друг с другом, кивнули в сторону Рины и пошло засмеялись. Недолго думая, я подошел к ним.

— Что, понравилась девочка? — сдвинув брови на переносице, спросил я.

— Какие-то проблемы? — выступил один и поравнялся со мной. Он был немного выше, но это не пугало меня.

— Она моя! И я не хочу, чтобы пускали слюни в ее сторону! — парень был явно любителем поиграть на публику, выставляя свою показную смелость.

— Да? — насмешливо переспросил он. — И что же ты сделаешь? — он манерничал перед моим лицом, пытаюсь вывести меня, но я полностью контролировал себя. — Ударить меня? — продолжал насмехаться он. — Ну, давай ударь! — про себя я поразился, как можно быть таким безрассудным идиотом, не зная какой в действительности перед ним соперник, он пытается вывести его из себя. Никаких инстинктов самосохранения.

Пока он, кривляясь, скакал передо мной, я нанес ему только один удар, отправивший его прямо в нокаут. Со мной шутки плохи. Долгие годы тренировок, оттачивание ударов, плюс постоянные соревнования, до автоматизма выработали мои навыки вырубания с одного удара. Главное знать важные точки, а я их знал. Я не любитель долгих показушных боев, в которых противники бьют друг друга, растягивая мучения.

— Забирай своего друга и валите отсюда. — злобно прорычал я сквозь зубы. Рина входила в тот момент, когда парень выводил своего глупого друга.

— Оставила тебя на пять минут, а ты уже нарвался на неприятности? — она уперла руки в боки, как сварливая жена и сердито взглянула на меня.

— Мои кулаки соскучились по нахальным рожам. — недовольно покачав головой, Рина пошла на эллипс. Фиолетовые лосины для гимнастики красиво обтягивали ее округлые бедра и стройные ножки, сидя на ней словно вторая кожа. В вырезе красивого топа виднелась внушительная соблазнительная грудь. Я смотрел на плавный изгиб поясницы, переходящий в безумно соблазнительные ягодицы и едва не пускал слюну. Интересно, какие они на ощупь? Повинуясь порыву, я обхватил ее ягодицу ладонью и потрогал. Упругая, идеальная... Завороженный этим действием я не сразу заметил, что Рина перестала крутить эллипс и остановилась, изумленным взглядом смотря на меня.

— Что, по-твоему, ты делаешь, Эван? — спросила она, указывая кивком головы на все еще покоящуюся на ее ягодице ладонь.

— Кажется, я увидел там пятно... — на ходу стал придумывать я, краснея под напором ее глаз.

— Почему тогда не убрал руку сразу? — допытывалась она. Увидев мой растерянный

взгляд она рассмеялась. — Неужели я смогла загнать тебя в тупик своим вопросом? Расслабься, я не злюсь на тебя. — да, Рина повзрослела, стала уверенней в себе и больше не теряется рядом со мной. Я стал мягче? Или понял, что жестким обращением не добьюсь ее любви? Возможно, так.

Потом мы разошлись, она пошла бегать на беговой дорожке, а я колотить боксерскую грушу. Я выплескивал на нее весь свой негатив и желание, с которым боролся день и ночь, скрывая его от Рины. Избиение груши продолжалось долгое время. Мои кулаки болели и саднили, пот покрывал тело, стекая с головы вниз. Я устал, но продолжал бить, смотрел на нее и не мог понять, почему Рина не понимает меня? Не видит моих чувств к ней? Почему только я влюблен? С каждым вопросом я бил грушу все сильнее, представляя вместо нее Судьбу, которая каждый день насмеялась надо мной. Но внезапное прикосновение к моей спине успокоило меня. Рина сначала положила ладонь, а затем и сама прижалась ко мне сзади.

— Что тебя тревожит, Эван? Ты сам не свой. — решившись наконец признаться ей во всем, я развернулся к ней, порывисто обнял и прижался губами к ее губам. Но не успел я почувствовать ее вкус и раствориться в ней, как грубым образом был отстранен. Со злыми глазами, полными разочарования она смотрела на меня.

— Что на тебя нашло, Эван? — она вытерла тыльной стороной подкрашенные блеском губы, избавляясь от вкуса моих губ. Так, словно мой поцелуй был ей омерзителен.

— Что нашло? — едко спросил я, не в силах больше терпеть этот фарс. — Ты на меня нашла!!! Везде, куда не посмотрю — всюду ты! Не могу думать ни о чем — только о тебе! Ты похитила мое сердце и душу! — я ударил пару раз себя в грудь, пытаюсь ярче выразить свои чувства.

Рина заметалась по залу. Она прятала свой взгляд, не желая смотреть на меня.

— Это все из-за того, что мы слишком много времени проводим друг с другом, — начала находить оправдания Рина. — наша игра тоже наложила на тебя след.

— Что за бред, Рина! Я люблю тебя с самого детства, с тех самых пор, когда впервые увидел! — заорал я, пытаюсь донести свои слова.

— Тебе пора завести девушку, а мне парня. — увещевала она. — Слишком долго мы были вместе.

— Уясни, Рина, у тебя не будет других парней кроме меня. Поняла? — я схватил ее за плечи и сжал, сверля жестким взглядом. На ее лице отразилась паника, граничащая со страхом. В тот момент мне было плевать, лучше сразу поставить ее в известность, чем когда будет поздно.

— Не будь таким, Эван. Ты не можешь просто взять и разрушить, то святое, что было между нами. — ее красивые глаза налились слезами.

— Могу. Я и так долго терпел.

— Нет, Эван! — покачала головой она. — Больше не говори мне об этом. Я не хочу слышать ничего о твоей любви. — она, как маленькая упрямица закрыла уши руками и отвернула от меня лицо. Мне было так больно от ее слов. Я понимал, что этот разговор должен был состояться еще давным-давно, но все время откладывал, не хотел делать ей больно, страдал в одиночку. Ждал, в конце концов, ее совершеннолетия, но она все равно меня не принимает!

Мягко положив кисти рук поверх ее ладоней, я коснулся дрожащими губами ее волос. Вдохнув опьяняющий запах, я закрыл глаза.

- Я буду твердить о своей любви, пока в твоих глазах не вспыхнет ответное чувство.
- А если оно никогда не вспыхнет? — обреченно спросила она.
- Значит, я возьму его силой.

Три года пролетели, как метели. Я много училась: помимо предметов в университете, я оттачивала навыки позирования. Благодаря Дженнифер, которая была в этом деле профессионалом, я смогла научиться всему в разы быстрее. Только благодаря ей я смогла чувствовать на фотосессиях себя уверенно и легко, так, словно с самого рождения привыкла к камере.

Нам с Эваном приходилось поддерживать легенду наших отношений. Входили в агентство мы, держась за руки, для нас это было обычным делом и в принципе, меня это не слишком волновало. И хотя Эван и раньше прикасался ко мне, сейчас он делал это — по-особенному нежно, вызывая волну мурашек по всему телу. При Андре Эван постоянно прижимал меня к себе, положив свои руки мне на живот. Он и раньше так делал, но сейчас было все по-другому. Я ощущала все иначе, словно в его прикосновениях появилась какая-то интимность.

Эван все время смотрел на меня влюбленными глазами, каждый кто видел это — не сомневался в его любви ко мне. Я же не могла понять, как можно так хорошо претворяться. Я из кожи вон лезла, чтобы хоть немного изобразить чувства к нему, но как ни старалась — ничего не получалось. Эван смотрел на меня, и я все еще видела в нем лучшего друга и любимого брата. Однажды, глядя на нас с Эваном, секретарь Андре отвела меня в сторону и спросила, как я могла подцепить такого красавчика и влюбиться в себя так, что он смысла без меня не видит. Эти слова меня сильно поразили, и я всерьез пригляделась к Эвану, а может он действительно...? Нет, не может быть. Даже думать об этом не хотела. Эван не вписывался в мои представления о парне или любимом мужчине. Эван — это Эван и ничто не изменит моего к нему отношения. Ведь так?

За это время я успела позабыть каким деспотом он может быть. Я могла общаться с Дженни и он не говорил мне ничего против, словно данный факт его нисколько не волновал. Я даже могла ходить гулять с ней и ни одного упрека не было от него. Ненароком я подумала, что Эван изменился и теперь я смогу жить своей жизнью, не заботясь о его мнении. Осмелев рядом с ним, я поняла, что Эван принимает это и не пытается осадить. В какой-то момент я подумала, что являюсь хозяйкой своей жизни и Эван больше не имеет надо мной власти.

Я помню, как в один из дней у нас с мамой состоялся неприятный разговор. Я говорила ей о том, что меня пригласили в модельное агентство, но об условии, поставленном Эваном — умолчала. Помню ее недоумение, когда она увидела нас на страницах модного журнала.

Этот разговор состоялся в канун Рождества, когда мы с Эваном приехали домой. Посадив нас за стол, она положила раскрытый перед нами журнал и сердито спросила:

— Ничего не хотите мне сказать? — я сразу занервничала, слова застряли в горле, поэтому Эван пришел на выручку.

— Что вас удивило, тетя? Разве Рина не говорила, что стала моделью? Или она забыла упомянуть, что мы снимаемся вместе? — его губы изогнулись в мрачной усмешке.

— Здесь написано: юные возлюбленные! — она ткнула пальцем в надпись под фотографией. Я еще пуще покраснела, не в силах взглянуть ей в глаза.

— Тетя, не придавайте большое значение надписи. Я переживал за Рину. Поэтому настоял, чтобы она сказала всем, что я ее парень. Всего лишь предосторожность. Не более.

— Но вы брат и сестра, что если об этом станет известно? — спросила мама растерянно.

— Вижу Рина сдержала слово и не рассказала вам о моем секрете. — он коротко улыбнулся, едва заметно погладив меня по спине. — Не так давно мне стало известно, что мы с ней не родственники.

— Но Амит... говорил, что ты его сын, как это возможно? — на имени отца мама осеклась, словно произнести его было непосильной задачей.

— Что ж, похоже моя мамаша решила найти козла отпущения... как минимум двух. Кто знает сколько в действительности их было.

— Эван, — строгим тоном начала мама. — мне не нравится в каком тоне ты говоришь о своей покойной матери!

— Вам-то какое до нее дело?! Моя мать была ш... — взглянув на злое выражение лица моей мамы, Эван поправился. — ладно, девицей легкого поведения. Их было так много, что я даже не запомнил хоть кого-то из них.

— Но как тебе стало известно, что вы с Нарин не родственники?

— Меня нашел еще один предполагаемый отец, тогда-то я и задумался над тем, что моя мамаша лгала всем. Я попросил Рину сдать анализы вместе с нами, чтобы быть точно уверенным в моей догадке.

— И тест показал отсутствие родства. — констатировала мама спокойно.

— Бинго.

— Значит, ты нашел своего настоящего отца? — спросила мама уже полностью успокоившись.

— Нет. На самом деле мне никогда не было важно, есть у меня отец или его нет. Я жил без него всю жизнь — проживу и сейчас. Возвращаясь к волнующей вас теме: даже если в агентстве узнают правду — мне все равно, так как по факту родственной связи у нас нет.

Мама покачала головой.

— Ты забыл о том, что в реестре семьи вы дети одного отца, да и фамилии у вас одинаковые. Уверен, что волноваться не о чем? — на мгновение мне показалось, что Эван всерьез задумался над мамиными словами, но в следующий момент он ответил:

— Едва ли меня волнует всеобщее мнение. — мама покачала головой, пробормотав себе под нос.

— Все-таки ты так на него похож... — и Эван взбесился. Резко поднялся с места и опершись на столешницу руками, вперился злым взглядом в мамино лицо.

— Даже не смейте сравнивать нас! Вы похоже забыли каким человеком он был! Хотите, чтобы я напомнил? Чтобы вы сразу увидели, что мы ничем не похожи! — взгляд мамы стал испуганным, каким-то затравленным, она бросила панический взгляд на меня, глазами говоря Эвану остановиться, не говорить ничего в моем присутствии. А меня это так взбесило, что я, подобно Эвану вскочила с места, не в силах сдержать чувств:

— Говори, Эван! Каким был мой отец? Что вы скрываете от меня? — краем глаза я заметила, как мама умоляющим взглядом глядит в глаза Эвану, прося молчать. Укоризненно взглянув в ее сторону, я испытующе посмотрела на Эвана. — Ну же! Я хочу услышать правду!

Глядя на меня, Эван расслабился. Я поняла это по тому, как смягчился его взгляд, приобретая теплоту. Он поднял свою руку, чтобы коснуться ладонью моей головы. Он всегда так делал, когда пытался успокоить.

— Тебе не о чем переживать, Рина. Я лишь хотел сказать, что папа бросил нас, а я

никогда бы так не поступил. — и хотя внешне он выглядел так, словно говорил правду — я ни капли ему не поверила. Интересно, как часто он врал мне, смотря такими честными глазами?

— Ты лжешь! Ты все лжешь, Эван!!! — бросившись из гостиной я закрылась в своей комнате, не желая никого из них видеть.

Рождество мы встречали в молчании, но зная, какой это светлый праздник, я не стала держать на них зло.

Однако, я часто возвращалась мыслями к папе, точнее к секрету, что тщательно оберегали от меня. Мне было очевидно, что он не бросал нас, за этим крылась другая правда, которую мне нельзя было знать.

В день моего совершеннолетия Андре организовал небольшую вечеринку для нашей команды. Я была так счастлива, окруженная заботой и вниманием коллектива. Фанаты прислали мне кучу разных подарков, открыток с пожеланиями и море цветов. В тот день я была безумно счастлива. Андре организовал для нас с Эваном фотосессию по этому поводу, тем самым дав понять фанатам, что отныне невинные снимки в прошлом, их место уступит настоящая страсть. Меня это пугало. Мои чувства к Эвану были чисто платоническими и перейти с ним черту — я не могла. В моей памяти до сих пор был свеж тот ужасный поцелуй, который отпечатался в моей голове клеймом. Нет уж, не хочу его повторения.

С приходом совершеннолетия я стала понимать, что пора менять что-то в своей жизни. Мы не можем больше выдавать себя за пару. К чему это вообще ведет? Мы сумели обмануть агентство, Андре, наших фанатов, но все это теряет смысл, если дальнейшего развития отношений не последует. Рано или поздно я встречу парня и захочу завести с ним отношения. Нам с Эваном все равно придется пойти на этот шаг. В лицах фанатов я стану предательницей, от меня отвернутся. Уж лучше официально объявить о нашем расставании, без претензий друг другу. Мы все еще можем дружить и фанатов, возможно, удовлетворит тот факт, что мы расстались друзьями. Да, думаю, проблемы с этим возникнуть не должно, Эван без проблем поддержит мою затею, все-таки сейчас он изменился и больше меня понимает.

Весь день я ходила задумчивая, размышляя, как мне подойти к Эвану с таким разговором. Как он отреагирует на мои слова? Действительно ли будет все так, как я думала? Наше расставание будет означать, что мы не сможем вместе посещать агентство, а значит, Эван не сможет быть со мной рядом. Все-таки для Эвана моя безопасность была превыше всего, он слишком меня опекал. Как это отразится на моей модельной известности, работе? Нужна ли я им буду после расставания с Эваном?

— Эй, Нарин, о чем задумалась? — Дженифер встала передо мной, озабоченно размахивая ладонью перед моим лицом.

— Ох. — вздохнула я. — Думаю над тем, что будет если я расстанусь с Эваном. — Джени села рядом со мной на кровать и задумчивым взглядом прошлась по моему лицу.

— Боюсь, та многочисленная армия фанатов, что болеет за вашу пару — не простит тебя. Твоя популярность возрастет за счет хейтеров. Зная какая ты: тебе будет очень тяжело это перенести. — я вновь вздохнула, понимая, что она права.

— Почему иногда так сложно расстаться с человеком, с которым никогда и не была парой? — я уронила голову на руки, отчаянно размышляя, как поступить правильной всего.

— Потому что нужно было думать, прежде чем увязываться в такую авантюру. Но почему ты вдруг приняла такое решение? Что-то случилось?

— Нет, — покачала головой я. — куда это приведет? А? Между нами нет отношений, а играть в любовь для своих фанатов надоело. С приходом моего совершеннолетия наши фотосессии будут приобретать более откровенный характер. Я этого не хочу.

— Уверена, что не хочешь перевести ваши отношения за грань дружбы? — я взглянула на нее удивленно.

— Я всегда буду относиться к Эвану, как брату. Когда ты говоришь что-то о любви к нему — это звучит, как нечто ненормальное.

— Глупышка. — покачала головой она и улыбнулась. — Вы же не родственники. — покачала головой она.

— Глупышка или нет, но я должна поговорить с Эваном. Ему пора обзавестись настоящими отношениями, а не опекать меня.

— Боюсь Эван с тобой не согласится. — покачала головой она.

Немного позже, мы вышли на улицу подышать свежим воздухом. Совсем скоро к нам присоединился Эван. Он сказал, что идет в спортзал и я решила пойти вместе с ним.

В спортзале, пока переодевалась, я слышала звуки потасовки. Переодевшись, я поспешила к Эвану. Он стоял полностью довольный, когда двое парней убегали из спортзала, позабыв свои вещи. Привыкшая к вспыльчивому нраву Эвана и бесконечных потасовках, я лишь пожурела его.

С тех пор, как я стала моделью, мне пришлось три раза в неделю посещать спортзал, чтобы мое тело оставалось стройным и упругим. Поначалу мне наняли тренера-женщину, которая занималась со мной, позже я уже сама могла тренироваться. Забравшись на эллипс, я решила первые двадцать минут позаниматься на нем. Вставив в уши беспроводные наушники, я настроилась на тренировку. Все окружающее потеряло смысл, были только я, музыка, играющая у меня в ушах и конечно, тренажер. Но внезапно я почувствовала, что-то постороннее на своих ягодицах, какую-то тяжесть. Ощущение было приятным, горячим, но все же чужеродным, не должно этого быть там. Переведя взгляд на Эвана, я заметила, с каким обожанием, диким блеском глядит он на свою руку, сжимающую упругую выпуклость. Я даже растерялась, не знала, как реагировать на это. Изобразила возмущение и почти обвинила в домогательстве. Я едва не засмеялась, увидев его лицо в тот момент, когда набросилась на него. Неловкость и смущение на нем было написано. Он стал оправдываться и придумывать небылицы. Пятно, как же! Но все же, это было так приятно, когда тебя трогают мужские руки, даже если это руки самого родного человека... Хм...

Подумав, что больше не хочу заниматься на эллипсе, я перешла на беговую дорожку. Я должна была вытрясти ненужные мысли из своей головы. До сих пор моя ягодица горела огнем, напоминая о прикосновении Эвана. Все-таки поступок Эвана привлек внимание, и я мимолетно взглянула на него. Эван буквально избивал грушу кулаками, разбивая кожу в кровь. Подумав о его ранах, у меня появилось непроизвольное желание поцеловать каждую ранку на его кулаках, заглушая боль. Энергично замотав головой, я постаралась отогнать от себя эти мысли. Что еще за бред лезет в голову? Такое желание могло бы появиться в детстве, но сейчас, став старше — поцелуи ассоциировались с другими чувствами, которых к Эвану у меня никогда не будет. Закрыв глаза, я попыталась бежать быстрее, чтобы вновь не возвратиться мыслями к нему, но мой взгляд вновь переместился на Эвана, все с таким же желанием и рвением избивающем грушу. Что его беспокоило в тот момент? О ком он думал? В его глазах плескалось недовольство, злость, обида, на кого были направлены эти чувства?

Повинуясь своему желанию, я пошла к нему. Не в силах смотреть, как он причиняет

боль своим руками, я обняла его сзади, прижимаясь к влажному после тренировки телу. Пока я говорила, Эван замер, наверное, думал, как бы мне ответить. Но в следующую секунду он резко развернулся и крепко поцеловал меня в губы. Это было так неожиданно, что я сразу оттолкнула его, не желая слышать отклик своего тела на поцелуй Эвана.

Он стал признаваться мне в любви, говорить, что это продолжается с самого детства и что не мыслит жизни без меня. А я ничего не понимала. Себя не понимала. С одной стороны передо мной был Эван, к которому я всегда относилась, как к брату, с другой стороны, услышав его слова, во мне что-то щелкнуло. Решив не задумываться о природе своих странных ощущений, я дала ему свой привычный ответ, гласящий, что между нами ничего не может быть, потому что мои чувства никогда к нему не изменятся. Я даже предложила ему завести девушку, — и опять какое-то странное неприятие ощутила, и объяснила, что и мне нужен парень. Но когда Эван сказал, что у меня никогда не будет других парней кроме него — внутренне, я взбунтовалась. Внешне, я изобразила страх и панику, чтобы Эван понял, что не должен поступать так со мной. Я даже немного заплакала для пущей убедительности. Все-таки за три года работы в модельном агентстве, я научилась убедительно играть ту роль, которая в данный момент мне была выгодна. А сейчас я хотела, чтобы Эван пожалел о том, как разговаривает со мной.

— Я буду твердить о своей любви, пока в твоих глазах не вспыхнет ответное чувство. — что-то екнуло в животе при его словах, но я вновь проигнорировала это ощущение. Чтобы это ни было — это не может быть нормальным.

— А если оно никогда не вспыхнет? — спросила я.

— Значит, я возьму его силой. — внутренне усмехнувшись словам Эвана, я смахнула слезы с глаз и уверенно прошептала.

— Что ж, попробуй, Эван. Если ты уже потренировался, тогда мы можем уйти. Думаю, тренировка окончена. — Эван мягко улыбнулся, касаясь пальцами моих волос.

— Ты злишься на меня, Рина? — спросил осторожно Эван, заглядывая мне в глаза. Злюсь ли я на него? Скорее нет, чем да. Но ему не нужно этого знать.

— Злюсь. Ты собираешься разрушить наши отношения.

— Нет, — покачал головой он. — лишь сделать их еще крепче. Разве может моя любовь растоптать нашу дружбу?

— Может, если эти чувства не взаимны.

— Но это изменится. Чувства появятся, если ты позволишь им войти в твое сердце. — он коснулся ладонью в том месте, где предполагаемо находилось мое сердце. Эван иногда говорил так красиво, что хотелось верить его словам. — Нам даже не придется врать о наших отношениях. — он ласково глядел в мои глаза, говоря со мной сладким, искушающим голосом. Наверное, так говорил змей с Евой, подбивая ее на послушание.

— Вот об этом я хотела с тобой поговорить... — он вопросительно взглянул на меня, ожидая продолжения фразы. — Давай расскажем в агентстве, что мы расстались? — Эван сдвинул брови на переносице, сжав кулак, он прошипел.

— Только если ты готова уйти из агентства. — я была не готова, но решила, что этот вопрос еще не закрыт. Сначала нужно набраться больше сил для битвы с Эваном. Я не отступлю и попытаюсь добиться своего. Теперь, когда я знаю, чего стою — мне не хочется проигрывать Эвану.

Следующие дни я делала вид, что произошедшего разговора не существовало. Не было его руки на моей ягодице и конечно, поцелуя. Иногда, мыслями, я возвращалась в тот момент, чтобы понять, каково это, когда тебя целуют. Но каждый раз, как трусиха, сбрасывала с себя наваждение, не желая думать об Эване в подобном ключе.

Эван исполнил свое обещание и неизменно напоминал мне о своей любви. Я просто делала вид, что ничего не слышу, не желая вновь расстраиваться, пускаясь в споры. Когда-нибудь ему это надоест и тогда он поймет, что никаких других чувств кроме дружеских, братских, у него ко мне нет.

В эти дни Эван еще больше прикасался ко мне. Теперь его прикосновения, я отчетливо ощущала, превратились в совсем не дружеские. Он даже среди группы не пытался скрыть своих чувств ко мне. Глядя на нас, одноклассники улыбались, двигали бровями, подкалывали. Мне хотелось рассказать им правду, но я не могла отрицать наших отношений, так как молва, что мы пара расползлась далеко за пределы модельного агентства. Доказывать всем, как это было в школе — бессмысленно, когда для всех мы состояли в отношениях. Среди одноклассников, поначалу, эта новость вызвала недоумение. Все-таки всем было известно, что мы родственники. Тут уже на выручку пришел Эван, встав перед всей группой он рассказал, что между нами нет родства. Его поступок очень удивил меня, учитывая, что он не любит общение с посторонними людьми. К тому же объяснять кому-то природу наших отношений он никогда не стал, если бы не знал, как для меня это важно.

Теперь нам приходилось строить из себя пару повсюду, где бы мы ни находились. Это было так утомительно и до боли неправильно. Я понимала масштабы катастрофы, которую мы создали сами своей ложью. Когда все выйдет наружу сухими нам не выйти из этой передраги.

Поздно вечером Андре прислал сообщение, что в субботу нас ждет горяченькая фотосессия на яхте. Слово «горяченькая» очень насторожило меня, что он имеет в виду? В голову сразу полезли всякие непристойности, которые мы с Эваном должны будем делать. Набрав номер Эвана, я услышала лишь пару гудков, когда он ответил.

— Эван! — на эмоциях позвала его я. — Андре только что написал сообщение, ты видел его?

— Видел. — с улыбкой в голосе ответил он. — Что за паника в голосе, Рина? Боишься, что нам придется целоваться?

— Ты тоже думаешь, что это может случиться? — нервно спросила я, искренне надеясь, что Эван успокоит меня и скажет, что ничего подобного не будет.

— Я почти уверен в этом. — он удовлетворенно засмеялся.

— Мы не можем этого допустить! — с готовностью ответила я. — Должны что-то сделать, чтобы предотвратить это!

— Нет уж, я ничего не буду делать. Я буду с нетерпением ждать фотосессии, на ней ты точно не оттолкнешь меня.

— Ты идиот, Эван. — мрачно ответила я, надув губы.

— Ах, Рина, ты права. Я идиот. Нужно было давным-давно признаться тебе в чувствах и уже сейчас мы счастливо жили бы вместе. — не желая слушать его, я сбросила вызов. Эван в этом вопросе мне совсем не поможет, тогда что? Ааа, придумала!

День фотосессии пришелся на очень солнечный, безветренный день. Я с предвкушением представила яхту, бороздящую волны атлантического океана, свежий аромат морского бриза и приветливое яркое солнышко, согревающее, пусть не по-летнему, но все равно тепло.

Надев красивое голубое платье, пиджак и туфли, я оглядела себя с головы до ног. Мой стиль изменился и сейчас я действительно выглядела как светская львица. Наскоро уложив волосы, я подкрасила немного губы — все равно визажист нанесет профессиональный макияж.

Из-за последнего разговора я немного злилась на Эвана. Поэтому встретившись мне совсем не хотелось с ним разговаривать. В этот день он выглядел невероятно, не знаю, в чем тут дело, вроде бы его обычная одежда, но при взгляде на него сердце ускорило свой бег. Что за бред! На нем были черные джоггеры и майка, поверх которой любимая косуха, а на ногах темные джорданы. Мужчина в черном — не иначе!

— Готова к самому незабываемому поцелую в твоей жизни, Рина? — он лукаво улыбнулся, сверкая хитрыми глазами. Стукнув его в плечо, я пошла вперед, увидев припаркованное у обочины такси. Почти сразу нагнав меня, он спросил: — Все еще дуешься на меня?

— По-твоему, не должна? Я хотела покончить с нашими отношениями, а не тонуть в них еще больше. — Эван покачал головой.

— Только представь, насколько лучше станет наша жизнь, если ты ответишь взаимностью на мои чувства.

Я понимала, что своими отказами делаю ему больно, но иначе не могла. Я уже не ребенок и Эван не может быть единственным мужчиной в моей жизни. Да, я любила его, но он больше не может быть центром моей жизни. Нам нужно двигаться дальше, мне идти своей дорогой, ему — своей. Идти вдвоем по жизни, цепляясь друг за друга — нельзя.

— Мы будем опять об этом говорить? — возмутилась я, пытаясь не повышать голос. — Неужели между нами не осталось других тем для разговора?

Не ответив на мой вопрос, Эван уставился в окно. В салоне автомобиля повисло молчание, которое действовало на нервы. Но так даже лучше, по крайней мере тишина давала возможность отдохнуть от навязчивых признаний Эвана.

Когда такси остановилось у модельного агентства, Эван вышел первым, чтобы открыть для меня дверь и подать руку. Его рука была теплой и большой, моя ладошка тотчас согрелась от его тепла. Вошли мы, держась за руки. Эван бросал на меня нежные, ласковые взгляды полные любви.

— А вот и наша сладкая парочка! — Андре положил стопку фотографий на стол. — Сегодня вам предстоит фотосессия на яхте. Эта работа будет отличаться от всех тех, что были раньше, поэтому убедительно прошу вас выложиться по максимуму. В тебе Эван я не сомневаюсь. — он кивнул Эвану и перевел взгляд на меня. — Но ты Нарин слишком зажата рядом с Эваном. Сколько вы вместе?

— Эээ...

— Уже больше трех лет. — подхватил Эван, отвечая на вопрос Андре.

— Это достаточно большой срок, но ты рядом с ним все равно чувствуешь скованность. Сегодня, Нарин, я хочу увидеть пламя в твоих глазах. Покажи мне, как сильно ты его хочешь! — я удивленно подняла на него взгляд.

— Хочу его? Что это значит? — Андре взглянул на меня таким взглядом, словно я не

знаю очевидных вещей.

— Между вами еще что, ничего не было? — он обратил вопросительный взгляд на Эвана, который спокойно покачал головой. — Ты евнух, парень? — усмехнулся Андре.

— Послушайте Андре, спим мы с Нарин или нет — не ваше дело. Если вам нужны чувства в кадре — вы их получите, но насмехаться над нами я не позволю. — и тут меня осенило о чем они говорят. Покраснев до корней волос, я отвела свой взгляд в сторону.

— Ты прав, Эван. Весь инвентарь укомплектован, мы готовы выезжать. По дороге объясни все Нарин, если она еще не поняла значения слова хотеть.

— Я поняла. — кивнула я уверенно.

— Я рад. А то успел уже подумать, что имею дело с желторотиками.

— Извините, Андре, но то, что вы просите — невозможно. — ответила я уверенно, не забыв сделать голос болезненным.

— Что такое?

— Я подхватила простуду и мне нельзя сниматься в такой фотосессии. Боюсь я смогу заразить Эвана и всю команду. Кха-кха. — для пущей убедительности я покашляла.

Андре задумался, всерьез обдумывая мой отказ, но в разговор влез Эван, спутав мне все карты.

— Не переживай обо мне, Рина. Я уже давно привык к твоим микробам. Так что я их не боюсь. — теперь последнее слово было за Андре.

— Раз уж, Эван не против, тогда нет проблем. — ответил Андре, хлопнув в ладоши.

— Но мне плохо! — отозвалась я, теряя надежду.

— Еще пару минут назад, ты скакала как коза. — лукаво улыбнулся Эван, получив в ответ от меня злобную улыбку. Я приняла поражение.

Погрузившись в машину, Эван крепко сжал мои пальцы. Он видел мою задумчивость, вызванную предстоящей необычной работой.

— Ты предатель! — с обидой прошептала я.

— Нет. Я лишь выбиваю себе место под солнцем.

— Да ну тебя! — психанула я и погрузилась в беспокойные мысли.

— У нас все получится, Рина. — шепнул он мне на ухо спустя десять минут. Его голос полоснул по коже свежим бархатным дыханием. От его слов стало сразу спокойней и глядя в глаза, я ответила:

— Надеюсь на это.

Ехали мы долго, положив Эвану голову на плечо, я немного поспала. Проснулась, когда машина остановилась. На глазах развернули шатер, где над нашими с Эваном лицами колдовали визажисты и стилисты, после чего нас облачили в сценические наряды. Красивое красное платье с глубоким вырезом красовалось на мне. Юбка платья состояла полностью из отдельных кусочков легкой блестящей ткани, сияющей в свете солнца. Волосы мне подкрутили и вьющейся копной опустили вниз на спину, оставив лишь несколько прядей спереди. На Эване был надет красивый черный приталенный костюм с бабочкой, волосы умастили и уложили назад. Взрослый и такой красивый. Даже дух захватило от его внешнего вида. Признаться раньше образ Эвана был для меня вполне привычным, обычным, но сейчас что-то изменилось во мне, и я совсем этого не понимала.

— Рина, — он протянул мне свои руки и прижал к груди, показывая искреннюю реакцию своих чувств ко мне. — Прекрасно выглядишь.

— Спасибо, ты тоже. — отстранившись, я взяла его за руку и потащила на яхту. — Мы

готовы. — сказала я Андре и началась наша съемка.

Сперва все проходило вполне обычно, как всегда. Я робко опускала взгляд, легонечко прикасаясь к его руке. Мягкие касания, нежные объятия, которые не требовали какого-то запредельного мастерства. Но вот, нам сказали покажите страсть, и я замерла. А что это вообще значит? Когда мы ехали сюда, я вбила это в интернете и мне сказали, что это сильное неконтролируемое влечение к другому человеку. Как мне его почувствовать, если к Эвану у меня не было любви.

Заметив мой ступор, Эван шепнул мне на ухо:

— Доверься мне, Рина... Иди за мной — не оборачиваясь. — я кивнула, решив довериться ему.

С трепетом во взгляде, едва не дрожа от счастья, Эван притянул меня за талию к себе. Сердце ускорило свой бег, когда я почувствовала жар, исходящий от него. Я застыла и распахнула глаза, покоряясь странным ощущениям, рождающимся в животе. Эван тем временем опустил свои губы мне на шею и поглаживая по спине, покрывал ее нежными сладкими поцелуями. Волнение внизу живота усиливалось с каждым новым прикосновением к коже. И вот уже мои руки опустились на шею Эвана, поглаживая его и лаская. Дыхание учащалось, Эван закинул мою ногу на себя и чуть наклонился вперед, медленно покидая мою шею и передвигаясь к моим губам... Окружающее потеряло смысл, я позабыла обо всем на свете, важен был только этот момент и его губы, ласкающие меня. Краем сознания я слышала смешки за нашими спинами и непрерывный затвор камеры. Но мне было все равно... И когда мои губы обжег яркий взрывной поцелуй, я лишилась остатков своей воли, отдаваясь полностью в его власть. Со стороны Эвана донесся стон или это был мой собственный, когда наши языки сплелись?

Спереди нас послышалось деликатное покашливание, которое извещало, что мы слишком увлеклись.

— Вы молодцы, ребята. — Андре похлопал нас по спинам, медленно выводя из пелены наваждения. — Впервые я доволен вашей работой на все 100 %. Продолжите дома, а пока приходите в себя.

Андре отошел, оставив нас с Эваном наедине. Я не могла смотреть ему в глаза, то, что между нами произошло пару минут назад было... странным, словно какое-то наваждение. Или так выглядит страсть? Мое сердце до сих пор не могло успокоиться, а тело дрожало, желая продолжения.

— Рина... — позвал мягко он и коснулся моей щеки ладонью. Нужно было сделать вид, что ничего значащего не произошло, иначе Эван поймет неправильно и при любом случае станет приставать ко мне.

— Что? — спросила я, внутренне собрав все силы.

— Ты в порядке?

— Я выгляжу так, словно не в порядке? — притворно удивилась я.

— Ты выглядишь так, словно не ожидала сама от себя чувств ко мне. — ну, какой же он проницательный. Едва не покраснев, я ответила:

— Эван, это всего лишь поцелуй, ничего не значащий. Будь на твоём месте кто-то другой — произошло бы тоже самое. — иногда мне хотелось стукнуть себя за слова, которые я произносила. И это был именно тот случай, вот зачем я это сказала? Зачем намеренно хочу причинить ему боль и отдалить от себя? Зачем мне это? Разве Эван не стал относиться ко мне так, что рядом с ним я уже не чувствовала себя запертой птицей?

Глаза Эвана озверели, словно превратившись в два раскаленных угля. Он больно схватил меня за руку, потянув на себя.

— Будь на моем месте кто-то другой — я живьем содрал бы с него шкуру и заставил тебя на это смотреть. — Я в ужасе уставилась в его глаза, представляя страшную картину.

— Убери от меня руки! Мне больно! — попыталась оттолкнуть его я.

— Запомни, Рина! Только я и никто больше! Ты меня поняла? — он еще крепче сжал мою руку, вызывая сильную боль в запястье.

— Я поняла, Эван. Отпусти! — разжав пальцы, я заметила на своей руке следы хватки Эвана. Ну вот, теперь эти отпечатки будут мне напоминанием о моей глупости. И ведь не поспоришь: сама виновата! Зачем так провоцировать человека!

Мы разошлись с ним. Работа на сегодня была окончена, после мы вернулись назад в общагу, где не разговаривая разошлись по своим сторонам.

Дженни решила сделать сюрприз своему парню и сбежала на ночь из общежития. Я осталась одна погруженная в невеселые мысли об Эване. Ближе к ночи я услышала стук в окно, испугавшись, я едва не закричала, но увидела лицо Эвана.

— Увидел, что ты еще не спишь и решил зайти извиниться.

— Как ты узнал, что сегодня я одна? Или тебе уже все равно на это?

— Не все равно, — покачал головой он. — можешь считать, что у меня хорошая интуиция. — Эван окончательно вошел в комнату, потянув меня за руку в сторону кровати. Я поморщилась, почувствовав боль в запястье.

— Извини, я переусердствовал сегодня. — он достал из кармана тюбик с мазью от ушибов и синяков и выдавил немного на палец. Холодная мазь коснулась запястья, а нежные массирующие движения приятно расслабили меня. Эван смотрел на мое лицо, пытаясь считать чувства. Видимо он увидел легкую блаженную улыбку на моем лице, потому что его губы также растянулись в улыбке.

— За что ты извиняешься? За это? — я указала головой на запястье. — или за сказанные слова? Ты что бандит или гангстер, что говоришь об этом с такой легкостью? — я требовательно взглянула в лицо Эвана, пытаясь считать его мысли. По его лицу невозможно было понять, о чем он думает, и я пожалела о том, что у меня не было природной проницательности.

— За то, что причинил боль. Ты ведь знаешь, что я не хотел этого. Твои слова сильно заделали меня... я уже говорил тебе не один раз, что не потерплю другого мужчину в твоей жизни. — он прикоснулся губами отметины на моей коже и плавно стал подниматься вверх. Вернулось прежнее ощущение, которое едва не свело меня с ума на фотосессии. Не желая поддаваться на эту сладкую муку, я оттолкнула его от себя и отсела подальше.

— Если ты пришел опять приставать ко мне, то тебе лучше уйти. — я указала пальцем в окно.

— Гонишь меня? — мрачно усмехнулся он. — Хочешь, чтобы я ушел из твоей жизни? Слишком тяжким бременем для тебя стал? — стоило вновь выбирать, что лучше сказать: жестокую правду или сладкую ложь? И я решила выбрать нейтральную сторону.

— Я хочу, чтобы ты был в моей жизни, но не так как хочешь ты.

— Я всегда буду в твоей жизни, Рина. Всегда! Ничто не способно меня оттуда выгнать!

— Даже если я сама прогоню тебя?

— Ты никогда этого не сделаешь, не сможешь. Ты полюбишь меня, Рина!

— Мне жаль, но этого никогда не случится.

— Поживем увидим. — он мрачно улыбнулся. — Кстати, забыл тебе сказать, недавно встретил Марианну и Изабеллу, на днях я встречаюсь с ними... — а вот это был удар поддых.

После моего признания Рина предпочла делать вид, что ничего не произошло. Хочет прятать голову в песок, что ж — пусть прячет, только это не изменит моего к ней отношения. Теперь, когда я раскрыл свои чувства к ней — меня уже ничто не остановит.

Помимо каждодневных мимолетных поцелуев, объятий и прикосновений — я поговорил с Андре. Сказал прямым текстом, что мы с Риной готовы к более взрослым съемкам. Андре выказал сомнение в этом, он помнил нашу фотосессию в день совершеннолетия Риной и понял, что она еще не готова перейти на другой уровень. Я был очень убедителен в попытке добиться желаемого и в итоге: он уступил. Чтобы Рина не узнала, что все это моих рук дело, я попросил Андре молчать об этом. Когда-нибудь, когда у нас с Риной все наладится, я сам расскажу ей, а пока приходится идти на хитрость, только бы добиться ее расположения.

Мы получили сообщение о фотосессии на яхте одновременно, учитывая, что Рина позвонила мне сразу. Я уже наперед знал, что услышу панику в ее голосе. И я оказался прав. Рина хотела, чтобы я помог избежать фотосессии, предотвратить ее, но я не хотел этого. Какой в этом смысл, если этого я желаю больше всего? Я мечтал о близости с Риной, пусть это лишь на камеру, но я верил, что чувства могут родиться, если она прочувствует их на съемках. На мой отказ Рина разозлилась и сбросила вызов. Что ж, подумай об этом, Рина. И смирись.

Настроение было почти такое же, как когда я узнал, что Рина не моя сестра. Хотелось танцевать от счастья и обнять весь мир. Я медленно, но верно, приближался к ней, ее чувствам.

Подхватив любимую кожаную косуху, я вышел на улицу. Я бы мог предложить Рине прогуляться со мной, но знал, что она откажется от прогулки со мной, чувствуя обиду. Значит, мне предстоит прогулка в полном одиночестве. Одному тоже быть неплохо.

Я решил прогуляться по торговому центру в поисках какой-нибудь красивой вещицы, достойной Риной. Благо в модельном агентстве платили достаточно, чтобы за три года мы могли позволить себе купить хорошую квартиру или даже дом.

Мой взгляд зацепился за витрину с украшениями от какого-то известного брэнда. Глаза разбегались от обилия колец, цепочек, браслетов и заколок. Золото, серебро, платина, бриллианты, рубины и другие драгоценные камни. Все было действительно красивым, но ничего не было цепляющего, что мне захотелось бы купить. Взгляд натолкнулся на шикарный браслет, состоящий из сапфиров и бриллиантов. Каждое звено было выполнено в форме сердца. Основание состояло из сапфира, а по контуру его были расположены небольшие сверкающие бриллианты. Очень красивый. По цвету идеально сочетающийся с ее глазами. От браслета отходила небольшая подвеска, такая же, как и все звенья. Она делала браслет еще более утонченным и женственным. Я представил его на тонкой красивой руке Риной и замер с улыбкой на губах. Это действительно то, что нужно!

— Эван? — откуда-то со стороны послышался женский голос, которому вторил еще второй такой же. Обернувшись на него, я увидел двух девушек, похожих друг на друга как две капли воды. С близняшками в своей жизни был знаком лишь однажды и путем несложных умозаключений, я решил, что это именно они. Марианна и Изабелла. Мои старые подружки, которых я презирал из-за их плохого отношения к Рине. А еще это дочери той женщины, что

зверски растерзал отец Рины.

— Марианна, Изабелла. — безучастно кивнул им я и отошел на расстояние, не желая продолжать разговор. Эти девочки были в прошлом, так пусть там и остаются.

— Постой, Эван. Мы так давно не виделись. Столько лет прошло! — сказала одна из них, смотря на меня каким-то хищным взглядом. Я окинул взглядом каждую из них: длинные белые волосы, стройные фигурки, облаченные в супер-короткие платья, туфли на высоченных каблуках. На длинных пальцах красовались ярко-красные когти, настоящих хищниц. Их лица можно было назвать симпатичными, если бы они не злоупотребляли косметологическими процедурами. В них не было ничего натурального. Куклы. Тупые и бездушные. Глядя на них, я увидел легкомысленных особ, добивающихся всего своим телом. Нет, они не были шлюхами, как моя мать, скорее теми, кто в постоянном поиске мужика побогаче.

— Достаточно, чтобы не иметь никакого желания с вами разговаривать. — блеснув холодным взглядом, ответил им я. Эти девочки еще в детстве не слышали отказов, повзрослев ни поумнели ни на грамм.

— Какой красивый браслет, ты собираешься купить его своей девушке?

— Я собираюсь подарить его Рине. — безразлично отозвался я, с наслаждением смотря как вытянулись их лица в удивлении.

— Так ты до сих пор с ней близок? — плохо скрывая разочарование, спросила одна из них. — Ну, конечно, брат и сестра должны хорошо общаться. Вот у нас с братом не сложились отношения. — не дождавшись моего ответа, продолжила она, грустно выдохнув на последнем предложении. Я едва не закрипел зубами от напоминания о родстве, хотелось орать на каждом шагу, что мы не родственники. А если этого будет недостаточно, то обойти каждого прохожего и бросить эту правду в лицо, чтобы знали.

— Мы с Риной близки как никогда. — послав им двусмысленную фразу, я пошел в направлении кассы. Заплатив баснословную сумму за браслет, я улыбнулся: для Рины ничего не жаль.

Я надеялся, что Марианна и Изабелла оставят меня в покое после моих слов, но они были назойливы, решив продолжать мозолить мне глаза.

— Эван, здесь неподалеку есть замечательное кафе, составь нам компанию. Расскажешь о себе, вспомним прошлое. — одна из них нагло положила свою отвратительную конечность с длинными острыми когтями мне на грудь и призывно улыбнулась. Едва не искривив рот в презрении, я убрал ее руку от себя. Ее грязный флирт мне был неинтересен.

— Прошлое, в котором я использовал вас, чтобы досадить Рине, не нуждается в воспоминаниях. — Едва не уронив челюсти на землю, они застыли в недоумении.

— Неважно. Нам интересно услышать о твоей жизни. — я устало выдохнул, разговор начинал утомлять. Интересно, им известно о том, что отец Рины убил их мать? Надеюсь нет, в противном случае мне нужно будет позаботиться о том, чтобы они никогда не рассказали об этом Рине.

— О моей жизни можете прочитать в интернете. Узнаете все, что нужно. — хитро улыбнулся я, понимая, какую информацию они там найдут. Нашу совместную с Риной.

Изогнутые брови девочек подскочили вверх.

— Ты настолько известный? — спросила удивленно одна из кукол.

— В модельном мире, да. Мы с Риной модели. — на их лицах вновь отразилось недоумение и неприкрытая зависть, но завидовали они не мне, а Рине. Своими злобными

сердцами они так и не переросли неприязнь к ней.

— Как ваши родители поживают? — стараясь не фальшивить, закинул я удочку, чтобы скорее узнать известна ли им правда.

— Мы сами по себе, Эван. У нас остался только брат, да и тот отказался от нас. — не удовлетворённый ответом, внутренне я нахмурился.

— Вы до сих пор живете там? — вновь попытал счастья я.

— Тот дом отняли за долги отца. Нас вышвырнули на улицу, как котят. — с обидой произнесла девчонка.

— Отец не выдержал и повесился. — отозвалась другая.

— А мать?

— Мама... ее не стало до того. — как-то неуверенно ответила она, бросив странный взгляд в сторону сестры. Они что-то знали!

— Через пару дней я буду свободен, хотите прогуляться вместе со мной? — глупые куклы закивали головами, выдавая счастье, которое не желали скрыть.

На этом наша встреча была окончена, я поспешил в общагу.

На следующий день мы с Риной отправились в агентство. Она дулась и не желала со мной разговаривать, но я видел, как не хочется ей злиться. Я чувствовал, что Рина попытается что-то выкинуть, чтобы сорвать съемку и был готов к этому. Не допущу ни при каких раскладах этого поворота, сегодня мы наконец будем настолько близко, что я коснусь ее губами. Не зря же я прошлую неделю пересматривал кучу обучающих видео по поцелуям! В этот раз она запомнит его надолго! Меня почти потряхивало от нетерпения, когда я заходил в агентство.

Когда Андре стал говорить с нами, Рина сказала, что больна и о фотосессии не может быть речи. Я едва не поперхнулся от смеха, увидев страдание на ее лице и взгляд молящий прекратить это. Боится заразить меня! Ха! Будь Рина больна самой страшной болезнью, от которой неминуемо погибну, я готов пойти на это, только бы пять минут быть счастливым в ее объятиях. Когда план Риной не удался она очень разозлилась на меня, но я лишь посмеялся над провалом ее плана.

Хотя Рина и молчала, по ее лицу было видно, как сильно она переживает. Взяв за руку, я попытался влить в нее уверенность, что у нас все получится и вместе мы создадим что-то невероятное. Она поверила мне, как делала всегда.

Сначала было все хорошо: обычная фотосессия, каких было сотни, а потом Андре попросил показать нам страсть и Рина замерла в ступоре. На ее лице отразился страх и паника, она была не уверена, что сможет справиться. И тогда я взял все в свои руки, неуверенный, что все получится, но искренне надеявшийся на это. Но вышло все так, как даже не выходило в самых смелых моих фантазиях. Рина плавилась в моих руках, отвечала, задыхалась и сгорала от чувств, которые я вызвал в ней своими неспешными поцелуями в шею и мягкими, но уверенными прикосновениями к коже. Наш поцелуй был похож на сказку, до такой степени он был нереальным, божественным и просто неземным. Рина отдавалась навстречу мне, гладила и отвечала на поцелуи так самозабвенно, что трудно было поверить в реальность происходящего. Ее сбившееся дыхание, учащенное сердцебиение, затуманенный взгляд и внезапный стон, что сорвался с ее губ — стали для меня настоящим подарком, который я получил благодаря своему терпению. Теперь я был уверен, что для Риной был далеко не безразличным. Возможно, она и сама не знала, что чувствует ко мне.

Когда Андре прервал нас, я не мог оторвать взгляд от блестящих глаз Риной,

затуманенных, словно она была чем-то одурманена. Не чем-то, а мной. В тот момент, хотелось бросить за борт яхты всех посторонних, чтобы остаться с Риной наедине и продолжить начатое. Между ног отчаянно зудело и пульсировало, от одного желания оказаться в ней скорей. Но время шло и желание Риной угасало, возвращая ее к холодному здравому разуму. А в этом ее состоянии она не верила в свои чувства ко мне и считала их ошибкой.

Как и ожидалось, Рина повела себя не лучшим образом, сказав то, что вывело меня из себя. По ее словам, не важно кто перед ней, итог будет прежним. То есть, даже если ее поцелует посторонний мужик, она точно также ответит на его поцелуй! Так получается? Меня так разозлили ее слова, что я готов был встряхнуть ее, стукнуть, но поставить на место мозги, которые были у нее набекрень! О чем она думает вообще? Почему не принимает? Неужели, любить меня так сложно? Или я человек недостойный ее любви?

Что ж, не хочет признавать свои чувства добровольно, заставлю принудительно, используя опасный прием. Этот прием действовал на Рину как триггер, который болел каждый раз, когда его трогаешь. Марианна и Изабелла, детские соперницы Риной, с которыми она никогда не хотела делить меня. Интересно, когда я стану уделять им знаки внимания, сколько ей понадобится времени, чтобы понять, что чувства, которые она испытывает ко мне не братские и не дружеские, а самые чистые, настоящие, как у меня?

Добирались в общагу в молчании. Не хотелось даже смотреть в его сторону. Я была так зла, так недовольна тем, что Марианна и Изабелла вновь встали между нами, но вместе с тем, злилась на Эвана, который знал, как больно мне будет от его слов. Словно он вновь предал меня, выбрав их... Воспоминаниями я вернулась в детство, когда Эван в наказание вычеркнул меня из своих дней, полностью заменив другими девочками, этими вредными близняшками, которые все время пытались меня задеть и обидеть. Я ненавидела их тогда, но когда Эван стал защищать меня, научилась делать вид, что их не существует. Но когда Эван намерено стал дружить с ними, я почувствовала горькую обиду, подступающую к горлу каждый раз, стоило мне со слезами на глазах смотреть из окна своей комнаты на счастливого Эвана, которому я была не нужна. Я корила себя, ненавидела, злилась, за то, что своими словами не желая того, причинила боль и Эвану, выбрав не его. Он тоже считал, что я предала. Поэтому тогда решил ударить меня тем же способом. Только для меня ад длился намного больше времени, я каждый день наблюдала за его предательством.

Новость о встрече Эвана с девочками залегла в моей голове и не желала выходить оттуда ни на минуту. Я не могла сосредоточиться на учебе, на разговорах с Дженни, могла думать лишь об их встрече. Сейчас они уже не дети, играть в обычные игры не будут. Я знала, что Эван нравился им с детства и глядя на него сейчас, могла с уверенностью сказать, что чувства к нему вспыхнут с новой силой. А если он полюбит одну из них, или сразу двоих, тогда я наконец избавлюсь от его любви... Только я никогда не отдам им его, возможно, другой девушке, еще мне не знакомой и еще не родившейся, но не Марианне с Изабеллой. На мгновение в моей голове промелькнула мысль, что я вообще не хочу его никому отдавать, вновь всплыли те странные чувства и поцелуй, заставивший мое сердце биться чаще... Что за черт! Покраснев до кончиков ушей, я постучала себя в грудь, пытаюсь унять сердцебиение. С моим сердцем явно что-то не так. Оно не поддавалось контролю. Или из-за этих переживаний у меня начались проблемы с ним. Но сейчас сердце меня меньше всего волновало.

Через пару дней я перестала ходить на занятия, до такой степени я впала в депрессию. Позвонил Эван и с беспокойством спросил:

— Тебя не было на занятиях, что-то произошло? — хотелось съязвить, сказать что-то типа: «Почему тебя это волнует? Теперь у тебя другие подруги, звони им!». Но я понимала, что не должна ему так отвечать, Эван ни за что не должен узнать, что меня эта тема вообще волнует.

— Нет. Плохо чувствую себя. — безжизненно ответила я.

— Ты заболела, Рина? Нужны лекарства? Я все принесу! — услышав открытое беспокойство и заботу, я внутренне улыбнулась, все-таки Эван прежний.

— Нет, спасибо. У меня все есть.

— Я приду к тебе сегодня. — видеть его совсем не хотелось, учитывая, что по его вине я находилась в таком состоянии.

— Не приходи. Из меня собеседница так себе, когда я в таком состоянии.

— Все равно приду. — твердо ответил он.

— Я же сказала, Эван, не приходи! — закричала на него я, выходя из себя. — Не хочу тебя видеть!

— Ага! — с каким-то озарением ответил он. — Значит, дело вовсе не в плохом самочувствии, а в том, что ты злишься на меня! — если бы Эван был писателем, он без труда бы написал книгу под названием: «Рина», потому что знал меня лучше всех. Он словно чувствовал меня, понимал из-за чего я могу злиться или расстраиваться. Правда, с тестом ДНК он прогадал, неверно истолковав мои чувства.

— С чего бы это вдруг? — взяв себя в руки с интересом спросила я.

— Тебя расстроило то, что я собираюсь встретиться с Марианной и Изабеллой. — от одного упоминания, мое сердце больно сжалось, но я не должна показывать ему, как сильно эта ситуация меня задевает.

— С чего ты решил, что меня это волнует? Я уже выросла достаточно и больше не испытываю к ним неприязни.

— Тогда почему ты изменилась в лице, когда я сказал о них?

— Это было неожиданно. Такой огромный город и ты как-то умудрился встретиться с ними. Когда вы встречаетесь? — не удержавшись от вопроса, спросила я, коря себя за излишнюю заинтересованность.

— В пятницу, в 5 часов. Мы встретимся в торговом центре. — записав важные данные на подкорку своего мозга, я продолжила его слушать. — Знаешь, когда я их увидел во мне что-то щелкнуло и я подошел к ним. Мы много разговаривали, гуляли, а потом обменялись телефонами и договорились встретиться на выходных. — едва не разрыдавшись в трубку, сдавленным голосом, так, чтобы Эван ничего не заподозрил, я ответила:

— Раз уж, они так тебе понравились, надеюсь теперь, ты оставишь меня в покое.

— Кто знает, Нарин, может так все и случится. — не в силах держать себя в руках, я сбросила вызов, швырнув через всю комнату телефон. Я заорала в подушку, что есть силы, выплескивая всю свою боль и обиду. Полным именем Эван никогда меня не называл, он всегда говорил, что оно мне не подходит. Риной называл меня только он и это делало его сокращение уникальным. Оно ассоциировалось у него с нежностью и всем светлым, что я олицетворяла для него, но назвав меня Нарин, он словно отрекался от всего того, что связывало нас когда-то. Эван действительно хотел предать меня, но на этот раз моя боль была намного сильнее детской, словно дело было не только в дружбе и неразрывной связи. Сказав ему свои последние слова, я надеялась услышать, что они ему не нужны и для него, на всем белом свете, существую лишь я одна. Но он сказал совершенно противоположное и я впала в еще большее отчаяние.

Зареванной, неопрятной, помешанной и уставшей меня нашла Дженни, которая только вернулась с занятий. Увидев меня в таком состоянии, она подбежала ко мне и крепко обняла. Почувствовав ее поддержку, я еще больше зарыдала, не желая копить все в себе.

— Тише-тише, моя дорогая... — поглаживала она меня. — Кто тебя обидел? — она стерла слезы с моих глаз, вглядываясь в измученное страданиями лицо. — Тебе нужно успокоиться. Чтобы ни произошло, это не стоит таких страданий. — она включила чайник, достала кружку и пакет с целебными травами, высушенными самостоятельно. Подруга обожала народную медицину, поэтому считала, что любой недуг можно вылечить с помощью трав. Она собирала разные растения, высушивала их, а потом использовала при недугах, напрочь отказавшись от традиционных лекарств.

Порывшись в своем мешочке, она отделила пучок сухих листьев и положила их в мою кружку, залив кипятком. Наблюдая за ее медитативными действиями, я немного успокоилась. Когда чай был готов и листья осели на дно, Дженни вручила кружку мне в

руки.

— Вот, это поможет тебе успокоиться.

— Что здесь? — механически спросила я, хотя не разбиралась в травах.

— Мелисса, пустырник, валериана... — она перечисляла все травы, которые положила в мою кружку, но я не слышала их, вновь погружаясь в свою боль. Меняясь в лице, по моим щекам потекли слезы. — Ну же, дорогая, пей. Тебе обязательно станет легче. — под напором сочувствующего взгляда и мягких поглаживающих ладоней, я стала пить чай. Он был невкусный, терпкий и немного горьковатый, но я сразу почувствовала его целебные свойства. Закончив пить, я почувствовала себя настолько лучше, что смогла без слез рассказать причину своего состояния, начав с воспоминаний детства.

— Ох, Нарин, я уже поняла, что Эван влюблен в тебя и не верю, что он так просто сможет забыть о тебе. Но ты уверена, что он сказал это не на зло? — вспоминая наш разговор, я понимала, что могла спровоцировать его. Что тогда, что сегодня я говорила ему задевающие вещи и Эван мог отплатить мне той же монетой.

— Не уверена. — коротко ответила я, не желая вдаваться в подробности, о том, какая я дура никто больше не должен знать. Достаточно и меня самой.

— Как бы то ни было, ты не должна показывать Эвану, что переживаешь из-за этого. Думаю, он хочет вызвать ревность в тебе и судя по твоему состоянию, у него прекрасно это выходит. — я грустно выдохнула.

— Ты уже знаешь, где они встречаются и когда?

— Да, он сказал мне.

— Супер. Найди себе самое лучшее платье, в тот вечер мы тоже будем там.

С энтузиазмом приняв план Дженни, я встала с постели и пошла в сторону своего шкафа. И хотя мои ноги подкашивались от слабости, я старалась идти уверенно. Хватит быть слабой, за эти дни я настрадалась достаточно.

Оставшиеся дни до пятницы мы с Эваном не разговаривали друг с другом. Он вел себя холодно и отчужденно, переписываясь на занятиях с кем-то по телефону. Его губы трогала улыбка каждый раз, когда он смотрел на экран. Сжимая челюсти до скрипа, я догадывалась с кем именно он может вести переписку и меня это ужасно бесило. Вспоминая Дженни и ее план, я немного успокаивалась. Лучше в его сторону даже не смотреть.

В день X, после занятий, я побежала приводить себя в порядок. Сегодня я буду выглядеть лучше всех, и никакие близняшки со мной не сравнятся. По крайней мере я настраивала себя на это.

Надела красивое голубое платье с глубоким вырезом на груди, плавно перетекающим в обтягивающую бедра юбку. Туфли на высоком каблуке подчеркивали красивые длинные ноги, делая мой образ еще совершенней. Дополнив наряд блестящим браслетом из полудрагоценных камней и точно такой же подвеской, я взглянула на свое лицо. И хотя оно все еще хранило в себе прежние страдания, я приложила максимум усилий, чтобы скрыть это. Хорошо, что я мастерски орудовала кистями и могла изменить себя до неузнаваемости. А вот Дженни была мастером по прическам, поэтому совсем скоро она соорудила мне высокий хвост с афрокосичками, располагающимися лишь с одной стороны. Смотрелось очень эффектно и дерзко. Глядя на свое отражение, я могла только представить, как сильно понравится мой внешний вид Эвану и от этого, почему-то, сердце вновь быстро забилося. Но времени совсем не было думать о своем сердце, нужно было уже выходить, чтобы не упустить их.

Дженни была одета не так броско, но тоже красиво. Бежевое бандажное платье с длинными рукавами и квадратным вырезом, на ногах элегантные кремовые туфли с удлиненным носом. На лице был легкий бежевый макияж, а волосы она убрала в высокую прическу, зафиксировав пряди шпильками.

В торговом центре мы увидели их сразу. В том, что это были Марианна и Изабелла сомневаться не приходилось, внешнее сходство с их детскими лицами было очевидным. Со стороны я видела, как они заискивали перед Эваном, клали на него свои руки, флиртовали, а он внешне был спокоен и холоден, как с людьми, к которым он безразличен. Неужели, Эван действительно играет спектакль с ними?

Девушки шли, взяв его под руки с обеих сторон, что-то увлеченно рассказывая, но Эвану, казалось, было до смерти скучно слушать их болтовню.

Прогулявшись по торговому центру, они вошли в хорошее кафе, где кормят вкусно и дорого. Мы с Эваном часто посещали его. В заведении царил атмосфера спокойствия, тепла и уюта, вежливый персонал и вкусная еда, то, что больше всего мы ценили в этом месте. И Эван привел сюда их! Что ж.

Немного подождав, когда им принесут еду, мы с Дженни со смехом на губах вошли в кафе. И хотя я прекрасно знала, что он там и была готова к нашей встрече, но натолкнувшись на его взгляд полный потрясения, вперемешку с любовью — время остановилось для нас двоих. Его красивое лицо, взгляд, что пожирал всю меня изнутри — прожигали насквозь, заставляя мое сердце нестись вскачь, словно за ним гонятся. Со мной явно что-то происходило, но я была слишком неопытна, чтобы понять, что именно. Опустив взгляд на их столик, я увидела, что рука одной из близняшек покоится на ладони Эвана и поглаживает его. А он позволял ей это. Почувствовав укол злости, я подавила его в себе и села за стол.

Присев за соседний столик, я все время сталкивалась с ним взглядом, продолжая чувствовать волнение, трепет, учащенное сердцебиение, сбивчивое дыхание и странное тепло внизу живота. Захотелось поерзать на кресле, только бы немного успокоиться. Похожие ощущения у меня были, когда мы с Эваном целовались на фотосессии. Но тогда ощущения были намного сильнее, острее, сейчас словно медленно нарастали от одного только взгляда на его лицо. Что в Эване изменилось, что мое тело стало так странно на него реагировать? Он прежний, но кажется я стала другой.

— Нарин, не смотри на него. Ты провалишь весь план. — прошептала Дженни через стол. Отведя взгляд от Эвана, я сделала вдох, пытаюсь справиться с непонятными чувствами.

Сделав заказ, мы стали болтать с Дженни ни о чем, изображая внешнюю веселость. Эван прожигал меня взглядом, я же больше не смотрела в его сторону, чувствуя себя весело и раскрепощенно.

Вкусно поужинав, мы с Дженни стали вставать со своих мест, неспеша продвигаясь к выходу. Мы держали свой путь в клуб, находящийся неподалеку. Ну, Эван, теперь твой выход. Зная тебя, ты ни за что не допустил бы, чтобы я пошла в такое место без тебя. Расположившись за барной стойкой, мы с Дженни заказали себе пару коктейлей. Алкоголь я пью крайне редко и во всех случаях рядом со мной был Эван. А сейчас его не было, и я чувствовала некоторую неправильность происходящего. Заставляя себя не смотреть на выход, я ловила себя на мысли, что постоянно кошусь в сторону двери, мечтая увидеть его здесь, но он не появлялся и я чувствовала разочарование.

Выпив еще несколько коктейлей, я почувствовала головокружение, легкость и веселость, ожидания и переживания связанные с Эваном испарились, уступив место

пофигизму.

— Пойдем танцевать, Нарин! — потянув меня за руку, позвала подруга. Веселая и расслабленная последовала я за ней. Танцпол был забит парнями и девушками, танцующими от души. Я тоже хотела поймать всеобщую волну веселья и отдалась навстречу музыке. Я забыла обо всем на свете, не говоря об Эване, который был просто обязан найти меня, иначе я действительно поверю, что больше не нужна ему.

Чувствуя музыку, я танцевала плавно, исходя из души, так как просило тело. Совсем скоро я почувствовала на себе мужские руки, тесно притягивающие меня к своему телу. Своими ягодицами я ощутила выпирающую плоть. Пьяным разумом я подумала, что это Эван прижимает меня к себе и сделав вызывающее движение телом — потерлась о мужскую плоть. Где-то над ухом я услышала глухой стон и плоть стала еще сильнее упираться мне в ягодицы.

— Горячая штучка... Пойдем со мной. — развернув меня к себе, я ужаснулась, увидев перед собой незнакомого мужика, похотливо глядящего в вырез моего платья.

— Никуда я с вами не пойду!

— Что такое? Еще недавно ты была не против. — настаивал он.

— А сейчас против! — пытаюсь вырваться из его рук, кричала я. Осмотрев танцпол я заметила, что Дженни нигде не было рядом, поэтому позвать ее на помощь не получится, остается только сопротивляться до последнего, надеясь, что сопротивлением я заставлю этого мужчину понять, что не заинтересована в нем. Но мужик был слишком пьян, или под воздействием чего-то более сильного, потому что мое сопротивление воспринималось им как прелюдия к сексу и только раззадоривало его. Говоря мне какую-то пошлую ерунду, он держал меня крепко, оставляя синяки на моих руках. Когда я поняла, что отбиться от него не получится я вспомнила Эвана, который оберегал меня словно цветочек, а я этого не ценила.

Тогда я просто сжалась, не позволяя ему увести меня с танцпола. Но внезапно тот мужик отстал от меня и уже в следующую секунду я увидела, как Эван, сидя на нем, избивает его мерзкую рожу в кровь. Увидев его, я была так счастлива, что на моих губах расцвела улыбка.

— Больше не смей прикасаться к моей девушке!

— Да она сама ко мне клеилась! — сквозь всхлипы простонал мужик. Удивительно, как через весь клубный шум, я смогла хоть что-нибудь расслышать.

Услышав ответ, Эван в последний раз его стукнул и повернулся ко мне. Его взгляд метал молнии, он готов был разорвать меня на куски. А я смотрела на него, желая преодолеть разделявшее нас расстояние и броситься к нему в объятия, вдыхая такой пленительный аромат кожи.

Ни слова не говоря, Эван схватил меня за руку, утаскивая прочь из шумного клуба. Я шла, как податливая марионетка, следуя за ним, куда бы не повел. Он завел меня за клуб — туда, где было темно и безлюдно, и прижал к стене.

— Так обрадовалась возможности освободиться от меня, что решила броситься к первому встречному? — я молчала, не желая реагировать на его грубость. — Дура! Какая же ты, дура, Рина! — и прижав меня еще тесней к стене, Эван прижался в яростном поцелуе к моей шее, вызывая поток нестерпимых мурашек по всему телу. Краем сознания я удовлетворенно отметила, что он вновь назвал меня Риной. Так приятно.

Волна жара прошла по моему телу, когда вместе с поцелуями, Эван стал прижиматься ко мне, сладко сжимая мою грудь. Я ощущала жар, исходящий от него и это вызывало во мне

еще больший восторг. Алкоголь сделал меня безоружной против Эвана, не хотелось даже сопротивляться. Хотелось отдаться навстречу его рукам и поцелуям. Губы Эвана вызывали во мне такие ощущения, какие до сих пор мне никогда прежде не приходилось ощущать. Продолжая доводить меня до безумия, Эван стянул с моих плеч платье, опустив его до живота. Оголив мои груди, Эван обхватил губами один сосок, затем второй, вызывая во всем моем теле восторг и дикий пожар, разгорающийся между ног. Алкоголь притуплял реальность, и я не хотела даже думать о том, что мы делаем в этом темном месте, когда в любой момент нас кто-то может увидеть. Сейчас я совсем не хотела об этом думать, важен только он и его язык, доводящий меня до безумия.

Уделив достаточное времени груди, Эван опустился передо мной на колени, подняв до живота подол моего платья, сделав из него гармошку. Я с замиранием ждала его дальнейших действий, в тайне беспокоясь, что Эван передумает и отступит. Подняв мою ногу, чтобы положить ее к себе на плечо, Эван прижался горячим языком области, которая в это время изнывала от желания, истекая соками любви. Я распахнула глаза от неожиданности, не понимая, что со мной это происходит в действительности. Ощущения были такими яркими, что походили на сон. Схватив Эвана за волосы, я чувственно перебирала их, отдаваясь мучительно-сладкой пытке. Дикая стона срывалась с моих губ, возбуждаясь от звуков моего удовольствия или от совершаемых им действий, вторя мне стонал и Эван. Было так хорошо, что я едва не лишилась сознания от восторга, охватившего все мое существо. Напряжение между ног росло с каждым движением его сладкого языка, с которым я все больше хотела сплестись. И вот финальные аккорды: сердце бешено барабанит в грудную клетку, стоны замирают где-то в горле, а мое тело сотрясается в мощном оргазме, лишая остатков сил. Эван поднялся на ноги, на ходу пряча свое мужское достоинство в штаны. Похоже Эван совершал два дела одновременно: доводя меня до безумия, делал приятно и себе. От этого осознания я почувствовала еще большее возбуждение, жалея о том, что не смогла этого увидеть и, возможно, потрогать. Сегодня, когда я пьяна — мне можно все, стыдиться и корить себя за распущенность — буду завтра. А сейчас, я отчаянно нуждалась в нем.

Притянув его за шею к себе, я впиалась в его губы, сладким, неспешным поцелуем. Наши языки сплелись, рождая волну удовольствия и порции стонов. Мы целовались как одержимые в этом грязном темном месте, позабыв обо всем на свете. Крышу сорвало окончательно от удовольствия и выпитого алкоголя, и я даже не задумывалась, как вульгарно выгляжу со стороны. Полностью одетый парень и девушка, одежда которой собралась на животе, открывая окружающим вид на свои прелести. Настоящая шлюха. Даже противно стало... Возбуждение и выпитый алкоголь вытиснилось чувством омерзения, заставляющем думать во что Эван превратил меня, если мой разум покинул меня рядом с ним. Оттолкнув его от себя, я поспешно опустила юбку вниз, натянув корсет платья на плечи. Как теперь глядеть ему в глаза после того, какое удовольствие он доставил мне.

— Мне нужно возвращаться. Дженни, наверное, обыскала меня. — сделав попытку уйти, я почувствовала, как рука Эвана коснулась меня, останавливая.

— Ты вновь собираешься делать вид, что ничего не произошло? — это самый лучший вариант, в противном случае я сожру себя за то, что позволила Эвану ласкать свое тело настолько откровенно.

— Эван, сейчас я слишком пьяна, чтобы разговаривать об этом. Поговорим завтра.

— Как бы то ни было, теперь ты никогда не забудешь мужчину, что пробовал тебя на вкус, преклоняясь перед тобой на коленях. — слова Эвана были настолько смущающими, что

я отвела взгляд в сторону. — Теперь я знаю твой вкус и каждый раз, когда ты станешь думать о свободе или парне, вспомни, как тебе было хорошо. Потому что я не позволю тебе этого забыть. — от его слов сердце бешено забилося, возможно, всему виной алкоголь, который заставляет меня воспринимать Эвана как желанного мужчину... Попытавшись выбросить эту мысль из головы, я ответила:

— Поговорим об этом завтра, сегодня я не хочу думать ни о чем.

Эван кивнул, поправив на мне одежду.

— Заканчивай танцы в клубе, поехали в общагу, скоро начнется комендантский час.

— А где твои подружки? — поинтересовалась я, как можно безразличней.

— Где-то здесь, но я не собираюсь искать их, чтобы попрощаться. — внутренне улыбнувшись его словам, мы неспеша пошли в сторону клуба. — Кстати, где твой телефон? Я звонил сегодня несколько раз, но он выключен. — смущенно отведя взгляд, я вспомнила, что разбила его о стену, разозлившись на слова Эвана.

— Ох... у меня его больше нет. Он разбился. — следя за моим лицом изучающим взглядом, он удовлетворенно кивнул.

Взяв меня за руку, Эван переплел наши пальцы. Это действие вызвало в моем теле такое тепло, что я невольно сжала его ладонь, внутренне боясь отпустить. Сосредоточившись на ощущениях наших сплетенных рук, я почувствовала, как он нежно провел пальцем по моей ладони, посылая по всему телу приятные мурашки. Так странно, мы с Эваном постоянно держались за руки, но раньше это не вызывало каких бы то ни было эмоций и ощущений, сейчас, каждое тактильное прикосновение Эваном воспринималось мною с волнением, трепетом и возбуждением. Неужели я начинаю что-то к нему испытывать? Нет, этого не может быть! Это все алкоголь, который дурманит голову, мешая нормально думать. Не стоит на пьяную голову размышлять о таком, а то еще ненароком решу, что влюбилась в него. Бред же.

Подходя к клубу, я сразу заметила, что Эвана ожидают у входа. Инстинктивно подняв голову выше, чтобы они не заметили мою неуверенность и природную робость, я смерила их безразличным взглядом. Ну, а что? По сути, я известная личность и мне простительно такое поведение. Тем более я впервые так себя веду. Рядом с ними хотелось показать заносчивость, стервозность, чтобы знали, что я уже не та Нарин, которую можно обижать.

Не обращая внимания на наши сплетенные руки, Марианна и Изабелла облепили Эвана пытаясь игнорировать меня, делая вид, что рядом с ним никого нет.

— Куда же ты пропал, Эван? Мы везде тебя обыскали. — обвинив Эвана со всех сторон своими клешнями, я почувствовала, как внутренне запротестовала от собственнических инстинктов извещающих, чтобы не смели прикасаться к тому, что принадлежит мне. Скорее всего такой протест произошел из-за того, что к Эвану клеятся мои давние соперницы, будь на их месте кто-то другой, возможно, я бы порадовалась за него. Так ведь?

— Какими были прилипалами — такими и остались. — надменно бросила я, окатив этих белобрысых куриц презрительным взглядом.

— Что-что ты сказала? — спросила скорее всего Марианна, она всегда была более быстрой на реакцию.

— Что слышала. Раз уж Эван не с вами, значит, вы ему совсем неинтересны! Раскройте свои глаза! — призвала я, указывая на наши руки. — Кого он всегда держал за руку в детстве и кого продолжает держать сейчас?

— Ах, ты сука. — прошипела все та же близняшка. — Такая же мразь, как и твой отец! — она попыталась вцепиться мне в волосы, желая лишить меня их.

— Причем тут мой папа? — услышав что-то о своем отце, я уже не могла держать лицо высокомерия. Почему она сказала именно про него, а не про маму? Что известно им, а мне нет?

Отодвинув меня за спину, Эван оттолкнул девушек от меня, пронзая их убийственным взглядом.

— Еще хоть слово и я вырву ваши языки.

— Ах, она не знает! — с насмешкой пробормотала одна из куриц. — Вот и задумайся, насколько сильно ты дорога ему, раз уж он скрывает от тебя такую правду. Пойдем, Изабелла, зря только время потратили.

Я стояла за спиной Эвана и дрожала. Существовала какая-то тайна, которую от меня все скрывали. Все ввали мне в лицо, говоря, что папа бросил нас. Я верила, хотя и чувствовала, что он не мог этого сделать. Но слова близняшек лишь подтвердили это. Они могли мне рассказать все, если бы не Эван. Сжав кулаки, я встала лицом к Эвану.

— Или ты мне рассказываешь все, или я больше не хочу тебя знать! — окатив его взглядом полным злости, я ждала ответ. Что же он мне скажет?

Начиная со следующего дня я старался вести себя так, чтобы Рина поняла, что безразлична мне. На занятиях я зависал в телефоне, делая вид, что веду активную переписку с девушкой, полностью уверенный, что Рина подумает на Марианну или Изабеллу. Каждый раз глядя на телефон я заставлял себя улыбаться, но чувствуя прожигающий взгляд ее синих глаз — моя улыбка становилась искренней. Она ревновала, я чувствовал. Только я хотел, чтобы она воспринимала меня, как любимого мужчину, которого никогда никому не сможет отдать.

Я видел ее каждый день, но не разговаривая и ведя себя безразлично — безумно скучал по ней. Мне не хватало ее запаха, улыбки, что касалась моей души, рук. Последние дни я часто вспоминал наш поцелуй и ту страсть, что охватила наши тела, кружа в вихре неизведанных ощущений. Она тоже это почувствовала! Я уверен в этом! Просто слишком упрямая, чтобы признать, что ее чувства ко мне могли измениться. Тот поцелуй показал мне насколько сильно мы подходим друг другу. Наши сердца бились в одном бешеном ритме, дыхания сплелись воедино — они были подобны нашим соединенным телам, стремящимся друг к другу. Когда я держал ее в своих объятиях, явственно ощутил правильность момента. Чтобы между нами не происходило раньше: ссоры, притязания и манипуляции — все это меркло, по сравнению с тем, как было нам хорошо в момент нашего первого взаимного сближения.

Я изводил себя безумным возбуждением, проматывая в голове этот момент, доводя его до идеального завершения, где я избавляюсь от посторонних, и мы остаемся одни. Потом в красках представлял, как охватившая страсть доводит нас до безумия и мы, не думая ни о чем, сплетаемся на палубе яхты в диких, мучительно-сладких ощущениях. Рина стонет, ласкает меня руками, целует и шепчет, как ей хорошо, а я наслаждаюсь ее телом, целую каждый нетронутый участок. Мы кричим, стонем и задыхаемся от страсти, а потом потные, но счастливые лежим рядом, улыбаемся и разговариваем о том, как много времени мы потеряли...

Представляя все это, я уходил в туалет, закрывался там и яростно ублажал себя, надеясь, что когда-нибудь Рина прекратит мои страдания.

С Марианной и Изабеллой видеться не было никакого желания. Меня утомляли пустые разговоры, глупая болтовня с неинтересными для меня людьми. Я ненавидел те моменты, когда мне приходилось переступать через себя и заставлять общаться, потому что так было нужно. Вот как сейчас. Я должен знать, что именно Марианна и Изабелла знают об отце Рины и какова вероятность, что они решат поделиться этой информацией с моей девочкой. Помимо этого, я настраивал себя на то, что в Рине разыграется ревность и она наконец поймет, что я небезразличен ей. Представляя это, предстоящая встреча не казалась мне такой уж тягостной. Теперь она походила на испытание, пройдя которое меня ждал крупный джекпот. Сердце и любовь Рины.

Рина перестала ходить на занятия... Первый день я заставил себя не звонить ей, искренне полагая, что таким образом она хочет привлечь к себе внимание. Но когда и на второй день она осталась дома, я всерьез забеспокоился. Кто-кто, а Рина просто так не станет пропускать занятия, боясь неуспеваемости и Бог знает чего еще.

Покинув аудиторию прямо на лекции, я поспешил выйти из здания университета, чтобы

позвонить Рине. Мои руки дрожали от волнения, перед предстоящим разговором. Я боялся услышать, что она больна или ей плохо.

Рина взяла трубку лишь после продолжительных гудков, ее голос был слабым и безжизненным, словно из нее вытекали последние капли жизни. Я подумал, что она больна, стал предлагать принести лекарства, желая поскорее увидеть ее, взять за руку, убедиться, что мое волнение напрасно. Но она начала кричать, что не хочет меня видеть. Мне стало понятно, что в ее недуге был виноват я. Учитывая последние обстоятельства — это было очевидным.

Рина вновь стала бить меня словами. Ее голос был безразличным и холодным. Рина говорила, что ее не волнует с кем я встречаюсь, она будет только рада, если я влюблюсь и забуду о ней. Удары, что наносила Рина своим словами, били намного сильнее, чем реальные, которые приходилось мне прежде ощущать. Но я чувствовал, как она не стабильна и готов отдать что угодно, только бы понять, что скрывает Рина в своей душе. Как давно я разучился ее понимать? Когда это случилось? Или за своей болью, я не хотел замечать ее страданий?

Раз уж она хочет, чтобы я оставил ее в покое, значит, так тому и быть. Я решил убедить ее в этом. Возможно, ослабив давление, при приближающейся опасности, она наконец увидит во мне то, что я отчаянно желаю?

Сказав ей тяжелые слова, которые с трудом смог выдавить из себя, с замиранием сердца, я ждал ее реакции. Но она сбросила вызов, оставив меня в одиночестве страдать от чувства безответности. Что я ожидал услышать? Что сразу после моих слов она опомнится и скажет, что не хочет, чтобы у меня была девушка? Хочет, чтобы я всегда был рядом? Это я хотел услышать? Конечно да. Я мечтал услышать, что нужен ей, а не безразличен. Но разве я не был готов к тому, что так быстро Рина не сдастся? Конечно, был готов, поэтому мои руки еще недостаточно опущены.

Следующие дни до пятницы я наблюдал Рину живой и веселой. Она позволила себе смелость общаться не только с Дженнифер, но и с другими девчонками группы. Я поборол в себе детские собственнические инстинкты и с легкостью смотрел на ее общение с другими девушками, но никогда не стал бы терпеть общение с парнями. Пусть прячется каждый, кого я увижу рядом с ней. Хотя веселость Риной и задела меня, я делал вид, что не замечаю ее. Кажется, мой холодный ответ подействовал на нее как призыв к действию, позволяющий делать то, что заблагорассудится.

В пятницу я собрался за пять минут, надеялся быстро отстреляться с ними, узнать, что хотел и отправиться домой, страдать по неразделенным чувствам. Но они облепили меня со всех сторон, взяли под руки и стали рассказывать какую-то чепуху про свою жизнь, которая мне была, мягко говоря, не интересна. Едва ли я их слушал вообще, думая о том, что я вообще делаю с ними. Действительно ли это приведет к тому итогу, который я рисовал в своей голове?

Я несколько раз пытался перевести разговор на отца Риной и каждый раз они уводили тему в другое русло. Ладно, возможно, после еды они станут более расположены к ответам.

Заказав себе черный кофе, я дождался, когда Марианна и Изабелла сделают заказ и задал свой вопрос:

— Что случилось с вашей матерью? Вы говорили, что ее не стало. Все это время я думал, что папаша Нарин сбежал вместе с ней. — сделав невозмутимое выражение лица, по которому трудно было понять говорю ли я всерьез. Девчонки вновь переглянулись, затем,

кивнув друг другу, одна из них сказала:

— Они не сбежали вместе. — вскинув в удивлении брови, я ожидал услышать продолжение. — Он убил ее. — так значит они в курсе.

— Не может быть! Вы уверены в этом?

— Да. — кивнула вторая. — мы подслушали разговор полицейских и папы в тот день. Немного позже мы спросили у отца, и он подтвердил это.

— Я не могу в это поверить... — изобразив смятение, произнес я.

— Мы думали тебе все известно. — она протянула свою длинную ладонь, чтобы коснуться моей руки, в ободряющем жесте. Хотя мне и было неприятно это прикосновение — я позволил, отыгрывая свою роль до конца. В этот момент дверь в кафе открылась, и я увидел жизнерадостно входящую Рину, в сопровождении ее подруги. Я потерял дар речи при виде нее. Она была настолько красива, что все вокруг меркло в сравнении с ней. Откровенный вырез на ее платье, давал волю фантазиям любого извращенца. Захотелось взять мешок и накинуть на нее, только бы скрыть красоту, не предназначенную для чужих глаз. Только для меня она должна так одеваться. Нет, я не должен позволить, чтобы в этот вечер она осталась без присмотра.

Она тоже смотрела на меня не отрываясь, словно не могла найти в себе силы отвести взгляд, будто бы очарована мной также. А потом она перевела взгляд на ладонь, лежащую на моей руке, и изменилась в лице. Искривилась. Словно увиденное разозлило ее. Быстренько справившись с собой, она села за стол, остаток вечера игнорируя меня. Я заставлял себя не смотреть на нее, пытался сосредоточиться на глупой болтовне девиц, но мой взгляд то и дело возвращался к веселому лицу моей малышки. Раньше для меня было важно, чтобы смех и веселье у нее ассоциировалось только со мной, но сейчас, глядя на нее и понимая, что это не я ее развеселил — мне не было от этого грустно. Разумеется, будь на месте Дженифер парень я бы так не говорил, но иметь хорошую подругу не такая уж плохая идея.

Марианна и Изабелла сидели спиной к Рине и не видели ее. Я старался отвлекать их, чтобы они не обернулись и не заметили ее. Не хотел, чтобы они встречались, я еще не успел им объяснить, что не хочу, чтобы информация об отце Риной дошла до ее ушей. Эти девицы были настолько тупы, что без объяснений могли бы предьявить ей это.

Перекусив каким-то салатиком и выпив по коктейлю, Рина и Дженифер заплатили по счету и вышли из кафе. Перед тем как выйти, Рина бросила на меня взгляд полный тоски. Интересно, смотря на меня, какое значение она вкладывала в него? Что в действительности хотела показать им? Чтобы я пошел за ней или что?

Едва не бросившись вслед за ней, я остановил себя. Если Рина хочет, чтобы я пошел за ней, значит, мой план работает, и она начинает что-то испытывать ко мне. Я не должен бежать за ней...

Но не прошло и пяти минут, как дурацкие разговоры начали бесить, разукрашенные куклы раздражать, а мои мысли были далеко за пределами этого кафе. Рядом с Риной. Где она? Куда пошла? Я должен ее найти!

Одна из девиц, я не пытался выяснить кто именно, рассказывала что-то, активно и эмоционально жестикулируя, не слушая ее, достал телефон и позвонил Рине. Выключен. Нахмурившись, я позвонил еще раз. Вновь то же самое. Что за черт?

Я стал размышлять, куда пойдут девушки, жаждущие веселья и приключений. Глядя на Рину и ее подругу, я не сомневался, что в этот вечер они хотели именно этого. На ум приходили бары и клубы. Поблизости было несколько баров, посетив каждый и убедившись,

что ее там нет — шел дальше. Эти клуши повсюду шли за мной, не замечая моего состояния. Они были сосредоточены на себе, своих нарядах, мыслях о богатстве и еще всякой дребедени, о которой даже слышать не хотелось. Послать их, увы, я пока не мог. Сначала нужно закрыть гештальт, а потом пошлю их куда-подальше.

Я искал Рину больше часа, девицы начали жаловаться на быстрый темп шагов и усталость в ногах. Я едва не задыхался от беспокойства за Рину, но продолжал идти, высматривая ее по сторонам и в лицах прохожих. Оставалась одна надежда на клуб.

Прошли мы быстро, очереди в клуб почти не было. Предложив девицам присесть за диванчики, я стал высматривать Рину в толпе. Рину не увидел, но заметил Дженифер, выходящую из уборной. Схватив ее за плечо, я спросил чуть повышая голос, чтобы она услышала:

— Где Рина?

— Танцует! — она указала пальцем куда-то в толпу, проследив за ее пальцем — ничего не увидел. Что ж, в любом случае ориентир ясен. — Где тебя носило так долго? Она перебрала. — упрек в ее голосе натолкнул меня на мысль, что они ждали, что я приду за ней. От этого мое сердце радостно забилося, значит, она ждала меня.

— Я заберу ее. — коротко ответил я, дав понять, чтобы добиралась сама до общаги. Пробираясь через толпу танцующих, я почти сразу заметил голубое платье Риной и мужчину, что пытался ее куда-то утащить. Не помня себя от гнева, я накинулся на него и стал наносить удары по его мерзкой физиономии.

— Больше не смей прикасаться к моей девушке! — между ударами орал ему я.

— Да она сама ко мне клеилась! — я едва не опешил от его слов. Что он имеет в виду? Чтобы моя невинная девочка приставала к кому-то другому? Не ко мне... Эти слова меня так взбесили, что я нанес ему оглушительный удар, отправляя в нокаут. Ничего. Жить будет. Зато в следующий раз задумается, стоит ли клеиться к чужой девушке.

Я был зол и дело было даже не в его словах, а в том, что она пошла в такое опасное место без меня. Напялила чертовски откровенное платье, накрасилась, напилась и танцевала, да она легкая добыча для таких ублюдков, которые мечтают найти развлечения на одну ночь. Судя по тому, как он тащил ее — разрешение Риной он не спрашивал. Не будь здесь меня Рина обязательно нарвалась бы на неприятности.

Я вдруг подумал, что слова того мужика, возможно, не были лишены смысла. Может она была так счастлива избавиться от меня, что напившись, захотела забыться с первым встречным? Я не верил в это, но мои губы считали иначе.

— Так обрадовалась возможности освободиться от меня, что решила броситься к первому встречному? — ядовито произнес я, но ее глаза так смотрели на меня, что я не смог сдержаться. — Дура! Какая же ты, дура, Рина! — потом меня унесло в ритме страсти, я не помнил ничего, что происходило, знал только то, что так хорошо мне никогда прежде не было. Рина отвечала на мои поцелуи, стонала и извивалась, шептала мое имя и крепко обнимала. Она хотела меня, но это все алкоголь говорил в ней, в противном случае она бы и близко меня к себе не подпустила. Я хотел ее, так хотел, что едва не выпрыгивал из штанов. Я задыхался от переполняющего мою грудь счастья, что она отвечала мне взаимностью. Хотелось целовать ее везде, где только можно, там, где еще никто ее не целовал. Впрочем, ее никто кроме меня больше и не целовал. Уж я позаботился об этом.

Накинувшись на нее как голодный зверь, я целовал ее так, что казалось она вот-вот сойдет с ума. Она была такой вкусной, сладкой, что не хотелось прерываться ни на минуту.

Рина стонала как одержимая, доводя меня до безумия. Я не мог больше терпеть, внутри меня нарастало напряжение, требующее отчаянного выхода. Коснувшись себя, одновременно лаская ее языком — я выводил финальные штрихи, подводящие ее к кульминации. Мой язык и рука — двигались в унисон, финишируя почти одновременно.

Ее взгляд был затуманен алкоголем и похотью. Она смотрела на меня, как на Всемогущее Божество, сотворившего с ней настоящее чудо. А потом она сама меня поцеловала, да так, что я готов был наплевать на место и сделать ее своей прямо здесь. Но внезапно она оттолкнула меня, словно наконец дошло, что она делает, с кем и в каком месте.

Рина вновь попыталась оградиться от меня, прячась за панцирем. Она собиралась делать вид, что между нами ничего не произошло, но я не хотел, чтобы она это забывала. Она стала говорить, что не хочет об этом разговаривать, по крайней мере не тогда, когда в ней говорит алкоголь. Что ж, уже хорошо, что в произошедшем она не винит его. Хотя кто знает, что она скажет завтра. Это же Рина, мастерица обломов. Мы поговорили еще немного и пошли в сторону клуба. У входа я увидел Изабеллу и Марианну, Рина тоже их увидела и напряглась. Эти дуры вновь облепили меня, словно я их собственность, не желая замечать, что я держу другую девушку за руку. Но я не мог рисковать и начать им грубить, в противном случае они могут рассказать все Рине.

Рине не понравилось внимание девушек ко мне, она стала говорить с ними высокомерно, пытаясь поставить их на место. Я приятно улыбнулся осознанию, что все-таки не безразличен ей, на мгновение позабыв о том, чем может обернуться ее заносчивость.

— Раз уж Эван не с вами, значит, вы ему совсем неинтересны! Раскройте свои глаза! — указала она на наши руки. — Кого он всегда держал за руку в детстве и кого продолжает держать сейчас? — я был восхищен тем, как она отстаивала меня. Настоящая тигрица, готовая выцарапать глаза каждому, кто встанет у нее на пути.

— Ах, ты сука. Такая же мразь, как и твой отец! — она попыталась вцепиться Рине в волосы, но я оттолкнул тварь, что посягнула на мою малышку.

— При чем тут мой папа?

Пронзая близняшек убийственным взглядом, предупреждающим молчать, я прошипел:

— Еще хоть слово и я вырву ваши поганые языки.

— Ах, она не знает! — куда-то в пустоту произнесла девица и обратилась уже к Рине. — Вот и задумайся, насколько сильно ты дорога ему, раз уж он скрывает от тебя такую правду. Пойдем, Изабелла, зря только время потратили.

Я боялся обернуться к ней, зная, что она вновь будет пытаться узнать правду. Но я ни за что не расскажу ей этого, Рина не должна узнать, что любимый, дражайший папочка был серийным убийцей и мечтал убить ее. Это слишком жестокая правда.

— Или ты мне рассказываешь все, или я больше не хочу тебя знать! — окатив меня взглядом полным злобы, она ждала ответ.

По взгляду я видел, что она не шутит, но был уверен, что смогу склонить ситуацию в свою сторону и Рина пойдет на попятную. Не сможет дойти до конца.

— Я расскажу тебе, но не здесь. — взяв такси, мы поехали в общагу. К комендантскому часу мы не успели, поэтому в комнату к Рине пришлось пробираться через окно. Я пытался коснуться, обнять ее, но она была холодна, от понимания, что я скрывал от нее что-то.

Пока мы ехали в машине я размышлял, о чем все-таки буду рассказывать ей. Правду говорить не стану, это исключено. Тогда что я мог сказать такого, чтобы Рина успокоилась и больше не задавала никаких вопросов.

Глядя на Рину, я сразу понял: она теряет терпение.

— Эван, я жду ответ. Расскажи мне все. Что произошло с моим отцом и почему Марианна и Изабелла ненавидят его? — она скрестила руки на груди и с вызовом взглянула на меня, ожидая ответа.

— Я не хотел, чтобы ты знала. Марианна и Изабелла имеют право ненавидеть его, потому что из-за него они лишились матери. — ее глаза округлились, она оперлась о стену, пытаясь не упасть.

— Что ты имеешь в виду?

— Она бросила их и сбежала с твоим отцом. — на ее лице отразилось сомнение, после чего она погрузилась в воспоминания, пытаясь вызвать образ их матери.

— Да, я помню, она была очень красивой. Но мама гораздо лучше и папа не мог ее бросить. — твердо ответила она, все еще сомневаясь. Я подошел ближе и коснулся ее плеч ладонями, на этот раз она позволила мне это.

— Хорошо, пусть так, тогда, по-твоему, за что им ненавидеть его? — Рина молчала, обдумывая ответ. Не найдя его, она подняла взгляд, наполненный слезами и жалобно пробормотала:

— Неужели это правда? Я не могу в это поверить! — она села на кровать и сложившись пополам в поясице беспомощно зарыдала. Мне больно было на нее смотреть, но эта ложь вынужденная. Страшно представить, как больно бы было ей в действительности, узнай она настоящую правду.

Я обнял ее сверху и поглаживая по голове, стал шептать что-то успокаивающее.

— Извини, Эван. Я хочу побыть одна. — мне хотелось разделить ее боль, но она не хотела, чтобы я был с ней рядом. Хорошо, сегодня я выполню ее просьбу, но больше ни за что не позволю страдать в одиночестве.

Уходя, я слышал, как она заплакала, но я не стал думать об этом, иначе никогда не смог бы оставить ее одну.

Последующие дни я жалел миллион раз, что оставил ее в ту ночь. Не знаю, что произошло, когда я ушел, но моей девочки и след простыл. Она сбежала, оставила меня одного, не сказав ни слова.

Среди ее вещей я нашел клочок бумаги, на котором дрожащею рукой было выведено лишь одно слово: «Лжец»

Когда Эван сказал, что мой папа сбежал с матерью Изабеллы и Марианны — я не хотела в это верить. Я попросила Эвана оставить меня одну, чтобы как следует обдумать его слова. Придя к выводу, что это действительно может быть правда — я еще больше разрыдалась. Понятно тогда почему у них такая ненависть к папе. Тогда я в праве ненавидеть их мать за то, что увела папу из семьи, лишив нас с Эваном отцовской любви, поддержки и крепкого плеча. Но в груди было не спокойно, сердце отказывалось верить в эту правду.

Я дернулась от неожиданности, когда в окне увидела Дженнифер. Она возвращалась домой из клуба.

— Извини, что оставила тебя одну. — попросила прощения я у подруги.

— Ничего. Я не хотела еще уходить, а увидев Эвана поняла, что он заберет тебя домой. — она хлопнула меня по плечу. — Ты в порядке? Что-то произошло? — и тогда я рассказала ей все, что меня беспокоило.

— Нарин, ты должна позвонить маме и все у нее узнать! Уверена, если Эван соврал, мама как-то выдаст себя.

— Я разбила телефон.

— Возьми мой. — протянув мне свой телефон, я по памяти набрала номер мамы.

Мама взяла трубку почти сразу.

— Мамочка, не разбудила? Извини что так поздно. — услышав в трубке сонный голос матери, сказала я.

— Что-то случилось, дорогая? У тебя грустный голос.

— Да. Я все знаю...

— Что знаешь? — пораженно спросила она.

— О папе и Саре. — повисло молчание, сквозь которое я слышала нервные шаги мамы. Она всегда ходила из стороны в сторону, когда начинала нервничать. Значит, Эван сказал правду...

— Откуда ты узнала? Ты не должна была никогда этого узнать! — я слышала, как мама заплакала и сердце мое беспокойно заныло.

— Мне рассказал Эван. Вы слишком долго скрывали от меня то, что папа бросил нас из-за Сары Райт. — плач мамы прекратился.

— Бросил нас из-за Сары? — переспросила мама так, словно сказанное было чушью.

— Ну да. Мне Эван так сказал, после того как Марианна и Изабелла обвинили меня в том, что я похожа на своего отца. Я не понимала почему они так его ненавидят, но Эван объяснил причину.

— А, ну да. Он сказал тебе правду.

Вот так просто. Пять минут назад мама рыдала от того, что я узнала правду о Саре и папе, а сейчас так просто соглашается с ней. Словно эта не та страшная тайна, которую они скрывали от меня. Стараясь не выглядеть расстроенной, я попрощалась с мамой и отключила телефон.

— Дженни, Эван соврал мне. Они все врут. — я еще сильнее расплакалась, не зная, что мне теперь делать. Как узнать правду, которую от меня тщательно скрывают?

Обняв за плечи, Дженни стала поглаживать меня по спине, успокаивая. Я не знала, что буду делать дальше, но одно знала точно — Эвана я больше видеть не хочу. Не знаю как, но я

узнаю правду и брошу ему ее прямо в лицо. А до тех пор, пусть страдает от мысли, что причинил мне боль.

Черканув на листке бумаги одно слово, я вложила его среди своих вещей. Эван обязательно его найдет и все поймет. Дурак. Какой же дурак.

Ночью я собрала небольшую сумку, взяла деньги и рано утром, пока все еще спят, уехала на автовокзал. Я держала свой путь в дом бабушки, надеясь, что хоть он не станет скрывать от меня правду.

До деревни бабушки был долгий путь, больше суток на автобусе. Пока я добиралась ужасно устала. На остановке я купила себе телефон и симкарту, чтобы иметь связь с Дженни. От нее я узнавала про Эвана и его отчаянное желание найти меня. Пусть ищет... и страдает от мысли, что потерял меня по собственной глупости.

Наконец я приехала. Ухоженный сад приветствовал меня у дома. Постучав в дверь, совсем скоро она открылась, и на пороге я увидела бабушку.

— Нарин? Почему не предупредила, что приедешь? Я бы встретил тебя и приготовил что-нибудь вкусенького! — крепко обняв бабушку, я широко улыбнулась.

— Я соскучилась и хотела сделать тебе сюрприз! — бабушка пропустил меня в дом и усадив на диван, присел рядом.

— Ты без Эвана? — удивился дед. — Надеюсь, ты не потеряла его по дороге? — шутливо спросил он. Прыснув от смеха, я ответила.

— Он не знает, что я здесь. Я сбежала от него, бабушка. Надеюсь, ты не проговоришься о моем приезде? Даже мама не должна знать. — бабушка удивленно поднял брови.

— Произошло что-то серьезное, дорогая? Чем они так провинились перед тобой?

— Ох, бабушка... пока не хочу говорить об этом.

— Понимаю. Но, Нарин, чтобы они ни сделали, вот так бросать все, не сказав ни слова, нельзя. Страшно представить, как сильно они волнуются. — отмахнувшись от него рукой, я ответила с готовностью:

— Пусть волнуются, бабушка, может тогда поймут, что я тоже в праве знать правду о папе. — бабушка пошатнулся и опустил голову. — Ты ведь тоже все знаешь? — он коротко кивнул.

— Я надеюсь, ты не будешь таким жестоким и все мне расскажешь... — бабушка молчал.

— Извини, дорогая, но я обещал твоей матери... — тихо начал он.

— Да, что же там за тайна такая! — вспыхнула я, отвернув голову от деда. — Все все знают, даже Эван, но никто не хочет рассказать мне. Я его дочь и имею право знать, что стало с моим любимым папочкой. — я уронила голову на руки, изображая глубокую скорбь. Я надеялась, что сердце бабушки дрогнет, он сжалится и все расскажет мне.

— Дорогая, правду от тебя скрывают не потому, что ты не имеешь права, а потому, что тебе будет слишком сложно ее услышать.

— Я сильная и справлюсь с любой правдой. — ответила я сквозь всхлипы.

— Да, ты сильная, но не зная правды тебе будет намного лучше. Лелей в своей памяти замечательного отца, каким ты его помнишь и никогда не открывай ту страницу, которую держат от тебя в секрете. Все не просто так, Нарин. — внимательно слушая бабушку я поняла, что настоящая правда должна изменить в худшую сторону мое представление об отце. Но я помню о нем только хорошее, он не может быть плохим человеком. — Поднимайся вверх, дорогая. После долгой дороги ты, наверное, устала. А я пока схожу в

магазин, чтобы купить продукты для ужина. — погладив меня по плечу он встал, взяв кошелек и шляпу, он вышел из дома.

Оставшись одна, я встала с дивана, чтобы отнести сумку в комнату. Освежившись в ванной, я смыла с себя дорожную усталость. Спать уже совсем не хотелось, сидеть на месте тоже. Захотелось посмотреть старые фотографии, они обязательно должны быть у бабушки. Возможно, на них будет папа. Мама уничтожила любое напоминание об отце, не оставив даже фото, я так хотела его увидеть. Открыв дверь в комнату бабушки, я испытала легкое чувство неправильности. Нельзя без спроса входить в чужую комнату и рыться в вещах, даже если цель невинная — просто посмотреть старые снимки.

В комнате бабушки стояло большое трюмо с ящичками. Выдвигая одно за другим и не находя альбомов, я натолкнулась на ящик, забитый полностью письмами. Любопытство подстегнуло, и я взяла одно из них. Вскользь пробежавшись глазами по строчкам, я выцепила взглядом имя отца: Амит Ливарт. Папа писал письма маме. Их было так много, что они едва помещались в ящик. Запечатанные, еще не открытые и нечитанные. Почему эти письма здесь? Разве бабушка не должен был отдать их маме? На мгновение задумавшись об этом, я откинула эти мысли и с трепетом открыла конверт. С замиранием сердца я стала читать письмо.

Моя любимая, Анетт, это мое 1000 письмо, на которое, я все еще верю, смогу получить ответ. Ты, наверное, уже их не читаешь, да и читала ли вообще? Я так тебя разочаровал, что мысли обо мне внушают тебе лишь презрение, но мне достаточно и его, если оно заставит тебя ответить мне.

Знаешь, сегодня ночью ты мне вновь снилась. Все было как наяву. Я чувствовал твой запах, прикосновения рук, поцелуи... Мы вновь были вместе, так, словно всех этих лет в разлуке не было. Так, словно я и не совершал те преступления... Ты была все такой же красивой и годы не взяли свое.

Я так скучаю по тебе, не сойти с ума, сидя в одиночной камере, мне не дает твое лицо и воспоминания о том, что было между нами. Если бы можно повернуть время вспять, я бы все изменил, но в реку времени не войти и всю оставшуюся жизнь мне придется мучаться от того, что потерял тебя...

Читая письмо отца, адресованное матери я облевалась слезами. Он так ее любил, даже спустя годы не мог забыть. Написал больше тысячи писем и надеялся получить на них ответ, но мама, возможно, даже не знала об их существовании, в противном случае обязательно бы ответила. Я верила в это. «Сидя в одиночной камере...» Неужели папа в тюрьме? Теперь понятно, где он был все это время и почему не возвращался. Но что он сделал? Почему его посадили? Это я надеялась узнать из писем.

Читая письма отца, я чувствовала сокрытую внутри него боль и тоску по женщине, что не хочет его знать. Прошло очень много лет, а с каждым днем он любил ее все сильнее. Выудив следующее письмо, я вновь погрузилась в него:

Моя любимая, Анетт, я часто думаю о том, что не ценил свою жизнь. В ней было все, что нужно для счастья, но я все время хотел получить еще больше. В моей жизни была ты, но мне всегда было тебя мало, я ревновал ко всем, даже к детям. Я не ценил нашу жизнь, не понимал, как здорово видеть счастье и радость в глазах близких, улыбки и детский смех. Я был глупым больным уродом и возможно, таким и остался, но годы в заточении остепенили меня, и я стал переосмысливать жизнь. Я часто думаю о Нарин и том, что хотел с ней сделать... Она не виновата, что так похожа на мою мать, это все мой воспаленный мозг, что

не отделял их... Иногда мне интересно, как я стану воспринимать ее теперь, спустя много лет. Захочется ли мне убить ее так же, как тогда?

Не дочитав письмо, я отшвырнула его от себя. Что? Что ты такое говоришь, папа? Убить... Ты хотел убить меня? Разве ты не любил меня?

Мое тело сотрясала дрожь. Вот, значит, какая правда? Отец хотел моей смерти! Теперь понятно почему они скрывали это от меня. И они были правы, не знай я этого была бы намного счастливей. Теперь мне придется как-то жить с мыслью, что папа не любил меня и желал убить... Но я не могла так просто все оставить, я должна узнать больше. Мне хотелось найти его, посмотреть в глаза и узнать за что он так ненавидел меня. Он писал, что не отделял меня от своей матери, что это значит? Как я могла быть ею, мне было не больше семи! Я должна узнать все, должна...

— Нарин, что ты здесь делаешь? — застав меня растрепанную и расстроенную на полу среди кучи писем, спросил дедушка.

— Я хотела найти фотоальбомы, но нашла письма папы. Почему они здесь? — подняв заплаканный взгляд, спросила тихо я. Дедушка смущенно пожал плечами.

— Вы переехали и Амит не знал вашего адреса.

— Почему тогда не передал их маме?

— Потому что она сама не захотела. Анетта вычеркнула его из своей жизни и ничего не хотела слышать о нем. — грустно улыбнувшись я спросила:

— Потому что он хотел убить меня? — с придыханием спросила я. Дедушка застыл и присел на край кровати неподалеку от меня.

— Ты узнала это из письма?

— Да. Он изливал ей душу, делился воспоминаниями и жалел о прошлом. — дедушка понимающе кивнул. — Я хочу его увидеть, дедушка. Помоги мне найти отца. — дедушка вздохнул и опустившись передо мной на колени, обнял.

— Я понимаю твои чувства, дорогая. Но думаю, тебе нужно сначала поговорить с мамой.

— Теперь я понимаю почему они скрывали от меня правду, но пока ни Эвана ни маму видеть я не хочу. — грустно выдохнув, я подняла на него свой взгляд. — Так что, дедуль, ты сможешь найти его? — с надеждой глядя в его усталые глаза, ожидала я ответ.

— Тебе не нужна моя помощь, милая. На конверте есть адрес тюрьмы, в которой он отбывает наказание.

— Лондон! — воскликнула я, увидев адрес. — Он все время был рядом.

Меня переполняли эмоции, неужели совсем скоро я встречу с папой! Я так хотела, чтобы время побежало быстрее. Я так и не смогла уснуть ночью. Собрала вещи и поставив дедушку перед фактом, объяснила, что не могу дожидаться утра и уеду на ночном автобусе.

Хотя я ужасно хотела спать, убаюканная покачиванием автобуса, бурные мысли не хотели успокаиваться. И хотя я не хотела пока думать об Эване, но невольно вспомнила его. Все это время он был в курсе всего, Эван мог бы сказать, что папа в тюрьме, но он промолчал. Поэтому пока я видеть его не хочу.

Я приеду ночью на следующий день, мне нужно будет где-то переночевать, поэтому решила, что до утра останусь в отеле. А утром, я надеялась, что увижу отца. Интересно, что принесет мне эта встреча? Ответы на вопросы, успокоение или еще большую порцию боли?

Когда увидел ту записку, я понял, что Рина каким-то образом все поняла. Я стал думать, как же она могла узнать и пришел к выводу, что тетя проговорилась. Больше никому. Вряд ли Рина позвонила деду. Потому что правду о папе знали лишь мы трое и пару людей, не поддерживающими связь с Риной. Как тетя могла? Ведь мы договорились ни за что не рассказывать Рине правду! Недолго думая, я позвонил тете. Она ответила почти сразу.

— Тетя, вы говорили с Риной вчера ночью? — без слов приветствия сразу спросил я.

— Да, она звонила. Я едва не проговорилась, когда она сказала, что все знает.

— Она поняла все?

— Кажется нет, я вовремя подстроилась под твою ложь. — Рину это не убедило, я понял это. Секундное замешательство тети побудило Рину сомневаться в сказанных словах. Возможно, уже потом, сопоставив все, она пришла к выводу, что мы врем. Вот только злилась она больше на меня. — Эван, что-то случилось?

— Ничего, тетя. Рина обиделась на меня и не хочет разговаривать. — отмахнувшись нехотя ответил я.

— Не переживай, дорогой, вы обязательно помиритесь. — кивнув сам себе, я сбросил вызов. Да, невежливо, но тетя привыкла, что я не люблю церемониться, пускаясь в долгие прощания.

Куда же делась Рина? Так сильно я переживал разве что, когда пытался найти ее вчера вечером, но сейчас страх был иной, более неприятный и липкий. Самым главным отличием между вчерашним днем и сегодняшним было то, что тогда она хотела, чтобы я нашел ее, а сейчас нет. Я стал думать, куда она могла уехать? На ум приходили лишь дом тети и бабушки, но учитывая, что от своей матери она не узнала ничего, скорее всего, она попытается счастья у деда. Я сходил с ума от неизвестности. Что если ее там нет и она сейчас где-то под носом, а я ее не замечаю? Я позвонил Андре, спросил не связывалась ли Рина с ним и услышав неподдельное удивление в его голосе, понял, что он действительно ничего не знает.

Я пытался выбить правду из Дженифер, но она молчала как партизан, не желая выдавать подругу. Не разбей она телефон, я бы позвонил ей.

Решив, что Рина отправилась к деду, я подсчитал примерное время, когда она придет к нему и позвонил. Я ждал с замиранием сердца, что он обрадует меня, сказав, что она у него, но сердце мое упало, услышав, что Рина не приезжала. Где она может быть? Я не находил себе места, бегал по городу, ища ее в гостиницах и отелях. Я вновь закурил, пытаюсь справиться с нервами. Ходил в ее любимые магазины и кафе, ее не было нигде. Я стал обзванивать больницы, морги, полицейские участки и нигде о ней не было никакой информации. Я испугался так, что мои руки дрожали, а сердце сковало безумным страхом. Наверное, она пришла бы в дикий восторг, узнав, в каком состоянии я нахожусь. В прочем, даже сейчас я был убежден, что мы с ее матерью поступили правильно, не говоря ей ни о чем. Когда Рине станет все известно ее мир рухнет и она поймет, что лучше бы не знать ничего.

У меня не осталось сил, я не знал, что мне делать, как найти ее. Глаза опухли от слез, а горло болело от горя. Я лежал безвольным мешком на своей кровати, беспомощно глядя в потолок.

— Эван, ты в порядке? Что у тебя произошло? — Питер, который вечно занят учебной и

совсем не общающийся со мной ранее, с сочувствием взглянул на меня. Видимо, я действительно ужасно выгляжу, раз он обратил на меня внимание.

— Я потерял ее... — через комок, что застрял в моем горле, сдавленно прошептал я. Из моих глаз вновь полились слезы и я нервно стер их, продолжая смотреть в потолок.

— Кого? Нарин? — ничего не отвечая я кивнул. — Сегодня я слышал, как Дженнифер разговаривала с ней по телефону... — подскочив с места, словно слова Питера напоили меня живительной энергией, я нетерпеливо спросил:

— Когда это было?

— Минут двадцать назад. Я возвращался домой и случайно услышал разговор. Нарин была чем-то очень расстроена и Дженнифер ее успокаивала.

— Понятно. — понимая, что должен поблагодарить его, я неловко произнес. — Спасибо, ты не представляешь, как для меня это важно. — коротко улыбнувшись, парень сел обратно за стол, открывая тетрадь. Вернув меня к жизни, он вернулся к любимым делам.

А я держал свой путь в комнату Дженнифер. Уже наступил комендантский час, поэтому обычным путем к ней не попасть, придется лезть в окно. Главное, чтобы она от страха не шандарахнула меня по башке.

В окнах горел свет, Дженнифер сидела за столом что-то рисуя. Бесцеремонно влез в окно и спрыгнув с подоконника оказался в комнате.

— Что ты здесь делаешь? — возмутилась Дженнифер вскакивая с места. — Я тебе не Нарин, чтобы врываться ко мне в комнату ночью! — она встала в боевую стойку, следя за мной пристальным взглядом. Даже смешно стало видеть хрупкую девчонку в такой воинственной позе.

— Остынь. — холодно бросил я. — Сейчас ты расскажешь все, что знаешь о Рине! — в моем голосе была неприкрытая угроза, которая обычно приводила в ужас всех тех, с кем мне приходилось сталкиваться, но девушка расслабилась и спокойно спросила:

— Я уже говорила тебе, что мне ничего о ней неизвестно.

— Это было до того, как я узнал, что ты разговаривала с ней! — чуть повысив голос, зловеще ответил я.

— Не дави на нее, скоро она вернется! — нехотя ответила она, смотря куда-то в сторону.

— Где. Она? — отчеканивая каждое слово спросил я жестко.

— Не могу тебе сказать, иначе ты помчишься за ней. А она не хочет тебя видеть. — желая взять грубо ее за плечи и встряхнуть, я потянул свои руки, чтобы сделать это, но она отступила назад.

Конечно бы помчал и мне не важно, хочет она видеть меня или нет. Мне важно было узнать, где она и что с ней все в порядке.

— Эван, я вижу, что ты переживаешь о ней, но поверь, бросившись за Нарин ты сделаешь только хуже. Она зла на тебя, ей нужно успокоиться. Дай Нарин время, иначе она никогда тебя не простит. — ее слова глубоко засели во мне, и я всерьез задумался, стоит ли прислушаться к ее словам или же выбить правду более грубыми методами.

— Она в порядке? — решив прислушаться, спокойно спросил я.

— Настолько, насколько это возможно.

— Что это значит?

— Она что-то узнала и это очень расстроило ее.

— Расскажи мне, где она! — вновь стал настаивать я.

— Нет, завтра она вернется. Скоро вы поговорите. — кивнув, я немного успокоился. Она в порядке и уже завтра вернется, я подожду. Вернувшись в свою комнату, я был задумчив. Что она могла узнать и главный вопрос: где именно? Мне так хотелось увидеть ее прямо сейчас, что я едва не задыхался от тоски. Внезапный звонок разрезал тишину комнаты. Взглянув на дисплей, увидел номер бабушки. Хм... так поздно, что надо этому старику?

— Эван? Нарин просила, чтобы я не говорил тебе, но знал, что ты будешь волноваться. Она у меня. Завтра Нарин возвращается в Лондон. Она собирается навестить Амита в тюрьме.

— Как она узнала? — сжимая пальцы в кулаки, спросил я.

— Она нашла его письма и прочитала, где он писал о ней. — значит, она знает, что он пытался ее убить.

— Ей известно только это?

— Да, эта новость сильно потрясла ее, она даже не стала спрашивать за что он сидит в тюрьме.

— Как она? — спросил я, не скрывая беспокойства. — Она сильно злится на меня?

— Нет, думаю, она уже и сама не рада открывшейся правде. — удовлетворенно кивнув, я отключился. Откинувшись на кровати, я задумался о том, как ей сейчас плохо. Наверное, она плачет в подушку, понимая, что все представления об отце оказались ложью. Как бы мне хотелось быть с ней рядом сейчас. Я бы молча лег рядом, обнял бы сзади ее молчаливую фигуру и крепко прижал к себе. Ничего не говоря, через прикосновения она обязательно почувствовала мою поддержку и ей стало бы лучше. Но она сейчас одна, лежит в холодной темной комнате и смотрит в никуда, сквозь пелену непрекращающихся слез.

Завтра утром она сядет на автобус и только следующим утром прибудет сюда. Слишком долго. Так хочется ее увидеть скорее, но даже если запрыгнуть тотчас в машину, к ней я попаду только завтрашним вечером, когда она будет на пол пути в Лондон. Если только лететь на самолете! Загоревшись этой идеей, я решил посмотреть на сайте ближайшие рейсы. Самолеты не летали в деревню деда, но зато летали в ближайший от нее город. Мне очень повезло через два часа был нужный рейс, еще успею добраться до аэропорта. Взяв необходимые документы, деньги и небольшую сумку с вещами я отправился в аэропорт. Лететь всего 4 часа и еще час на такси добираться до дома деда. Если повезет, то около трех часов ночи я буду рядом с ней.

Все складывалось наилучшим образом и в 3.25 я стоял возле дома деда. Стояла глубокая ночь, лишь сверчки запеваляли свою песню, сидя где-то в кустах. Дверь была заперта, поэтому я решил попытаться счастья через окно. Что ж, пробираться через окно, как вор, в комнату Рины мне не привыкать. Меня потряхивало от предвкушения, что еще немного и я заключу ее в свои объятия и вдохну любимый аромат шелковистых волос.

Окно Рины было изолированным, поблизости не было ни пожарных лестниц, ни каких бы то ни было выступов, которые бы облегчили попадание в ее комнату. Заметив неподалеку высокую лестницу, я улыбнулся, все-таки мне необычайно везло. Забравшись вверх, я без труда влез в распахнутое окно, которое было словно оставлено специально для меня. Свет луны через окно попадал в комнату, освещая одинокую пустую кровать. Где она? Я стал озираться по сторонам, включил свет, но в комнате не было Рины, она была холодной и пустой. Не заботясь о тишине, я спустился вниз на кухню, но дом был полностью погружен во тьму, а следов Рины не было. Вновь волнение и нервозность поднялись во мне, захотелось

курить, чтобы хоть немного успокоиться. Поднявшись вновь на второй этаж, я бесцеремонно вошел в комнату деда. Дед мирно спал, не думая ни о чем.

— Где она? — едва сдерживаясь, чтобы не заорать на всю комнату, повысив тон, спросил я у спящей фигуры старика.

— Эван? Ты что тут забыл? — чуть испуганно спросил дедушка, потирая глаза, чтобы лучше меня рассмотреть.

— Рину. — коротко ответил я. — Где она?

— Ох, Эван. Она не смогла усидеть на месте, села на ночной автобус и уехала.

— Почему вы ее отпустили так поздно? — сорвался я на деда.

— Нарин не маленькая, как я могу ее удерживать?! — я схватился за голову в попытке сдержать отчаяние. Я летел к ней сломя голову, надеясь, что застаю ее здесь, но она вновь от меня ускользнула.

Достав телефон, я стал искать ближайшие рейсы до Лондона, но на этот раз удача покинула меня. Ближайший рейс был только через два дня.

Кое-как дождавшись утра, я сел в автобус. Выходил на каждой остановке, чтобы покурить, не мог никак успокоиться. Дженифер была права, нужно было сидеть на месте и ждать Рину, а я сорвался и оказался в незавидном положении. Я должен был остаться, чтобы встретить ее у ворот тюрьмы. Но вместо этого я трясусь в чертовом автобусе и сетую на судьбу. Я надеялся, что Рине за это время не удастся встретиться со своим отцом. В этот момент рядом с ней должен быть я. Никто не знает, как он отреагирует увидев ее.

Поездка на автобусе длилась бесконечно. За это время я успела сгрызть все ногти, искусать губы и испугаться встречи с отцом так, что даже боялась идти к нему. Все-таки, как я поняла из писем, у него были серьезные проблемы с психикой. Что если он не будет рад моему приходу? Что если нападет на меня и попытается закончить то, что задумал когда-то? Нет! Это мой папа, он обязательно обрадуется моему приходу. В конце концов я буду первой кто навестил его за столько лет.

Я часто выходила на остановках, чтобы позвонить Дженни. Из ее слов я поняла, что Эван места себе не находит, пытаюсь найти меня. Она сказала, что он очень переживает и выглядит очень измученным и усталым. Дженни прониклась сочувствием к Эвану, но, к счастью, не проговорила ему ни о чем.

— Вчера он так меня напугал! Представляешь, залез в окно, пытаюсь добиться от меня правды!

— Он ничего тебе не сделал? — испугалась я

— Нет, он лишь хотел знать все ли с тобой хорошо и где ты находишься. Я сказала ему, что ты скоро вернешься. Сначала он упорствовал, но потом сдался. Нарин он действительно тебя любит. Я что угодно отдала бы, относись Кай ко мне так же, как к тебе Эван.

— Дженни, сейчас я не настроена об этом думать. Папа, вот кто занимает мои мысли. — отмахнувшись от слов подруги о любви Эвана, ответила я.

— Я узнала, что так просто ты в тюрьму не попадешь. Сначала нужно подать запрос на встречу, это ты можешь сделать через интернет, войдя на сайт тюрьмы. Если тебе одобряют запрос, то пришлют в ответном сообщении, когда может состояться встреча. — удивленно подняв брови, мои ноги едва не подкосились.

— Значит, я не смогу встретиться с папой в ближайшие дни? — расстроенным голосом спросила я.

— Скорее всего, нет.

— Ох... Я так хотела встретиться с ним до того, как вновь увижусь с Эваном. Надеюсь, что моя злость окончательно пройдет.

— Давай я встречу тебя и вместе мы поедем ко мне домой. Я познакомлю тебя с моей семьей и конечно, с моим парнем. Побудешь у нас пару дней, может и ответ придет. — приняв предложение Дженни с энтузиазмом, мы попрощались, и я села в автобус, чтобы продолжить свой путь.

Пока ехали, я зашла на сайт тюрьмы и подала заявку на свидание с отцом. После целой серии вопросов, из которых они пытались выяснить, кем я ему прихожусь, мне сказали, что ответ придет в течении суток.

Я приехала поздно ночью, Дженни встретила меня с автобуса и крепко обняв, мы сели в припаркованное у обочины такси.

— Моя семья живет за городом, придется еще полчаса потрястись в дороге.

— Ничего, я тряслась сутки на автобусе, полчаса, по сравнению с этим — ничто. — Дженнифер улыбнулась мне. — Что там Эван? Видела его?

— Нет, его не было на занятиях. Наверное, у него нет настроения ходить на учебу, пока ты неизвестно где пропадаешь.

— Пусть переживает, Дженни. Может тогда в следующий раз не станет что-то скрывать

от меня.

— На маму ты тоже злишься?

— Нет, маму понимаю больше, все-таки я ее ребенок, которого она защищала от потрясения. Думаю, будь у меня дочь, я бы поступила так же. Но Эван не мой родитель, он должен был выложить мне все, когда я неоднократно заводила речь об отце.

— Он ведь тоже переживал о тебе. Видимо они договорились с твоей мамой держать этот секрет запертым на ключ.

— Да, я понимаю, но все равно не могу ему простить этого. Мне нужно время. Не могу пока даже думать о нем.

— Бедный Эван. Он так по тебе скучает. — отмахнувшись от ее слов, я завела речь о другом. Об Эване я совсем не хотела разговаривать. Я так его просила рассказать мне правду, даже условие поставила, но он решил выкрутиться, вновь соврав. Слова про мать Марианны и Изабеллы — и моего отца были ложью, тогда почему они ненавидят его? Вопрос так и остался без ответа. Я была уверена, что теперь Эван рассказал бы мне все, но слишком поздно, теперь все мне расскажет первоисточник.

Такси остановилось у огромного особняка, освещенного фонарями. Стояла глубокая ночь, но я все равно узнала его. Это наш старый дом, в котором мы жили с папой. Пульс ускорил свой ритм от радости, я вернулась в дорогое сердцу место. Даже слезы навернулись на глаза, грозясь вылиться бурным потоком.

— Нарин, что случилось? — коснувшись моего плеча ладонью, Дженифер обеспокоено заглянула мне в лицо.

— Дженни, как давно вы здесь живете?

— Дай подумать... — она задумалась, подняв взгляд к небу. — восемь лет! Я влюблена в это место. Правда папа долго сомневался перед тем, как купить его.

— Почему?

— Знаешь, говорят, что здесь жил серийный убийца. Он убил многих женщин. Здесь раньше жила семья, так вот, в этом доме он убил свою соседку. — я отшатнулась, едва не упала, но Дженни вовремя меня поддержала. — Что такое, Нарин? Тебе плохо?

— Нет-нет, все хорошо.

— Пойдем в дом, тебе нужно отдохнуть. Наверное, ты просто переутомилась. — коротко кивнув, я позволила Дженни помочь мне дойти до двери.

В холле горел свет, оглянувшись по сторонам, я окинула взглядом интерьер, до боли знакомый, но в то же время совсем другой. Планировка комнат, некоторые статуи — были теми же, но вот мебель, обои, занавески — поменяли.

— Дженни, ты приехала. Почему не предупредила, что будешь с гостьей? — по лестнице спускалась красивая стройная женщина средних лет, с густыми рыжими локонами. На ней был длинный шелковый халатик и изящные комнатные тапочки на каблукке. Они были немного похожи, я предположила, что это мать Дженифер.

— Мам, это Нарин Ливарт, моя соседка по комнате и лучшая подруга.

— Приятно, наконец, познакомиться с подругой дочери. — она протянула мне ухоженную руку с красивым ванильно-розовым маникюром. — Вы голодны? Вся прислуга еще спит и не сможет обслужить вас, поэтому Дженни, милая, позаботься о своей подруге.

— Ничего страшного миссис Нэйтон, я не голодна.

— Что ж, тогда покажи гостье ее комнату, сейчас слишком поздно, чтобы бродить по дому. — скрыв за ладонью зевок, мать Дженифер стала подниматься вверх по лестнице,

намереваясь заснуть крепким сном. Я же стояла как в прострации, не в силах поверить, что все происходящее не сон и я действительно нахожусь в своем старом доме. Здесь каждая комната наполнилась замечательными воспоминаниями, связанными с нашей семьей.

— Нарин, ты чего замерла с такой улыбкой? Никогда не видела большого дома? — с лукавством произнесла Дженни.

— Не только видела, но еще и жила. Это дом, в котором я провела свое детство. — на лице Дженнифер отразилось недоумение.

— Не может быть! Сколько тебе было, когда вы съехали?

— Лет восемь, не помню точно.

— Говоришь твой отец сидит в тюрьме? — спросила Дженни, нагоняя жути. Я начинала понимать, куда она клонит. Я кивнула. — Какова вероятность, что именно твой отец серийный убийца? — я в шоке отступила от нее, одно дело знать, что мой отец хотел убить меня, другое, что уже убил очень многих людей.

— Нет-нет-нет, это не может быть он! Папа был замечательным! — стала оправдывать я отца и тем самым, пытаясь убедить саму себя в этом.

— Но Нарин, задумывалась ли ты за что твой отец сидит в тюрьме? Спрашивала у деда?

— Нет. — покачала головой я. — Меня так потрясла правда, что я даже не стала пытаться узнать об этом больше.

— А что если это действительно он? — не унималась она.

— Нет, Дженни, я даже слышать об этом не желаю. — предупредив поток речи, который собирался сорваться с ее уст, я выставила руку. — Пойдем покажешь мне, где я буду спать. Я ужасно устала.

— Хорошо, Нарин, не хочешь говорить об этом — не будем. Пойдем. — и мы стали подниматься по лестнице. Пройдя по коридору, мы остановились у комнаты, которая раньше принадлежала Эвану.

— Эта старая комната Эвана. — с придыханием сказала я. Открыв комнату, я с замиранием сердца стала осматривать ее. Здесь, конечно же, было все не так как прежде. Вместо мальчишеской спальни, на меня глядела комната в пастельных тонах. Огромная деревянная кровать занимала большую часть комнаты, по бокам от нее стояли две тумбочки с красивыми ажурными абажурами. Сбоку от кровати стоял небольшой шкаф, выполненный из того же материала, что и кровать. С другой стороны было огромное окно, зашторенное красивыми портьерами. Несомненно, комната была красивой, но при взгляде на нее было холодно и пусто, одно разочарование.

— Комната изменилась. Совсем не такая, какой я ее помню.

— Мы изменили все, маме не нравилась здешняя обстановка. — Я вспомнила какими красивыми были раньше комнаты, папа нанимал лучших дизайнеров, которые на славу поработали над каждым объектом, расположенным в доме. Все до мелочи разработано и как такая красота могла кому-то не понравиться?!

— Если хочешь принять душ, то ванная совсем рядом... Впрочем ты и без меня знаешь. — улыбнувшись Дженни, я кивнула. В шкафу я нашла полотенце и банный халат. Наскоро приняв душ, я легла в постель, но сон совсем ко мне не шел. Я думала о том, что сказала мне Дженнифер: раньше в этом доме жил серийный убийца. Может он жил до того, как мы въехали в этот дом или после? Но если все же до, тогда обязательно кто-то из соседей проболтался бы, но подобных разговоров я никогда не слышала. Если здесь жил серийный убийца, тогда возможно об этом будет знать интернет. Такие новости быстро

расходятся и поимка такого страшного человека, обязательно бы стало достоянием общественности. Введя в поиске список серийных убийц Лондона за последние десять лет, волосы на затылке поднялись дыбом, когда среди незнакомых имен и лиц, я увидела родное: Амит Ливарт. Папа! Не может быть! Значит, он действительно был убийцей. Сквозь пелену слез, дрожащими руками я навела пальцем на его имя, чтобы узнать о нем больше. Я узнала, что на счету папы было много тяжких убийств, в основном женщин, которые имели похожие внешние данные: черные волосы и синие глаза. Боже! Неужели за это он хотел убить и меня!

Отведя взгляд от телефона, я закрыла глаза, чувствуя, как слезы бесконечным градом катятся из глаз. Как унять эту боль, которая, казалось, вот-вот сведет меня с ума? Он убил столько женщин! Не верю! Это не может быть правдой! Но вот, из экрана смартфона на меня глядят родные глаза отца, с тюремной табличкой у груди. Это не ложь. Я все время жила в неведении, мечтая о его возвращении. Еще представляла, что они с мамой будут вместе, воображала, что она все еще его любит. Теперь понятно, почему они мне врали... как о таком вообще можно рассказать? Даже обида на Эвана испарилась, захотелось, чтобы в этот отчаянный момент он был со мною рядом. Я захотела позвонить ему, но поняла, что слишком поздно, поэтому оставила эту затею.

Через час усталость, все-таки, взяла надо мною верх, и я уснула. Проснулась ближе к обеду, когда Дженни вошла ко мне без стука. За окном небо заволочло тучами, шел дождь, оплакивая правду, что открылась мне.

— Еще спишь? Завтрак проспала, хочешь проспать и обед? — она жизнерадостно запрыгнула ко мне на кровать и стала прыгать на ней, стараясь меня разбудить. Ее ребячество вызвало во мне улыбку. — Ты долго еще вчера не спала? Ужасно выглядишь.

— Да, не могла уснуть. — ответив на ее вопрос, я пошла в ванную комнату, чтобы умыться. Находиться в этом доме стало неловко после того, какая правда мне открылась. Умывшись как следует прохладной водой и почистив зубы, я вернулась в комнату. Мне не хотелось, чтобы Дженни узнала правду, поэтому решила перестраховаться. — Дженни, не говори родителям, что я раньше здесь жила, а то они тоже, как и ты начнут придумывать насчет моего отца. — чуть покраснев попросила я.

— Хорошо, если ты так просишь, тогда не буду.

Обед прошел в спокойной обстановке. Родители Дженни к себе располагали, задавая вполне себе обычные вопросы о моей семье, планах на жизнь и учебе. Когда мы позавтракали, Дженни схватила меня за руку и потащила на улицу знакомиться с ее женихом. Из ее рассказов я уже поняла, кем он был. Дождь наконец-то прекратился и мы могли прогуляться не думая о нем.

На улице я заметила худощавого телосложения парня, нервно вышагивающего из стороны в сторону. Он сильно изменился, больше не тот спокойный мальчик, каким я его помнила.

— Кай! — жизнерадостно прыгнув на шею своему парню, Дженни звонко чмокнула его в щеку.

— Дженифер, сколько можно повторять, не висни на мне! — недовольно ответил он, потирая шею.

— Ладно-ладно, прости, я просто очень обрадовалась тебе. — пока он не заметил моего присутствия я смогла его как следует рассмотреть: очень высокий, худой, особенно это было заметно по впалым щекам, на фоне черных выразительных глаз и достаточно пухлых губ. Волосы, настолько сильно изменившегося мальчика, каким я его помнила, были цвета

воронового крыла. — Познакомься, Кай, это моя подруга Нарин. — тотчас я перестала рассматривать парня, подняв взгляд прямо на него. Он сразу меня узнал, это я поняла по тому, как исказилось его лицо. Мне кажется, я заметила, что в его глазах плескался детский страх. Но почему? Дело в моем отце или он до сих пор не смог справиться с последствиями того кошмара, в котором он пребывал целую неделю?

— Мы знакомы. — ответил холодно парень, во взгляде, что он бросил на меня сквозил лед и презрение.

— Ах, да точно. Нарин ведь жила здесь.

— Ты для чего меня сюда позвала? — холодно спросил Кайл у Дженнифер.

— Кай... Я соскучилась, мы не виделись неделю и с Нарин хотела познакомиться, мы с ней соседки по комнате. Я ведь не знала, что вы знаете друг друга. — начала оправдываться Дженни. Глядя на них мне было жаль Дженни, она безумно любила Кайла, а он вместо того, чтобы ценить это вытирал об нее ноги.

— Как поживаешь? — спросила спокойно я.

— Почему тебя это интересует?

— Мы дружили в детстве, поэтому. — пытаюсь держаться уверенно, ответила я.

— Наша дружба закончилась в тот самый день, когда твой брат напал на меня и пытался убить.

— Что? Не может этого быть! Ты врешь! — меня начало потряхивать, сперва папа, теперь и Эван? Что я еще узнаю о своей семье?

— Может! Твой брат — преступник, отец — убийца, вся ваша семья должна гнить за решеткой! — заорал он, с искажившейся в безумстве улыбкой. От его слов я отскочила в сторону, желая сбежать подальше. Развернувшись, я все-таки пустилась прочь в дом, трусливо капитулируя. Я не могла находиться ни минуты рядом с ним. Наскоро покидав в сумку свои вещи, я поспешила прочь из дома, который хранил в себе слишком много тайн. Я даже не попрощалась с родителями подруги, просто сбежала. Дженни пыталась что-то объяснить Кайлу, но он как упертый баран не желал ее слушать. Когда я уходила, она даже не заметила этого. Я прошла около километра, когда возле меня остановилось такси. Вновь на Лондон набросился ливень, я едва успела забраться в машину. Прежде чем промокнуть до нитки. Я задумалась, куда мне ехать. После слов Кайла в общагу вновь не хотелось, тогда куда? Внезапное входящее сообщение резануло слух, и я взглянула на дисплей экрана: ВАМ ОДОБРЕНО ПОСЕЩЕНИЕ АМИТА ЛИВАРТА. Коротко улыбнувшись, я продиктовала адрес тюрьмы таксисту. Жди меня, папа, я еду.

Всю дорогу до тюрьмы лил дождь. Серые капли с молниеносной скоростью ударялись о лобовое стекло, барабаня с каждой каплей все сильнее. Косой дождь, как штрихи, с каждой секундой лил все сильнее, усиливая тревогу. Я волновалась. Ужасно. Мои руки дрожали, ноги никак не могли успокоиться, не находя себе места даже в машине. Внутри меня образовался тугий узел, который рос с каждой милей, приближающей меня к отцу. Не знай я правду, думала бы только о том, как папа будет счастлив меня видеть, но сейчас переживала, что увижу ненависть в его глазах. Он не любил меня никогда. Все эти годы я жила во вранье. Эван, мама и бабушка. Они вралли мне стоило мне завести речь об отце. Но наконец правда вышла наружу, убеждая меня в том, что ничего не знать было лучше.

В сумке прозвенела трель входящего сообщения.

«Ты где? Извини за Кайла, не знала, что внутри он носит такую обиду.» — Хм, и я не знала, но это неважно. По крайней мере не сейчас.

«Дженни, извини, что уехала не попрощавшись. Мне прислали ответ из тюрьмы. Посещение одобрено, я могу навестить отца» — поспешила ответить на ее сообщение я.

«Как быстро! Тебе повезло. Удачи. Встретимся в общаге!» — послав ей улыбающийся смайлик, я положила телефон обратно в сумку. Хорошо, что Дженни не злится, другая на ее месте могла разозлиться, что уехала, не сказав ни слова. Уставившись в окно, я тотчас забыла о нашей переписке.

Глядя за непогодицу за окном, я много думала об Эване. На что он готов был ради меня? Мог ли избавиться от Кайла будучи совсем ребенком? Да, Эван в детстве был очень пугающим, даже радикальным, но я никогда не думала, что в своей одержимости мной он может пойти так далеко. Говорил ли Кайл правду? Его слова звучали очень пугающе. Эван, Эван... сколько же еще тайн ты в себе скрываешь? Пока я не могла здраво думать о нем. Скорее всего сегодня после встречи с отцом — мы встретимся с ним, тогда и поговорим. Без разговора не обойдется.

Такси остановилось у огромных серых ворот, верх которых был защищен колючей проволокой. Предостережение для беглецов, желающих совершить побег.

Почти у ворот я заметила темный силуэт мужчины, полностью промокший от долгого проливного дождя. Мрачно подумав о том, что сейчас я буду такой же мокрой, как и тот бедолага, я вышла из такси. Стремительно подходя к воротам, я заметила, что тот одинокий мужчина быстро приближается ко мне. Он почти бежал, лихорадочным взглядом испепеляя меня. Кинув на него короткий взгляд, я замерла, узнав в промокшем парне Эвана.

— Рина! — он дрожал, все его тело была мелкая дрожь, но увидев меня Эван старался держаться твердо. — Наконец, я тебя нашел. — положив свои руки мне на плечи, Эван привлек меня к себе. Его руки были холодны, как лед и я всерьез заволновалась о его здоровье. Как давно он находился здесь?

Но я не должна так просто спускать с рук его вранье, сначала Эван должен понять, что не должен был ничего от меня утаивать.

— Как ты нашел меня? — оттолкнув его от себя, холодно спросила я.

— Когда узнал, что тебе все известно, я понял, что ты обязательно приедешь навестить его.

— Совесть замучила? — язвительно спросила я, а сама с беспокойством глядела на

него. Эвана нужно срочно увести в тепло, в идеале он должен принять горячую ванну, чтобы согреться. Вспомнив, что совсем рядом находится гостиница, я размышляла над тем, как увести Эвана туда и не подать вида, что беспокоюсь о нем.

— Ты опять мне все испортил! Хотела повидаться с отцом и вновь ты! — холодно бросив слова ему в лицо, я развернулась, чтобы уйти прочь.

— Рина, — схватил Эван меня за руку, когда я уже уходила, хитро заманивая его в свои сети. — Не уходи.

— Уйду и тебе советую. — чувствуя необходимость держать его за руку, я раздраженно схватила его, спеша оказаться там, где не льет дождь. Эван, наверное, сильно удивился моему поступку. Я была похожа на фурию, мечущую молнии, но взяв его за руку проявила диссонанс, который вызывал поток вопросов в его голове.

Я переживала за него, Эван выглядел не слишком хорошо и дело не только в промокшей одежде. Усталость на лице, дрожь, холодные руки и лихорадочный взгляд. Похоже он действительно был больным.

Взяв его за руку, мы побежали вдоль тротуара, все дальше и дальше оставляя позади тюрьму и встречу с отцом. Ничего страшного, главное, нам одобрили встречу, а это значит, что мы можем встретиться когда угодно.

Тротуары от дождя были залиты огромными лужами. Устав перепрыгивать их, чтобы защитить ноги, я перестала это делать, все равно уже насквозь промокла. Я чувствовала детский азарт, держа за руку симпатичного мне парня, лавируя между лужами, пытаюсь спастись от дождя. От него не было спасения и казалось, он стал лить еще сильнее. Обернувшись назад на Эвана, я со смущением отметила, каким огнем горели его глаза, буравящие мой затылок. Он скучал, так скучал, что не находил себе места от беспокойства. Эван боялся меня потерять, поэтому прождал Бог знает сколько времени, зная, что рано или поздно, я приду сюда. В тот момент я поблагодарила Господа Бога за то, что я пришла достаточно рано, чтобы не застать холодное тело Эвана у ворот. Как бы я была недовольна, как бы не злилась на него, но смерть Эвана была убийственна и для меня. Для меня он по-прежнему близкий человек, которого я ценила... как друга... нет, кого я обманываю? Для меня Эван был уже далеко не друг и чувства, которые горели во мне были далеки от этого. Ну вот я и призналась сама себе... стало легче? Едва ли. Даже если мы с Эваном станем больше чем просто друзьями, я не хочу быть подавленной им. А это обязательно случится, стоит мне дать слабину, как Эван посадит меня дома, избавит от любых контактов и лишит той жизни, к которой я уже привыкла. Пару лет назад он ослабил поводок, стал позволять мне больше прежнего, мне нравилась такая жизнь и жертвовать ею ради него — я не хотела.

Добежав до гостиницы и промокнув до нитки, мы вошли внутрь. В вестибюле нас приветствовал вежливый портье, который любезно объяснил нам какие номера имеются у них.

— Нам, пожалуйста, два номера, находящиеся подальше друг от друга. — Эван укоризненно взглянул на меня, но я ничего ему не сказала. Пусть думает, что до сих пор злюсь, чтобы знал, как скрывать от меня правду. Дав нам ключи, портье объяснил, что мой номер находится на 5 этаже, тогда, как Эвана на третьем. Кивнув, мы пошли к лифту.

— Мы могли бы взять один номер. — буркнул недовольно Эван.

— Нет, не могли. — коротко бросила я, потянув его в сторону лифта. И хотя внешне я злилась на него, внутри больше не было этого чувства.

Крепко сжимая холодную ладонь Эвана, я вела его так, как ведет мать своего

провинившегося сына. Даже смешно стало от такого сравнения. Обернувшись, чтобы взглянуть на Эвана, я окатила его холодным взглядом, чувствуя себя прекрасно, от вины, скользящей в его взгляде.

Оказавшись внутри номера Эвана, ни слова не говоря, я стала лишать его одежды. Дождь достиг каждого участка его кожи, делая уязвимым для болезни. Эван был послушен, позволяя мне прикасаться к себе. Даже мягко улыбался, наблюдая за моими действиями. Еще бы! Ведь я «злилась» на него, но вместо того, чтобы проявлять безразличие и холодность — демонстрировала заботу о нем. Неважно, что думает Эван, все равно в этом номере он останется один. За ночь он подумает обо всем, а я приведу в порядок свои мысли.

Когда Эван оказался лишь в темных боксерах, я потянула его в ванную, которая заполнялась приятной горячей водой.

Сама я, хоть и была мокрой, но холода совсем не ощущала, возможно, потому что для меня здоровье Эвана было первоочередной задачей.

— Прими ванну. — холодно сказала я, подтолкнув Эвана к двери. Поймав меня за запястье, Эван сказал:

— Рина, тебе тоже нужно согреться. Идем со мной. — он мягко потянул меня за собой, но я жестким взглядом осадила его.

— Ты спятил?!

— Если ты хочешь, чтобы я пошел в ванну, тебе нужно пойти вместе со мной. В одиночку я не стану принимать ее. — он упрямо сжал губы, лишая меня выбора или думая, что лишает.

— Не принимай, мне все равно. — стряхивая его руку со своего запястья, я поспешила к выходу. Эван опустил голову вниз, с тоской в голосе он спросил:

— Если я умру, ты простишь меня? — слова Эвана резанули по сердцу, но я знала эту его тактику и ни за что не куплюсь на его слова.

— Тем более не прощу. — и выскользнув из его номера, я поспешила в свой, желая лишь одного: поскорей оказаться под струями горячей воды.

Эван не дурак, он примет ванну и сделает все возможное, чтобы согреться. Теперь, зная, что я поблизости, он будет спать спокойно. Но как же мне хотелось отбросить все запреты внутри себя и броситься к нему, ухаживать и быть рядом, чтобы точно знать, что он в порядке и его здоровью ничто не угрожает.

Рано утром автобус остановился на Лондонском вокзале. Весь прошлый день и всю ночь я ни разу не сомкнул глаз. Мои нервы были на пределе, руки тряслись, как у законченного невротика, я курил так часто, что вся моя одежда провоняла тяжелым запахом сигарет, въедаясь в кожу. Красные воспаленные глаза видели через призму спутанного сознания, которое возникло в результате нервного дня. Я не помнил, когда в последний раз хоть что-то ел, казалось, это было еще в том кафе с Марианной и Изабеллой. Последующие два дня я искал Рину, не находя себе места от тревоги, а вчера был еще более нервный день и мне было не до еды. Возможно, поэтому мне было так плохо... Но это было неважно. Сначала найду Рину, а уже потом можно и поесть.

Настроение было таким же мрачным, как и погода за окном. Лондон приветствовал меня проливным дождем. Казалось, долгие годы небо копило в себе влагу, чтобы в один прекрасный день окропить, безудержным потоком, Лондонские земли. Я был уверен, что Рина уже побывала у отца и сейчас расстроена так, что захочет умереть и меня нет рядом, чтобы остановить ее от этого отчаянного поступка. Запаниковав, я подбежал к подъезжающему такси и протараторив адрес тюрьмы водителю, все время, что мы ехали, чувствовал тревогу.

У ворот стояла охрана. Показав на телефоне фото Рины, я спросил не видели ли они эту девушку. Рина не приходила и от сердца у меня отлегло, значит, я буду ждать ее здесь до тех пор, пока она не придет.

Я простоял пару часов, когда отчетливо понял, как сильно замерз. Казалось, холод проник в каждую клеточку моей кожи, лишая надежды согреться. Мокрый, замерзший, уставший, нервный и голодный, я стоял в надежде дожидаться Рину, но она все не шла. А дождь все не прекращался. Я едва не терял сознание, когда такси подъехало к воротам тюрьмы. Спутанным зрением я уловил ее образ и зацепился за него, это Рина! Она наконец-то приехала! Едва разбирая дорогу, я бросился в ее сторону, чтобы крепко обнять.

— Рина! — радость вперемешку с отчаянием слышались в моем голосе. Я обнял ее дрожащими руками, но она оттолкнула меня, убрав мои руки от себя. В ее глазах холодность, недовольство, но вместе с тем беспокойство, которое она пыталась скрыть. Кажется, мое состояние ее волнует, хоть она и пыталась это скрыть.

А дождь продолжал лить, как из ведра. Волосы и одежда Рины насквозь промокли, а макияж потек. Ей здесь не место. Но она и сама так считала. Я думал, что она сбежит от меня, бросит одного, но приятно удивила, когда крепко сжала мою руку в своей ладони и потащила за собой. Злится, но все равно беспокоится.

Неподалеку была гостиница, мы добежали до нее меньше чем за пять минут. И хотя я был слишком слаб для таких забегов — собрал в себе все силы, чтобы не упасть.

Оказавшись в фойе гостиницы, я почувствовал удовлетворение: Рина рядом, здесь тепло и сухо, остается только принять горячий душ и укрывшись теплым пледом, обняв ее крепче, забыться сном... Но Рина жестоко обломала мои фантазии, сказав портье, что хочет разные номера. Сил хватало только на то, чтобы взглядом показать, как сильно я недоволен этим решением, но едва ли Рина повела даже бровью на мой жест.

Рина выглядела такой злой, что мне казалось она с ноги втолкнет меня в номер и закроет с обратной стороны дверь. Но вместе с холодностью, я видел в ее действиях заботу,

то с каким усердием она лишала меня одежды, то и дело поглядывая на мое лицо, отмечая малейшие изменения.

Включив горячую воду, чтобы ванна немного наполнилась водой, она подтолкнула меня в ее сторону. Возникло безумное желание погрузиться в воду вместе, ведь она, так же как и я продрогла. Я даже попытался манипулировать ею, но девочка выросла или стала умней и не поддавалась на мою наглую манипуляцию.

Она оставила меня, в одних насквозь промокших трусах, посреди комнаты одного. Не принимать ванну и свалиться замертво — глупо, поэтому я не мог выполнить угрозу. Я должен поставить себя на ноги, чтобы здраво мыслить с Риной.

Пока ванна наполнялась водой, я заказал ужин в номер. Жаль, что Рина не сможет разделить его вместе со мной. Сказав, что ужин будет готов через двадцать минут, я решил это время провести в горячей ванной. Мое тело была мелкая дрожь, сотрясая все тело от холода.

Погружение в горячую воду было тем еще испытанием, мое тело словно протыкали миллионами иголок, напоминая настоящую пытку. Пересилив неприятные ощущения, я погрузился в воду. Несмотря на горячую воду, холод так легко не желал уходить. Он сидел в каждой клетке моего тела, основательно обосновавшись. Я едва не варился в кипятке, но все равно продолжал дрожать. Через какое-то время я понял, что тепло все-таки взяло верх и мое тело перестало содрогаться. Вышел из ванны я красным поросенком, внешний вид которого не вызывал ничего кроме брезгливости. Насухо вытеревшись, я вошел в комнату. На столе уже стоял ужин, состоящий из риса с овощами, рыбой и салатом. Не густо, но спасибо и на этом.

Съев все до последней крошки, я почувствовал себя лучше, но мне не давало покоя то, что Рина до сих пор злится на меня. Я не смогу до завтрашнего утра сидеть здесь и не попытаться встретиться с ней.

Я хотел пойти к ней, но вся моя одежда была насквозь мокрая. Обратившись еще раз на ресепшен, я отдал вещи, чтобы они хорошенько ее просушили. Сегодня она мне еще понадобится.

Через пару часов мне принесли сухие и даже постиранные вещи, хотя о стирке я даже не просил. Впрочем, спасибо за это, Рина не обрадовалась бы, услышав едкий запах провонявшихся сигаретным дымом шмоток. Видимо дождь был настолько сильным, что притупил этот запах и Рина ничего не почувствовала.

На часах было около девяти вечера, когда я вышел из комнаты. Мой путь простирался на два этажа выше, к комнате в которой меня ждала моя любовь. Стоя перед ее дверью, сердце тревожно забилося от волнения. Рина по ту сторону двери, возможно, она уже во власти Морфея и тогда я смогу понаблюдать за ее прекрасным спящим лицом. Я попытался войти без стука, но дверь не поддавалась. Почувствовав разочарование, я позвонил в звонок. Увидев меня в дверной глазок, Рина по ту сторону холодно сказала:

— Уходи отсюда, Эван! — словно потеряв ко мне всякий интерес, ее шаги стали удаляться.

Почувствовав злость, я стал барабанить в дверь.

— Открой эту чертову дверь! Я хочу тебя увидеть, Рина! — грозно прошипел я.

— Ты не в том положении, чтобы что-то требовать от меня! — так же злобно ответила и она.

— Давай поговорим! — забарабанил я еще сильнее.

— Я не хочу сейчас с тобой разговаривать! — продолжала упорствовать она. Еще сильнее стукнув по двери, я отошел от нее. Рука болела и припухла, с такой силой я барабанил в дверь. А она не открыла. Не захотела меня видеть... Все равно я найду выход, но сегодняшнюю ночь проведу рядом с ней или я не Эван Ливарт.

Вернувшись к себе в номер, я стал лихорадочно думать, измеряя комнату шагами. Добровольно Рина не откроет, просить, чтобы мне дали ключ от ее дверей — не лучшая затея. Подумают, что сталкер и вызовут полицию, еще не хватало этой новости в газете. Нет, это не выход. Выкрасть ключи тоже плохая идея, на ресепшене повсюду камеры и портье бдит всю ночь. Так что и это не вариант. Остается только влезть в ее комнату по балконам и пожарной лестнице. Но нужно немного подождать, чтобы Рина успокоилась и уснула.

Ждал я до 12 ночи, Рина уже точно уснула. Она всегда рано засыпает. Выйдя на балкон, я отметил, что совсем рядом проходит пожарная лестница. Что ж, мне повезло. Ловко прыгнув с балкона на лестницу, я стал подниматься на два этажа вверх. Добравшись, я отметил про себя, что балкон Рины по счету был третьим. Но мне повезло, что они, сами себе, располагались близко друг к другу. Настоящее везение! Высшие силы явно на моей стороне, хотя еще недавно они сыграли со мной в злую шутку, когда я отправился в дом к деду и не застал Рину там.

Но на этот раз мне действительно везло и даже балкон Рина открыла, как будто бы специально для меня. Бесшумно войдя в комнату, я обвел ее взглядом. Происходящее сильно напомнило мне тот момент, когда я влез в дом деда, чтобы увидеть ее. Но в отличие от того раза, Рина действительно была здесь и она крепко спала.

Я увидел ее лицо и невольно залюбовался: она так сладко спала, подперев ладонью щеку. Пухлые губы чуть приоткрылись, зазывая меня прикоснуться к ним. Ее густые темные волосы рассыпались по белой подушке, создавая красивый контраст. Моя красавица. С любовью глядя на нее, я не удержался и дотронулся пальцами до ее лица, а затем коснулся губами соблазнительных губ.

Потревоженная моим прикосновением, она сонно открыла глаза и отшатнулась.

— Тише-тише... — прошептал я успокаивая. Рина замерла, приглядываясь ко мне.

— Эван? — удивленно прошептала она. — Ты что здесь делаешь? Как вошел сюда? — она чуть повысила голос, сквозящий недовольством.

— Я волновался, Рина. Не мог сидеть один в номере, зная, что ты поблизости. Те два дня, что я искал тебя, были подобны смерти...

— Ты сам виноват в этом. — с упреком в голосе ответила она.

— Рина... — я протянул к ней свои руки, желая коснуться ее, обнять. — Я не могу без тебя... — сдавлено прошептал я, желая лишь одного: заполнить пустоту в своем сердце ею.

— Не можешь без меня. — повторила она мои слова. — А ты думал об этом, когда врал мне? Я ведь просила рассказать мне все. Почему Эван ты такой эгоист? У меня никогда не было от тебя секретов. Я могла бы тебе рассказать, что угодно. Не маме, Эван! Не Дженни, а тебе!

— Рина, послушай... — я вновь протянул к ней свои руки, но она оттолкнула меня от себя.

— Даже слушать не желаю. Я уехала, потому что мне надоело вранье, хотела побыть хоть немного одна. Сбиралась встретиться с отцом, так ты и этого не дал мне сделать. Мне нужно умереть, чтобы ты оставил меня в покое? — она с отчаянием взглянула мне в глаза, ожидая ответа. У Риной была истерика, ей плохо, и она хотела сделать несчастным и меня.

Прекрасно знала, как это сделать, прибегнув лишь к паре фраз.

— Я здесь, потому что нужен тебе. Тебе больно, твой мир рухнул, от свалившейся на голову правды. — Рина беззвучно заплакала и я вновь протянул к ней руки, ожидая, что на этот раз она не оттолкнет меня. — Ну же, иди ко мне. — Рина не решалась, скосив на меня взгляд полный недоверия. — Да, я виноват, что не рассказал тебе все, но ты на моем месте тоже не рассказала бы правду, которая перевернет мою жизнь с ног на голову и выбьет из-под ног почву. — Рина всерьез задумалась и по ее лицу я понял, что броня начинает трескаться. — Если произойдет что-то ужасное, что гарантированно принесет мне страдания — ты скроешь от меня правду. — в ответ на мои слова Рина лишь покачала головой.

— Нет, я все равно расскажу тебе, потому что не хочу лишать тебя выбора и ограждать от трудностей.

— Я хотел бы оберегать тебя всю свою жизнь от трудностей.

— Трудности закаляют. — коротко бросила она. — Открывшаяся правда ужасна, но лучше знать правду, чем купаться в розовых воспоминаниях о человеке, который ненавидел меня до такой степени, что хотел убить. — ее глаза стали заполняться слезами. В свете уличных фонарей слеза на ее щеке была подобна сверкающей росинке. Завораживающее зрелище.

— Позволь мне помочь тебе справиться с горем... — прошептал я, стирая губами соленые слезы. От нее пахло безумно вкусным запахом, от которого все мое существо внутренне поднималось и расправляло крылья. — Позволь мне это... — повторил я, опаяя горячим дыханием.

— Оставь меня в покое, Эван! — вновь выстроив броню, оттолкнула меня Рина, буравя холодным взглядом.

— Неужели ты совсем ничего не чувствуешь ко мне? — разочарованно спросил в отстраненные, но такие любимые глаза.

— Чувствую. — выдохнула она, отвернув голову от меня, пряча свой взгляд. — Разочарование...

Я затряс головой, не желая принимать ее слова. Это не может быть правда, еще недавно она готова была сдаться.

— В прошлый раз ты позволила ласкать себя, а после сама меня поцеловала. Это не может ничего не значить. — хватаясь за воспоминания, как за соломинку, я пытался доказать ей, что ее слова ложь.

— Я была пьяна, Эван. Это все алкоголь. — твердо ответила она, не желая уступать мне.

— Алкоголь. — разочарованно прошептал я. — Это не может быть правдой, ты мне врешь, Рина. Наш поцелуй на фотосессии был неподдельным. Ты сгорала от страсти без алкоголя!

— Я уже говорила тебе свои мысли на сей счет. — надменно отвернув лицо от меня, она уставилась в пустоту.

— Ты говорила, что будь на моем месте другой — было бы также.

— Да, именно так. — согласилась она, продолжая быть отстраненной и далекой.

Злость стала заполнять меня изнутри, рискуя вырваться неконтролируемой яростью. Стукнув пару раз ладонью по подушке рядом с ее головой, я сдавленно закричал. Она говорила очень жестокие вещи, нанося болезненные раны моему сердцу. Где та девочка, какой она была еще три года назад? Рина так изменилась, стала более независимой,

уверенной и больше не боялась сделать мне больно. Для нее я потерял ценность, какой был до того, как признался ей в своих чувствах. Мое мнение ее больше не интересовало. Тогда она не могла ступить и шагу без моего согласия, сейчас — отгрызет голову, но сделает по-своему. С покорной Риной было легко и спокойно, но эта незнакомка с лицом моей любимой, поистине будоражила мое сердце и кровь, становясь в моих глазах еще большей ценностью.

— Если мы закончили разговор, и ты выместил свою злобу на моей подушке, слезь с меня и возвращайся в свой номер. На этот раз выходи через дверь.

— Я никуда не уйду, Рина. Сегодня ночью я буду спать рядом. Вспомни, как часто мы делали это раньше. При каждом удобном случае бегали друг к другу спать. — я широко улыбнулся, вспоминая былые деньки.

— Это было до того, как ты решил вбить кол между нашей дружбой.

— И что с того? Я ничуть не изменился, перед тобой все еще прежний Эван. Единственный, кто из нас изменился — это ты. Наше прошлое больше ничего не значит для тебя. — она поджала упрямо губы, отведя взгляд в сторону.

— Думай, как хочешь и уходи! — она попыталась столкнуть меня с кровати, но задержавшись на моих плечах, Рина замерла. С потрясением взглянув мне в глаза, она положила ладони на область моей шеи.

— Быстро ложись в постель, Эван! — приказала она, подрываясь с места и толкая меня на кровать. Вопросительно глядя в ее озабоченное лицо, я ждал ее пояснения. Такая резкая смена поведения очень удивляла. Еще пару минут назад всем своим видом она демонстрировала холодное безразличие, но сейчас на ее лице паника, страх и бесконечное беспокойство. Словно она очень волнуется обо мне. Внутренне я возликовал, но внешне изобразил страдание.

— Ты принимал ванну, чтобы согреться? — тревожно спросила она.

— Нет, сказал же, что не пойду без тебя. — солгал я, изобразив невинность.

— Дурак! Какой же идиот, Эван! — она стала метаться по комнате, не находя себе места от беспокойства. Хоть в комнате было и темно, я отчетливо видел на ней короткий светлый топ и такого же цвета кружевные трусики. Соблазнительное зрелище.

Закончив свои возмущения, она подошла ко мне, положив прохладную ладонь на мой лоб.

— У тебя жар! Как ты себя чувствуешь, Эван? — чувствовал я себя и правда паршиво, но до сих пор я не думал о своем состоянии, полностью погруженный в проблемы с Риной.

— Очень плохо, Рина. — драматично выдохнув, я изобразил страдание. Да, мне было плохо, но не до такой степени, чтобы быть настолько немощным. — Кажется, я умираю.

— Еще и по балконам лазишь! А если бы ты сорвался вниз? — ее рука путешествовала по моему лбу, опускаясь время от времени к щекам и шее. Я наслаждался прикосновениями ее прохладной нежной ладони. Причитания Риной грели мне душу, демонстрируя в действительности, что я ей небезразличен.

— Осчастливил бы тебя своей смертью. Жаль, что этого не произошло. — тихим умирающим голосом ответил я. — Упустил возможность порадовать тебя.

Стукнув меня в плечо, Рина недовольно ответила:

— Твоя смерть не входит в список того, что может меня осчастливить.

— Рад это слышать.

Она вновь встала с кровати, зажгла настольную лампу и взяв глубокую тарелку, налила в

нее воду из графина. Порывшись у себя в сумке, она нашла небольшое полотенце. Опустив его в воду, она отжала излишек влаги и подошла ко мне. Рина была так озабочена моим состоянием, что совсем позабыла в каком виде щеголяет передо мной. Я делал вид, что ничего не замечаю, но дружок в моих штанах выдавал скрываемое мной возбуждение.

Присев на колени на кровати рядом со мной, она стала промокать мой лоб, лицо и шею прохладной тканью.

— Как можно так относиться к себе! Сколько ты простоял под дождем?

— С утра.

— Так долго! Наверняка ты подхватил воспаление легких. Тебе нужно к врачу!

— У меня уже есть свой личный врач, мне ее достаточно. — с теплотой в голосе прошептал я, убирая прядь волос с ее лица. Щеки Рины залились румянцем смущения.

— Как ты вообще узнал, что я буду там?

— Мне стало известно, что ты узнала об отце и я поехал в дом дедушки. Думал ты там, хотел поддержать, но не застал тебя на месте. — рука Рины замерла.

— Ты ездил к дедушке?

— Да, только утром приехал и сразу поехал в тюрьму, боялся, что ты уже встретишься с ним.

— С заключенными не так легко увидеться, как мне казалось. Хотя мне повезло и одобрение пришло совсем быстро. — закончив обтирать мое лицо, Рина положила ткань на лоб. — Это, конечно, тебя не вылечит, но надеюсь жар хоть немного отступит. Утром обязательно нужно будет посетить врача.

— Я же сказал, что мне он не нужен. — начал настаивать я.

— А я сказала, что тебе нужен врач, Эван! — припечатав меня одним своим взглядом, я замолчал. Откуда она набралась столько смелости?

— Ладно. — согласился я. — Но ты пойдешь со мной.

— Не волнуйся, я не оставлю тебя. — она прилегла рядом со мной, заботливо прикрыв одеялом. — Спи, сегодня был очень тяжелый день. — взяв ее ладонь в свою, я крепко сжал, всем сердцем надеясь, что Рина не оттолкнёт мою руку. На удивление уголки губ Рины приподнялись, и она закрыла глаза, погружаясь в сон.

Удивительная девушка! Иной раз не знаешь, чего еще можно от нее ожидать. Надеюсь завтра она будет также заботливо настроена ко мне.

Совсем скоро я услышал тихое посапывание Рины — она уснула. Извернувшись в постели так, чтобы полотенце не съехало со лба и наслаждаться присутствием Рины, я приобнял другой рукой ее за талию. Ничего, Рина, осталось совсем немного. Скоро твоя броня падет окончательно, и ты полюбишь меня так, что жизни не будешь смыслить без меня. Попомни мои слова, дорогая. Я обещаю тебе, все так и будет.

Покинув комнату Эвана, я твердо решила, что ни за что не стану разговаривать сегодня с ним. Постояв подольше под горячим душем, я думала о нем. Я была почти уверена, что Эван придет ко мне, не выдержит и захочет увидеть.

Я оказалась права, Эван пришел ко мне, когда часы показывали чуть больше 9-ти вечера. Когда я услышала его низкий с легкой хрипотцой голос за дверью, по моему телу прошла мелкая дрожь и сердце предательски забилось быстрее. Он все-таки пришел! И хотя внутренне я ждала его прихода, волнение нагрянуло такое, словно Эван нанес мне неожиданный визит.

Я прогнала его, хотя всем сердцем мечтала распахнуть эту чертову дверь и пересечь расстояние, разделявшее нас. Как он себя чувствует? Принял ли ванну? Сумел согреться? Я безумно хотела узнать это. А еще я хотела оказаться в его крепких объятиях, вдохнуть запах его кожи и полностью забыться в нем... Подумав об этом, мое сердце застучало так, словно за ним кто-то гонится. В голову лезли навязчивые воспоминания, которые еще больше подливали масла в огонь: горячие руки на моей коже, губы касающиеся меня везде, ласки, трепет и низкий голос, который, казалось, достигает моего естества. Кажется, я больна похуже Эвана, раз уж никак не могу перестать думать о нем.

Сделав вид, что приход Эвана меня совсем не заботит, я прогнала его. С тяжелым сердцем я слушала, как он молит о встрече, как психует и бьет по двери, когда отшила его. Наверное, его рука болит после этого удара... Он ушел, оставил попытку любой ценой ко мне пробраться, даже не попытался поднять шумиху. Даже как-то грустно стало, что он так легко отступил...

Зачем я поступаю так с ним? Я понимала, что врать было нехорошо, но не уверена в действительности, что и сама не поступила бы так же. Да, я сказала, что предоставила бы ему выбор, но так ли это на самом деле? Я была не уверена.

Разговор рано или поздно случится и лучше уж пусть настанет сейчас, чем мучаться в неизвестности долгое время.

Встав с постели, чтобы выйти в коридор и позвать Эвана, я одернула себя на полпути. Нет, Эван только и ждет, что я пойду за ним. Раньше я постоянно бегала за ним, не выносила неведения или когда он обижался и расстраивался. Потом я долго просила у него прощения, соглашаясь с тем, с чем не нужно было. Конечно, он привык к такому поведению, но отныне его будет ждать ровно противоположное.

Приняв еще раз горячий душ, чтобы успокоить волнение, я надела комплект красного белья и собралась лечь в постель. В номере было очень душно, поэтому настежь открыв балкон, я легла в постель. Намереваясь заснуть, я закрыла глаза, но сон, как ни старалась, не хотел брать надо мной верх.

Я стала проматывать в голове сегодняшний день, нашу первую встречу, спустя много лет, с Кайлом. Его злой взгляд полный обиды очень встревожил меня. Кажется, из-за Эвана он возненавидел и меня. Хм... это я должна была на него обижаться, когда он резко перестал со мной дружить. Но я вошла в положение Кайла, понимая, что он пережил страшное событие, которое едва не лишило его жизни. Перестать общаться со мной, было желанием остаться наедине с собой, своим страхом и проблемами. Я попыталась войти в его положение и не напрягать своим присутствием, видела, что из-за произошедшего он

сторонится меня. Выходит, все из-за Эвана... Я обязательно поговорю с ним об этом и пусть только попробует солгать мне опять.

Перед глазами возник образ Эвана под дождем: он дрожал, ему было так холодно, что невольно хотелось протянуть к нему руки и согреть. Я так испугалась за него, за то, что могу потерять... интересно, как он сейчас? Что делает, сидя в своем номере? Надеюсь, он успокоился, смирился и пошел спать.

В мыслях о Эване, я уснула. Проснувшись я, почувствовав легкое прикосновение к щеке. Сначала я дернулась от неожиданности, но услышав знакомый низкий голос, расслабилась. Это Эван! Внутренне ликовала я, но внешне не желала, чтобы он увидел мою радость. Не хотела, чтобы он подумал, что все-таки небезразличен мне. Я отталкивала его, говорила жестокости, но внутренне протестовала от такого поведения. Да, возможно, Эван и заслуживал такого отношения, слишком долго я позволяла потакать собой, теперь пришел его черед. Однако, мне все трудней было ему противостоять, Эван имел надо мной необъяснимую власть, заставляющую все больше думать о нем.

В какой-то момент искушение было так велико, что я едва не пошла у него на поводу, но вовремя себя остановила. Вновь стала говорить ему грубости, пытаюсь задеть побольней. Я себя не узнавала, откуда такое желание быть жестокой к нему? Желание проучить его и добиться чего-то. Но чего я пыталась добиться поступая с ним так? Увы, я не могла ответить на этот вопрос. Я поступала так, как подсказывало мое сердце, если буду с ним мягче, уступать, то он вновь попытается меня подчинить себе. Я этого не хотела. Мне хотелось равноправия, свободы и чувства, что все происходящее единственно верное.

Стараясь выглядеть безразличной и холодной к нему, его словам и рукам, что совершали отчаянные прикосновения, в попытке пробить мою оборону, мне все трудней было держать себя под контролем. Я смотрела на него и не могла понять, как раньше могла ничего к нему не чувствовать. Эван — внешнее воплощение моего идеального мужчины, он всегда был рядом, но я никогда не воспринимала его всерьез. Даже сейчас, понимая это, я все еще борюсь с собой, ругая себя за возникшие чувства к нему. Все в нем меня привлекало: внешность, низкий голос, от которого все мое тело покрывалось мурашками, его запах, который возбуждал во мне что-то низменное и незнакомое. Знал бы Эван, что на самом деле со мной происходит, когда находится рядом, не стал бы злиться и бить подушку рядом с моей головой.

Я коснулась его груди, чтобы оттолкнуть, но замерла, почувствовав жар, исходящий от него. Он был неестественным, лихорадочным. Подняв ладони выше, я поняла, что он действительно горит. Не передать словами какое сильное беспокойство я испытала в тот момент! Пока я тут издеваюсь над ним, он находится в ужасном состоянии, еще и рисковал собой, пытаюсь попасть ко мне в номер. Он действительно отчаянный, безрассудный и по уши влюбленный. Еще и ванную не принял! Хотел меня проучить! И проучил, теперь я пожалела о том, что вообще оставила его одного, понадеялась на благоразумие парня, но это же Эван, он никогда не отличался им.

В номере никаких лекарств не было, позвонить на ресепшен и спросить я не додумалась, пришлось вспоминать старые добрые методы, по снижению температуры. Холодная вода должна немного облегчить состояние, но это не панацея, она не решит проблему полностью.

Положив ему на лоб полотенце, смоченное прохладной водой, я легла рядом с ним. Я не могла его сторониться, не сейчас, когда он нуждается во мне. Взяв меня за руку и приобняв

за талию, Эван уснул. Я долго лежала без сна, постоянно проверяя не снизилась хоть немного температура. Он был таким красивым... я невольно залюбовалась его черными бровями и ресницами, великолепным изгибом пухлых губ, прямым носом. Щетина на лице отросла на пару миллиметров, делая его лицо более зрелым, но не менее привлекательным.

«Рина! Не уходи... Не оставляй меня...» — заметавшись по подушке, Эван пробормотал сквозь сон. Страх потерять меня преследовал Эвана даже во сне. Это любовь или одержимость, граничащая с маниакальностью?

— Я здесь, с тобой... никуда не уйду. — поглаживая его по горячим щекам, шептала я. Хотелось быть к нему еще ближе, чтобы сквозь сон он чувствовал мое тепло и близость. Притянув его голову к груди, я прижала его к себе еще тесней.

Всю ночь Эван проспал, лежа на моей груди. Его руки обвивали мою талию, а ноги сплелись с моими, мы были похожи на настоящую парочку со стороны.

Открыв глаза и увидев, что он смотрит на меня, я улыбнулась. Не хочу его больше обижать и так за это время была упрямой ослицей, заставляя Эвана мучиться от совести, избегая с ним общения.

— Как ты себя чувствуешь? — пока Эван спал полотенце соскользнуло с его лба, затерявшись где-то под нашими телами.

— Увидев твою улыбку, сразу почувствовал себя лучше.

— Если моя улыбка оказывает на тебя такой целительный эффект, не лучше ли мне не переставая улыбаться? — не сдержав еще большей широкой улыбки, спросила иронично я.

— Тогда я взорвусь от переизбытка счастья. — улыбнулся он, гипнотизируя меня своим взглядом.

— Надеюсь мы сможем избежать этого. — не удержавшись от прикосновения, я коснулась его щеки ладонью. Поспешно убрав руку, пока Эван не воспринял этот жест по-своему, я поспешно сказала: — я закажу завтрак и схожу в душ, после пойдем к врачу.

— Я действительно чувствую себя лучше и жара уже нет. — я протянула к его лбу ладонь, чтобы почувствовать температуру.

— И правда, совсем не горячий. Жар спал. — удивилась я, все еще не отнимая руки.

— Я заболел от тоски по тебе, все хорошо только потому что ты рядом...

— Ты заболел из-за своего безрассудства! — вновь вспыхнула я. — Просто невыносимо! Простоять столько часов под открытым дождем! Я удивлена, что ты не умер после своей выходки. — до меня вдруг дошел смысл фразы: Эван стоял под дождем столько времени дожидаясь меня. Никого-то другого, а меня! Это очевидное открытие так потрясло меня, что внутренне я расцвела и почувствовала счастье. Настоящая глупышка. Пытаясь скрыть от Эвана свое состояние, я встала с кровати и пошла к телефону, но вдруг замерла как вкопанная, поняв, что щеголяю перед Эваном в одном нижнем белье.

— Немедленно отвернись! — закричала я, глупо прикрываясь. Эван засмеялся, но взгляд отвел. Пока он смеялся, я накинула на себя банный гостиничный халат.

— Не переживай, Рина! Я уже давным-давно все рассмотрел! — сверкнув в мою сторону лукавым взглядом, улыбнулся он. Швырнув в Эвана первое что попало под руку, я удовлетворенно улыбнулась, попав в цель.

— Ты это заслужил! — смерив его взглядом полным превосходства, довольно сказала я.

Подойдя к телефону, я позвонила на ресепшен и заказала завтрак на две персоны. Должны были принести спустя полчаса.

Наскоро приняв душ, почистив зубы, я надела чистое нижнее белье и накинула халат.

— Раз уж прием к врачу отменяется, я собираюсь повидаться с отцом. — созрев для этого разговора, начала я.

— Что ты узнала о нем?

— Все... Не уверена, что есть что-то еще... — глаза Эвана расширились от удивления, граничащего с шоком. Он был удивлен, что после открывшейся правды, я не ушла в себя. — Теперь мне понятно, за что в действительности Марианна и Изабелла ненавидят меня. Впрочем неудивительно, мой отец убил их маму. — сделав паузу, я улыбнулась, пораженному выражению лица Эвана. — Что? Удивлен, что я узнала это?

— Как ты узнала все? Из писем?

— Нет, — покачала головой я. — По счастливой случайности я оказалась в нашем старом доме, узнала, о том, что там жил серийный убийца, но не верила, что это мой отец. — я едва сдержала слезы, желаящие вылиться из глаз. — Но встреча с Кайлом расставила все по своим местам. Правда она также и добавила новых вопросов.

— Каких? — с придыханием спросил Эван, подойдя к нему ближе, я села на кровать рядом с ним.

— Это ты пытался убить Кайла? — интересно, как ответит Эван? Я точно знаю, что Кайл не мог соврать, но Эван не знает этого. Если он вновь соврет мне, я никогда не смогу ему больше доверять. Интересно рискнет ли он сказать правду или напорется на одни и те же грабли? Мне очень было интересно.

На какое-то время между нами повисло молчание. Эван смотрел на меня гадая, стоит ли говорить мне правду или лучше солгать.

— Я пообещал себе, что отныне больше никогда не стану тебе врать, — начал он спокойно. — поэтому скажу правду. Да, это я тот, из-за кого едва не погиб Кайл. — хотя я и знала уже это, но услышать из его уст признание было неожиданно. — Я ненавидел его, мечтал, чтобы ты принадлежала только мне. Отец видел мои страдания и однажды посеял во мне мысли устранить его. Я очень обрадовался, когда он поддержал меня. Когда я совершил это преступление, тетя как-то догадалась об этом, но отец прикрыл меня. Тогда я даже почувствовал связь с ним. — Эван грустно улыбнулся. — Но когда я начал замечать его странности, то понял, что совершил ужасный поступок. — по его глазам я видела, что он сожалеет об этом и я ему поверила.

— Ты молодец, Эван. Рада, что признался мне во всем. — похлопав его по плечу, я улыбнулась ему. — Значит, все из-за папы?

— Я не могу сказать, что все из-за него, он лишь озвучил мысли, которые в моей голове роились. Думаю, рано или поздно я все равно решил бы на это.

— Хотя своим поступком ты и испортил жизнь Кайлу, я думаю, все это было из-за детской незрелости. Думаю, сейчас ты не решил бы на это. — виновато улыбнувшись, Эван пожал плечами.

— Значит, это он тебе все рассказал? — хотя тон Эвана и был спокоен, я видела на дне его глаз ревнивые всполохи. В ответ на его слова, я кивнула. — И как он? Старая дружба заиграла новыми красками? — а уже в этом вопросе я услышала открытое недовольство. Глупый.

— Если считаешь, что я могу подружиться с человеком, искренне невзлюбившем меня, то ты глубоко ошибаешься! — брови Эвана удивленно взлетели в верх.

— То есть как это, невзлюбившему? Он что-то тебе сделал? — обхватив меня за плечи, Эван с беспокойством стал осматривать всю меня. Даже смешно такое волнение после той ревности, что читалась в его глазах.

— Ничего, только вывалил на меня всю эту грязь про отца и тебя. — крепко прижав меня к себе, Эван зашептал:

— Прости, мне жаль, что тебе пришлось все это выслушивать. Как бы мне хотелось быть рядом тогда, когда ты все узнала.

— Боюсь, я накинулась бы на тебя с кулаками. — улыбнулась я, вдыхая его запах. — Что ж, если ты собираешься ехать со мной, то тебе нужно поторопиться, ждать тебя я не буду.

Взяв из сумки свои вещи, я скрылась в ванной, чтобы надеть блузку и юбку-карандаш с золотыми пуговками посередине. Завязав волосы в хвост на макушке и подкрасив лицо косметикой, я улыбнулась своему отражению.

Глаза Эвана ярко засияли при виде меня.

— Моя красавица... — прошептал Эван с восхищением. Бросив на него недовольный взгляд, я ответила:

— Не твоя.

— Поверь, это скоро изменится.

— Ты так в этом уверен? — изогнув бровь дугой спросила я.

— Я тебе нравлюсь, это не вызывает сомнений.

— Разве вчера я непонятно изъяснилась?

— Да, ты говорила, что ничего не чувствуешь ко мне, однако, я совсем тебе не поверил. — поймав меня за запястье, он притянул меня за руку к себе. Сердце учащенно забилось в груди, волнение нахлынуло волной, я застыла, не в силах оторвать взгляда от его красивых губ. Сглотнув, я закусила губу, мечтая о его поцелуе. Видимо прочитав мои мысли, Эван тотчас притянул мою голову к себе и впился в губы безжалостным, всепоглощающим поцелуем. Он пил меня до суха, истязал, терзал мои губы с отчаянным желанием, которое сводило с ума. Уже и я крепко прижималась к нему, притягивая еще ближе к себе. Отвечая на его поцелуй с дикой страстью, я поражалась той силе чувств, что дремала во мне. Наши языки сплелись в диком танце, быстром, резком и пламенном. Все происходящее вокруг перестало что-то значить, даже встреча с отцом не была уже настолько притягательной. Только Эван и его губы. Подняв мое тело одной рукой за талию, он положил меня на кровать, отстраняясь, чтобы насладиться лицом и пухлыми от поцелуя губами. Хотя мне было безумно хорошо и останавливаться совсем не хотелось, когда Эван наклонился ко мне, чтобы вновь накрыть мои губы, я положила свою ладонь на его грудь, создавая дистанцию между нами.

— Нам пора ехать, Эван. — блеск в моих глазах и мягкая улыбка, сделали Эвана раскованней. Поймав мою руку, он прижался к моей ладони губами.

— Еще немного, Рина... Отец ждал слишком много лет, подождет еще.

— Ну, уж нет. — выставив уже вторую руку, я выбралась из-под него, поднимаясь на ноги. — Даю тебе пять минут и ухожу без тебя.

Проводив Эвана хмурым взглядом, я стала приводить в порядок то, что он успел испортить.

Освежившись в душе, Эван привел в порядок свою одежду. Пока я ждала его, с трудом пыталась выбросить тот зверски-притягательный поцелуй, мечтая повторить его вновь. Когда это началось? Когда Эван перестал быть мне просто другом и стал восприниматься мной иначе? Я не помнила. Возможно, когда он впервые поцеловал меня, а может это случилось и того раньше, но я отчаянно не хотела этого замечать.

— Можем идти. — сказал Эван, касаясь моего плеча. Тотчас же я вспомнила куда мы идем и с кем там встретимся. Волнение подкралось к моему горлу, стискивая его в тиски. — Переживаешь?

— Очень! — выдохнула я. — Ты ведь знаешь, как сильно я ждала нашей встречи. Правда я никогда не думала, что это произойдет при таких обстоятельствах.

Едва сдерживая слезы, я опустила голову. Эван подошел ближе, притянув меня к себе.

— Ты ведь знаешь, что я рядом... — я кивнула, уткнувшись в грудь, маняще пахнущую им.

— Жаль, что тебя не пустят к нему...

— Я попробую договориться.

— Не нужно, Эван. Вряд ли ты хочешь видеть его так же, как и я. Не делай этого из-за меня. Я справлюсь.

Прижав меня еще крепче, он оставил след поцелуя на моей макушке. Отчаянно захотелось вновь поцеловать его, но я не стала этого делать, не хотелось запутывать и без того сложные отношения. Они и так запутаны, после последнего поцелуя я уже не смогу отвертеться и сказать, что он мне безразличен. Вступать с ним в настоящие отношения я

тоже все еще не хотела.

Забрав кое-что из номера Эвана, мы вызвали такси. Через пять минут мы сели в припарковавшееся у дороги такси.

На улице было пасмурно и сыро. Дороги до сих пор были залиты лужами, оставшимися после долгого ливня.

Всю дорогу я ужасно нервничала. Эван крепко держал меня за руку, я чувствовала его поддержку и мне было безумно комфортно это.

Приехав в тюрьму, я прошла кучу проверок, прежде чем меня пустили к папе. Эван остался ждать на выходе, а меня повели в комнату для свиданий с заключенными. Мои руки тряслись, а голос дрожал, я ужасно боялась встречи с ним.

Встав у кованного окна с железной решеткой, я тревожно смотрела на унылый пейзаж за окном.

Вот за спиной раздались его шаги и звук закрываемой железной двери. В комнате мы остались совсем одни, такие родные, но в тоже время далекие люди.

— Я долго гадал, кто решил меня навестить. — глядя мне в спину, с легкой хрипотцой, сказал отец. Его голос совсем не изменился, остался таким же, каким я его помнила.

— Здравствуй, папа. — развернувшись к нему лицом, сквозь слезы сказала я.

Годы взяли свое и мой идеально красивый папочка стал не так привлекателен, как был когда-то. Однако, в уставшем лице я все еще узнавала его и не могла остаться равнодушной.

— Значит, ты все-таки узнала обо мне... я был уверен, что Анетт никогда тебе не расскажет.

— Она и не говорила. — печально отозвалась я. — Узнала совсем недавно из писем, что ты писал маме.

— Так она их все-таки получала... — его глаза зажглись живым блеском, который появлялся каждый раз, когда он говорил о ней.

— Не получала. — я знала, что расстрою его, но не хотела, чтобы он страдал от пустой надежды. — все твои письма у бабушки. Мама не прочитала ни одного. — отец устало выдохнул.

— Не удивительно. Анетт столько страдала по моей вине, она так и не смогла меня простить. Как она? — продолжая стоять по разные стороны комнаты, как чужие люди, с интересом спросил он. Мне так хотелось его обнять, почувствовать его тепло и любовь, я так надеялась, что написанное в письме — ложь.

— Если ты имеешь в виду есть ли у нее кто, то ответ: нет. У мамы никого не было после тебя. — по крайней мере мне об этом неизвестно, но это я ему уже не сказала. Папа радостно улыбнулся, счастливый от моего ответа, наверное, он подумал, что она до сих пор что-то испытывает к нему. Я тоже так думала, но после найденных писем, от которых она отказалась — засомневалась в этом. — Если хочешь... я могу уговорить ее навестить тебя. — грусть притаилась в уголках его глаз, когда он печально улыбнулся.

— Как бы сильно я ни хотел ее увидеть, не могу просить тебя о таком. — на какое-то время между нами повисло молчание, во время которого меня мучил засевающий в голову вопрос.

— Ты правда хотел меня убить? — как ни старалась быть сильной, все равно на этой фразе мой голос предательски дрогнул, и влага скопилась в глазах.

Папа шумно выдохнул, направив взгляд в сторону.

— Правда. — только и сказал он. Я ждала, что он скажет что-то еще и как-то себя

оправдает, но папа не проронил ни слова.

— Но почему? Разве ты не любил меня? — задала я еще один важный для меня вопрос.

— Иногда этого недостаточно. Я любил Анетт и продолжаю любить, но в момент злости едва не погубил ее. — опять он все свел к маме.

— Это не одно и то же, папа! Почему ты хотел моей смерти? — собрав всю свою силу в кулак, я сделала над собой усилие, чтобы не зарыдать.

— Из-за моей матери. Я винил ее во всех своих бедах. Она свела меня с ума, а ты слишком сильно на нее была похожа. — он взглянул на меня как-то странно, даже с нежностью.

— Я до сих пор на нее похожа? — осторожно спросила я, боясь услышать ответ.

— Хотя цвет волос и глаз тот же, я вижу в тебе многое от Анетт. Теперь ты моя дочь и ничего общего с моей матерью не имеешь. — я заплакала от счастья, а он раскинул свои руки, приглашая меня в свои объятия. — Не хочешь обнять своего ужасного отца? — ничего не говоря, я бросилась к нему в объятия, сотрясаясь в рыданиях. Да, он убийца, да, едва не убил меня, но это мой папа и его прегрешения меня мало волновали. Я просто слишком сильно его любила.

— Как ты поживаешь? Как Эван? — папа не знал, что Эван не его сын, стоит ли рассказать ему? Я была не уверена, но не хотела скрывать это от него.

— Мы с Эваном известные модели, учимся в медицинском университете. Скоро станем врачами. — папа горько усмехнулся.

— Какая насмешка судьбы: отец — палач, дети — целители.

— Пап, три года назад мы с Эваном кое-что узнали. — решила все-таки рассказать ему я. — Он не твой сын. — искренне удивленный, его брови взметнулись вверх.

— Я был уверен, что он мой. Ведь Эван так напоминал меня в детстве. — вспоминая с злой натуре Эвана, бормотал папа, казалось, новость его очень поразила. — Его мать молодец, сумела обвести меня вокруг пальца. — усмехнулся он. — Он все еще рядом с тобой? Хорошо относится к тебе?

— Да. — кивнула я. — Эван — мое все! — призналась я и стало как-то легко на душе от этих слов.

В дверь постучали, извещая об окончании свидания.

— Пап, я все-таки уговорю маму прийти. Скоро ты ее увидишь.

— Она никогда не согласится.

— Согласится, можешь не сомневаться, я знаю, как ее уговорить. — в его взгляде появилась надежда и он улыбнулся мне такой знакомой улыбкой, которой улыбался мне раньше.

Еще раз обнявшись, я вышла из комнаты. На душе было легко и хорошо, свидание с папой оказалось замечательным. Теперь необходимо уговорить маму, но я уверена, она согласится, учитывая, что все это время нагло врала мне о папе. Готовься, мамочка, я скоро приеду домой, чтобы спросить с тебя за это.

Все то время, что ждал Рину у ворот — я нервничал. Как отец встретит ее? Что скажет? Останется ли она довольна встречей? Я не мог найти себе места, беспокойно вышагивая вдоль забора. Рина вышла спустя полчаса. Спокойная и довольная. С мягкой улыбкой на губах она бросилась ко мне в объятия. Прямо как раньше, когда мы еще часто обнимались. Сегодня поистине был потрясающий день, я держал Рину в своих объятиях, целовал ее в губы, ласкал... Боже! Как вспомню, ту страсть, что охватила нас — не могу перестать улыбаться... Рина хоть и хочет показать, что безразлична ко мне, но я же вижу... она тоже начала что-то испытывать.

Вдохнув запах волос Риной, я прижался щекой к ее макушке.

— Как прошла ваша встреча? — подняв ее лицо в ладонях, я заглянул ей в глаза.

— Эван... я так рада, что увидела его. — по щекам Риной потекли слезы. — Он изменился, но в тоже время все тот же.

— Он что-нибудь сказал о том, что хотел тебя убить? — кивнув, она ответила:

— Да... Я была очень похожа на мать, которую он ненавидел. А сейчас... сейчас он сказал, что видит во мне только дочь. — она еще пуще зарыдала, сжимая одежду на моей спине все сильнее. Обняв ее еще крепче, я прошептал:

— Видимо, годы в тюрьме заставили его переосмыслить многое.

— Папа хочет увидеть маму... Он так ее любит, говорил в основном только о ней... Как бы я хотела, чтобы и меня так любили... — прошептала она словно в бреду. Посмотрев на нее сверху вниз, я вложил в свой взгляд все свои чувства.

— Разве ты не видишь, как сильно я тебя люблю? Всегда любил и буду любить всю свою жизнь. — Рина выдохнула так, словно разговоры о моей любви вызывали у нее дикую усталость.

— Эван, я понимаю, что могла тебя запутать утренней взаимностью, но это ничего не значит. Ты же знаешь, что у меня никогда не было парня, поэтому не удивительно, что мне понравилось целоваться. Я хочу завести отношения, но не с тобой... — слова полоснули по самому сердцу, и я испытал такую боль, какая была в детстве, когда Рина предала меня. Просто нравится целоваться со мной, пока никого нет на примете.

— Зачем тебе кто-то, если есть я? — с болью в голосе, спросил я.

— Эван, пойми, наконец, то, что я чувствую к тебе — не любовь, не нежность и не высшее чувство. Простая привязанность, к человеку, который с самого детства был рядом. — вновь боль, захотелось крушить все, что попадет под руку, но я сжал пальцы в кулаки, подавляя злость. — Сегодня я поеду к маме, попытаюсь уговорить ее встретиться с папой, а потом пойду в агентство и объявлю о нашем расставании. Да, мы столкнемся с проблемами, возможно, троллингом, но так я смогу встретить подходящего мне человека и влюбиться в него.

Слушая ее речь мне становилось все больнее. Схватив Рину за плечи, я больно сжал их.

— Рина! Я никогда не позволю тебе уйти от меня! Умру, но не отпущу тебя. Не позволю, чтобы ты была счастлива с кем-то, кроме меня! — прижав Рину к себе с силой, я стал одержимо гладить ее, показывая, как сильна моя любовь к ней. Рина стояла, терпела все, но потом стала отбиваться, пытаясь избавиться от моих навязчивых прикосновений.

— Хватит, Эван! Я больше не хочу ничего слышать о твоей любви. Ничего. — и

оттолкнув меня, она побежала к такси, оставляя меня одного. Я едва не взвыл от отчаяния и горечи, слезы текли по щекам, обнажая мою душу. Закричав в пустоту, я пошел к другому такси, которое только что подъехало. Рина уехала и оставила меня, но я все равно не отпущу ее. Поеду за ней, не ставлю одну... не смогу без нее. Да, не любит, да, хочет избавиться от меня, но я не могу отступить от нее, никогда этого не сделаю. Если надо стану таким как ее отец, убью каждого, кто посмеет приблизиться к ней...

Всю дорогу до Ливерпуля я глотал жгучие слезы, смешанные с болью в груди. Таксист не пытался заговорить, видя мое отчаяние. Через два часа я стоял у дома тети. Рина тоже только приехала, я видел ее входящий в дом силуэт.

Преодолев порог в один длинный шаг, я громко постучал в дверь. Слезы высохли, но страдание на моем лице — никуда не делось.

— Эван! Ты тоже приехал! Но почему вы по раздельности? — осмотрев с беспокойством мое лицо, тетя спросила. — Что-то произошло?

— Мы с Риной повздорили, я приехал к ней.

— Я все сказала, Эван, не хочу вновь это обсуждать. — взгляд тети блуждал с лица Риной на мое и обратно.

— Что между вами происходит? — спросила тетя немигающим взглядом. Взглянув на Рину, я заметил ее упрямый взгляд, говорящий, чтобы ни слова не говорил при маме. Едва заметно кивнув, я ответил тете:

— Ничего такого из-за чего стоит переживать, тетя.

— Что ж, я рада, что ничего серьезного... Почему вы не предупредили, что приедете? Я бы встретила вас, как положено! — она широко улыбнулась, крепко обнимая Рину. Я закрыл за собой дверь и поравнялся с ними.

— Я хотела с тобой серьезно поговорить, мама.

— Обязательно поговорим, дорогая, но может покушаете? Я недавно приготовила овощной суп.

— Нет, мам, я не голодна. — тетя перевела взгляд на меня.

— У меня тоже нет аппетита. — вторил словам Риной я. Тетя мягко улыбнулась и присела на диван, дожидаясь начала разговора.

— Не буду ходить вокруг да около. Я все узнала, мама. Все, что вы с Эваном от меня скрывали. — глаза тети наполнились ужасом, когда до нее дошел смысл сказанных слов. Она перевела взгляд на меня, будто бы спрашивая подтверждение. Не слова ни говоря, я кивнул ей.

— Но как ты узнала? Эван рассказал?

— Нет, вы с Эваном позаботились о том, чтобы я ничего не узнала. Случайно натолкнулась на папины письма, адресованные тебе.

— Дочка, я...

— Что ты, мама? Я заслуживала знать правду! Думаешь, мне нравилось слышать, что мой идеальный папочка разлюбил тебя и ушел к другой? Нет! Знай я изначально правду, то возможно не стала бы так сильно скучать по нему! Но вы с Эваном захотели скрыть от меня все!

— Я не могла рассказать тебе правду. Как я могла это сделать, зная, как сильно ты его любила...

— Любила и буду любить всегда, даже несмотря на все преступления, что он совершил.

— Он хотел твоей смерти, Нарин. Амит не заслуживает любви.

— Знаю, но я изменилась и больше не похожа на его маму.

— Откуда тебе это известно? Ты очень похожа на Амита, а он был копией своей матери. — тетя еще не догадывалась, что Рина уже побывала у отца. Как же она удивится, узнав это.

— Это его слова. Папа сказал, что я его дочь и ничего общего с матерью не имею. — тетя закрыла рот ладонью, пытаясь сдержать эмоции. С ее глаз бежали непокорные слезы.

— Ты ходила к нему в тюрьму? Зачем? А вдруг он что-нибудь сделал бы тебе?

— Я пошла, потому что все эти годы мечтала о встрече с ним. Как могла я думать о страхе, когда желание обнять его было сильнее всего? — тетя заплакала еще больше, стирая ладонями слезы с глаз.

— Нарин, он душегуб... страшный человек... — заглядывая в глаза дочери, сквозь слезы бормотала она.

— Он мой папа. — твердо ответила она. — И содеянное меня никак не касается. Его уже наказал суд, не думаю, что ему так уж легко в неволе. — тетя тяжело выдохнула.

— Ты не понимаешь... Он издевался над женщинами только потому, что те напоминали его мать! — тетя сорвалась на крик, пытаясь донести Рине печальные подробности его преступлений. — Он хладнокровно убил нашу соседку, а потом радовался и говорил, что сделал это для меня! — тетя обняла себя за плечи и содрогнулась, вспоминая ту роковую ночь. — Милая, он сам избрал путь убийцы, его никто на эту дорожку не толкал...

Отведя взгляд в сторону, Рина тихо сказала:

— Я понимаю это, мама, но разве в этом не виновато его состояние? Я поняла из писем, что он был болен. — тетя печально вздохнула.

— Верно, Амит был болен. Однако, он мог признаться мне во всем, и мы смогли бы справиться с его проблемами вместе. Но он предпочел скрыть от меня правду, сходя с ума каждый раз, когда видел тебя.

— Папа ничего не говорил, зная, что ты не примешь его. Он слишком любил тебя и боялся потерять...

— Я тоже его любила... так сильно, что готова была прикрыть перед законом.

— Возможно ли, чтобы ты до сих пор к нему что-то чувствовала? — осторожно спросила Рина, с замиранием сердца ожидая ответа.

Залившись краской смущения, тетя занервничала. Она хотела скрыть от нас свое состояние, поэтому быстро взяла себя в руки. Но я его заметил и понял, что тетя до сих пор думает о нем.

— Конечно, нет, Нарин. Твой отец в прошлом. — Рина расстроилась, не заметив тетиного волнения.

— Даже если так, мам, я хочу, чтобы ты навестила его в тюрьме. Я пообещала ему, что уговорю тебя.

— Ты не должна была этого обещать! Я с таким трудом вычеркнула его из сердца, выбросила любое напоминание о нем, даже письма не читала... я ни за что не смогу его навестить...

— Ты боишься? — тихо спросила она, наконец, раскусив тетю. — Боишься, что бывшие чувства могут напомнить о себе. — констатировала Рина удивленно. -

— У меня нет к нему чувств! — стала протестовать она, на этот раз уже я не выдержал и вставил свое слово:

— Хватит держать нас за дураков! Здесь нет наивных детей! Глядя на вас, сразу

становится понятно: вы до сих пор равнодушны к нему! — в ответ на мои слова тетя виновато опустила голову, не в силах спорить.

— Ладно, можешь подумать немного, но я надеюсь услышать от тебя положительный ответ. — сказала Рина мирно, похлопав тетю по плечу.

Бросив на меня взгляд, Рина поднялась наверх в свою комнату, оставив меня наедине с тетей.

Тетя не хотела разговаривать, она была погружена в свои мысли. Наверное, взвешивала все за и против встречи с мужем. Я тоже не горел желанием общаться с ней. В душе зияла пустота, которую я хотел заполнить алкоголем. Он поможет приглушить боль, связанную с отказом Рины. Сегодня я позволю себе слабость, а завтра возьму себя в руки.

Прогулявшись до магазина я купил себе пару бутылок виски, добавлю в него лед и этим напитком скрашу себе ночь.

Выкурив у порога сигарету, я вошел в гостиную и сел на диван. Поставив перед собой запотевшую от холода бутылку и кубики льда, я устало вздохнул. Задумчиво уставившись на янтарную жидкость, я думал о том, какой неприступной оказалась Рина. Неужели это правда, что ей нравятся поцелуи, но не имеет значения кто перед ней, я или другой незнакомый парень. Этого не может быть! Рина всегда была хорошей девушкой и не смогла бы подпустить к себе незнакомца. Стукнув по столу, я наполнил до краев виски и искривившись, осушил его в несколько глотков. Алкоголь разлился огнем по глотке, приятно согревая мои внутренности изнутри.

Начало темнеть, и комната потеряла свои краски, превратившись в серую тень. Я наливал один за другим стакан, растворяясь в алкоголе, избавившем меня ненадолго от страданий. Боль продолжала выходить наружу в виде потока непрошенных слез и тяжести на сердце.

— Эван, что ты здесь делаешь в темноте? — спросила тетя, входя в гостиную. — Увидев слезы на моих щеках она присела рядом, положив ладонь мне на плечо. — Расскажи, что тебя беспокоит.

В трезвом состоянии я ни за что не стал бы откровенничать с тетей, но в тот момент был не в себе и отчаянно желал излить боль, что терзала мое сердце так давно.

— Тетя, посмотрите на меня. Разве я урод? Ущербный и недостойный? — спросил, едва ворочавшимся языком, я.

— Конечно, нет, Эван. Откуда такие вопросы? — в ее взгляде сквозило неподдельное беспокойство и неприкрытая забота.

— В школе за мной увивались толпы девушек, в университете тоже... все меня любят, только Рина осталась холодна ко мне. Я так ее люблю! Люблю с того самого момента, когда впервые увидел! — я уронил голову на руки, не сдерживая слез.

— Ну-ну, дорогой... Чувства — это сложная вещь, никогда не знаешь к кому они появятся. Я верю, что когда-нибудь ты встретишь ту, что ответит тебе взаимностью. — ее слова отдались раздражением в моем сердце, я сжал челюсти, противясь им.

— Мне не нужен никто другой, кроме Рины! Она мое все! И если она не будет со мной, то не будет ни с кем! — тетя отшатнулась от меня, ее напугали мои слова, возможно, в этот момент она вспомнила о другом человеке, который неоднократно говорил ей нечто подобное.

— Если твоя любовь истинная, ты найдешь в себе силы отпустить ее. Если нет, тогда это вовсе не любовь, а одержимость.

— Мне плевать, что это! — как капризный ребенок ответил я. — Я только знаю, что не смогу без нее. — и я вновь уронил свою голову на ладони.

— Эван, ты всегда был мне как сын и я очень за тебя переживаю. Тебе нужно поспать. Кто знает, что тебе принесет новый день.

— Идите, тетя. Я еще посижу. — налив еще в стакан виски, я залпом его осушил. Похлопав меня по плечу, тетя поднялась к себе в спальню, оставив меня одного. Перед глазами уже все плыло. Реши я вдруг подняться, обязательно свалил бы все, что стояло у меня на пути.

В темноте, в одиночестве, я просидел пока не закончил вторую бутылку. Я едва стоял на ногах, когда встал с дивана с намерением отправиться в свою комнату. Нимфа в красивой легкой сорочке спускалась вниз по лестнице. Увидев меня, на ее лице отразилось беспокойство. Подскочив ко мне, она тревожно коснулась моего лица руками.

— Эван? Зачем ты так с собой? — покачиваясь и едва не падая, я смотрел в ее лицо полное тревоги. Мне не нужно твое беспокойство, твоя тревога... мне нужна твоя любовь... вся ты...

— Я жалок, да? Вот, что делает со мной любовь, она убивает меня...

— Не говори так. — она стала гладить мое лицо, смотря на меня с особой нежностью и заботой. — крепко сжав талию Рины, я развернул ее спиной к стене, прижимая к ней.

— Я люблю тебя... Почему ты не можешь ответить на мои чувства?! Почему? Почему? — с каждым новым словом, мое отчаяние нарастало все больше, и я не смог сдержать свой крик. — ПОЧЕМУ? — она просто смотрела мне в глаза, ничего не говоря. Луна освещала комнату, открывая красивую деву моему взору. Девственная красота Рины была такой манящей, что я не смог сдержать порыв и крепко поцеловал ее. В купе с алкоголем, бешеное возбуждение сорвало крышу и вскружило голову. Она отвечала мне... опять отвечала... кто я для нее? Просто человек, с которым можно поцеловаться или кто-то гораздо больший? Что ты делаешь со мной, Рина? Что...

Руки Рины стали гладить мою шею, плечи, грудь и живот. Она сама потянулась руками к моей одежде, пытаясь освободить меня от нее. Я задыхался, она тоже. Мы горели в диком пожаре страсти, накрывшем нас с головой.

— Эван... — сквозь стоны прошептала она, когда я стал страстно целовать ее в шею. — Пойдем в комнату... мама может увидеть... — в своем состоянии я не мог думать ни о чем на свете, кроме нее, но согласился с ней, не хотел, чтобы нас кто-то прервал.

Прижавшись сильнее к моему телу, она завороченно улыбнулась мне, потянув в сторону лестницы. Стараясь не упасть, я шел следом за ней. Оказавшись у двери в спальню, я вновь прижался к ней губами, запустив свой язык в ее рот. Охотно отвечая на поцелуй, она уверено коснулась своим языком моего. Вновь взрыв возбуждения, моему дружку было так тесно в штанах, что казалось ширинка вот-вот лопнет, выпуская наружу огромное чудовище. Прижавшись им к ее животу, я потерялся об нее, страшась, что мое действие может вызвать отвращение или отвержение. Но Рина не оттолкнула, не искривилась, она отдавалась мне полностью, позволяя делать с собой все что я захочу. А я хотел целовать ее, целовать везде, а потом врываться в ее плоть, пока мы не достигнем освободительного экстаза вместе. И даже после того я не оставлю Рину в покое, буду трахать до тех пор, пока она не охрипнет от моего имени, которое будет шептать в порыве страсти.

Открыв дверь в комнату, мы почти ввалились в нее, едва не распластавшись на полу. Но мне было все равно на эту ироничную ситуацию, я боялся, что она оттолкнет и передумает,

поэтому не мог медлить. Ее руки стянули с меня футболку, погладили по груди, животу, спустились ниже и о, небо! Она стала гладить через штаны мою выпуклость, вызывая невольные стоны. Подтянув ее к себе, я зацепил подол тонкой сорочки и стал раздевать Рину. Малышка не сопротивилась, находясь под властью возбуждения и бешеного желания. Под ее сорочкой оказались одни тонкие трусики, которые я поспешил также снять. Ее глаза сияли восторгом и желанием, когда она стояла передо мной неприкрытая и доступная. Ее совершенная красота была создана для любви, поцелуев и ласк. Круглые упругие груди с дерзкими розовыми сосками манили вкусить их сладость. Тонкая талия с плоским гладким животом, плавно переходящим в гладковыбритую промежность. В прошлый раз она также была идеально гладкая, манящая...

Целуя груди Рины, нежно сминая их ладонями, я упивался ее стонами, руками, что непрерывно сжимали мою плоть и губами, что не прекращая целовали меня везде, куда могла дотянуться. Моя сладость... Моя страстная красивая девочка. Вся моя...

Она вся горела, сочась диким возбуждением и бесконтрольным желанием. Когда я коснулся пальцами плоти, то едва не утонул в ее влажности. Боже... она меня хотела, хотела слиться со мной также, как и я с ней.

— Эван... — простионала она, ложась на спину и раскидывая колени в сторону, взглядом призывая к действию. Хотя я и был пьян, но в тот момент отчетливо контролировал свое состояние. Нависая над ней, я оперся локтями о кровать, прижимаясь к ней в поцелуе. Вновь языки слились воедино, истязая друг друга в мучительно-сладкой попытке удовольствия. Целуясь, Рина торопливо стала снимать с меня штаны, освобождая изнывающего дружка на свободу.

Не прекращая поцелуя, я стал входить в ее влажные глубины медленными, неторопливыми движениями. В ней так было узко и тесно, что я едва не кончил преждевременно. Вот была бы смехота! Рина никогда бы больше не подпустила меня к себе. Когда я вошел в нее достаточно, чтобы почувствовать преграду, я стал еще глубже целовать ее губы, отвлекая сознание от неминуемой боли. Рина поморщилась лишь на мгновение, после чего отдалась навстречу страсти и наслаждению, находящих выход в столах и тихих вскриках. Бешеный ритм, чередующийся с нежными неторопливыми движениями, сводил с ума. Рине настолько было хорошо, что она выкрикивала мое имя в порыве удовольствия и царапала мне спину в пылкой страсти. Кончали мы бурно, почти одновременно, я оттягивал момент удовольствия Риной, чтобы закончить вместе с ней. Как же было хорошо! Рина улыбалась, засыпая в моих объятиях. Мысли о продолжении бурной ночи улетучились, когда я заметил, как затихла она на моей груди. Вымотавшись от бурного соития, она забылась крепким сном. Укрыв ее совершенное тело одеялом, я прижал ее к себе и тоже уснул.

Я искренне надеялся, чтобы произошедшее не оказалось сном или фантазией вдрызг пьяного мужчины.

Я проснулась рано утром от ощущения, что выпалась. Рядом со мной лежал Эван, крепко прижимающий мое тело к себе. Даже во сне он пытается контролировать меня, чтобы не сбежала. От этой мысли стало как-то тепло. Раньше не было такого ощущения. Сейчас я полностью приняла тот факт, что хочу быть только с ним и его собственнические замашки вызывают лишь улыбку. Я и сама была такая, не смогу его делить еще с кем-то.

Прошлая ночь изменила наши отношения, переведя их на совершенно иной уровень. Вчера я вновь наговорила ему грубости, а потом весь вечер сожалела о сказанном. Когда я увидела его едва стоящим на ногах, то осознала, что в таком состоянии он из-за меня. В последнее время Эван совершал много отчаянных поступков по моей вине, напиться было последней каплей. Увидев его в тот момент, я поняла, что все это время безумно любила его. Больше не хотелось играть с ним и отталкивать. Хотелось любить и быть любимой.

Некоторое время, поднявшись на локте, я с удовольствием рассматривала его лицо: красивое и расслабленное. Он такой милый, когда спит. Я вспомнила детство, помню, как раньше тоже любила наблюдать за ним спящим. Как же он изменился с тех пор... мой хороший... Смотря на его лицо с любовью и нежностью, я протянула к нему ладонь, чтобы погладить. Не желая тревожить его сон, я осторожно встала с постели и подняв небрежно разбросанную по полу одежду, надела ее и не спеша вышла из комнаты.

— Вот это неожиданность! — удивленно выдохнула мама. — Я думала, ночевки вместе остались в прошлом. — пойманная в неожиданный момент, я растерялась, не зная, что сказать.

— Ох, мам... я...

— Значит, вы с Эваном помирились? — я чуть покраснела, опустив голову.

— Вроде того. — не замечая в темном коридоре моего смущения, мама взяла меня под руку и повела подальше от двери Эвана. Наверное, она не хотела, чтобы он что-нибудь услышал.

— Вчера он был в таком ужасном состоянии, я хотела с тобой поговорить, но было уже поздно. Решила, оставить разговор на потом.

— Да, я видела в каком состоянии вчера был Эван. — виновато ответила я.

— Ты знаешь, почему он напился? — я вновь кивнула. — А о его чувствах тебе известно?

— Да. — вновь кивнула я.

— Милая, Эван слишком тебя любит, чтобы отступить. Если он тебе совсем не нравится, то скажи ему об этом твердо, чтобы знал и не питал иллюзий. — Усмехнувшись про себя я подумала сколь много раз уже говорила ему об этом, но Эван не хотел никогда слушать. Как хорошо, что мои чувства изменились и я действительно полюбила его. В противном случае все оказалось бы слишком сложным.

— Мам... я тоже люблю его.

— Тоже? — удивилась она. — Тогда зачем морочила ему голову? — немного удивленно ответила она.

— Не была уверена, не принимала чувства... считала, что он мне не подходит. Ты ведь знаешь какой у Эвана характер!

— Знаю. — выдохнула мама. — Своей одержимостью тобой он немного напоминает

мне Амита. Он сделает тебя счастливой, однако, есть риск, что задушит своей любовью. — отмахнувшись от слов матери, я ответила:

— Не волнуйся, я больше не та маленькая девочка, что позволяла ему брать над собой верх. — мама улыбнулась мне.

— Интересно, будь во мне столько смелости, как и в тебе, закончилось бы с твоим отцом все так печально? — задумчиво, почти себе под нос, пробормотала она.

Пожав плечами, я крепко обняла маму, чувствуя, что она нуждается в моих объятиях.

— Что ты решила насчет папы? — спросила я, надеясь услышать желанный ответ.

— Ох, милая. Твой папа причинил много зла... я с таким трудом забыла. Будет слишком тяжело увидеть его лицо спустя столько лет.

— Значит, ты согласна? — обрадовавшись, спросила я.

— Я совсем не уверена, что эта встреча нужна... Зачем она? Наши отношения в прошлом, их не вернуть.

— Я понимаю, мама, но папа так хочет тебя увидеть. Он до сих пор тебя любит и лелеет воспоминания о тебе. — мама устало выдохнула.

— Что ж, мне еще нужно обдумать это, все-таки встреча с Амитаом слишком сложное решение. — вновь обняв маму, я спустилась вниз, желая приготовить самый вкусный завтрак для мужчины, которого я любила. Вот он удивится.

Я подозревала, что после вчерашней попойки у Эвана будет раскалываться голова, поэтому приготовила лекарство по особому рецепту Дженнифер, которым она с удовольствием со мной поделилась. Помимо лекарства я приготовила любимые панкейки Эвана, политые сверху гущенным молоком. Я представила каким удовольствием отразится его лицо, когда он будет завтракать. Ему будет приятно, что я приготовила все специально для него.

Эван не спускался вниз до самого обеда. Мне не хотелось его будить, все-таки вчера он выпил слишком много виски. Две бутылки, что были выброшены мною утром, свидетельствовали об этом. Удивительно, что в своем состоянии он не отключился, лежа на мне.

После близости усталость навалилась такая, что я тотчас провалилась в сон. Мы даже не поговорили о произошедшем, сил не было вообще. Вспоминая прошлую ночь, я мечтательно улыбнулась: было настолько хорошо, что я желала повторения.

Мама ушла ближе к обеду, у нее намечалась встреча с клиентками. Мы с Эваном остались в доме совсем одни, это было так волнующе.

Я уже успела принять душ, красиво одеться, накраситься и встав у окна терпеливо дожидалась его прихода. Глядя на небольшие домики соседей, красивые зеленые газоны, аккуратно стриженные, я улыбнулась. Мне нравился этот городок гораздо больше Лондона, возможно, когда-нибудь я бы хотела пустить здесь корни. А пока моя жизнь тесно переплетается с Лондоном, в котором было почти все дорогое сердцу.

Погруженная в свои мысли, я услышала, как на лестнице раздалась тяжелая медленная поступь Эвана. Сердце бешено забилося от предвкушения... Что мне делать? Броситься к нему в объятия с поцелуями и признаниями или терпеливо ждать его первого шага? Решив, продолжать смотреть в окно, я заставила себя смотреть на улицу. Кожей я ощущала каждый его шаг, который вибрировал на моей коже. Дыхание перехватывало от волнения, а сердце едва не выпрыгивало в груди, Боже, как же волнительна первая встреча после бурной ночи.

Когда Эван вошел в кухню, я не смогла сдержаться, чтобы не обернуться. Я так была

счастлива его видеть, что готова была задушить в своих объятиях. Но его сердитый взгляд замедлил мои порывы, заставив, как пригвожденную, стоять на месте.

Эван

Я проснулся с ужасной головной болью. Голова раскалывалась так, словно внутри нее стучали друг о друга стальные молоты. Нестерпимая боль... Зачем только так надрался? Рине все равно на меня, она даже не заметила моего вчерашнего состояния, спала преспокойно в своей кровати, не думая ни о чем. Или, думая о поцелуях незнакомца, о котором втайне мечтает. Мысль об этом принесла еще большую боль, и я напрягся. Мы с Риной в ссоре, нужно как-то налаживать контакт, а я сейчас не в силах что-либо делать. Мне нужно как-то убрать эту нестерпимую боль...

Откинув одеяло, я отметил про себя, что лежу под ним совсем голый. Почему? Я никогда не раздевался полностью, оставляя трусы. Или вчера я так надрался, что совсем потерял разум? Ладно, нужно поскорее избавиться от боли, а об этом подумаю после.

Каждый мой шаг причинял невыносимую боль, казалось, голова расколется на две части, если ничего не предпринять. Как же должно быть Рина обрадуется, избавившись от меня. Тотчас найдет себе парня и сбежит с ним.

Спускаясь вниз по лестнице, я едва не свалился с нее. Повиснув на перилах, я удержался на ногах. Ох... На кухне обязательно найдется таблетка, которая облегчит мои страдания.

Шатаясь и держась рукой за голову, тяжелой поступью я вошел в кухню. Рина стояла у окна, развернувшись ко мне лицом, она счастливо улыбнулась при виде меня. Наверное, радуется моему состоянию. От этой мысли я нахмурился и перевел взгляд на шкафчик с лекарствами. Не найдя сразу ничего подходящего, я едва не вывернул все содержимое шкафчика.

— Эван, что произошло? Почему ты такой злой проснулся? — хм, в глазах Риной забота, нежность и... любовь. Откуда она там взялась или я вновь выдаю желаемое за действительное?

— Голова раскалывается... — простонал я, показывая рукой на больное место.

— Я приготовила кое-что получше таблеток, знала, что тебе будет плохо. — она протянула мне стакан с желтым напитком. С опаской коснувшись стакана, я неуверенно взглянул на нее, размышляя стоит ли брать из ее рук то, что может окончательно погубить меня. Решив, что из рук Риной я смогу выпить даже яд, я взял из ее рук стакан. Сделав глоток, я обнаружил напиток достаточно вкусным, чтобы с удовольствием выпить его полностью.

Рина сияла, глядя на меня. Что-то произошло хорошее пока я спал? Хм... Возможно, тетя дала свое согласие на встречу с отцом? Да, скорее всего все так и было, иначе почему бы она так радовалась, глядя на меня после вчерашней ссоры.

— Произошло что-то хорошее? — спросил я осторожно. Рина некоторое время задумчиво глядела мне в лицо, затем сдвинув брови нахмурилась.

— Неужели ты все забыл?! — возмущенно спросила она. Пытаясь вспомнить прошлую ночь, я потерпел поражение, добавив себе лишь еще большую головную боль.

— Извини, Рина, я вчера перебрал, голова раскалывается так, словно вот-вот взорвется. — с каждым моим словом Рина злилась все сильнее.

— Как ты мог забыть! — воскликнула возмущенно она.

— Забыть что?

— Уже ничего! — толкнув меня в плечо, она пулей вылетела из комнаты. Что же произошло вчера такого, из-за чего Рина так разозлилась на меня? Мы были в ссоре, но

встретила она меня так, словно мое появление обрадовало ее. Как будто наши разногласия остались в прошлом.

Пытаясь вспомнить вчерашнюю ночь, я сел на диван, обхватив голову ладонями. Я помнил, что много пил, пришла тетя и я стал изливать ей свою душу... тетя ушла и я продолжил пить... что было потом? Пустота. Не помнил, как встал с дивана, поднимался по лестнице, заходил в комнату, раздевался и ложился в постель. Что-то произошло между нами с Риной в этот промежуток, но что? Думай, Эван, думай, возможно, от этого зависит твое счастье.

Сжимая голову ладонями, я отчаянно пытался вспомнить хоть что-то, но память не желала возвращаться. Надеюсь, когда головная боль перестанет меня истязать, я все вспомню. Отчаянно хотелось увидеть Рину, узнать, что между нами произошло, но понимал, что злится она на меня как раз из-за того, что я все забыл. Прежде чем увидеться с ней вновь, я должен все вспомнить.

Лекарство Риной быстро поставило меня на ноги и ликвидировало головную боль. Поднявшись к себе в комнату, я стал изучать такую знакомую обстановку, примечая детали, которые раньше не видел. Кровать была измята с двух сторон. Я обычно сплю на правой половине кровати и сегодня проснулся именно на ней. Я спал не один? Рина была рядом? От этой мысли сердце радостно подпрыгнуло в груди и поднялось настроение. Я был голый, когда проснулся... Неужели между нами что-то было? Подбежав к кровати, я сдернул с нее одеяло и жадным взором стал осматривать белую простынь. Увидев на ней пятна и кровь я схватился за голову, по-идиотски улыбаясь. Вчера Рина стала моей, а я так сильно напился, что совсем ничего не помнил! Я ждал этого момента столько лет и когда он настал — забыл о нем! Каков придурак!

Не думая больше ни о чем, я побежал в комнату Риной. Попытавшись войти без стука, я натолкнулся на запертую дверь.

— Открой, Рина! — забарабанив ладонью по двери, я никак не мог избавиться от глупой улыбки на лице.

— Уходи, Эван. Не хочу тебя видеть! — кричала Рина, сквозь жгучую обиду.

— Я все вспомнил, открой. — ничего я не помнил, но Рине ни за что в этом не признаюсь. Память я не вернул, но путем логических умозаключений понял, что произошло.

После моих слов Рина открыла дверь тотчас. Закусив губу зубами и опустив влажные ресницы в пол, она предстала передо мной такая красивая и родная. Ни слова не говоря, я бросился к ней, чтобы крепко обнять. Рина незамедлительно ответила на мои объятия, еще крепче прижавшись ко мне.

Внутренне я ликовал, чувствуя ее взаимность. Внешне же был так тронут, и счастлив, что едва не прослезился.

Не разрывая объятий, Рина подняла на меня свои глаза и поднесла ладони к моему лицу, стала нежно гладить мои щеки.

— Как ты себя чувствуешь? Мое лекарство подействовало? — в глазах нежность и ничем не прикрытая забота, так приятно.

— Да, голова совсем не болит. — кивнул я, подхватив ладонью ее руку и целуя ее. Рина замерла и нежно улыбнулась мне.

— Сегодня, Эван, ты очень меня расстроил. Я думала сегодняшнее утро станет для нас незабываемым, но ты забыл обо всем. — она надула губы, недовольно уставившись в сторону.

— Главное, что я все вспомнил. — улыбнулся я. Нужно как можно больше выведать у нее, чтобы понять, что к чему. — Скажи, тебе понравилось?

— Ох, Эван... разве вчера было не понятно это? — покраснев до корней волос, смущенно ответила она.

— Понятно. — кивнул я. — Но мне хотелось услышать это из твоих уст.

— Конечно, мне понравилось... Все было незабываемо... — все еще краснея, она мечтательно улыбнулась. Значит, я сумел выполнить свой мужской долг и доставил ей удовольствие несмотря на свое состояние. Погладив Рину нежно по голове, я коснулся губами ее виска. — Зачем так издеваться над собой? Вчера, когда я увидела в каком ты состоянии был, во мне что-то надорвалось... — значит, она увидела меня пьяным и до нее, наконец, дошли чувства, которые все это время Рина успешно отвергала. Почему я не напился раньше? Знал бы, что это приведет к такому исходу надрался бы еще три года назад!

— Разве не ясно? Я больше не мог держать в себе ту боль, что копилась во мне все это время. Не смог больше быть сильным и лишь на один вечер решил опустить руки.

— Эван... — прижавшись ко мне, зашептала Рина. — Прости, что так долго не могла понять свои чувства.

— Главное ты поняла их и теперь нам больше не придется страдать. Мне — от безответной любви, тебе — от навязчивого внимания. — Рина нежно улыбнулась, притянув меня к себе за шею. Когда наши губы соединились я, наконец, обрел удовлетворение, потому что понял: теперь Рина моя и больше ничто нас не сможет разлучить.

В тот день мы много целовались, ласкали друг друга и впервые, для меня, занялись любовью. Было так восхитительно, что я едва не сошел с ума от удовольствия. Рина была бесподобна, извиваясь и постанывая подо мной. Моя прекрасная девочка, как же мы долго шли к этому. Отныне я буду хранить это счастье, чтобы оно никогда не стало для тебя адом. Не позволю стать тебе такой же несчастной, какой всю свою жизнь была твоя мать. Я не твой отец и смогу дать счастье не на какое-то определенное время, а на всю нашу долгую совместную жизнь.

В тот замечательный день, когда я и Эван стали настоящей парой, вечером, мы вернулись в общагу. Мама так и не дала однозначного ответа по поводу встречи с папой. Но обещала все хорошо обдумать. Я искренне надеялась на положительный ответ, в противном случае не смогу взглянуть в глаза отца и сказать ему, что мама отказалась от встречи с ним. Впрочем, папа не верил, что она согласится, он знал, что причинил ей много боли и был уверен, что мама никогда его не простит. Пока о родителях я не хотела думать, единственное, что занимало мои мысли это человек, держащий меня за руку и целующий мои губы так нежно, сидя в такси. Оказывается, это так приятно любить и быть любимой. Какой глупышкой я была, отталкивая и сомневаясь в нем.

Всю дорогу до общаги мы мило ворковали, целуя и лаская друг друга. Соприкасаться кожей, чувствуя контакт — было архиважно для нас. Мы с трудом расстались, чтобы разойтись по своим корпусам. Прощались полчаса, не в силах оторваться друг от друга. Когда расстались, не прекращая писали друг другу милые сообщения и признания в любви. Было так хорошо и тепло на душе, что хотелось петь.

Зайдя в свою комнату, я обнаружила, что Дженни дома. Она спала на боку лицом к стене, свернувшись калачиком. Не желая ее беспокоить, я тихой поступью прошла к своей кровати. Бесшумно переодевшись, я стала заигрывать в сообщениях с Эваном, дразня его воображение картинками частей обнаженной груди. Он отвечал мне в развратной форме, заставляя тело гореть от картин, рисующих моим воображением.

Дженни заворочалась в постели, невербально извещая меня о своем скорейшем пробуждении. Когда она открыла глаза, я тотчас подскочила к ней, усаживаясь на край кровати.

— Добрый вечер, соня! — бросив злобный взгляд в мою сторону, с недовольным ворчанием Дженни отвернулась назад к стене, закрываясь от меня.

— Дай поспать, Нарин.

Нахмурившись, я встала с ее постели, чтобы пересесть к себе. Странно, Дженни никогда не сердилась на меня. Были случаи, когда я не давала ей спать, но Дженни всегда отвечала мне шутя, со смехом, но сейчас она в действительности разозлилась на меня. Может она обиделась на то, что я уехала тогда? Но ведь мы разговаривали с ней по телефону и все было хорошо.

Решив, что Дженни просто в плохом настроении, я решила не думать об этом. Однако, настроение у нее не появилось даже, когда она встала с постели. Дженни избегала моего взгляда, злилась и грубила, когда я пыталась узнать, что с ней произошло. Мои попытки узнать в чем дело были тщетными.

На следующий день перед занятиями я вновь попыталась поговорить с ней:

— Дженни, я же вижу с тобой что-то не так, объясни мне, что произошло?

— Занимайся своими делами, Нарин! А ко мне не лезь! — завязав волосы в небрежный хвост, она схватила сумку и хлопнув дверью, вышла из комнаты. Ох, Дженни, что же с тобой произошло? Почему не хочешь рассказать, довериться?

Мы встретились с Эваном у общаги. Заключив меня в стальные объятия, мы крепко поцеловались. От Эвана приятно пахло духами от Диор, запах которых сводил меня с ума.

— Ты не отвечала мне все утро, что-то произошло? — он обхватил меня за плечи,

выискивая в моих глазах ответ.

— Можешь так не сканировать меня взглядом, я все расскажу. — с улыбкой ответила я. — Кажется, Дженни больше не хочет дружить со мной.

— Вы же были лучшими подругами! Как это не хочет дружить?

— Я не знаю, она холодна и груба со мной. Хочет, чтобы я оставила ее в покое. — отвернув голову, я бросила задумчивый взгляд в сторону.

— Не думай об этом, малышка, когда захочет, она сама подойдет к тебе и заговорит. — вновь обнявшись, Эван поцеловал меня в макушку.

В аудиторию мы вошли держась за руки и мило воркуя, впервые, не претворяясь.

На своей парте я заметила темно-красную коробку, красиво перевязанную черной лентой.

— Очередной поклонник. — закатил глаза Эван. — Наверное, я скоро буду отстреливать каждого равнодушного. — бросив на Эвана смешливый взгляд, я чмокнула его в щеку.

— Не ревнуй. Я только твоя.

Я и раньше получала подарки, поэтому не боясь открыла ее. Заглянув внутрь, с криком омерзения, откинула ее от себя. Коробка упала на пол, вываливая свое содержимое на пол. Аудитория наполнилась нелицеприятными фразами, выражающими всю степень отвращения и ужаса, при виде мертвого тела и кучи роящихся жирных червей. Я не могла отвести взгляд ужаса от распахнутых стеклянных глаз дохлой кошки, из пасти которой выползали мерзкие твари. Закрыв мои глаза ладонями, Эван прижал меня к себе.

— Я не знаю кто это сделал, но за твои слезы он жестоко поплатится. — прошипел Эван еще сильнее вжимая меня в свое тело.

У меня и раньше были антифанаты, девушки, мечтающие об Эване, но они никогда не опускались до такой низости, их максимум — письмо с угрозами и проклятьями. Но в этот раз кто-то в серьез хотел напугать меня. И он справился со своей задачей.

Когда зловещую коробку вместе с ее содержимым убрали, я еще долго не могла прийти в себя. Эта ситуация не давала мне покоя и откровенно пугала. Чего хотели добиться этим «сюрпризом»? Напугать? Припугнуть? Что-то доказать? Я терялась в мыслях, не в силах найти ответ.

Лекция по терапии осталась без внимания, а тетрадь, в которой я должна была конспектировать занятие, так и осталась пустой. Я ловила на себе озабоченные взгляды Эвана и неуверенно улыбалась, пытаясь показать, что в порядке. Но Эван всегда видел меня насквозь, понимая мою боль.

На перерыве Эван пытался узнать откуда появилась эта коробка. Он ходил в охрану университета, убедив их показать видео с камер наблюдения. Ни на одном из видео мы не увидели виновника, даже зацепки не было никакой. Как же в аудиторию пронесли такой коробок незамеченным? Нужно было сперва зайти, а потом так же незаметно выйти. А выходил ли он вообще? Может виновник был среди нас? Мысли заводили меня все глубже, наталкивая на нехорошие заключения. Эван тоже был со мной согласен, поэтому украдкой наблюдал за студентами, выискивая подозрительных личностей.

К концу занятий я немного успокоилась и смогла расслабиться. Хоть Эван и старался, но все равно не смог найти виновных.

После занятий мы поехали в агентство, там у нас должна была состояться фотосессия для какого-то модного журнала. Мы с Эваном ворковали, заигрывали друг с другом и

украдкой целовались, пока никто не видит. Наши притворные отношения никогда не были такими, поэтому такое кардинальное изменение в поведении заметили все.

— Ребятки, у вас начался второй «медовый месяц»? — спросил Андре, с интересом улыбаясь.

— Вроде того. — широко улыбаясь, я поцеловала Эвана в щеку. Было настолько хорошо! Самой не верилось, что все взаправду.

— Странно видеть тебя такой, ты никогда не выставляла свои чувства на обозрение. — продолжал удивляться Андре.

— Я поняла, что не могу больше скрывать их. Я люблю Эвана, он любит меня, к чему смущение и кротость? — удивляясь своей смелости, риторически спросила я.

— Ты права, все верно. — кивнул Андре и передал нам листки бумаги. — Здесь все, что вам нужно знать о сегодняшней работе. На этот раз фотосессий не будет. Вместо этого вас ждет видеосъемка для рекламы духов Диор. Эту рекламу будут транслировать в нескольких странах, поэтому вы станете намного популярней, чем были прежде. — слушая Андре у меня едва не отвисла челюсть от шока. Сниматься в рекламах, применяя актерское мастерство — более высокий уровень, которым никогда прежде мы не были удостоены. — Однако, на этот раз вы не будете сниматься вдвоем, к вам присоединится еще один парень. Он вот-вот придет, вы скоро с ним познакомитесь.

Слова Андре я восприняла с присущим мне профессионализмом, тогда как Эван нервно сжал мою ладонь и сдвинул брови.

— Что еще за парень? Мы не соглашались сниматься с кем-то еще!

— Не горячись, всего одна съемка. — пытаюсь успокоить Эвана, примирительно произнес Андре. Собираясь вступить в спор, Эван открыл рот, но я закрыла его ладонью, останавливая поток возмущений.

— Это всего лишь работа... Какая разнится есть ли кто-то еще, главное, что мы вместе. — прошептала я так, чтобы он слышал возбуждающую вибрацию в моем голосе. — Главное, что я только твоя. — гипнотизируя его своим взглядом, я едва коснулась языком его верхней губы, этого было достаточно, чтобы Эван уступил мне.

— Хорошо, но только на одну съемку. — едва сдержав победоносную улыбку, я коснулась его губами.

— Извините за опоздание! Никак не мог найти это место. — наши с Эваном взгляды обратились к только что вошедшему мужчине. Я узнала его сразу, хоть прошло и много лет. Переведя взгляд на Эвана, я замерла, увидев налитые кровью глаза. Он узнал его также. Да и как не узнать, если его лицо наложило отпечаток на памяти Эвана. Это был его соперник, которого я выбрала когда-то вместо него. Дэвид.

Кажется, нам не суждено сработаться.

После того, как Рина призналась в своих чувствах ко мне — я летал на крыльях любви. Мы много целовались и обнимались, разговаривали о чувствах и мелочах важных для нас. Рина постоянно прикасалась ко мне, целовала в щеку, гладила и смотрела своими чистыми красивыми глазами с обожанием и нежностью. Я был счастлив! Наконец, я получил то, о чем мечтал всю свою жизнь! Ее любовь, забота и нежность полностью принадлежат мне. Отныне я — хозяин ее сердца.

Мы не хотели расставаться ни на минуту. Я бы залез к ней в комнату и ночевал у нее только бы не разлучаться. Но она жила не одна и не хотела смущать свою подругу. Расставшись, мы писали друг другу милые и искушающие сообщения, разговаривали по телефону, находя вновь и вновь темы для разговора. Она дразнила меня... Боже! Я и не знал какой огонь чарующей искусительницы пылает в ней! Она выходила в туалет, чтобы нашего разговора не слышала Дженнифер. Тихим соблазнительным голосом говорила, как хочет меня. А потом, продолжая искушать, шептала, чтобы сделала с моим телом будь она рядом. От ее слов сердце заходило в бешеном ритме, становилось тяжело дышать, а дружок в штанах отчаянно просился познать ее глубины.

На следующий день я проснулся с улыбкой на губах, предвкушая скорую встречу с моей Риной. Я стал писать ей сообщения, но она не отвечала на них. На мгновение страх парализовал меня, вдруг она пожалела о своих чувствах ко мне? Я отправил ей с десятков смс и не успокоился, пока не получил от нее ответ:

— Извини, Эван, кое-что произошло. При встрече все расскажу. Целую. — нежность теплом разлилась по груди, значит, я напрасно себя изматывал.

Когда мы встретились она была грустна и задумчива. Рина прижималась ко мне, обнимала и целовала, но была где-то далеко в своих мыслях. Что же произошло? Ее расстроила Дженнифер, которая больше не хотела с ней общаться. Я был практически уверен, что Рина попалась под горячую руку и когда у Дженнифер все наладится, они вновь станут подругами. Не о чем переживать, я же видел, что Дженнифер нравится Рина, вряд ли произошло что-то серьезное.

В аудиторию мы вошли, держась за руки. Проникновенно глядя друг другу в глаза, мы о чем-то ворковали. На столе Риной я заметил красную коробку: мне никогда не нравилось внимание фанатов к Рине, но такова уж известность, от нее никуда не деться. У меня было огромное количество фанатов, пищащих, визжащих и текущих при виде меня, но я никогда не поддерживал их интереса к себе, даже подарки выкидывал, как мусор. Зачем мне цветы? Я же не девчонка, мне они ни к чему. А мягкие игрушки? Дарить такое парню сверх идиотизма, только слащавому гею или инфантильному щеголю понравятся такой вид внимания. Я к таковым себя не отношу и презирал тех, кто считал, что такое может понравиться настоящему мужчине. Увы, таких фанатов действительно было много, видимо они идеализировали меня, видя во мне мечтательного идиота романтика с тонким внутренним миром. Ага, как же! Еще они дарили сладости, пирожные и торты. Но я никогда не стану есть то, что приготовил фанат, даже если у того были добрые намерения.

Когда Рина открыла коробку и я увидел ее искаженное от страха лицо, понял, что что-то не так. А когда она бросила с криком омерзения свою ношу на пол и из нее выпало содержимое, я ужаснулся сам такому сюрпризу. Кому пришло в голову ей прислать это?

Очевидно, какой-то антифанат, которому не нравилась Рина или кому слишком понравился я.

Рина оцепенела от ужаса и не могла сосредоточиться ни на чем. Я старался ее поддерживать, пообещал, что обязательно найду виновника, но так и не сумел. Ни на одной из камер видеонаблюдения не было никого подозрительного и в аудитории все вели себя свободно и непринужденно. Среди них не было виновника, как я думал раньше.

После обеда позвонил Андре, предупредил, что сегодня для нас есть работа. Я обрадовался, теперь все узнают, как сильна наша любовь! А еще, Рина, наконец, отойдет от утреннего потрясения.

Как и ожидалось Рина почувствовала себя лучше, оказавшись в агентстве. Видимо, подсознательно, она чувствовала себя здесь в безопасности. Рина очень раскованно вела себя в агентстве: не стесняясь обнимала и целовала меня, говорила сводящие с ума вещи. Я готов был схватить ее за руку и уволочь в любой темный уголок, выливая всю свою любовь и страсть. Но потом в зал вошел Андре и после недолгого трепания языками довел, что сегодня мы будем сниматься для рекламы, но не одни, а с еще одним парнем. Серьезно вообще? Я с таким трудом завоевывал Рину, чтобы какой-то парень пришел и положил на нее глаз? А он обязательно на нее обратит внимание, потому что только слепому не понравится пленительная красота моей Риной. А Рина... что если он ей тоже понравится? Это ведь тоже возможно... нет, я должен доверять Рине и не сомневаться.

Дверь открылась, и я увидел мудилу, что станет нашим партнером. Я не мог его не узнать, хотя и прошло много лет с тех пор, как я в последний раз его видел. Его ненавистное лицо преследовало меня все детство в кошмарах, напоминая о предательстве Риной.

— Извините за опоздание! Никак не мог найти это место. — даже голос мне его не понравился: смесь баритона и тенора, пользующийся огромным успехом у противоположного пола. Мой низкий, грубый с хрипотцой голос не может сравниться с ним.

Как это могло произойти? Почему этот ублюдок здесь, а не в своей Америке! Разве его мать не говорила, что он учится в Американском университете, изучая ведение бизнеса? Что он вообще забыл в модельном агентстве? И именно здесь, где Рина! Не позволю и близко приблизиться к ней.

Встав в оборонительную позицию, я прикрыл своим телом Рину.

— Эван, не нервничай так... Это всего лишь работа. Детство осталось в прошлом. — Рина тоже узнала его. Она поняла мое состояние без слов. — Для меня он больше ничего не значит. — зашептала она мне в спину.

— Мы встречались? — удивленно спросил мудило, не узнав меня. Я молчал, продолжив сверлить его взглядом. Прошло пару секунд, когда в его взгляде промелькнуло узнавание. — Верно, встречались. — кивнул он с безразличной улыбкой в такт своим словам. — Ты почти не изменился.

— Учитывая, что ты едва узнал меня, изменился я достаточно. А вот тебя я узнал сразу, как только твой нос просунулся сюда.

— Все такой же брюзга. — насмешливо ответил он.

— Не ссорьтесь, нам еще предстоит работа вместе. — вмешалась Рина и вышла из-за моей спины. Наивная, она все еще верит, что это возможно?

— Рина... — его глаза засияли от счастья при виде нее. Я едва не плюнул в него ядовитой слюною, когда увидел его взгляд и услышал имя, каким только я мог называть ее. Преодолев расстояние между ними, он заключил ее в свои крепкие объятия.

— Я так... — хотел сказать он, но я быстро среагировал и оторвав его от Риной, сбил с

ног одним ударом. Я хотел его избить как следует, чтобы запомнил, что Рина моя и смотреть в ее сторону запрещается. Однако, моему намерению сбыться было не дано... с одной стороны ко мне подскочила Рина, а с другой Андре, пытающиеся оттащить меня от желанного убийства.

— Успокойся, Эван! — сквозь пелену ярости я слышал крики Рины, но этого было недостаточно, чтобы взять себя в руки и успокоиться. Сердце, наполненное яростью, жаждало крови того, кто покусился на ту, что с таким трудом мне досталась.

Я пришел в себя, когда меня грубым образом схватили за плечи и отвесив оплеуху, отшвырнули в сторону.

— Что на тебя нашло, Эван? Я думал, что имею дело с профессионалом, а не ревнивым сосунком!

— Простите его, Андре, мы знакомы с Дэвидом, поэтому Эван так повел себя. — умоляющим голосом стала извиняться за меня Рина.

— Не извиняйся. Он не должен был тебя трогать. — сквозь стиснутые зубы процедил я.

— Нет ничего плохого, чтобы обнять свою старую подругу спустя столько лет. — ядовито улыбаясь чуть опухшей губой, ответил он.

— Ты еще можешь что-то говорить? — вновь начиная закипать, зло спросил я.

— Остынь! — закрывая собой Дэвида, передо мной встала Рина, сверкая сердитым взглядом. Она была зла и недовольна моим поведением. — Держи себя в руках. Ничего страшного не произошло. — она взяла меня за руки. — Откуда ему было знать, что мы пара? — на этом вопросе ее взгляд стал нежным и незаметно для всех она приблизила свое лицо ко мне и прикусив мою губу зубками, послала многозначительный взгляд. Ее вкус остался на моих губах, оставляя надежду на скорое продолжение. Ладно, я постараюсь быть хорошим мальчиком и перестану расстраивать Рину. Я не хочу терять то, что с таким трудом мне досталось.

— Простите, Андре. Такого больше не повторится. — ни капли не раскаиваясь извинился я.

— Уж надеюсь на это. — раздраженно ответил Андре. — Сегодняшняя съемка отменяется. Дэвид не в лучшей форме для съемок, да и ты Эван на взводе. Надеюсь, до следующих съемок вы решите все ваши разногласия. — это уж вряд ли, но Андре не обязательно это знать.

Нам здесь делать было нечего, взяв Рину крепко за руку, не глядя на мудака, провожающего нас взглядом, мы двинулись к выходу.

— Как насчет того, чтобы поужинать вместе? — сказал мне в спину ненавистный голос. — Вспомним прошлое... Расскажите, как случилось, что вы стали встречаться? Имея... — он стал подбирать подходящее слово. — столь непростые отношения. — глаза Рины нервно забегали, она стала умоляющим взглядом намекать Дэвиду, чтобы не проболтался о нашем секрете, а я был готов сквозь землю провалиться, понимая, что оказался в ситуации, в которой от меня ничего не зависело. Либо этот ублюдок все расскажет и потянет нас, возможно, на дно, либо промолчит и тем самым Рина будет благодарна ему за это. Оба этих варианта меня не устраивали.

Увидев, что Андре собирается что-то спросить, я решил перестраховаться и опередил его своим вопросом:

— Хочешь поговорить? Зачем ждать ужина, здесь неподалеку наше любимое с Риной кафе.

— Замечательно, я здесь недавно, буду рад побывать в любимом кафе Рины. — стерпев последнюю фразу, я еще крепче сжал ладонь любимой. Чувствуя мое состояние, Рина погладила меня по ладони.

— Прекрасная идея, ребята! — радовался Андре. — Надеюсь вы поговорите обо всем и перестанете бросать ядовитые взгляды в сторону друг друга.

Поговорим, а вот перестанем ли бросать взгляды — это вряд ли.

Я не хотел с ним общаться, но знал, что этот разговор необходим. Во-первых, мы расставим все точки над «і». Во-вторых, я узнаю, чего он добивается своим приездом. И, в-третьих, объясню по-хорошему или не очень, что с ним будет, если он не отвалит от Рины.

В планах закончить все миром, но никогда не знаешь, что может пойти не так. Я еще в детстве мечтал его убить... кто знает, возможно, этот момент, наконец, настал.

Крепко взяв меня за руку, Эван почти причинял мне боль своим сжатием. Он злился каждый раз, стоило его взгляду упасть на Дэвида. И Дэвид тоже был хорош: провоцировал Эвана каждый раз, зная прекрасно на что давить. Прошло столько лет, а он все еще помнил, что ему не нравилось. В прочем, даже забыв прошлое легко понять, что любое внимание к моей персоне вызывает у Эвана гнев.

Я немного разозлилась на Эвана, когда он, не сдержав эмоций, накинулся на Дэвида. Но это длилось ровно до тех пор, пока мои руки не коснулись его пальцев и не взглянули в его глаза. В его красивых синих глазах плескалось множество эмоций, сумевших пробудить во мне милосердие и нежность. Страх, беспокойство и тревога плескались в его взгляде, напоминая, что такой он из-за меня. Он боится меня потерять. Боится, что я вновь выберу не его. Но сейчас все иначе, мы не дети, а Эван единственный, кто был нужен мне.

Желая влить в него немного надежды, я послала ему взгляд полный желания, сопровождающийся пленительным прикосновением моих зубов к его губе. Этот жест вызвал во мне такое дикое возбуждение, что я едва не позабыла обо всем на свете и не накинулась на него. Что он сделал со мной? Я стала такой похотливой самкой, все время желающей его. Сейчас бы остаться наедине, чтобы любить друг друга без усталости.

Я не хотела смотреть на Дэвида, понимала, что любой мой взгляд Эван сочтет за интерес. Но все-таки было интересно увидеть его спустя столько лет. Как и ожидалось Дэвид вырос красивым мальчиком: высоким и харизматичным. Он знал себе цену и прекрасно умел правильно себя преподать. Думаю, встретиться мы с ним еще пару месяцев назад, я серьезно бы им заинтересовалась, но не сейчас... сейчас все мои мысли отданы другому человеку.

Дэвид едва не проговорился о нашем с Эваном секрете, я успела перенервничать так, что мое сердце бешено забилося, а руки безбожно вспотели. К счастью, Эван понял, чем все может обернуться и перевел разговор на себя, пригласив Дэвида в кафе.

Андре ликовал, я же не видела в этом времяпрепровождении ничего хорошего, опять поссорятся и разойдутся врагами. И только я буду между ними, как человек, который все еще сохранил разум. Чего Дэвид добивается, провоцируя Эвана? Он получает от этого удовольствие? Что он делает в Лондоне и почему мама не предупредила меня о его приезде? Уж она точно в курсе обо всем, учитывая, какими близкими подругами они были с мамой Дэвида.

Ладно, будь что будет. Может все будет не так уж и плохо, и эта встреча действительно сблизит нас. Главное, не давать никаких поводов для ревности, иначе Эван совсем сойдет с ума. Мне, конечно, нравилось доводить его до такого состояния, но не в том случае, когда все могло выйти из-под контроля.

Пока мы шли в кафе Дэвид болтал без умолку, рассказывая, как сильно ему нравится Лондон и что скорее всего он останется жить здесь. После этих слов он как-то многозначительно взглянул на меня, взглядом показывая заинтересованность во мне. От этого мне стало совсем не по себе. Хотелось что-то съязвить ему, поставить на место, но в память о нашей дружбе я решила промолчать.

Все тело Эвана было похоже на каменное изваяние. Он был напряжен, на плотно сжатых щеках ходили желваки, выдавая в нем живого мужчину.

— Дэвид, вот и кафе. Мы скоро присоединимся к тебе. Я бы хотела поговорить с Эваном наедине. — ничего не говоря Дэвид кивнул и улыбнувшись уголком губы скрылся за дверями кафе. Лишившись его присутствия я почувствовала, как напряжение уходит из тела Эвана, и он постепенно расслабляется рядом со мной. С моих плеч тоже свалился груз, тяжело придавивший меня сверху. Взяв Эвана за руку, я потянула его в сторону лавочки, присаживаясь.

— Пообещай, что не будет никаких ссор. Мы просто поговорим и разойдемся. — Эван невесело улыбнулся.

— Переживаешь за дружка? — сдвинув брови на переносице, я схватила Эвана за грудки. Нависнув над ним, я села к нему на колени.

— Нет, переживаю за тебя. — твердо ответила я и коснулась лбом его щеки, потерлась, как кошка. — Хочу мира в наших отношениях и в твоей душе.

— Увы, Рина, пока этот тип разгуливает где-то поблизости не видать мне покоя. — Эван положил горячие ладони на мою поясницу, опалая диким жаром своих рук. Прижав меня еще ближе к себе, Эван ласкал меня взглядом. Я подавила в себе стон возбуждения, почувствовав, как его плоть стала твердой и горячей подо мной. Его темные глаза заволокло пеленой возбуждения, повинувшись инстинктам я потянулась к его пленительным пухлым губам, желая вкусить их сладость. Наши губы сошлись в жадном порывистом поцелуе, его ладони исследовали мою спину, сжимали ягодицы и неспеша поднимались вверх к затылку, мои же зарылись в его густые темные волосы и мягко поглаживали. В тот момент все окружающее не имело смысла: ни прохожие, что не довольны бормотали про аморальное поведение молодежи, ни Дэвид, что дожидался нас в кафе. Важен был лишь этот момент и страсть, что охватила наши тела пожаром.

— Вы решили съесть друг друга? — нашу идиллию нарушил насмешливый голос, где-то совсем близко с нами. Оторвавшись от Эвана, я едва не подскочила от неожиданности, увидев Дэвида совсем близко с нами. Обхватив Эвана за шею, я осторожно встала с его коленей, борясь с дрожью в ногах.

— Даже пяти минут не можешь подождать? — недовольно бросил Эван поднимаясь на ноги. В его штанах виднелся огромный стояк, который никак не смущал его обладателя. Заметив это, Дэвид присвистнул и ничего не сказав по этому поводу, перевел тему в другое русло.

— Я уже изучил меню кафе, обстановку, музыку и всеобщую атмосферу и понял, что мне тоже нравится это место. Теперь я буду очень часто приходить сюда. — Эван скрипнул зубами, демонстрируя раздражение. Дернув легонько его за руку, я потянула его в сторону кафе. Сели мы за наш с Эваном столик, заказали еду и напитки. Мы с Эваном сидели рядом соприкасаясь телами и держась за руку.

— Как ты здесь оказался, Дэвид? Твоя мама говорила, что ты учишься в университете.

— Недавно я перевелся в здешний университет, странно, что твоя мама не рассказала тебе об этом.

— Зачем? — спросила я, искренне удивляясь его поступку.

— Не буду врать, мама показала мне твое фото, сказав, что они с твоей мамой все еще не против нашего союза. — он лучезарно улыбнулся, демонстрируя свой шарм.

— Черта с два так будет! — рявкнул Эван, вскочив с места. Дернув любимого за руку, я пригвоздила его к месту.

— Успокойся, Эван. Как будто я похожа на ту, кто не против этого абсурда. — Эван сел,

но не перестал сверлить Дэвида взглядом.

— Кажется, раньше ты совсем не была против. — ехидно ответил Дэвид. В ответ на слова парня захотелось лягнуть его как следует.

— Раньше я была ребенком, а сейчас у меня уже есть любимый человек. — крепче сжав ладонь Эвана, я подняла соединенные руки вверх, демонстрируя их Дэвиду.

— Да, я уже видел на что вы способны, оставшись наедине. — раскладывая перед собой столовые приборы, Дэвид засмеялся. — Что ты нашла в этом психе? Еще в детстве он был неадекватным ребенком и то, что я вижу перед собой сейчас — не лучше. — насмешливость в его словах была очевидна, она бесила меня, выводила из себя. Эван хотел что-то сказать, но я крепче сжала его руку, взглядом умоляя держать себя в руках.

— Детство осталось в прошлом и наши отношения с Эваном никого кроме нас не касаются.

— Как скажешь, дорогая. — усмехнулся Дэвид и пододвинул к себе тарелку с гамбургером.

— Совсем не здоровая еда для модели. — усмехнулась я, указывая взглядом на жирный сочный кусок холестерина и транс-жиров. — Ты так и не ответил почему ты здесь?

— По-моему, я ясно выразился. Только ты не захотела услышать это. Я здесь из-за тебя. — усмехнувшись, я саркастически заметила.

— Я не собираюсь участвовать в ваших играх, у меня своя жизнь и я хочу прожить ее так, как хочу.

Под столом я погладила крепко сжатую ладонь Эвана. Окотив его нежным взглядом, я мягко улыбнулась ему. Эван ответил на мою улыбку, я видела, что он доволен мной и от этого внутренне почувствовала себя лучше.

— Но...

Не дав Дэвиду закончить, Эван с грохотом опустил кулак на стол. Громкий удар заставил посетителей обратить на нас внимание, а тарелки с едой подпрыгнуть и звонко звякнуть.

— Хватит уже! Я достаточно терпел этот фарс! Разве Рина не сказала, что не заинтересована в тебе?

— Не заинтересована пока. Пройдет не так много времени, прежде чем Рина поймет кто в действительности ей нужен. — после этих слов Эвана сильно стало трясти от злости, казалось, еще немного и он избьет Дэвида до смерти.

— Нам всем нужно успокоиться! — сказала громко я, привлекая внимание двух парней, но смотря лишь на Эвана. — Нам крупно повезло сниматься в таком проекте вместе! И будет слишком глупо упустить такой шанс из-за личной неприязни.

— Рина, ты не понимаешь... — начал Эван, но я перебила его, не желая слышать его пояснения.

— Это ты не понимаешь, Эван. Всего лишь одна съемка, которая принесет нам еще большую известность и большие гонорары.

— Мы и так достаточно известны! Тебе было мало утреннего сюрприза от поклонника на твоём столе? Представь, таких подарков может быть еще больше. — Эван сдвинул брови на переносице, напоминая своими словами об утреннем инциденте. Содрогнувшись всем телом, я обхватила себя за плечи, вспоминая былой ужас.

— Что еще за сюрприз? — поинтересовался Дэвид с неприкрытым интересом.

Ни Эван ни я не ответили, не хотелось говорить об этом. Махнув рукой, я безразлично

сказала:

— Это в прошлом, я уверена, что больше таких подарков не будет. — Эван невесело поджал губы, прекрасно понимая, что это может быть начало чего-то более ужасного. Обхватив меня за плечи, Эван прижал меня к своему боку, целуя в висок. Чувствуя его близость — мне стало легче.

— Кстати, когда я уезжал Лора так рвалась со мной, мечтая встретиться со своим «любимым» — Дэвид засмеялся, глядя на Эвана. — Удивительно, как ты мог покорить такую привередливую девчонку, как моя сестра! — я засмеялась, вспоминая детскую любовь малышки.

— Должно быть сердце Лоры будет разбито, когда она узнает, что у Эвана уже есть любимая. — с улыбкой ответила я, прижимаясь к возлюбленному.

— Думаю, она не узнает об этом, потому что скоро любимая оставит его и уйдет к другому. — одним движением, Эван встал из-за стола и протянув руку к Дэвиду схватил его за шею, крепко сжимая.

— Я убью тебя, ублюдок! — заорал Эван и повалил Дэвида на пол одним ударом в челюсть.

Мое сердце бешено стучало от страха, что Эван может убить или покалечить Дэвида. Я пыталась оттащить его от Дэвида, но он продолжал избивать парня, не слушая меня. В кафе началась суматоха. Люди стали жаловаться на шум и драку, вызвали охрану и Эвана, наконец, оттащили от избитого Дэвида. Выволочив его на улицу, охрана больше непустила Эвана. Я хотела уйти в след за Эваном, но Дэвид лежал на полу, нуждаясь в моей помощи.

— Ты как? — спросила я, помогая ему встать. Лицо Дэвида опухло от ссадин и кровоточащих ран. Губа распухла, из носа струйкой текла кровь, а глаз безбожно заплыл. Я залилась на Дэвида и винила в произошедшем, но не могла бросить его.

— Жить буду, но, кажется, съемка отложится на неопределенный срок.

— И я даже знаю, чья это вина. — пробормотала я себе под нос, позволив Дэвиду опереться на меня.

Когда мы вышли из кафе, я увидела Эвана и его разъяренный взгляд, обращенный на нас. Сердце внутри подпрыгнуло и сжалось от понимания, что он может себе на придумать.

— Ах, ты чертов кусок дерьма, тебе все еще мало? — Эван вновь приблизился к нам, и я застыла от ужаса, понимая, что он вновь станет избивать его. Однако, столкновения не последовало, прямо перед нами возник человек в кожаной косухе и перекрыл дорогу к нам.

— Парень, приди в себя! — мужчина обхватил Эвана за плечи и потряс, отвлекая его внимание от Дэвида. — Ты собираешься убить этого мальчишку? — взгляд Эвана стал немного осознанней, и он внимательно взглянул на мужчину, который оказался Лайтом Джонсом — его не состоявшимся отцом.

— Отпустите меня, я не могу оставить ее с ним... — Эван стал отталкивать мужчину от себя, пытаясь добраться до нас.

— Позволь им уйти. Ты пугаешь ее... — шепотом произнес Лайт и Эван с потрясением взглянул в мои глаза. Видимо увидев в них что-то, Эван опустил взгляд, сожалея о случившемся. Не в силах больше стоять так далеко от него, я помогла Дэвиду присесть на лавочку и не думая ни о чем бросилась в объятия Эвана.

— Ему нужно в больницу. Я только отведу его и вернусь к тебе. — хотелось показать ему всю степень моей любви к нему, нежности, но я могла лишь прижиматься к нему и взглядом рассказывать о своих чувствах.

— Оставь его. Пусть сам добирается! — раздраженно ответил Эван.

— Я не могу оставить его, он едва стоит на ногах. После того, что ты сделал с ним, я обязана ему помочь.

— Отпусти ее, не держи, доверяй ей. — рядом с его ухом прошептал Лайт и Эван расслабился.

— Хорошо, Рина, я буду ждать тебя у общаги. — стараясь не смотреть на избитого им человека, Эван крепко прижал меня к себе и коснувшись моих губ губами, подарил короткий, но такой сладкий поцелуй. — Иди. — и я пошла, наверное, тысячу раз оборачиваясь на него, не в силах оторвать взгляда.

— Ну, что, успокоился благоверный? — с ехидством спросил Дэвид, поднимаясь на ноги и вновь взваливаясь на меня. Не хотелось разговаривать с ним совсем, в тот момент мой старый друг был очень неприятен мне. Хотелось бросить его, сказать, что я думаю обо всей этой ситуации и вернуться к тому, с кем в действительности я мечтала сейчас быть. Но стиснув крепко челюсти, я проигнорировала его вопрос и вместе мы направились в сторону такси, ожидающего на парковке.

Искренне надеясь, что быстро освобожусь — я стала мечтать о том моменте, когда наконец останусь с Эваном наедине, о его поцелуях, ласках, запахе и низком голосе, вибрации которого сводили меня с ума.

Когда мы ехали в такси, Дэвид о чем-то весело рассказывал, пытаюсь вовлечь меня в разговор, но я думала о своем и не желала его слушать. Хорошее настроение Дэвида меня раздражало и после того, как он все время провоцировал Эвана на драку — не хотелось даже улыбаться ему. Такое ощущение словно он радовался тому, что я выбрала его, а не Эвана... Так же, как и в тот раз... Это осознание больно ударило меня со всей дури, лишая уверенности во всем. Что если Эван тоже подумает об этом? Тогда он вновь почувствует себя преданным, и после этого я не уверена, что в наших отношениях все будет хорошо. Достав телефон, я быстро написала ему сообщение со словами любви и обещаниями сладкой ночи. Только получив от него ответ и убедившись, что все хорошо, моя паранойя притихла.

Рина уходила вместе с тем ублюдком, оставив меня далеко позади. Я чувствовал боль и опустошение, прям как в тот день, когда она выбрала не меня. И хотя сейчас была совсем другая ситуация — я все равно чувствовал себя преданным. Могла ли она бросить его и уйти со мной? Наверное, могла, любя она меня так же сильно, как и я ее. Но видимо, на чаше весов переживание за старого друга перевесило любовь ко мне. Да, я видел, что она совсем не хочет идти с ним, всем своим видом тянется ко мне, но все это меркло по сравнению с конечным итогом: она ушла не со мной.

Я разозлился на него так, что просто не смог держать себя в руках и ударил. Хотел заставить молчать, чтобы его поганый рот больше не смог сказать ничего Рине. Он не должен разговаривать с ней, флиртовать и вести себя так, словно я пустое место. Рина все время старалась держать между мной и Дэвидом дистанцию, выступая в роли уверенной и сильной личности. Признаться, я был восхищен ей в тот момент. Жаль, что восхищение Риной оказалось недостаточно сильным чувством, чтобы спокойно и уверенно реагировать на глупые провокации.

Благодаря своей несдержанности я стою посреди шумного торгового центра и смотрю им в след. Они так близко, тот придурок опирается на хрупкое плечо моей малышки, используя ее вместо опоры. Он касается ее, вдыхает аромат волос и кожи, слушает нежный голос и видит красивую улыбку.

— Ты вот-вот расплачешься. Хватит страдать, парень. — заботливо сказал какой-то мужчина, похлопав меня по плечу. Ах, это мой несостоявшийся отец, он все еще не ушел? Я совсем забыл, что он спас меня от убийства. — Она вернется к тебе, как и сказала. — взглянув на него невеселым взглядом, я криво улыбнулся.

— Вернется, но, что будет с той болью, что поселилась в моем сердце?

— Когда-нибудь она затянется. — кивнул Лайт и вновь похлопал меня по плечу.

— Доверяй ей, иначе любовь всей твоей жизни в один прекрасный день уйдет от тебя окончательно. — смерив его хмурым взглядом, ничего не говоря, я двинулся к выходу из торгового центра. О чем я вообще разговариваю с мужчиной, до которого мне нет никакого дела? Да, он меня спас от ошибки, даже поддержал и помог справиться со злостью, но это ничего не значит, Лайт все еще чужой для меня человек. — Давай выпьем кофе или чего-нибудь покрепче? Вижу, сейчас ты нуждаешься в этом больше. — вспомнив тот последний раз, когда ужасно напился и забыл лучшую ночь в своей жизни, я отрицательно покачал головой.

— Кофе будет достаточно. — коротко бросил я и ушел вперед. Почти сразу со мной поравнялся Лайт.

Лучшая кофейня с отменным кофе располагалась в том же торговом центре. Шли в молчании минут пять. Сев за круглые небольшие столики, мы стали ждать, когда к нам подойдет официантка. Девушка в форменном фартуке и коротком платье подошла почти сразу, не заставив себя долго ждать. Я заказал себе лишь кофе, Лайт в придачу к горькому напитку захотел пончиков в глазури и пару пирожных с заварным кремом. Этот мужик определенно любил поесть вредную еду, но имея хороший обмен веществ или прекрасные гены — совсем не набирал лишних килограммов.

Пока ждали заказ, я задумчиво смотрел в окно, наблюдая за мимо проходящими

прохожими. Я чувствовал на себе взгляд Лайта и не понимал, что ему от меня нужно, он словно изучал меня, как какой-нибудь экспонат в музее.

— Итак, что вам от меня нужно? — не выдержав скрытого к себе интереса, нетерпеливо поинтересовался я.

— Мой интерес так заметен? — с улыбкой спросил Лайт, чуть краснея. Коротко кивнув, я холодно ответил:

— Переходите к делу.

— Что ж... ты нашел своего отца? — поинтересовался он, вновь уходя от темы.

— Я и не искал его. Вам известно, для чего конкретно мне нужен был результат.

— Да, все из-за той девочки. — задумчиво ответил Лайт.

— Я полюбил Рину с первого взгляда, когда ее отец привел меня в их дом. — Зачем-то начал откровенничать я. — Я совсем не видел в ней сестру и мечтал, чтобы это все оказалось не правдой. К счастью, так и есть и теперь для нашей любви нет помех. — вдруг вспомнив, где сейчас Рина и с кем — мое настроение омрачилось.

— Сегодня ты мог убить того парня.

— Знаю. — кивнул я.

— Случись это, ты попал бы в тюрьму. Думаешь, Нарин обрадовалась бы такому положению дел? Она ведь любит тебя. Я видел ее глаза, кричащие о своей любви к тебе. — даже ему это было очевидно? Неужели она действительно так сильно меня любит?

— Да, но ушла она не со мной. — с обидой ответил я. В кармане завибрировал телефон, и я достал, чтобы прочитать сообщение: «Эван, я очень сильно тебя люблю. Пожалуйста, не считай мой выбор предательством. Это не так. Мне плевать на Дэвида. Для меня важен только ты и наши с тобой отношения. Я лишь не хочу, чтобы у тебя были проблемы из-за него. Мне не хочется сегодня возвращаться в общагу, хочу провести ночь с тобой». Нежно улыбнувшись сообщению Рины, я незамедлительно написал ответ: «Я подумаю, что можно придумать. Люблю тебя, Рина»

— Вижу у тебя поднялось настроение. Приятно видеть твою улыбку. — «приятно видеть мою улыбку?» Какое ему дело до моей улыбки? Что ему вообще от меня нужно? Подняв на него взгляд, я твердо спросил:

— Какого хера вам от меня нужно?

— Как грубо, я успел позабыть о твоём характере. — усмехнулся Лайт, взгляд его смягчился, когда он поднял глаза на меня. — после того, как мы получили результат ДНК, я не мог поверить, что он верный. Глядя на тебя, я чувствовал, что мы связаны. Я смотрел на тебя и не мог понять кого ты мне напоминаешь, когда же понял, то окончательно убедился в своём родстве с тобой. — невесело ухмыльнувшись, я саркастически заметил:

— И кого, по-вашему, я Вам напоминаю?

— Моего младшего братишку... — с печалью ответил он. — я очень его любил.

— Любил? — переспросил я, вдруг заинтересовавшись судьбой его брата.

— Он умер, когда ему было всего двадцать. Автокатастрофа.

— Сочувствую Вашей утрате, однако, тест ДНК показал, что между нами нет родства. То, что я напоминаю вашего брата — лишь совпадение. — загадочно улыбнувшись, с нескрываемой радостью Лайт ответил мне:

— Он оказался неверным. — никогда бы не подумал, что меня можно чем-то удивить, но в тот момент эти три слова удивили так, что я потерял дар речи. — Спустя месяц после оглашения результатов, со мной связались из клиники. Очень извинялись, сказали, что в

работе программы произошел сбой и результат оказался ложным. Начав перепроверять, вскоре поняли, что предоставили неверный результат и сразу связались со мной. Ты мой сын, Эван. — я все еще сидел не в силах сказать хоть что-то. Этот мужик, совсем не похожий со мной ни внешне ни характером, утверждает сейчас, что мы родственники? Это шутка какая-то?

— Если вы решили так пошутить, тогда я оценил шутку, но она не очень смешная. С чувством юмора у вас явно проблемы.

— Я не шутил. Ты действительно мой сын, если не веришь можем вновь провести тест ДНК, но, думаю, это не имеет смысла.

— Если это правда, тогда почему вы не рассказали мне когда узнали все? — не скажу, что мне это было так уж важно, но судя по его прежним словам он хотел, чтобы я оказался его сыном.

— Не хотел навязываться. Наблюдал за тобой со стороны, представлял, как когда-нибудь все же расскажу тебе правду.

— Вы на редкость странный человек. — невесело засмеялся я. — Представлять рассказать, хотеть сделать это, но молчать целых три года. Немыслимо! Как я уже говорил раньше: мне не нужен отец и ваше признание ничего не изменило. Всего доброго. — встав с места, я собирался покинуть мужчину и уйти, но он схватил меня за запястье, останавливая.

— Подожди. Не уходи, Эван. Я понимаю, что не нужен тебе, но, пожалуйста, позволь мне хоть иногда видиться с тобой. — в его взгляде была мольба, я вспомнил, что еще не так давно он спас меня от самой ужасной ошибки в моей жизни и в благодарность решил дать ему шанс.

— Позвоните, когда захотите встретиться в следующий раз. — сказал безразлично я и бросив купюру на стол, вышел из кафе. Уходя, я обернулся, чтобы заметить, как этот странный мужчина счастливо улыбается.

О своем новоиспеченном отце я перестал думать тотчас, стоило выйти за пределы торгового центра. Я думал о том, в каком отеле провести сегодняшнюю ночь с Риной. Решив, я написал сообщение ей: «Не задерживайся слишком долго, буду ждать тебя в отеле Индиго.»

Добираясь до отеля все мои мысли занимала Рина и предстоящая с ней встреча. Я старался не думать о том, где она и с кем, настраивал на то, что в итоге сегодня ночью она будет лежать в моих объятиях, а не в его.

Я ждал Рину почти до самой ночи, но она так и не пришла в отель. Я звонил ей на телефон, но она не отвечала. Что могло ее остановить от встречи со мной? В тот момент трезвый ум помахал мне ручкой, и я вспомнил ублюдка, с которым ушла Рина. Ревность заполонила мой разум, вытеснив здравомыслие. На этот раз я действительно прикончу его и никто меня не остановит.

Мы долго не могли добраться до больницы. Вечер, на дорогах пробки, долгое время такси не могло сдвинуться с места, из-за образовавшейся на дороге аварии. Страшная трагичная авария унесла жизни молодой пары, лишив их будущего и счастливой семейной жизни. На мгновение увидев их искореженные, изувеченные, окровавленные тела — я едва не лишилась сознания от ужаса. Увидев мое состояние, Дэвид поспешил прижать меня к себе, укрыв взгляд от страшной картины. Увиденное так потрясло меня, что я не до конца осознала, почему чужие руки обнимают меня так, словно имеют на это право. Немного отойдя, я поспешила отодвинуться от него. Дэвид был для меня чужим человеком, наша детская дружба осталась в прошлом, вспоминая его поведение сегодня — он вызывал лишь раздражение.

Наконец, мы приехали в больницу. Резко открыв дверцу, я нетерпеливо выбралась из такси. Мне не терпелось передать Дэвида в руки врачей и на всех парах мчаться к Эвану.

— Нарин, что ты нашла в том парне? — поймав мое запястье в свою ладонь, Дэвид развернул меня к себе.

Высвободив руку из его длинных пальцев, я твердо взглянула ему в глаза.

— В нем есть все, что нужно мне для счастья. — ответила я, сдвинув брови на переносице.

— Разве ты не видела, что он псих? Не кажись тот мужик поблизости, он убил бы меня! — Дэвид хотел настроить меня против Эвана, но у него ничего не вышло — я твердо решила быть на стороне возлюбленного.

— Весь вечер ты провоцировал Эвана, зная, что это его взбесит. Я не знаю для чего ты это делал, но в моих глазах твое поведение выглядит недостойным. — вложив в свой взгляд как можно больше недовольства, я взглянула на него.

— Значит, ты действительно его любишь. — как-то обреченно выдохнул он.

— Люблю, но тебя это совсем не касается. — мечтая поскорее закончить разговор, я отвернула голову в сторону, отстраненно уставившись на двери больницы.

— Когда мама показала мне твое фото я понял, что хочу быть с тобой. У меня было много девушек, но глядя на тебя я захотел остепениться. — он сделал паузу, после которой продолжил.

— А меня не хотел спросить, хочу ли этого я? — возмущенно уставившись на него, с вызовом спросила я.

— Мама сказала, что у тебя никого нет, поэтому я надеялся завоевать твое сердце при встрече.

— Пару месяцев назад так и было, но не сейчас. Я люблю Эвана и больше всего на свете мне сейчас хочется быть с ним, а не вести пустые разговоры сидя на лавочке вместе с тобой. — возможно, я была слишком груба и прямолинейна, но лучше сразу обрезать концы, чем деликатно намекать, подогревая интерес.

— Что ж... мне совсем не хочется удерживать тебя, если ты сама этого не хочешь. Можешь идти, я справлюсь сам. Все-таки не совсем калека и могу дойти без посторонней помощи. — хотелось связвить, что все это время он использовал меня как опору, не в силах устоять на ногах, но оказывается, что это совсем не так.

Хватаясь за его слова, как за соломинку, я бросила ему слова прощания и побежала к

такси, думая лишь о том, как, наконец, окажусь в любимых объятиях.

В такси я растегнула кармашек сумки, чтобы взять в руки телефон. Но телефона не было. Прошло не меньше пяти минут, когда я осознала, что потеряла его. Отчаяние затопило мое сознание, и я едва не заплакала от понимания, что не знаю, где именно мы встретимся с Эваном. Куда ехать? Где он меня ждет? Что он подумает, когда я не приеду? Зная, Эвана — ничего хорошего он не подумает.

— Извините, не могли бы вы одолжить мне телефон? Мне очень нужно позвонить. — умоляющим взглядом я попросила у таксиста телефон. С мягкой улыбкой, таксист протянул мне смартфон. Рассыпавшись в благодарностях, я с трепетом стала набирать заветный номер, надеясь, что он возьмет сразу. Но он не взял, и я понимала почему, Эван никогда не брал трубку, когда звонили незнакомые номера. Чувствуя себя обреченно, я грустно передала телефон таксисту, не забыв вновь поблагодарить его.

Оставалось решить куда ехать. Не дождавшись меня в назначенном месте, Эван, скорее всего, вернется в общагу и найдет меня там. Главное, чтобы до тех пор он не натворил никаких бед.

Приехав в общагу, я сразу пошла к себе в комнату. В комнате Дженнифер не было, поняв это, я выдохнула с облегчением: не хотелось сейчас выяснять отношения, если она до сих пор на меня злится. Оставался неприятный осадок после утреннего разговора с Дженни.

Сбросив с себя одежду, я осталась в одном нижнем белье. Не глядя на кровать, я плюхнулась на нее, чувствуя всемирную усталость от сегодняшнего дня. Сперва ссора с Дженни, затем та зловещая посылка, встреча с Дэвидом и их с Эваном стычка. Слишком много впечатлений для одного дня.

Прошло не так много времени, прежде чем я осознала, что под моей спиной что-то движется: неприятное, прохладное и скользкое. Я замерла, почувствовав, что по всему моему телу что-то ползает. С криком брезгливости, я вскочила с места, отряхивая тело от мерзких ползающих существ. Вся моя постель была усыпала белыми жирными червями. Запищав, что есть силы, я забилась в дальний уголок, желая оказаться от них подальше. Слезы градом стекали по моим щекам, выдавая нестабильное состояние, страх и непонимание: за что я заслужила это? Обхватив себя за плечи, я звала как в трансе имя единственного человека, которого хотела бы сейчас видеть, но он не мог ко мне прийти, Эван ждал моего прихода где-то в другом месте и не слышал моего зова.

Мне было страшно до ужаса: кто-то ненавидел меня настолько, что усложнял мне жизнь, таким мерзким способом. Этот человек не остановится пока не добьется своей цели, а его целью являлась я. Чего он собирается этим добиться? Свести меня с ума, сделать мою жизнь невыносимой, заставить бояться? Я не знала, но уже сейчас осознавала, как сильно боюсь встречи с тем незримым монстром, что посылает мне такие испытания.

На голове что-то зашевелилось, и я вновь подскочила, стряхивая с себя мерзких тварей. С меня свалилось еще несколько штук. Кожа нервно зудела и краснела, столкнувшись с настойчивым напором моих ногтей. Я чувствовала себя настолько грязной, что захотелось поскорее помыться, чтобы ни одно существо не смогло задержаться на мне.

Сбросив с себя остатки одежды, я пошла в ванную комнату. Включила воду погорячее, взяла мочалку и стала с усердием тереть все места, где было неприятное ощущение нечистоты. Простояв под горячими струями не меньше получаса, я копила внутри себя смелость, собираясь вернуться назад в комнату. Как бы мне ни было страшно и мерзко, я должна избавиться от ползающих тварей, очистив от них комнату.

Найдя в ванной комнате резиновые перчатки, я натянула их на руки. Надев одежду, которая закрывала полностью кожу, я собрала всю свою силу в кулак и вышла в комнату. Повсюду ползали черви, заполняя собой весь пол комнаты и мою кровать. Подавив тошноту и брезгливость, я подошла к кровати, чтобы отчистить спальное место от ползающих тварей. Вытряхивая покрывало, черви падали с характерным стуком на пол, продолжая извиваться по поверхности. Хотелось раздавить каждого из них, но я понимала, что тем самым добавлю себе лишь еще больше работы. Убедившись, что кровать полностью чиста, я стала отодвигать ее от стены, чтобы ни одной твари ни осталось в живых. Там их оказалось еще больше, чем на кровати. Вновь почувствовав тошноту, я сделала глубокий вдох и взяла веник. Среди жирных червей я нашла клочок бумаги, подняв его к глазам я прочитала надпись: «Это только начало...» Непроизвольные слезы вновь полились из моих глаз, руки задрожали, и я сдавленно заплакала: за что? Почему? Неужели кто-то настолько сильно любит Эвана, чтобы осложнять жизнь его девушке?

— Что тут происходит? — в комнату вошла Дженни, ее лицо перекосило от отвращения, глядя на ползающих тварей по полу.

Увидев ее, я испытала настоящее облегчение и радость. Бросившись к ней, я крепко обняла ее, нуждаясь в поддержке подруги и теплых руках. Однако, Дженни не обняла меня и не сказала поддерживающих слов, только и стояла, терпя мои объятия. Чувствуя, что мои объятия не вызывают в ней ничего, кроме неприязни, я неловко отступила от нее.

— Извини, я слишком перенервничала и когда увидела тебя, обрадовалась.

— Кажется, кто-то искренне желает тебе зла. — она как-то удовлетворённо улыбнулась, словно радовалась моим несчастьям.

— Я не понимаю, почему ты так холодна со мной в последнее время? Мы ведь были подругами.

— Были, но все изменилось. Я больше не хочу иметь ничего общего с дочерью серийного убийцы. — так все дело в папе? Она ведь нормально отнеслась к этой новости, почему же все изменилось?

— Я ведь, и сама этого не знала. В чем моя вина?

— Ты — его дочь, этого достаточно. — едва не плача, я собрала внутри себя все силы и с достоинством ответила:

— Интересно, как же ты все это время жила в доме убийцы? Еще и ходила по комнатам, в которых произошло убийство. Не хочешь съехать? — Дженни ничего не ответила, развернувшись на каблуках, она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. Обернувшись назад и взглянув на пол, я вновь увидела этих червей, но на этот раз не испытала ничего кроме усталости и желания поскорее избавиться от всего этого.

Взяв веник, я стала равнодушно все убирать, касаясь самых дальних уголков, куда могли забраться существа. Собрав их в кучу, я взяла совок и смела их в него. Совок оказался слишком маленьким, чтобы в нем уместились все твари. Выбросив их в унитаз, я собрала остатки склизких существ. Устало выдохнув, я села на кровать и разрыдалась. Совсем не хотелось оставаться в комнате, насквозь пропитанной мерзкими воспоминаниями. Сняв перчатки, я выбросила их в мусорку, схватив сумочку, я вышла из комнаты. Пустынные коридоры общаги нагоняли жути, казалось, все кто здесь жил — вымер. Выйдя на свежий воздух, я вдохнула полной грудью. Буду сидеть на лавочке и ждать Эвана, рано или поздно он поймет, что я не приду и вернется в общагу.

Однако, долго просидеть на лавочке я не смогла. Страх, что за мной кто-то следит и не

сводит глаз, был так велик, что я практически ощущала его липкие щупальца, тянущиеся ко мне.

Побежав в мужское общежитие, что есть силы, я стала барабанить в дверь Эвана. Я знала, что его нет в комнате, но собиралась дождаться возлюбленного. Лежа на кровати и вдыхая аромат родного мужчины на подушке, я буду представлять нашу скорую встречу.

Совсем скоро дверь открыл Питер — сосед Эвана. Увидев затравленный взгляд, он подумал, что за мной кто-то гонится, поэтому быстро пустил в комнату.

— Что случилось? Тебя кто-то преследует? — мы не были лично знакомы с Питером, поэтому я была удивлена, что он общается со мной так, будто знаком со мной.

— Я хочу дождаться Эвана. Мы хотели встретиться, но я потеряла телефон и не знаю, куда должна прийти.

— Конечно, оставайся. Я могу дать тебе позвонить ему. — с благодарностью улыбнувшись, я кивнула ему. Если у Эвана есть его номер, значит, высока вероятность, что он ответит мне.

Питер набрал номер Эвана, послышались гудки, после которых ответил автоответчик. Эх, похоже и сейчас не ответил.

— Спасибо за помощь.

— Брось, это мелочи. — и Питер сел за свой стол, углубившись в чтение книги. Обо мне тотчас забыли и я была этому рада. Я не хотела пристального внимания малознакомого человека.

Сняв обувь, я подошла к кровати Эвана. Легла на живот, уткнувшись лицом в подушку Эвана. Она пахла им. Смесь шоколада, вишни и каких-то древесных ноток. Мягко улыбнувшись, я начала осознавать, как тело понемногу начинает расслабляться. Так хорошо. Запустив руки под подушку, я нащупала что-то глянцевое и прохладное под ней. Увидев фотографии на которых было мое изображение, я едва не ахнула от неожиданности. Обнаженная, сразу после душа... неужели в нашей комнате есть следящее устройство? Как давно оно там? Судя по фотографиям ему видно лишь мою кровать, значит, следил он именно за мной. Глупая улыбка появилась на моем лице. Конечно же за мной, ведь Эван давно неравнодушен ко мне. Что он делал с этими фотографиями? Судя по тому, что местами они потертые и измятые, Эван часто брал их в руки. Много смотрит на меня? Приятное блаженство окатило с ног до головы, расслабляя и наполняя приятной истомой.

Думая о Эване, его низком голосе и красивых глазах, я вдыхала аромат принадлежащий ему. Совсем скоро я забылась крепким сладким сном.

Предупреждение! Глава содержит сцену откровенного сексуального описания. Читайте с осторожностью.

Глаза налились слепой яростью, к горлу подступила горечь обиды, когда я подумал, что Рина променяла меня на Дэвида. Она не пришла! Как на могла? И это после того, как писала, что хочет провести со мной ночь! Я верил ей! Чувствовал ее любовь, заботу и нежность, и какой-то частью себя, все же, осознавал, что она не могла предать меня.

Я не помнил, как ехал в такси, не помнил, как ворвался в приемную больницы, не помнил с каким бешенством сканировал каждого человека, попадающегося на моем пути. Я искал Дэвида и Рину. Я знал, что не стану с ними разговаривать, попытаюсь узнать почему она выбрала его, а не меня, знал только, что сверну шею тотчас, стоит мне его увидеть.

В приемной его не оказалось, тогда я стал распахивать каждую дверь, встречающуюся мне. Медперсонал беспокойно семенил рядом, пытаюсь меня успокоить, но я игнорировал: они не были мне нужны, я пришел ведомый зовом крови. Что это, наследие приемного папаши? Или мое собственное безумие? Я не знал, но был уверен, что убью его, когда увижу.

В одной из палат я все-таки увидел его довольную физиономию, заигрывающую с молодой медсестрой. Рина позабыла обо мне ради него, а он в свою очередь флиртует с другой. Урод.

— А ты что тут забыл? — спросил он, нахмутив брови при виде меня. Обведя палату глазами, я понял, что Рины нет с ним. Наверное вышла, значит действовать нужно быстро, не хочу, чтобы она это видела.

Ни слова не говоря, я схватил его за грудки и стал наносить один за другим удары. Ярость немного утихла, поэтому я бил в пол силы, чтобы напомнить ему, что Рина не для него. Совсем скоро в палату вбежала охрана. Скрутив меня под руки, они вызвали наряд полицейских. Когда меня уводили, напоследок я надеялся увидеть Рину, но она так и не появилась. Где она?

Меня отвезли в полицейский участок, как какого-нибудь преступника. Впрочем, разве я не был таким? Еще недавно я был готов убить его, но немного успокоился, не увидев Рину с ним. Кажется, я перегнул палку и Рины вообще не было. Мне нужно было спросить об этом идиота, а не лезть избивать. Что если она ждет меня где-то? Вдруг ей нужна помощь и она только и ждет моего возвращения? Идиот! Повелся на поводу у эмоций, полностью игнорируя холодный разум.

В участке меня допрашивал со смертной скукой на лице следователь. Наверное, в этот поздний час он мечтал оказаться в объятиях толстушки-жены, а не возиться со мной. Я тоже мечтал оказаться в объятиях Рины, но осознавал, что сам виноват в произошедшем.

— Вам разрешается один звонок. — он протянул мне телефон. Конечно, я позвонил Рине, но она не ответила на звонок. Попросив, позвонить еще, следователь пошел на уступку и дал свое согласие. Кому позвонить? У меня было не так много людей, кто смог бы мне помочь. Андре вытащил бы меня отсюда, но какой ценой? Он так надеялся, что мы уладим наш конфликт с Дэвидом, но вместо этого я избил его дважды и загремел в тюрьму. Нет, звонить Андре невыход. Пролитнув список своих контактов, я увидел имя своего новоиспеченного отца. Не думал, что так скоро услышу его голос, но это лучше, чем звонить Андре.

Набрав номер, я услышал всего пару гудков, прежде чем Лайт ответил на звонок.

— Эван? — обрадованный, но в тоже время удивленный голос, ответил мне.

— Я в тюрьме... кое-что натворил... — приготовившись услышать кучу вопросов и нравоучений, я прикрыл глаза, однако Лайт удивил меня.

— Скоро буду. — и повесил трубку. Я даже заморгал удивленно, поразившись его реакцией.

Минут через 30 охрана пришла за мной, известив, что меня выпускают. Лайт постарался и в тот момент я был очень рад, что подумал позвонить именно ему.

— Тебе повезло, пацан не стал писать на тебя заявление. В противном случае не удалось бы откупиться. Что произошло? Когда мы расставались ты был в порядке. — он как-то по-отечески положил свою ладонь на мое плечо, было очень непривычно и даже неприятно, но я решил потерпеть, все-таки благодаря этому человеку я так легко вышел на свободу.

— Рина не пришла в назначенное место, и я решил, что она осталась с ним.

— А она писала, что придет?

— Конечно... — и тут я вспомнил: написав ей сообщение с местом, не убедился в том, что она его получила. Взяв телефон в руки, я открыл нашу переписку и похолодел: мое сообщение так и не было прочитано Риной. Какой дурак! Я должен был вначале убедиться, что она получила мое сообщение, но вместо этого стал ревновать и загремел в тюрьму. Где она сейчас? Почему не прочитала сообщение? Внезапный страх протянул ко мне свои липкие щупальца, я вспомнил утро и тудохлую кошку, что какой-то безумный антифанат прислал Рине, что, если она столкнулась с ним? Вдруг она в опасности и нуждается в моей помощи? А я вместо того, чтобы поддержать ее — ревную и срываюсь с цепи, как бешенный пес. — Мне пора! — резко сказал я, хлопнув новоиспеченного отца по плечу, тем самым благодаря его.

Лайт ничего не ответил, но убегая, я заметил, как уголки его губ приподнялись. Что ж, он правильно истолковал мой жест и понял, как сильно я благодарен ему.

Где может быть Рина? Первое, что пришло в голову — это торговый центр, где мы расстались. Отправился туда. Обошел каждое памятное для Риной место, даже в кафе вернулся, но ее не было нигде. Мелькнула мысль, что Рина поехала в общагу. Ухватившись за эту мысль, я поехал туда. Стучался в комнату Риной, но она так и не ответила. Приложив ухо к двери, я не услышал шума, только холодное одиночество пустой комнаты. Никого. Будь Дженифер дома, она обязательно открыла бы дверь. Значит, никого нет. Где Рина? В мою голову больше не приходило ни единой мысли. Опустившись вниз на пол, я закрыл глаза. Я потерял столько времени! Что, если тот антифанат нашел ее и причинил боль? Я должен продолжать поиски! Нет времени сидеть и страдать, сокрушаясь и переживая! Все равно это ничем не поможет, лишь усилит душевную боль и затормозит еще больше. Нужно срочно успокоиться, иначе я не смогу здраво мыслить. Достав телефон, я набрал номер телефона тети. После достаточно продолжительных гудков, она ответила:

— Алло?

— Тетя, Рина звонила Вам? — без слов приветствия, сразу спросил я.

— Нет, Эван, Нарин сегодня не звонила. Что-то произошло? — в ее голосе послышалось беспокойство, и я тотчас пожалел о том, что не смог заставить свой голос звучать спокойней.

— Ничего, тетя. Мы договорились с ней встретиться, но Рина не отвечает на звонок.

Думаю, у нее телефон на беззвучном. Извините за беспокойство. — смягчился я, пытаюсь сделать голос таким, чтобы тетя успокоилась. Тетя всегда хорошо ко мне относилась, и несмотря на свой дурной характер — я ценил это.

— Обязательно позвони мне, когда найдешь ее. — продолжала переживать она. Не уверен, что сдержу обещание, но ради ее успокоения я все же пообещал ей это.

Значит, Рина не связывалась с матерью, тогда может с Дженнифер? Они, конечно, повздорили утром, но может она видела Рину? Набрал номер Дженифер, долгое время я с надеждой ожидал, что она ответит на звонок, но этого так и не случилось. Что делать я не знал. Знал лишь, что должен найти ее.

Батарея на телефоне стала садиться, я должен был зарядить его, вдруг Рина свяжется со мной. Решив сначала зайти в свою комнату и поставить телефон на зарядку, я двинулся туда. И каково было мое удивление, когда, войдя, я увидел спящую Рину на моей кровати. Я едва не расплакался от облегчения. Пока я места себе не находил, ища ее, она была здесь, в моей комнате. Глупышка. Красивая моя. Не удержавшись от прикосновения, я протянул свою руку к ее голове, чтобы погладить. Она так крепко спала, что мое прикосновение даже не потревожило ее.

Питер встал из-за своего стола, чтобы подойти ко мне.

— Где ты был так долго? Когда она пришла сюда, я подумал, что ее преследуют.

— В смысле? — переспросил я, всерьез озаботившись его словами.

— Она была чем-то напугана, но не призналась мне.

— Рина что-нибудь говорила?

— Сказала, что потеряла телефон и не смогла прийти туда, где вы собирались встретиться. — задумчиво кивнув, я перевел взгляд на Рину: такая спокойная и умиротворенная, сон унес все ее тревоги и печали.

— Питер? — позвал я соседа. Добившись внимания, я сказал. — Переночуй в другом месте. — сначала я думал, что услышу резко негативный ответ, но вдруг губы соседа тронулись в верх и глаза потеплели.

— Хорошо, я и сам думал уйти, знал, что она останется ночевать. — я знал, что Питер был выходцем из бедной семьи, лишних денег на ночлег у него не было, так же, как и знакомых, у которых можно остановиться. Достав свою платиновую карту, я протянул ее ему.

— Вот, можешь снять номер в отеле. — увидев, что сосед собирается отказаться, я твердо добавил. — Отказ не принимается. — и всучил ему карту, засунув ее в кармашек рубашки.

Питер не стал опускаться до показной скромности, а с достоинством принял предложение. Он собрал рюкзак с учебниками и тетрадями и вышел из комнаты, оставив нас с Риной наедине.

Она была в тот момент так красива в своем спокойствии и безмятежности, настоящий ангелочек. Не желая тревожить прикосновениями, я долго любовался ее совершенным лицом: пушистыми длинными ресницами, красивым изгибом пухлых губ, прямым носом и совершенной матовой кожей. Идеальная красота. Моя. Только моя.

Не в силах больше держаться от нее по дальше, я стал покрывать ее лицо отрывистыми поцелуями, в которые вложил все свои чувства: любовь, нежность и заботу.

— Эван? — выдохнула Рина, открыв глаза. — Ты пришел! — крепко обвив мою шею руками, она прильнула своими губами к моим. — Почему ты так долго? Я так ждала тебя!

— Кое-что произошло, но я не хочу говорить сейчас об этом. Как ты? Питер говорил, что ты была чем-то напугана. — в мгновение и радость от встречи со мной сменилась беспокойством и волнением.

— Эван, тот антифанат побывал в моей комнате! Вся моя кровать была в белых червях! — от воспоминания она передернулась всем телом, обхватив себя за плечи.

— Все позади. Я с тобой. — крепко прижав любимую к себе, я погладил Рину по голове. — Я найду того ублюдка и заставлю ответить за все!

— Нет, Эван. Я боюсь. Что если ты тоже пострадаешь? Может это не твоя фанатка, а кто-то намного опасней и безумней.

— Я не боюсь за себя. Самый главный мой страх — это потерять тебя. Поэтому я сделаю что угодно только бы ты была в безопасности. — слезы благодарности и любви потекли по ее щекам, и она вновь прижалась ко мне всем телом.

— Я очень сильно тебя люблю, мне повезло, что ты у меня есть. — услышав слова любви, я широко улыбнулся: это было впервые, когда она вживую сказала мне это. Чувство триумфа, восхищения и нежности наполнило меня, и я еще крепче прижал ее к себе.

— Люблю, как же сильно я тебя люблю, моя девочка. — зарывшись носом в ее шею, я вдохнул аромат любимой. Она так сладко пахла ванилью и кокосом. Это был ее любимый аромат. Она покупала духи, шампуни, крема и лосьоны исключительно с этим запахом. Сколько помнил Рину она всегда пахла так, исключение составляло детство, когда в духах и другой косметике для тела она ничего не понимала. Помню, в какой-то момент я полюбил десерты с кокосом и ванилью. Каждый раз, вдыхая аромат лакомства, я вспоминал ее.

— Ты больше не можешь оставаться жить в общежитии. — обхватив ее лицо ладонями, я с трепетом погладил его, ласково глядя в любимые глаза. — Это слишком опасно. Отныне, куда ты — туда и я. Будь всегда рядом и не отпускай мою руку. — взяв в свою ладонь ее красивую кисть, я сжал ее, чтобы Рина почувствовала мою силу. Только со мной она должна чувствовать себя в безопасности, чтобы рассчитывала, стремилась и хотела быть рядом.

— Будем жить вместе? — ее глаза счастливо заблестели, когда она задала этот вопрос. Я думал, что она будет отпираться, говорить, что это слишком рано и неожиданно, но видно, что она и сама этого очень сильно хочет.

— Да. — кивнул я. — Тебе нужно отдохнуть. Сейчас ты нуждаешься в этом. Слишком устала за весь день. — я нехотя стал отстранять ее от себя, пытаясь уложить на подушку. Не хотелось заканчивать день вот так, но я видел усталость на ее лице.

— Постой. — она обхватила своей ладонью мое запястье, останавливая меня. — Единственное в чем я нуждаюсь сейчас — это в тебе. — ее голос стал медленней и ниже, возбуждая и маня, полностью обезоруживая меня.

Заведясь с полуоборота, я почувствовал, как пелена страсти окутала мое тело. Грубо и властно прижав ее к себе, я впился безжалостным поцелуем в ее губы. Краем сознания я подумал о том, что ей такие ласки будут неприятными, но заметив с каким жаром и стоном она мне отвечает, понял, что Рине нравится грубость. В порыве страсти прикусив мою губу до крови, Рина хищно улыбнулась слизывая ее. Какая порочность... кто бы мог подумать, что в ней дремала эта сторона... впрочем, меня безумно это возбуждало и приводило в щенячий восторг.

Оторвавшись от ее губ, я перевернул ее на живот и стал осыпать ее спину и ягодицы страстными влажными поцелуями, сжимая и лаская их одновременно. А когда мой язык опустился на ее сокровенное, я почувствовал вкус ее соков и совсем потерял голову. Грубо

перевернув ее на спину, стал вылизывать и ласкать так, что Рина едва не сошла с ума от удовольствия. Она была уже настолько мокрой, что влага стекала вниз по ее бедрам. Мне было мало, хотелось еще больше любить ее, слышать стоны и свое имя, срывающееся с губ.

Оторвавшись от нее, я коснулся пальцами чувствительной и такой напухшей горошинки, что готовилась вот-вот получить долгожданную разрядку. Трогая пальцами, я ловил каждый ее стон, каждое глубокое дыхание и сам дышал все тяжелей и громче. Укусив ее за сосок, я стал перекачивать его между пальцами, возбуждая еще больше.

Стянув с себя штаны, я взял дружка в руку: он был твердый и готовый войти в ее влажные глубины. Не входя в нее, я стал тереться об ее горошину, тяжело и глубоко дыша, выстанывая ее имя. Еще одно движение и вот Рина сжалась, сдавленно застонала и я почувствовал внутри нее сильную пульсацию, приводящую к долгожданной разрядке. Глядя на ее наслаждение, я не мог больше терпеть. Это было невозможно... она была готова давно, я тем более.

Глубоко войдя в нее на полную длину, я стал насаживать ее на себя, чувствуя, что такой грубый ритм нравится не только мне, но и ей. Понадобилось не так много времени, чтобы мы достигли полного блаженства, кончив одновременно. На этот раз Рину накрыл еще более сильный оргазм, подаривший ей истинное наслаждение рядом со мной.

Мы еще долго лежали в объятиях друг друга, пытаюсь прийти в себя, нормализуя дыхание. Совсем скоро Рина уснула, удобно устроившись на моем плече и обхватив руками мою талию. Момент истинной близости и нежности. Хотелось уснуть также, но я не мог, мне нужно было найти квартиру для нас с ней. Место для нас двоих. Наше уютное гнездышко.

Полночи убив на поиск подходящей квартиры, я остановился на двух. Оставил окончательное решение за Риной, уверен, она выберет именно то, что нужно.

Довольный собой, с чувством полного удовлетворения, я обнял Рину и забылся крепки сном без сновидений. Тревога за любимую отступила на задний план: пока Рина со мной — она в безопасности.

С первыми лучами солнца я проснулась. Рядом спал Эван, прижав меня к себе за талию. Глядя на него влюбленными глазами, я улыбнулась: когда он рядом все тревоги и беды отступали. Вчерашний день со всеми испытаниями и бедами померк в сравнении с тем, как мне было хорошо сейчас рядом с ним. Кто бы мог подумать, что манипулятор Эван, с которым раньше я чувствовала себя запертой птицей в клетке, так изменится? Или изменилась я, а он лишь начал соответствовать? Эван больше не воспринимался тираном, который не мог позволить и шагу ступить. Я просто шла туда, куда мне нужно, не спрашивая его дозволения. Исключением, конечно, стал Дэвид, избивание которого наложило вину и страх, что Эвана могут посадить. Поэтому мне пришлось пойти с ним, хотя этого я совсем не желала.

Черная прядь волос упала на глаза Эвану, одним осторожным движением я смахнула ее в сторону. Хоть и невесомое, движение потревожило сон Эвана.

— Уже проснулась? — он потянулся губами к моим губам, оставляя след поцелуя на них.

— Да, совсем недавно.

— Жаль, что ты не разбудила меня раньше. — мягко улыбнулся он и потянулся за телефоном, что лежал на тумбочке. — Вот, я выбрал два варианта жилья, хотел, чтобы ты посмотрела и определилась, какое из двух тебе нравится больше.

Взяв из рук Эвана телефон, я стала листать фотографии первой квартиры, которая была настолько шикарна, что захватывало дух. Весь стиль квартиры был выполнен в бело-золотых цветах. Просторные комнаты, огромные высокие окна, шикарная мебель и великолепная спальня. Из гостиной открывался красивый вид на Вестминстерский дворец, который должен был впечатлить любого англичанина голубых кровей. Я никогда не разделяла восторга быть ближе к королевской семье, поэтому данный факт меня нисколько не соблазнил. Квартира была замечательной, но мне совсем не хотелось в ней жить.

Перейдя к следующему варианту, уже на первых фотографиях я поняла, что хочу здесь жить. Это была не квартира, а небольшой коттедж, выполненный из песочного цвета кирпича. Коттедж окружала зеленая лужайка с аккуратно подстриженным газоном, выстриженными кустами и клумбой красивых ярких цветов. Небольшой бассейн с идеальной системой очищения, что позволяло практически всегда купаться в чистой воде. Комнаты, хоть и просторные, но компактные, выполненные в мавританском стиле, сразу захватили дух и влюбились меня в свой интерьер.

— Хочу эту! — уверенно заявила я, тыкнув пальцем в экран телефона. Глядя на мои блестящие глаза, Эван покровительственно засмеялся.

— Ты ведь еще даже спальню и ванную не видела.

— Я увидела достаточно, чтобы захотеть здесь жить.

— Я был уверен, что ты будешь в восторге от этого коттеджа. — он погладил меня по голове, посылая волны нежности по всему моему телу.

Тотчас Эван позвонил риелтору, объяснил, что мы готовы сегодня же въехать в коттедж, договорились о сумме и времени переезда. Риелтор был несказанно рад, как он обмолвился немного позже, в этом коттедже достаточно долгое время никто не жил, потому что не были готовы так много за него платить. За те три года, что мы с Эваном были моделями, денег

заработали столько, что могли себе позволить жить в таком шикарном месте.

Наскоро приняв душ вместе, мы стали приводить себя в порядок. Сегодня столько еще предстоит сделать: собрать вещи, перевести их в новый дом, разместиться там.

Эван сбрасывал трехдневную щетину, глядя на себя в зеркало. Глядя на него, я вдруг вспомнила фотографии, которые обнаружила под подушкой Эвана и мои губы искривились в хитрой усмешке.

— Интересно, что ты делал с моими фотографиями? — Эван застыл и перевел взгляд на мое лицо.

— Так ты видела? — он выглядел как ребенок, попавшийся на шкоде.

— Видела. — кивнула я, продолжая следить за ним взглядом.

— Мне совсем не стыдно, Рина. Я люблю тебя слишком давно, чтобы решиться на такое.

— Хорошо, что мы вместе, — улыбнулась я. — в противном случае, я очень на тебя бы разозлилась.

— Разумеется, кому понравится, что кто-то себя удовлетворяет, глядя на твое обнаженное тело. — невесело усмехнулся он.

— А ты себя удовлетворял? — от чего-то сказанный вопрос не вызвал во мне ни капли смущения, только любопытство и наслаждение. Эван, залившись краской смущения, отвел взгляд.

— А ты как думаешь, м? — голос Эвана стал тише, а взгляд, обращенный на мои губы, потемнел. Подойдя ко мне вплотную, он схватил меня за ягодицы, резко прижимая к своему паху, чтобы я почувствовала всю степень его желания.

— Думаю, что... — тихо прошептала я, медленно приближая свои губы к его губам. — что нам пора! — быстро чмокнув его в губы, я выбежала из ванной комнаты, оставив разочарованного парня стоять в одиночестве. Не время предаваться сексуальным утехам, нас ждут сборы и переезд.

Я собиралась пойти к себе в комнату, но Эван не пустил меня одну. Он боялся оставлять меня. Мы решили, что вначале соберем вещи Эвана, а уже потом перейдем к моим.

Сборы прошли намного быстрее чем я думала, всего 4 часа, чтобы полностью собрать все вещи, книги, приятные мелочи и все остальное.

Машина, что должна была перевести все наши вещи подъехала очень быстро. Коттедж находился в получасах езды от университета. Пока мы собирали вещи, обсудили с Эваном, что не плохо было бы обзавестись машиной. Права Эван получил еще в 17, так что дело осталось за малым.

Приехав в новый дом, у ворот нас встречал риелтор. Обсудив все тонкости снятия жилья, мы внесли первый платеж, а потом мужчина передал Эвану ключи от дома и оставил нас наконец одних.

Долгое время я не могла надыхаться чистым воздухом, наглядеться на кристальный бассейн, что так напомнил мне детство. А когда я вошла в дом, стала проходиться по комнатам, зашла в спальню... я потеряла дар речи от восхищения. Нет, не может быть коттедж настолько идеальным. Эван везде следовал за мной, наслаждаясь моей реакцией.

В спальне, пока я стояла и пялилась с открытым ртом на великолепную кровать с балдахин, Эван подошел ко мне со спины и прижал к себе.

— Как тебе? — прошептал он мне в ухо, опаяя жаром своего дыхания.

— Огромная. Думаю, мы потеряем друг друга на ней. — засмеялась я.

— Не потеряем, я всегда буду крепко прижимать тебя к себе.

— Даже, когда я тебе надоем? — с улыбкой спросила я.

— Рина, ты никогда мне не надоедала. Сколько бы мы не проводили время вместе, мне всегда было тебя мало. — развернувшись к нему лицом, я закинула кисти за его шею.

— Прости, что вчера мне пришлось уйти с Дэвидом. Будь моя воля, я никогда бы так не поступила. — настроение Эвана в миг упало, и он недовольно ответил:

— Не хотела — не ушла бы. Прекрасно знаю, какой ты бываешь упрямницей, когда чего-то хочешь. Увидев, что его настроение стало еще хуже, я обхватила его щеки ладонями.

— Я боялась, что Дэвид может заявить на тебя в полицию, поэтому держалась к нему ближе

— Ты думала обо мне? — удивился Эван и взгляд его потеплел.

— С тех пор, как я поняла, что ты единственный, кто нужен мне — я думаю лишь о тебе. — Эван был тронут моими словами, однако, взгляд его опустился и стал виноватым.

— Жаль, что твои усилия все-таки оказались напрасными. Я все равно попал в тюрьму. — признание Эвана привело меня в шок, который я быстро подавила.

— Почему? Расскажи мне все, Эван! — он выдохнул так, словно воспоминания о произошедшем требовали каких-то усилий.

— Вчера, когда долго ждал тебя, я решил, что ты выбрала его. Меня накрыло. Я отправился в больницу и избил его... медики вызвали полицию и меня загребли.

— Эван... — я не смогла сдержать осуждающего взгляда. — Ты поступил очень глупо! Как он? Ты не сильно его избил? — Эван горько усмехнулся.

— Все-таки переживаешь о нем?

— Переживаю о тебе, глупец! — разозлилась не на шутку я. — Как бы тебя всерьез не посадили! — я отошла от него на расстояние, желая оказаться подальше, чтобы унять злость. — Ты кто, Эван? Бандит, преступник? Хотел, повторить судьбу моего отца и оставить меня? — на этих словах мой голос надорвался, и я стала рыдать. Я не смогла бы пережить потерю Эвана, это слишком тяжелое бремя. Сначала отец, потом Эван...

Эван подошел ко мне сзади и крепко обнял.

— Не плачь, любимая, я здесь, с тобой.

— Да, сейчас это так, но не уверена, что твоя ревность не станет причиной нашего расставания. — он стер поцелуями с моих глаз слезы.

— Не думай об этом, все хорошо. — он притянул меня к себе, посадив на колени. Продолжая всхлипывать, я спросила:

— Как тебя отпустили? — заглянув в лицо Эвана заплаканными глазами, я заметила, как его лицо посветлело.

— Кажется, я нашел своего отца. Настоящего. Он помог мне поскорее выйти.

— И ты молчал? — пихнув в его грудь ладонью, с возмущением спросила я.

— Не злись, малышка. Я собирался сказать, но как-то не находил времени.

— Времени было предостаточно! — недовольно отозвалась я. — Это ведь такая радость.

— Ты ведь знаешь, что я никогда не искал отца, поэтому мне всегда было все равно на его существование.

— Верно. Тогда как ты узнал о нем?

— Тест ДНК оказался не верным и Лайт, на самом деле, является моим биологическим отцом. — вот это удивительная новость. Эван и Лайт были разными, как день и ночь, ни одного сходства. Как это возможно? Кажется, кто-то упоминал, что внешне Эван был похож

на мать. Скорее всего все дело в этом.

— Сказать, что я удивлена, это ничего не сказать. После того теста, последний о ком бы я подумала это он.

— Я тоже, но он уверен в этом. Сказал, что я напоминаю ему его умершего брата.

— Думаешь, это достоверная информация? — скептически спросила я.

— Не знаю. — безразлично пожал плечами Эван. — Мне все равно, знаешь ведь, что из всех людей мне нужна только ты. — зарывшись в мою шею носом, Эван шумно втянул мой аромат. — Какая сладкая, никогда не устану вдыхать твой запах.

Расслабившись в объятиях Эвана, я ласково заглянула в его глаза.

— Нам нужно заказать что-нибудь поесть. Что ты хочешь?

— Я хочу... тебя... — я с нежностью улыбнулась, глядя в его глаза, поддернутые поволокой возбуждения.

— Придется подождать. Сначала нужно поесть. — прыгнув с его коленей, я взяла в руки телефон, чтобы заказать доставку. — Ужасно хочется суши.

— Я не согласен есть рыбу вместо тебя. — безрадостно ответил Эван.

— Не вместо меня, а сперва. Я иду на десерт. — засмеявшись ответила я и набрала номер.

После достаточно быстрого ответа, я сделала заказ.

Доставку привезли меньше, чем через полчаса. За это время мы с Эваном еще немножко поговорили, после чего принялись за ужин.

Сидя в новой кухне, наслаждаясь обществом друг друга, я чувствовала необычайное спокойствие. Но как долго оно продлится? Рано или поздно тот сталкер узнает, где я живу и что он предпримет на этот раз — неизвестно. Я старалась не думать об этом, но оставаясь наедине с собой, даже на минуту, неизбежно мысли возвращали меня туда.

После ужина мы приняли пенную ванную с Эваном. Намыливая тела друг друга, нежные ласка и целуясь — мы становились еще ближе. А потом распаренные, расслабленные — мы провели одну из лучших ночей в нашей жизни. Думаю, каждая ночь, проведенная с любимым человеком, будет считаться лучшей.

Утомительный переезд и занятия любовью усталостью свалились на мои плечи. Глаза свинцовой тяжестью стали закрываться.

— Я ужасно хочу спать. — прошептала я, целуя Эвана в щеку.

— Спи спокойно, любовь моя. Я буду охранять твой сон. — и положив мою голову к себе на грудь Эван стал поглаживать меня по голове. Окутанная его нежностью и спокойным ровным ритмом сердцебиения — совсем скоро я уснула.

Прошел месяц с тех пор, как мы с Эваном переехали в свое собственное гнездышко. Уединяясь в стенах коттеджа, я чувствовала себя спокойно, осознавая, что еще один день прошел и сталкер так и не объявился. Может все закончилось и больше он меня не побеспокоит? Вспышка надежды, как зажглась, так и быстро потухла. Вряд ли, тогда бы он не оставил ту записку.

Дэвид приятно удивил меня, когда не стал раскрывать Андре имя человека, избившего его. Он звонил мне пару раз, хотел встретиться, но видеться с ним мне совсем не хотелось. Во-первых, не хотела провоцировать Эвана на ревность, во-вторых, сама чувствовала себя неловко в его присутствии, в-третьих, у меня были плохие мысли насчет него. Я много думала о том, кем же может быть тот сталкер, гадала, припоминая всех тех, кто хоть немного проявлял ко мне неприязнь или агрессию. Никто не приходил на ум, однако, мысли почему-то стали уводить меня в сторону Дэвида, который появился именно в тот день, когда объявился сталкер. Умом я понимала, что этим человеком не мог быть он, незамеченным пройти в аудиторию колледжа — невозможно, камеры обязательно бы его зафиксировали. И если быть до конца честными, то он был бы сталкером Эвана, но не моим. Чем больше я думала об этом, тем больше у меня кружилась голова. В какой-то момент я поняла, что не должна терзаться мыслями, нужно отпустить ситуацию и попробовать быть сильной не смотря ни на что.

Жизнь с Эваном была наполнена нежностью, теплом и заботой. Каждый день я чувствовала себя любимой и желанной. Совмещая учебу, модельное агентство и дом — мы были все время вместе. Это возвращало меня в те далекие дни детства, когда мы были неразлучны.

Близилась экзамены, защита диплома и выпускной. Я была как на уголках. Эван был расслаблен, как и всегда и совсем не волновался об учебе. Единственное, что его волновало — это я, вечно сводящая с ума, даже в неприглядном виде после сна. Я любила Эвана и его одержимое влечение ко мне возносило на вершину счастья, но в моменты сильной усталости и раздражения, задумывалась, а нормально ли так сильно любить кого-то? Есть ли предел его любви? И на что он готов пойти ради нее? Готов ли убить ради меня? Задушить? Истерзать?

Каждый вечер я готовилась к экзаменам, зазубривая материал до глубокой ночи. Эван много раз просил меня сделать паузу и отдохнуть, но я была неумолима. Я должна быть уверена в своих знаниях, чтобы не спасовать в ответственный момент.

Эван не спал, ждал меня до последнего, чтобы перед сном заняться любовью. Я была обессилена и ужасно хотела спать, засыпала тотчас, стоило моей голове коснуться подушки. Мои безмолвные отказы Эван воспринимал с пониманием, если и злился, никогда даже намек не подавал, что что-то не так. Обняв мою талию рукой, Эван крепко прижимал меня к себе. С поцелуем в макушку, он шептал о своей любви, а потом, вдыхая аромат моих волос, забывался сном.

Несмотря на то, что я старалась не думать о своем личном сталкере, мне стали сниться кошмары с его участием. Каждую ночь за мной гнался безликий человек, желающий моей смерти. Безумный страх сковывал мои движения, делая медленной и неуклюжей. Схватив меня, он сжимал мое горло до боли, наслаждаясь предсмертными муками и ужасом,

написанным на моем лице. Увидев его хищный оскал и нечеловеческий дикий взгляд, наполненный жадной крови, я с криком ужаса просыпалась. Задыхаясь от судорожных рыданий, я долго не могла прийти в себя, даже Эван, желающий помочь, не мог справиться со своей задачей. Не отделяя сон от реальности, я забивалась в дальний угол комнаты, желая быть подальше от Эвана, который в тот момент воспринимался, как человек из сна. Когда Эван включал свет и предстал перед моим взором обеспокоенным и тревожным, я бросалась к нему в объятия и долго рыдала, моля о прощении. Он гладил меня по спине, волосам, шептал, что все хорошо и что он совсем не сердится.

Эван очень переживал за меня, я это видела. Мои кошмары и дни, что проходили в тревоге из-за сталкера сделали свое дело, я стала бояться любого шороха, шагов, следующих позади меня, голосов и любых звуков. Я медленно, но, верно, сходила с ума... Дошло до того, что я не могла оставаться даже на минуту одной, страх сковывал меня своими щупальцами, не давая пошевелиться.

Однажды вечером Эвану пришлось отлучиться из дома. Я хотела пойти с ним, но из-за плохого самочувствия пришлось остаться.

Он ушел всего полчаса назад, но за это время я успела искусать все губы и забиться в ванной комнате в самый дальний угол, не забыв при этом закрыть на замок. Судорожно сжимая в руках мобильный, я то и дело посматривала на медленно идущее время. Трель мобильного отозвалась во мне моментальным испугом, и я с ужасом взглянула на телефон. Звонил неизвестный номер. С осторожностью приняв вызов, я поднесла телефон к уху.

— Алло? — в трубке раздался какой-то неприятный скрежет, а затем тяжелое неприятное дыхание.

— Ну, здравствуй. Тебе понравились мои подарки? — голос человека был изменен, поэтому я не могла понять мужчина это или женщина. Мой разум так парализовало ужасом, что я не могла нормально думать. Мысли путались и кричали в панике от страха.

— Кто ты? Что тебе от меня нужно? — стала импульсивно кричать я, содрогаясь от дрожи.

— Хочу сантиметр за сантиметром разрезать твою кожу и сдирать ее заживо. — человек с наслаждением засмеялся. А я отшвырнула от себя телефон, сотрясаясь в громких рыданиях.

Мне так было страшно, я не могла контролировать себя. Я молила Бога, чтобы Эван скорее вернулся домой и прекратил этот ад.

Эван пришел минут через десять. За это время я едва не сошла с ума, проматывая раз за разом ужасающий меня разговор. Услышав его зов в прихожей, я пулей выскочила из ванной, чтобы броситься в его объятия со слезами на глазах. Громко рыдая, не в силах выдать хоть слово, я вцепилась в ворот куртки Эвана, орошая его грудь горькими слезами, выплескивая всю накопившуюся боль.

— Рина, что случилось? — спросил тревожно Эван, взяв меня за плечи, требовательно глядя в мое заплаканное и искривленное ужасом лицо.

— Эван... Эван... мне позвонили на телефон... это был... он...

— Я рядом, Рина. Я с тобой. — крепко прижав меня к себе, Эван судорожно стал гладить мои волосы. — Ничего, милая, я найду того ублюдка и заставлю пожалеть о каждой твоей слезинке.

— Ты закрыл ворота? — требовательно спросила я, на что Эван кивнул. — А входную дверь, ты запер ее? — продолжала не униматься я.

— Все закрыто, Рина. Во всем доме мы только одни. — от его слов я устало выдохнула, немного успокоившись.

Подняв меня на руки, Эван прижал мое напряженное тело к своей груди. Спрятав лицо в ямке его шеи, я обвила ее руками и еще тесней прижалась к нему. Близость Эвана и его запах понемногу успокоили меня.

Осторожно усадив меня на диван, Эван укрыл теплым мягким пледом мое тело.

— Побудь здесь, я сделаю тебе чай. — поняв, что вот-вот останусь одна, я панически вцепилась в его руку и с ужасом, написанным на моем лице, запротестовала:

— Нет! Останься со мной! — Эван присел передо мной на корточки и погладив по щеке, мягко ответил:

— Я здесь, с тобой, никуда не уйду. Я буду в твоём поле видимости. — начавшийся зарождаться в моем горле протест был быстро обезврежен коротким поцелуем. — Смотри на меня, я быстро. — коротко кивнув, я стала следить за каждым движением Эвана, напрягаясь от понимания, что его нет рядом со мной. В голове тревожно металась мысль, но образ любимого мужчины, суетящегося на кухне — немного успокаивал.

Эван не обманул, он действительно быстро вернулся, приготовив мне чай. Добавив в него несколько листиков мяты, Эван передал горячий напиток мне в руки. Дрожащими руками я приняла горячую кружку. Увидев это, Эван помог удержать кружку, прежде чем я опрокинула бы ее на себя. Послав ему взгляд, наполненный благодарностью, я вдохнула с удовольствием исходящий от кружки аромат.

Пока я пила чай, Эван вновь отошел от меня, чтобы позвонить по телефону. Он пытался отследить звонившего. В ходе разговора, когда его голос стал злее, я поняла, что отследить звонившего у него не получилось.

Раздраженные шаги остановились неподалеку от меня. Пренебрежительным жестом Эван бросил телефон на диван и схватил себя за голову.

— Они не могут отследить неизвестный номер! — в злом раздраженном голосе сквозило отчаяние. — Этот ублюдок действительно подстраховался. — увидев, каким диким ужасом исказилось мое лицо, Эван подлетел ко мне и обхватив меня за плечи, стал уверенно увещевать. — Не бойся, Рина. Я смогу тебя защитить. Он никогда до тебя не доберется.

Отставив кружку на кофейный столик, я бросилась к его губам в остервенелом порыве. Пытаясь заглушить свою тревогу и страх, я хотела забыться в бешеной страсти и неистовом наслаждении. Притянув его к себе, я стала избавлять его от одежды. Лишившись одежды, я усадила Эвана на диван, чтобы сесть на него сверху. Тревога в глазах любимого сменилась диким пламенем страсти, сводящей с ума.

Впиваясь в его губы безжалостным поцелуем, я с диким остервенением кусала его до крови, чувствуя бешеный экстаз от этого. На мгновение я задумалась о своей жестокости, но видя отклик в Эване перестала думать об этом. Глубокий поцелуй с привкусом крови на губах, наши языки, сплетающиеся воедино так возбудили меня, что совсем скоро я потеряла над собой контроль и стала безудержно стонать в его объятиях. Появилось неистовое желание делать с ним все то, что никогда прежде себе не позволяла.

Зарывшись пальцами в его волосы, я оттягивала их в порыве страсти. Оторвавшись от его губ, я стала целовать его в шею. Руки Эвана гладили меня по спине, сжимали ягодицы, а губы с особым рвением целовали вздымающую от стонов и бешеного дыхания грудь и дарили еще большее удовольствие.

Страсть дурманила разум, заставляя желать вобрать в себя каждую часть его безумно

сексуального тела. Дикий стон наслаждения сорвался с его губ, когда я коснулась губами его твердого как ствол члена. Насаживая свой рот на него, я не понимала, почему раньше не ласкала его так. Наблюдая, как каждое движение моих губ доводит его до сумасшествия, я сгорала от пожара, рискующего сжечь меня дотла.

Рванное дыхание, громкие стоны: его и мои, слышимые, казалось, даже на улице, потные разгоряченные тела и сводящее с ума напряжение, желающее долгожданной разрядки. Одним рывком оторвав меня от себя, Эван развернул мое тело спиной к себе, чтобы с диким рвением впиться в мои ягодицы зубами. Хлестнув меня ладонью, он поцеловал обожженное место и с яростным стоном вошел в мои влажные, готовые для него глубины. Огонь всепоглощающей страсти заставил двигаться его во мне с бешеным рвением, с каждым толчком вознося меня на вершины блаженства и доводя до умопомрачительной желаемой разрядки. Излившись с диким стоном, он потянул меня на себя, чтобы подарить блаженный нежный поцелуй, дарящий единение и покой нашим душам.

Было так хорошо, что я позабыла обо всем на свете. Жаль, что тогда я не подозревала, какой удар в спину могу получить...

После того, как мы с Риной съехались я стал самым счастливым человеком на свете. Моя любимая была всегда рядом, мы повсюду были вместе. Однако, меня не покидало чувство, что это счастье не вечно и есть кто-то, кто желает его разрушить.

Я пытался найти ту тварь, что досаждала Рине, но он успешно заметал следы, не оставляя никакой возможности выйти на него. Кто он? За что так невзлюбил Рину? Сначала я думал, что это кто-то из моих фанатов, но я не помнил, чтобы среди них была настолько одержимая мной. Неведение сводило с ума, заставляя каждый день сгорать от тревоги и страха за Рину. К всеобщим переживаниям добавлялась также и тревога за состояние Риной. Она перестала походить на жизнерадостную и живую девушку, с ярким светящимся взглядом, в ней постоянно присутствовал страх, сводящий ее с ума. Я хотел ей помочь, хотел забрать все ее тревоги и страхи, но понимал, что это бесполезно, пока та тварь ходит где-то на свободе и отравляет ей жизнь.

В то время я много думал об этом. Размышлял, как могу помочь своей девочке прийти в себя, но ответ напрашивался сам собой: только, когда угроза перестанет висеть над ней, она вернет себя. Будет ли это прежняя Рина? Я не был уверен, все-таки такие проблемы глубоко укореняются в психике, оставляя свои глубокие следы. Возможно, придется обратиться к психиатру, но это потом, когда я расправлюсь с тем ублюдком.

Я подумывал о том, чтобы после получения диплома жениться на ней, а потом оставить этот город и поселиться там, где точно ее никто не достанет. В другом месте Рина почувствует себя лучше и станет той, кем она является. Но уберет ли это полностью ее страх? Я не был в этом уверен.

Спустя время я стал замечать, что Рина лишней раз стала бояться выходить из дома. Она все время озиралась по сторонам, крепко прижимаясь ко мне. Даже модельное агентство перестало приносить ей столько удовольствия, как было раньше. Она не могла расслабиться на съемках, ее напряжение выдавало лицо и поза, Андре стал все больше на нее злиться, а однажды даже намекнул, что если она не возьмет себя в руки, придется им распрощаться. На мгновение я даже заметил тень облегчения на ее лице, возможно, подсознательно она все же мечтала уйти, чтобы все время оставаться дома. Я знал, какое удовольствие ей доставляло быть моделью, всегда видел и желание уйти стало для меня тревожным звоночком. Я видел, что с ней происходит, но не думал, что ее страх настолько велик, что она готова была похоронить себя в стенах дома. Я любил ее любой, но понимал, что такое состояние не нормально для нее и мечтал вывести из него.

Я все время был с ней рядом, давал много внимания и заботы, хотел, чтобы она чувствовала мою поддержку и не падала духом. Но я видел, что все мои усилия были бесполезны перед ее внутренними демонами, сжирающими изнутри.

После того раза, когда Рине впервые позвонили с угрозами, он стал звонить почти каждый день и каждый раз, когда меня не было дома. Я понимал, что скорее всего он знает, где мы живем и наблюдает за нашим домом, ожидая моего ухода. Остаться все время с Риной я не мог, она стала не доверять доставщикам еды, поэтому мне приходилось выходить за продуктами самому. Идти с ней тоже стало тем еще испытанием, я видел, как ей страшно и не хотел ее мучить. Однако, она переживала настоящий ад, оставаясь одной дома и отвечая на те звонки. В конце концов она сменила номер телефона, но облегчение было не долгим,

вскоре звонки возобновились вновь.

Я с нетерпением ждал выпускных экзаменов. Получение диплома означало, что мы перестанем учиться и сможем, наконец, покинуть этот дом и начать новую жизнь где-то в другом месте.

Рина пыталась сосредоточиться на подготовке к экзаменам, но то и дело терялась в тревожных мыслях и паническом страхе. Я стал бояться, что в таком состоянии она не сможет сдать экзамены, для нее это станет настоящим ударом.

Несколько раз я встречался со своим новоиспеченным отцом. У меня не было особого желания проводить с ним время, но у него были необходимые связи, друзья в полиции, благодаря которым я смог бы выйти на сталкера. Как бы мне не хотелось просить его о помощи, но я все же это сделал, что угодно, только бы поймать ублюдка и избавить Рину от страданий.

Лайт воспринял мою просьбу с воодушевлением, по нему было видно, как сильно он обрадовался тому, что я попросил его помощи. Он хотел мне помочь и тотчас позвонил необходимым людям, с которыми я должен был встретиться. Во мне загорелась надежда, что совсем скоро он будет пойман и мы с Риной сможем зажить счастливо. Однако, прошла еще неделя, затем вторая, но хороших известий не было, мои руки стали опускаться в отчаянии.

С каждым днем атмосфера в доме становилась все гнетущей. Я ходил все время погруженный в мысли, решая в голове головоломку поимки сталкера, Рина же боролась с внутренним страхом. Иногда я мог зайти в комнату и обнаружить ее забившейся в уголок, сидящей на полу, прижав колени к груди и затравлено глядя в пустоту. В такие моменты я особенно был напуган ее состоянием. Я подбегал к ней и крепко обнимал, держал в своих объятиях до тех пор, пока не чувствовал, как напряжение уходит из ее тела, а глазам возвращается осознанность.

— Все будет хорошо... мы справимся... — успокаивал ее я каждый раз, но теперь она уже не верила в это. Она будто бы теряла себя, сходя с ума.

За неделю до экзаменов, когда мы возвращались с модельного агентства, Рину едва не сбил тонированный автомобиль без номеров. Еще немного и он наехал бы на нее, но я вовремя оттолкнул ее в сторону. Тогда ее эмоциональное состояние пошатнулось еще больше. Она перестала нормально есть, ее моральное состояние было нестабильно, постоянно гранича между безумным бредом, паникой и более-менее нормальным состоянием. Ей стало постоянно что-то мерещиться и слышаться то, что не слышал я. Она срочно нуждалась в помощи, и я понимал, что моей помощи тут недостаточно.

Через пару дней после происшествия с машиной, я завел об этом с ней речь, но Рина ничего не хотела слышать о психиатре. Она не доверяла никому. Только мне и своей матери, однако, она наотрез отказалась что-либо говорить тете, не хотела волновать ее.

Мы договорились с ней, что после сдачи экзаменов сразу же уедем, решили, что просто сменить город будет недостаточно и пришли к выводу, что лучше уехать из страны. Так безумец не доберется до нее. Мы решили отправиться в Германию, ее всегда привлекала эта страна и даже выбрали город. Я во всю подыскивал для нас жилье и Рина тоже помогала мне в этом. В тот момент я видел в ней ту самую девочку, которой она была до всех этих происшествий. Я верил, что все наладится с нашим переездом...

Вечером, перед самым экзаменом, когда я ушел за продуктами, оставив Рину одну, меня задержал Лайт, который попросил о встрече. Он сказал, что дело касается сталкера Риной и я, не думая ни о чем, бросился на встречу с ним. Меня не было пару часов, я написал Рине о

том, что задержусь. В тот момент я был так рад, что Лайт что-то узнал, что даже не обратил внимания на то, что Рина не ответила на сообщение.

Он узнал, что машина, которая едва не сбила Рину была арендована девушкой. Поговорив с владельцем сервиса, узнали, что девушка была симпатичной блондинкой, миниатюрной, с большими голубыми глазами и почти кукольным лицом. В тот момент меня осенила догадка, но я не хотел о ней думать, пока точно не буду уверен в ней.

— Взгляни, мои парни достали видеозапись с их встречи. — и он протянул мне телефон с видеозаписью. Я не мог поверить глазам, когда понял, что моя догадка оказалась верна. На экране смартфона я увидел лучшую подругу Рины, Дженифер Нэйтон. Значит, она и есть та, кто все это время отравлял жизнь Рины? Но за что она так с ней, ведь они были очень дружны.

Поблагодарив отца, я побежал домой к Рине, чтобы рассказать ей, что совсем скоро ее страдания прекратятся, потому что мы наконец выяснили, кто за всем стоит.

Вернувшись домой меня оглушила мертвая тишина дома и распахнутые настежь двери. Рина исчезла и я забыл, как дышать.

Жизнь стала адом. Ничего не радовало, не приносило удовольствия. Я все время находилась в тревожном состоянии, борясь со страхом и паническими атаками. Ко всему прочему, я стала слышать шепот своего мучителя в голове, чувствовать, что за мной все время кто-то наблюдает, видеть в каждом прохожем его облик. Меня перестало радовать агентство, я боялась выйти из дома и все время искала причины, чтобы никуда не выходить. В какой-то момент я поняла, что должна завязать с модельным агентством, потому что во всех людях я видела сталкера, желающего мне смерти. Только Эвану я доверяла, наверное, даже больше, чем самой себе. Для меня он был самым честным и открытым, остающимся в здравом уме, даже когда я была не в себе.

Я немного пришла в себя, когда у нас с Эваном появился четкий план действий после того, как мы сдадим экзамены. Уехать из страны и жить подальше от моего личного мучителя, было отличным решением, учитывая, что выйти на него мы так и не смогли. Он все время ускользал, даже не оставляя малейшей зацепки по его поимке.

Я даже расслабилась и на звонки со скрытого номера смотрела сквозь пальцы, понимая, что скоро этому аду придет конец. Конечно, мне придется оставить маму одну, но думаю, когда она узнает правду, то поймет меня лучше, чем кто бы то ни было. В конце концов она была в похожей ситуации, когда бежала от отца будучи мной беременна.

Когда меня едва не сбила машина, я была на грани того, чтобы прекратить свои страдания и покончить жизнь самоубийством. Всю дорогу, пока Эван успокаивал меня, я не слышала его, думая о том, как же лучше это сделать. Вскрыть вены? Спрыгнуть с девятиэтажки? Наглотаться таблеток или вздернуться на люстре? Но когда я увидела озабоченное лицо Эвана, подпернутое тревогой за меня, поняла, что не готова обречь его на такие страдания. Эван не раз говорил, что я смысл его жизни и без меня он не захочет жить в этом мире. Я не хотела такой участи для него, потому что даже не сомневалась: он последует вслед за мной.

Тогда-то Эван и предложил уехать из страны, и я словно обрела новые крылья, которые вдохнули в меня новую жизнь. Конечно, предстояло много волокиты с документами, изучением языка, но это все отходило на второй план по сравнению с тем, что я наконец смогу свободно дышать вдаль от преследователя.

В канун экзаменов Эван вышел за продуктами. Я осталась дома одна, заперев двери на сотни замков. Мой телефон разрывался от звонков с неизвестного номера, но я игнорировала их, пытаясь отвлекать себя прекрасными мыслями о будущем. Я находилась в гостиной, когда в прихожей раздался громкий стук в дверь. Мое сердце тревожно забило от осознания, что за дверью может быть сталкер. Я стояла у двери и слышала дыхание, мне кажется, я даже слышала стук его сердца в тот момент. Пришло сообщение на телефон:

«Я приходила к тебе домой, оставила письмо на пороге.» Сообщение было от Дженнифер. Мы не общались с ней так давно. Мы разговаривали в последний раз в тот день, когда она вывалила обо мне все, что думает. Возможно, она пожалела о своих словах и решила помириться? От этой мысли я почувствовала приятное тепло, все-таки я считала Дженни близкой подругой, с которой мне всегда было приятно общаться. Она стала первой и единственной подругой в моей жизни. Очень близкий по духу человек, поэтому, не думая больше ни о чем, я открыла дверь и схватила письмо. Взяв тонкий конверт в руки, я также

быстро, как и открыла дверь, закрыла ее. Сев на диван, я с рвением открыла конверт и стала с жадностью читать короткое послание, написанное нервной дрожащей рукой подруги. До меня не сразу дошло прочитанное, но, когда я поняла его смысл — мой мир рухнул.

«Ты живешь во вранье. Все это время тебе отравлял жизнь Эван». Свои слова Дженифер подкрепила одной единственной фотографией, которая доказывала ее правоту. Эван сфотографированный сбоку, прижимал к себе ту коробку, которая и положила начало моему страху. Этого не может быть. Я не верила в это. Но чем больше думала, тем мой воспаленный мозг притягивал и другие детали, связывая их с Эваном. Ту коробку он мог отнести в аудиторию до того, как мы вместе пошли туда, а учитывая, что Эван сам занимался расследованием, естественно, что ничего не было найдено. Те черви на моей кровати тоже он мог подстроить, он не раз пробирался в мою комнату по пожарной лестнице. И звонки... они всегда происходили, когда Эвана не было рядом. С машиной тоже он мог подстроить, в наше время заплатить кому-то и договориться о покушении раз плюнуть. Оставался лишь один вопрос: за что он так со мной? Ведь мы так любили друг друга! Я до сих пор не могла поверить, что все происходящее правда и мой любимый все это время отравлял мне жизнь...

Пришло сообщение от Эвана, он писал, что задержится, а внутри меня что-то оборвалось. Бежать... бежать... я должна быть, как можно дальше от него.

Я не помню, как добралась до спальни, как брала необходимые документы, как бежала сломя голову из дома, даже дорогу до аэропорта не помнила. В голове кричала мысль, что я должна быть, как можно дальше от всей этой лжи, которую Эван так искусно сплел.

Мое тело дрожало, сердце разрывалось на куски, из глаз лились горькие слезы, а из горла вырывались сдавленные рыдания. Я не могла нормально думать, мой мир рухнул, а единственный человек, которому доверяла, оказался моим самым страшным кошмаром.

Аэропорт стал для меня еще большим испытанием. Мне все время казалось, что за мной кто-то следит. В каждом человеке я видела Эвана, его взгляд преследовал меня повсюду.

Нужно было быстро решаться, куда лететь, я больше не могла оставаться здесь. Я не хотела видеться с ним, не хотела слышать его лживые речи или наоборот откровения о том, почему он поступил так со мной. Я не желала ничего слышать о нем.

Решившись лететь в Америку, я быстро купила билет до Сиэтла, благо вылет намечался в ближайший час. Только оказавшись в самолете я успокоилась и почувствовала себя лучше. Эвана не было в самолете, я была в этом уверена.

— Нарин? — услышав свое имя, я была готова залезть под сидение кресла, будь там место.

— Дэвид? — внутри себя я злилась на то, что именно в этот день и в этот час Дэвид решил лететь домой. И как выяснилось его место оказалось рядом со мной. Что это, если не насмешка судьбы?

— Я не сразу поверил своим глазам, когда увидел тебя.

— Поверь мне, тебя я тоже не ожидала здесь увидеть. — нехотя ответила я.

— Что с твоим лицом, ты плакала? — стараясь быть сильной перед ним, я потерпела фиаско и разрыдалась вновь. — Что произошло? Этот придурак обидел тебя? — Дэвид сел на свое место и постарался обнять меня, но я увернулась от его объятий.

— Не нужно. Извини, но я совсем не настроена на беседу.

— Я понял, ты хочешь страдать в одиночестве. — кивнул он. — Нам лететь долго, помни, что рядом тот, кто всегда готов подставить тебе свое плечо. — поблагодарив его, я отвернулась к окну.

Все 10 ч перелета я беззвучно рыдала, оплакивая свою судьбу и любовь. Я так сильно растворилась в нем, что не замечала его подлости. Все это время вера в него и в наши отношения держала меня на плаву, а оказалось, что он был виновником моей боли.

Все мои страдания Дэвид видел, но за весь перелет так и не сказал ничего. Он понимал, что своей болью я не хочу делиться ни с кем.

Приземлившись, Дэвид вновь заговорил со мной:

— Тебе стало хоть немного легче? — покачав головой, он грустно улыбнулся. — Чтобы ни произошло, знай, это того не стоит. — да, легко так говорить, не зная к каким чертям летит моя жизнь.

— Да, спасибо. — поблагодарила я, решив не дискутировать на эту тему.

— Куда дальше? — заметив колебания с моей стороны, он добавил. — Не волнуйся, ни одна живая душа не узнает, что ты здесь, даже моя мама.

— Очень надеюсь на это. — кивнула я, моментально почувствовав облегчение. — Моя мама не должна узнать, что я в Америке.

— Тебе есть где остановиться в Сиэтле?

— Нет, мой путь лежит дальше. — устало выдохнула я.

— В Юджин? — улыбнулся он. Я не стала скрывать и просто кивнула.

На этом наши пути разошлись, попрощавшись с Дэвидом он пожелал мне удачи и уехал на такси, он жил в другом городе недалеко от Сиэтла.

Сиэтл встретил меня проливным дождем, небо плакало так же, как и мое израненное сердце. Здесь я почувствовала себя лучше, виновник моего страха и тревог был далеко, и я больше могла не бояться.

Отправившись на железнодорожный вокзал, я купила билет до Юджина. Мой путь лежал в дом человека, который был мне вторым отцом. Энтони не был моим биологическим отцом, но я очень его любила. Он и моя мама были в браке четыре года, пока мой настоящий отец вновь не ворвался в жизнь мамы и она не решила оставить своего мужа. У Тони была своя семья, я не была уверена, что они хорошо меня примут, но с ним у нас по сей день были хорошие отношения. Он поздравлял меня с каждым моим днем рождения, посылал подарки, называл дочкой и очень гордился моими успехами. Я надеялась, что хоть и ненадолго, но смогу найти приют в его доме.

Я старалась не думать об Эване, но то и дело воспоминания отбрасывали меня к нему. Я ловила себя на мысли, как сильно по нему тоскую, как хочу вновь оказаться в теплых объятиях, услышать его голос... но реальность обрушивалась на меня с ударной силой, и я вновь вспоминала о его вероломстве.

Интересно, что он сейчас делает? Прошло предостаточно времени, чтобы он понял, что я пропала. Скучает ли или сокрушается о том, что муха вырвалась из его паучьей паутины?

Уставшая, растрепанная, потерявшая смысл жизни, я поднялась по ступенькам порога, чтобы постучать в дверь отца. Хоть прошло и много лет, но этот дом отпечатался в моей памяти, как счастливое пятно детства. Помню, как мы с мамой провожали папу на работу, как он брал меня на руки, подбрасывал вверх так, что захватывало дух от счастья, а потом, прижимая к себе, целовал в щеку и говорил, как сильно любит меня. Я помнила много моментов проведенных с ним: как он играл со мной, как читал на ночь сказки. Он проводил со мной много времени и искренне любил несмотря на то, что я не была ему дочерью по крови.

Постучав в дверь, я с тревогой ожидала, когда она откроется. Мои руки вспотели, а

сердце бешено билось в груди. Я едва не падала с ног от бессилия, последняя принятая мной пища была вместе с Эваном прошлым утром. Вновь вспомнив о нем, я нервно стерла рукавом скопившиеся слезы. Не буду плакать. Не здесь и не сейчас.

Прошло не меньше пяти минут, когда мне открыла симпатичная блондинка, внешне напоминающая маму. Я поняла, что это его жена и улыбнулась своим мыслям. Энтони так сильно любил маму, что женился практически на ее копии.

— Здравствуйте, папа дома? — я должна была представиться, прежде чем так огорошить женщину. По ее лицу я поняла, что она едва ли знала о моем существовании. Но в следующий момент в ней появилось осознание, и она, мягко улыбнувшись, пропустила меня в дом.

— Ты, наверное, Нарин? — я кивнула. — Можешь расположиться в гостиной. Томас наверху, я позову его. — ах, да, в Америке отец живет под другим именем. Переезжая с мамой, они изменили себе имена, чтобы их не нашел мой отец. Но это не стало для него помехой.

Когда она ушла, я с интересом стала наблюдать такую знакомую обстановку дома. Он почти не изменился за столько лет. Добавилась некоторая мебель, но в целом все было так, как я запомнила.

Присев на диван, я стала нервно потирать руки в ожидании встречи с отцом. Энтони не заставил себя долго ждать, сбегал по лестнице с резвостью молодого жеребца, выдавая радость моим появлением.

— Нарин! — позвал он и бросился меня обнимать. — Как ты выросла!

Папа немного поправился, на его лице добавились морщины, но он все еще оставался для меня близким человеком. Утопая в его по-медвежьей теплых объятиях, я почувствовала себя очень хорошо. Внутренне я боялась, что он может встретить меня иначе.

— Как ты здесь оказалась? Нужно было позвонить мне, я бы встретил тебя в Сиэтле.

— Все получилось очень спонтанно. Не хотелось тебя волновать. Извини, что нагрязнула, как гром среди ясного неба.

— Я всегда тебе рад, не зависимо есть у тебя причина для приезда или ее нет. — и он вновь прижал меня к себе. — Ты хорошо себя чувствуешь? — с беспокойством глядя в мое лицо, спросил он.

— Извини за мой внешний вид, дорога измотала.

— Да, я все понимаю. — кивнул он и погладил меня по голове. — Ты приехала одна? — в его глазах был немой вопрос, он хотел знать со мной ли мама, но не высказал этого вслух.

— Я одна. И никто не знает, что я здесь. И никто не должен этого знать. — подчеркнуто, с выражением сказала я.

— Что-то произошло дома? — я кивнула, не в силах что-либо скрывать.

— Понятно, тебе нужно покушать, а потом отдохнуть. Вечером ты, если захочешь, все мне расскажешь. — поцеловав меня в макушку, папа прижал меня к себе, добавив ласково. — Моя девочка.

Хотелось разрыдаться от такой отцовской нежности, что-то подобное я хотела услышать от своего родного отца. К сожалению, он не сказал мне этого, но его объятия говорили больше любых слов.

Жена папы оказалась приятной женщиной. Она приняла меня хорошо, накормила и показала комнату, в которой я могла остановиться. Закрывая за собой дверь, она сказала, что скоро придут со школы мальчики и я смогу с ними познакомиться. О знакомстве с

сыновьями папы я пока думать не хотела. Ужасно хотелось спать, тем более ни в самолете, ни в поезде я так и не сомкнула глаз. Закрывая глаза, я вновь вспомнила Эвана и сердце предательски сжалось. Эвана здесь нет, тот ад кончился и больше я никогда его не увижу. От этой мысли стало тягостней и захотелось рыдать еще больше, но уже не от предательства, а от того, как сильно хочу к нему. Глупое сердце никак не могло понять, что Эван вел со мной жестокую игру и самое лучшее, что я могла сделать, это просто вычеркнуть его из своей жизни и постараться жить, как ни в чем не бывало. Но отныне без него.

Когда Рина исчезла, первое, о чем я подумал это то, что Дженифер выманила ее на улицу, обманом заманивая в ловушку. Хотя они и были в ссоре, но я знал, что Рина скучает по своей подруге. Стоило Дженифер сделать шаг к сближению и Рина пошла бы навстречу.

В том, что в деле замешана Дженифер я убедился точно, когда нашел телефон Рины в нашей спальне. Я знал пароль и без труда разблокировал его. Среди множества пропущенных звонков от неизвестного номера, было одно входящее сообщение от Дженифер. «Я приходила к тебе домой, оставила письмо на пороге.» Значит, это все-таки она... Рина вышла на улицу и тогда она куда-то ее увела, а может и расправилась прямо на нашем участке.

Бросившись сломя голову на улицу, я стал звать ее, но ответом мне был шум большого города, да стая испуганных птиц, взмывающих в небо. Оббежав весь участок со всех сторон, осмотрев каждое деревце и кустик, заглянув в бассейн — я так и не нашел следов Рины. Впрочем, я выдохнул с облегчением, когда понял, что мертвого тела Рины здесь нет. Это давало надежду на то, что она может быть еще жива и я должен найти ее до того, как это изменится.

Теперь я знал точно: мне нужно искать не Рину, а Дженифер. Где она — там и Рина. Я позвонил ей на мобильник, но ее телефон был недоступен. Поборов в себе злость и ненависть к девчонке, что все это время так искусно водила нас за нос, я поехал в общагу. Тарабанил в дверь комнаты, уже не контролируя себя, но мне так никто и не открыл. Где же может быть эта девчонка? Куда она могла заманить Рину? Действует ли она одна или ей кто-то помогает? Мысли метались в голове, не находя ответа. Пнув со злости переполненный бак, я пошел дальше, не обращая внимания на возмущенные взгляды престарелых женщин.

Внутри меня клокотала злость вперемешку с бешенством, хотелось крушить все на своем пути, но я понимал, что должен держать себя в руках, иначе не смогу спасти Рину. Дикий страх и безумная тревога перехватили мое горло в удушающем спазме. Паническая атака. У меня никогда их не было, но за то время, что Рина жила в страхе пару раз с ней случалось подобное. Пытаясь успокоиться, я остановился и сделал медленный глубокий вдох и такой же выдох. Проделав такое несколько раз мне стало намного легче. Нельзя поддаваться панике, я обязательно ее найду.

Взяв в аренду автомобиль, я стал думать, куда могла отправиться Дженифер. С кем она общалась помимо Рины? Едва ли я знал. Вспомнил, что Рина как-то говорила, что Дженифер живет в нашем старом доме. Вряд ли они с Риной там, но я мог бы узнать что-то от ее родителей.

Я не знал, где находится наш старый дом, не знал даже адреса, поэтому пришлось просить помощи у тети. Она охотно рассказала, как добраться туда, после чего ненавязчиво поинтересовалась, зачем мне это, но у меня не было ни сил, ни настроения врать или пытаться что-то объяснить, поэтому я отмахнулся от ее слов и сбросил вызов. Тетя знает мой характер и никогда не обижалась, что я сбрасываю вызов, когда теряю к разговору интерес.

Выжимая всю скорость из резвого BMW, я в кратчайшие сроки добрался до дома. Глядя на огромную громаду особняка, я почувствовал себя не по себе. Ожили все кошмары, произошедшие здесь. Отмахнувшись от неприятного морока, я вбежал по ступенькам, чтобы постучать в дверь. После достаточно долгого ожидания дверь открылась и на пороге возник

тот, кого я никак не ожидал здесь увидеть. Кайл. Он сразу меня узнал, налитые кровью глаза, бешенство в них и дрожащие руки, кричали об этом.

— Где Дженифер? — без слов приветствия прямо спросил я. Мне нет до него дела, даже лучше, что открыл двери он, а не ее родители. Кайл был ее женихом, значит, лучше всех должен знать где она.

В ответ на мой вопрос он криво усмехнулся.

— С чего ты решил, что можешь у меня что-то спрашивать, после того, что сделал? — его глаза горели бешенством и злобой, а пальцы нервно сжимались в кулаки.

Я и сам злился и мне не было дела до его детских травм. И мне было неважно, что я был их причиной.

— Слушай меня внимательно, — схватив его за грудки, я прижал Кайла к стене. — Если ты сейчас же не скажешь мне, где эта сука, я сделаю то, на что не решился тогда в детстве. — Видимо Кайл не поборол в себе детские страхи, потому что после моих слов его лицо исказилось гримасой ужаса.

— Я-я-я-я-я н-н-н-н-не знаю. — стал заикаться он.

— Врешь! Ты ее жених! Ты должен знать, где она!

— З-з-зачем, о-она тебе?

— Хочу разорвать на куски. — выпалил я сквозь злость.

— Что у вас здесь происходит? — на пороге возникла рыжая женщина.

— Ничего, тетя, он ищет Дженифер. — мгновенно взяв себя в руки, ответил Кайл.

— Дженни не приезжала домой.

— Ее нет в общежитии, и я не могу дозвониться к ней.

— Извините, но я ничем не могу Вам помочь. Дженни приедет домой только завтра. — я понимал, что скорее всего ее мать ничего не знает и решил уехать. Обернувшись в последний раз, чтобы взглянуть на дом, я заметил в окне злорадную ухмылку Кайла, от которой мне стало не по себе. Должно быть он злорадствует поняв, что я ушел ни с чем.

Весь тот день я искал Дженифер, спрашивал в общежитии, у преподавателей, везде, где только можно, но никто ничего о ней не слышал.

На следующий день я ожидал ее увидеть на экзамене, но Дженифер не пришла. Я позвонил отцу, рассказал ему о приключившейся со мной беде, попросил о помощи. Подключилась полиция, но ее и след простыл.

Лишь через три дня я узнал о том, что тело Дженифер было найдено в домике лесника, в котором я когда-то запер Кайла. Через пару часов ко мне нагрянул наряд полиции. Меня обвиняли в ее убийстве. Был свидетель, который сказал, что я искал ее, чтобы убить. Потом этот свидетель рассказал про то, что я сделал с ним в детстве в том же самом домике. Он рассказал, что я угрожал ему расправой, в случае если он не расскажет, где Дженифер. В довершение ко всему, он предоставил запись с нашего разговора, где я четко сказал, что хочу разорвать ее на куски. Меня признали виновным за преступление, которого я не совершал. Но меня это мало волновало. Я не переживал о себе, думая лишь о том, где сейчас Рина и все ли с ней в порядке. Если Дженифер убита, какова вероятность того, что это сделала Рина? Вероятность была высока. Рина поняла, что все это время Дженифер была ее кошмаром и когда почувствовала исходящую опасность, напала на нее первой. Да, скорее всего так все и было. Значит, Рина все-таки жива. От этой мысли стало намного легче. Я понимал, что рано или поздно она придет ко мне и ждал этого дня с нетерпением.

Я взял на себя убийство, признался в этом будучи уверенным, что это сделала Рина. Я не

хотел, чтобы следствие вышло на нее, Рина рождена не для того, чтобы гнить в тюрьме.

Отец не верил в мою виновность и искал улики, доказывающие это. Я просил его не копаться в этом, но думаю, он все равно меня не послушал.

Суд признал меня виновным, мне дали 10 лет строгого режима. Я надеялся, что на суде увижу Рину, но она не пришла. Зато пришла тетя. Она тоже не верила в мою виновность. Нам разрешили немного поговорить, и я попросил ее приглядывать за Риной. Спросил, знает ли она о местонахождении своей дочери. Тетя ответила, что Рина писала ей, сказала, что у нее все хорошо, чтобы она не волновалась. Было отрадно это слышать, но я не понимал, почему она не написала мне, даже не пришла ни разу увидеться. Я был очень расстроен, но старался меньше думать об этом.

Прошло пару месяцев, а Рина так и не пришла навестить меня. Каждый день я просыпался и засыпал с мыслями о ней. Так хотелось услышать ее голос, увидеть, что с ней в действительности все хорошо. Она могла прийти или позвонить в тюрьму, но видимо, не слишком этого хотела. Меня расстраивало то, что она так легко отказалась от меня. Почему она это сделала? Она ведь любила меня, я же знаю.

Спустя еще пару месяцев меня пришла навестить тетя.

— Как ты, Эван? — ее глаза были обеспокоены моим состоянием, еще бы, ведь я потерял смысл к существованию и едва ли хотел жить. Рина оставила меня и вычеркнула из жизни.

— Дышу и этого достаточно. Как Рина? — все-таки не удержался от вопроса о ней.

— Говорит, что в порядке, но я не уверена. — во мне зажегся огонек надежды, возможно ли, чтобы она скучала обо мне?

— Почему?

— Она грустит и это слышно по ее голосу.

— Она спрашивает обо мне? — спросил я, надеясь услышать положительный ответ.

— Извини, Эван, но Рина ни разу о тебе не спросила. — жестоко, но зато правда. Я подавил в себе подступающие к глазам слезы. Не буду плакать, не сейчас... в одиночной камере еще будет время это сделать. — Через пару месяцев после того, как тебя посадили, на твое имя пришла посылка. Отправителем была та убитая девушка. Я открыла посылку, в ней оказался ее дневник. Она хотела, чтобы ты его получил, поэтому я принесла его. — и она протянула мне потрепанную розовую книжку.

— Зачем она отправила мне его? — удивился я. — почему не своему жениху?

— Не знаю, возможно, там есть какая-то информация для тебя.

Мы попрощались, а я с недоверием глядел на толстый, но небольшой дневник. Зачем он мне, что она могла в нем такого написать, о чем я должен знать?

После ужина я открыл дневник, чтобы прочитать его. Вначале было много описано розовых соплей об их первой встрече с Кайлом, как она влюбилась в него и как пыталась добиться внимания нелюдимого, но такого притягательного для нее парня. Он всегда был с ней холодным и отстраненным, но она не отчаивалась и продолжала его добиваться. Потом мне надоело это читать, и я стал пролистывать по многу страниц. Добравшись до того места, где Рина вновь встретилась с Кайлом, я стал внимательно читать.

«...Я не знала, что они знакомы. Когда я увидела, как изменился Кайл после их встречи по отношению ко мне, я возненавидела ее. Он и так был отстраненным, но теперь стал проявлять жестокость. Он начал грубить мне, бить и оскорблять. Я не узнавала его и хотела вернуть все на круги своя. Тогда-то он и признался мне, что хочет отомстить Рине и Эвану.

Он хочет превратить их жизнь в ад. Я слушала его и понимала, что эта ситуация очень сблизит нас и была готова ради него на все. Я подбросила Рине дохлую кошку. Высыпала на ее постель червей и тараканов. Превратила ее жизнь в ад и каждый раз, глядя как доволен Кайл, мне хотелось делать еще больше. Его радостный восторг и похвала в мою сторону — делали меня счастливой. Потом он стал звонить ей с незнакомых номеров, говорить ей такое от чего волосы вставали дыбом. И тогда я начала понимать, что происходящее жестоко и неправильно. В конце концов, Нарин не виновата в том, в чем ее обвиняет Кайл. Я попыталась объяснить Кайлу, что мы должны прекратить осложнять жизнь девушки, но он ничего не хотел слышать, избил меня так, что я неделю нормально не могла ходить. А когда я заикнулась, что больше не хочу помогать ему, он пригрозил, что убьет меня. К тому моменту от моей слепой любви не осталось и следа, я видела какое чудовище передо мной и хуже всего то, что я стала такой же. У Кайла был конкретный план, он хотел, выставить все так, чтобы Нарин лишилась опоры под ногами, решив, что происходящее с ней рук Эвана. Мы подготовили для этого почву и в один прекрасный день хотели воспользоваться этим.»

«Сегодня день X, когда Рина поймет, что все это время жила во вражье и ее личный ад организовал любимый Эван. Я до последнего колебалась, думая, делать ли мне это, но все же решилась. Страх быть убитой Кайлом был слишком велик. Я отправила письмо Нарин, предоставила фотографию, где Эван запечатлен вместе с той злополучной коробкой и теперь она даже не сомневается, кто виновник ее бед. Кайл был замечательным фотошопером, поэтому даже наметанный глаз с трудом отличит подделку. Я думала на этом наша игра закончится, Рина разочаруется в Эване и бросит его, тем самым свершится месть Кайла и Эван будет страдать. Но вышло все не так как я думала. Кайл оказался настолько больным человеком, что возжелал всерьез убить Рину. Он считал, что по ее вине он пережил тогда тот ад. Когда он увидел ее вместе со мной, в его голове что-то щелкнуло и он стал мечтать о крови. Я не хочу этого! Я никогда не желала Нарин смерти! Будучи влюбленной, я пожертвовала из-за него нашей с ней дружбой, но мне никогда не хотелось ее смерти, тем более в таких мучениях, какие описывал Кайл. Сейчас Рина уехала, я видела, как она входила в здание аэропорта. Мне не известно куда она улетела, но я очень надеюсь, что Эван найдет ее раньше, чем это сделает Кайл.»

«Мне страшно... Кайл собирается меня убить... Он совсем слетел с катушек. Я сказала ему, что наша игра должна закончиться и он должен оставить Рину в покое. Я собираюсь пойти в полицию, чтобы рассказать им все. Хотя мне страшно, думаю, это будет хороший поступок в свете того, что я творила в последнее время. Я боюсь, что не смогу успеть, поэтому хочу, чтобы этот дневник попал в нужные руки, чтобы в случае чего все узнали правду».

Я схватился за голову, пребывая в диком шоке. Я взял вину на себя, думая, что это Рина убила Дженифер. Но, как оказалось Рина даже не думала о том, что Дженифер замешана и этом, они выставили меня виновником всего. И Рина поверила... теперь понятно, почему она не приходила ко мне. Скорее всего она уверена в том, что это я убил Дженифер, потому что понял, что она раскрыла ей все. Боюсь представить, как она меня сейчас ненавидит... хоть и было горько от этой правды, но я совсем ее не винил, вспоминая, в каком она пребывала состоянии. Ей было достаточно того снимка, чтобы поверить во все. Каким же дураком я был. Нужно было расследовать это дело, тогда бы полиция нашла другие зацепки и, возможно, вышла на того больного уродца. И сейчас, пока я просиживаю здесь штаны, Рина находится неизвестно где в опасности... Я должен выйти отсюда, чего бы мне это ни стоило.

Должен найти ее раньше него...

Записки Кайла

В детстве я был смышлённым и веселым малым. Никогда никому не желал зла и мечтал, когда вырасту, стать врачом и спасти как можно больше людей. Я хотел помогать всем и завести много друзей.

Мои родители умерли рано, поэтому я жил с бабушкой и дедушкой. Они были хорошими и старались воспитать меня добрым и отзывчивым человеком. По соседству жили две девочки, я хотел с ними подружиться, но, когда понял какие они капризные и избалованные, перестал с ними дружить. Моим первым другом стала девочка по имени Нарин. Рядом с ней всегда возникало чувство близости и тепла, она мне нравилась, и я хотел смотреть на нее бесконечно. Мне нравилось проводить с ней время, играть и много-много общаться. Потом у нее появился брат, за которым она таскалась повсюду, играя со мной, она думала о нем и больше я не чувствовал той близости, что была между нами. Тем не менее, чтобы сохранить эту дружбу я пытался подружиться и с ним. Он не хотел со мной дружить и открыто показывал неприязнь. Но в один прекрасный момент он все-таки пошел на контакт, и я подумал, что Эван не такой уж и плохой, каким казался мне вначале. Он называл ее Риной... мне так понравилось, как переименованное имя звучало, я корил себя за то, что первым не додумался до этого. В своей голове я только так ее и называл. Рина. Мы ходили с Риной в один класс, сидели за одной партой, украдкой я часто наблюдал за ней и не понимал, как кто-то может настолько сильно нравиться. В своей голове я уже триста раз прокручивал тот момент, когда став взрослыми мы с ней поженимся и у нас будет трое детей. Я так бы и мечтал о ней, не испорти ее брат все. Этот гребанный лицемер под маской дружелюбия заманил меня в чащу леса, запугал до смерти, а потом запер в домике лесника, чтобы я дожидался там своей смерти. Я не помню сколько пробыл там, минуты слишком долго шли. Я только помню, как мне было страшно, как выл во всю глотку, моля о скорейшем спасении.

День сменялся ночью, мой голос охрип, а тело покинули силы. Мне хотелось есть и пить, но ничего не было. Я был слаб, сил хватало лишь на то, чтобы безвольным кулем лежать на холодном сыром полу и безмолвно плакать, дожидаясь своей смерти. В какой-то момент я искренне этого захотел, потому что возвращаться в мир и встретиться лицом к лицу с тем монстром, было слишком страшно. И вот, когда я думал, что вот-вот умру, меня нашли. Но с тех пор я уже был другим парнем, не тем, каким меня знали. Во мне жил душераздирающий страх, который пожирал мою человечность.

Я не выходил из дома долгое время, запирался в своей комнате и не хотел никого видеть. Я стал бояться людей и сторониться их. Меня преследовали кошмары, когда спал, дикий страшный взгляд Эвана и те дни, что провел взаперти не оставляли меня в покое. Я сходил с ума и не мог отличить реальность от вымысла, мне все время казалось, что он где-то рядом наблюдает за мной, чтобы добить.

Бабушка и дедушка пытались мне помочь, они видели мое состояние и пытались вывести из него, но у них ничего не получалось. Тогда они решили показать меня специалисту. Видимо профессионал в своем деле оказался дилетантом, так как лечить меня он не стал, а посоветовал свои эмоции выплескивать на бумагу. Так я и делал, на удивление это приносило кратковременное облегчение. Не задумываясь, я рисовал то, что выдает мне мозг, но ужасался каждый раз, когда видел свои творения. Черный лес, темный безликий

мальчик, страх и небольшой домик. Рисунки каждый раз были практически одинаковыми и каждый раз я в страхе откидывал их от себя. В какой-то момент я просто перестал подходить к бумаге и что-то рисовать.

Потом Рина и ее семья уехали и больше мы не виделись. Но с их отъездом мне не становилось лучше, наоборот, я словно с каждым днем погружался все больше во тьму. Я стал злым, раздражительным и вечно недовольным, бабушка и дедушка страдали от моей тирании и разводили руками, не зная, что со мной делать. Я слился со своим страхом и стал тем, кого никогда не примет нормальное общество. Я стал изгоем, жаждущим мести.

На людях я никогда не показывал своих изъянов, с ними были лишь знакомы мои близкие. Вся ненависть и злость доставались им. Вскоре, когда мне было 10 умерла бабушка, на удивление я не почувствовал ничего, кроме радости. Помню, дедушка долго не мог прийти в себя после ее смерти и видя мое безразличие ужасался, каким монстром я стал. Чтобы справиться со мной дед начал прибегать к грубой силе, но ни битье, ни оскорбления не могли усмирить внутреннюю ненависть. Тогда он отвез меня в клинику, где меня пичкали лекарствами, подавляющими волю. Но таблетки помогали лишь, когда я принимал их. Когда же я вернулся домой, то первым делом смыл их в унитаз, возвращая себя в прежнее состояние. Перед дедом, однако, я стал играть роль нормального мальчика, не показывая свою суть.

Примерно в то же время у нас появились новые соседи. Девочка, по имени Дженифер, была очень назойливой и приставучей, но я старался вести себя прилично и не злился, все-таки я должен был показать деду, что клиника пошла мне на пользу. Каждый день она приходила ко мне, чтобы позвать на прогулку, поиграть и вывести на беседу, но все ее попытки я принимал с безразличием и отчуждением. Но тем не менее, я все равно проводил с ней время, так как видел и свои плюсы в этом общении.

Когда мы стали старше она стала проявлять ко мне любовь и при каждом удобном случае пыталась обнять или поцеловать. Внутренне я сгорал от злости, мне хотелось отшвырнуть ее от себя, смыть все следы касаний, но на деле не показывал ничего, кроме холодности и пренебрежения. Дженифер это устраивало, чем больше я был груб и холоден с ней, тем больше ее тянуло ко мне. Когда нам исполнилось по восемнадцать она пробралась в мою комнату и скинув с себя всю одежду, стала приставать ко мне. Тогда я еще не знал женского тела и когда мне его любезно предложили не стал отказываться. Я у нее был также первым, это должно было меня тронуть, но мне было все равно. Я вдавливался в ее тело с остервенелой жестокостью, наслаждаясь жгучими слезами, стекающими по ее щекам. Она кричала, что ей больно, но мне было все равно на ее страдания. Я упивался ими. Крови было так много, что я невольно залюбовался ее видом. Удовлетворенный, я с улыбкой встал с постели, вытер свое тело с особой тщательностью, бросив на нее брезгливый взгляд. «Можешь быть свободна» — сказал ей я. Ловя ее взгляд полный слез, я отвернулся к окну. Она еле встала с постели и хромающей поступью вышла из комнаты. «Наверное, она пожалела о том, что пришла ко мне» — с каким-то мрачным удовольствием думал тогда я. После этого случая я думал, что Дженифер забудет о своей любви и наконец отстанет от меня. Но мой зверский поступок не убил ее желания быть со мной, наоборот, она стала прилагать еще большие усилия. Наверное, в ней тоже был какой-то изъян, если она позволяла с собой так обращаться.

Спустя неделю, когда ее тело восстановилось, она вновь появилась в моей комнате, но на этот раз слез и крови не было. Потом мы стали регулярно видеться и она, кажется, стала

получать от моего зверского вторжения удовольствие. Точно ненормальная. Но в какой-то момент я осознал, что только она сможет принять меня таким, каким я был. Дженифер не пыталась меня менять, принимая таким, какой я есть. Она была идеальной парой такому как я.

Все годы я много думал о том, почему тот ублюдок сделал это со мной и понял, что всему виной Рина. Не будь ее Эвану не пришлось бы в голову избавиться от меня. Тогда во мне появилась жгучая ненависть к ней и мне стали сниться сны, как я вновь и вновь хладнокровно убиваю ее, а потом с наслаждением гляжу как страдает он. Когда я просыпался, на моих губах играла улыбка. Со временем я стал понимать, что безумно хочу воплотить это в реальность. Перед сном я часто проматывал в голове, как издеваюсь над Риной, как ее красивые синие глаза смотрят на меня со страхом и ужасом, как провожу лезвием по белоснежному телу, оставляя глубокие порезы. Я хотел бы слизать ее кровь, а потом отыметь так грубо, что она захлебнется в своих слезах... Но пока я мог только об этом мечтать... в действительности я даже не знал, где она, пока однажды Дженифер не познакомила меня со своей подругой. Это была она! Я сразу ее узнал. Во мне закипела злоба и ненависть при виде нее. Мне захотелось схватить ее за руку и уволочь в лес и прямо в том лесном домике сотворить с ней все, о чем так долго мечтал. Я едва сдержался... еще эта Дженифер повисла на мне, раздражая еще больше. Тогда я ушел к себе домой и не хотел никого видеть, в моей голове постоянно крутились образы истерзанной Рины.

В это время Дженифер еще больше стала лезть ко мне со своей любовью, но на этот раз я не смог сдержать копившуюся внутри ненависть и сильно ее избил. Я выдал ей историю своего детства и что по вине этой суки Рины со мной все это произошло. В тот день, я показал ей истинного себя и ожидал, что Дженифер убежит в страхе от меня, но эта девчонка точно была ненормальной, она стала предлагать мне идеи, как испортить жизнь Рины и Эвана. Я загорелся, понял, что с помощью Дженифер смогу превратить жизнь Рины в ад, сломить ее, а потом заманить в свои сети и долго издеваться. Она бы стала в моих руках игрушкой, с которой буду играть до тех пор, пока не наскучит, а потом я бы утопил ее в собственной крови.

С тех пор во мне что-то изменилось, внутренние границы, которые я запер на замок, вышли наружу и я захотел утолить свою жажду крови. Первой моей жертвой стал дед, которого я ненавидел за все побои и злые слова, сказанные в бессилии. Я должен был сделать все так, чтобы никто не догадался, кто в действительности причастен к его смерти. Я уехал из дома недель раньше и позаботился о том, чтобы все об этом узнали, но поздно ночью вернулся, чтобы воплотить в жизнь свой план. Задушить подушкой — было скучно, я хотел насладиться его последними попытками хвататься за жизнь. Дед был стар и уже не такой сильный как я, мне не составило труда накинуть на его шею веревку, затянуть как следует, а потом привязать к люстре, водрузив дряхлого старика на стул. Он не понимал за что так поступаю с ним, плакал и молил не брать грех на душу, но я лишь улыбался, не чувствуя ни раскаяния, ни сожаления, ни грусти, лишь фанатичный восторг от содеянного. Толкнув стул, я упивался наслаждением от вида, корчащегося в агонии страданий деда. Оттерев все следы своей причастности, я также тихо, как и зашел в дом, вышел из него. Вернулся спустя два дня и разыграл настоящую драму страданий для соседей. Никто не понимал, почему он пошел на это, дед вел затворнический образ жизни уже пару лет, и я сказал, что ему надоело жить такой жизнью, мол, он так и не свыкся со смертью своей жены. Все кивали головами, веря мне на слово, ведь для всех своих соседей я всегда был

примерным мальчиком. Приезжала полиция, но я убедительно сыграл свою роль, и никто меня не заподозрил.

Смерти деда мне было недостаточно, убив однажды мне захотелось убивать еще больше. Жажда крови не покидала меня, и я стал искать тех, кто сможет ее утолить. Моими жертвами становились отбросы общества без родственников и друзей, пропажи которых никто бы и не заметил. Но вскоре и это наскучило. Мне хотелось той крови, что была желаннее всех других. Крови Рины.

Пока Дженифер делилась своими мелкими пакостями, осложняющими жизнь Рины, я хвалил ее каждый раз, видя в ней тот же огонь, что и горел во мне. Рина страдала, а вместе с ней и Эван. Его отчаянные попытки найти виновника меня смешили и приводили в щенячий восторг. Потом они переехали, Дженифер проследила за ними в тот же день и узнала их местожительства. Я стал звонить Рине каждый день с угрозами, радуясь ее отчаянию и ужасу, звучащему в голосе.

Идея скинуть все свои злодеяния на Эвана, посетила меня не сразу, когда же это случилось, я ухватился за нее, наслаждаясь гениальностью сей задумки. Дженифер рассказала, что Эван оказался Рине вовсе не братом и теперь для их любви не было преград. И они любили друг друга, сильно любили, иногда я ловил себя на рвотных позывах, слушая от Дженифер про их сильную любовь. Впрочем, это мне на руку, тем упоительней будет наслаждаться их страданиями.

Все шло как по маслу. Рина узнала о предательстве Эвана и сбежала от него, только я никак не ожидал, что она улетит в другую страну, где мне трудно будет ее найти. Еще эта Дженифер все карты мне испортила, она, видите ли, передумала и считает, что мы не должны осложнять жизнь Рине. Она не думала, что жажда крови у меня настолько сильная, что я хочу ее смерти, а не просто испортить жизнь. Тогда она стала грозить мне полицией и я понял, что больше не могу на нее рассчитывать, отныне, она помеха моим планам.

Все складывалось наилучшим образом, когда у двери родителей Дженифер я увидел Эвана. Хотя во мне и кипела злость, я заставил себя успокоиться перед тем, как выйти к нему. Включил диктофон и стал выводить его на разговор, чтобы записать как можно больше. Эван был зол и вспыльчив и выдал такое, что и сыграло мне на руку. Теперь я знал на кого повешу смерть Дженифер.

Тем же вечером я позвонил Дженифер, обманом и сладкими речами заманил ее в лес и хладнокровно убил. Глупая, она до сих пор верила, что у нас может что-то получиться. До последнего верила моим словам. Идиотка. Убивать ее не было сложно, наоборот, слишком легко и очень скучно. Но глядя на ее мертвое тело, я упивался осознанием, что благодаря этому Эван окажется за решеткой и преград для поиска Рины не будет. Она будет полностью в моей власти.

Спустя время, когда Эвана посадили в тюрьму, я уехал. Я не знал, куда могла отправиться Рина и это вогнало меня в какой-то ступор. Сидеть и ждать, когда она все-таки вернется, я не хотел. Тогда я узнал адрес ее матери и поехал к ней. Дверь открылась спустя минуту после того, как я в нее постучал. Мать Рины нисколько не изменилась, поэтому я сразу ее узнал.

— Здравствуйте, — поздоровался я, как можно вежливей. — могу я увидеть Нарин? — я знал, что ее там нет, но хотел лишь найти повод для разговора.

— Извините, Нарин здесь нет.

— Я Кайл, ее старый друг. Вы помните меня?

— Ах, Кайл. — она закрыла губы руками, радуясь встречи. — Ты так вырос! Заходи, выпьем чай, расскажешь, как у тебя дела, как бабушка с дедушкой. — и она провела меня в дом, напоила чаем, и я рассказал ей все, что ей можно было знать.

— Как жаль, что Нарин нет. Она бы обрадовалась тебе. — я мило улыбнулся, изображая добродушие.

— Где я могу ее найти? Мне так хочется ее увидеть, ведь мы так были дружны в детстве.

— Извини, дорогой, но я правда не знаю, где она. Она уехала и не хочет рассказывать куда.

— Может быть у вас есть идеи? — она задумалась, а я с напряжением стал ждать ее ответа.

— Извини, но нет. — И вдруг я вспомнил, что Рина раньше жила в Америке, кажется там жил ее отец. Она могла поехать только туда! В этом я был точно уверен.

— Вы ведь жили раньше в Америке?

— Да, в Юджине. — кивнула она, не задумываясь о том, что тем самым подставляет под угрозу свою дочь.

— Может ли она быть там? — она вновь задумалась.

— Не уверена, прошло слишком много времени. — но я был убежден, что она именно там. — Не волнуйся, Кайл, скоро Нарин вернется и вы обязательно встретитесь. — подбодрила она, сияя мягкой улыбкой.

— Что ж, спасибо за чай. Мне пора. — попрощавшись я ушел окрыленный, ведь теперь я знал, где она может скрываться.

Жди меня, Рина, я иду за тобой...

Глава 23

Жизнь в Юджине была скучной и однообразной. Каждый день в точности повторял предыдущий. Я не могла себя ничем занять, только ела и спала, иногда общалась с папой, Мией и братьями. Майклу было 10, а Тиму 8. Они были веселыми и озорными, приняли меня так, словно мы всю жизнь были с ними знакомы. Когда они возвращались со школы, то сразу бежали ко мне, чтобы вывести меня на прогулку. Они видели мое состояние и, казалось, задались целью растормошить и развеселить меня. Я старалась ради них отвлекаться, не думать о своих проблемах, но все равно погружалась в грусть. Я скучала... как же я скучала по Эвану... Так надолго мы еще ни разу не расставались. Всю свою жизнь он был рядом, даже находясь в ссоре Эван всегда мелькал перед глазами, а сейчас его нет и я сходила с ума от грусти. Как он? Где он? Думает ли обо мне? Скучает ли? Пожалел ли о том, что сделал со мной? Хочет ли вернуть?

Я много думала о том, как сложилась бы наша жизнь в Германии. Возможно, он перестал бы превращать мою жизнь в ад, и я никогда так и не узнала бы, что Эван виновник всего. А может он убил бы меня там и никто так и никогда не узнал, что на самом деле со мной произошло.

Иногда я заходила с папиного компьютера в свою социальную сеть, чтобы посмотреть фотографии. Там было полно снимков, где мы с Эваном вместе, некоторые фотографии были профессиональными, остальные были сняты на мобильный телефон. Я смотрела на него и не могла понять, как настолько близкий мне человек мог так предать меня. Его глаза всю жизнь видели только меня, тогда почему он пошел на это? Что я сделала ему настолько ужасного, что он захотел так отомстить? Или детская обида оказалась настолько сильной, что он берег ее в сердце до сих пор?

В тот же вечер, когда я приехала, у меня состоялся тяжелый разговор с отцом. Я рассказала ему про тот ад, в котором жила в последнее время, про то, как мы с Эваном жили вместе, а потом разрыдавшись, выложила про предательство. Он слушал не перебивая, а потом заключил меня в объятия, стал говорить, что обязательно все наладится и больше я никогда не буду жить в страхе. Он долго меня успокаивал, ждал, когда мои рыдания прекратятся, а потом, когда я немного пришла в себя, папа утер мои слезы и сказал, что больше я никогда не увижу Эвана. Вот только от его слов мне стало еще хуже. Как бы я не боялась с ним встречи, мне безумно хотелось вновь его увидеть. Пусть не сейчас, когда рана еще свежа, и он слишком зол, но когда-нибудь потом, должно пройти время, чтобы я собрала себя по кусочкам и смогла предстать перед ним без страха и дрожи.

Я купила себе телефон, позвонила маме спустя пару дней. Сказала, что мне нужно было уехать, и чтобы она не волновалась. Мама, конечно, услышала грусть в моем голосе и пыталась узнать, что произошло, но я не хотела об этом говорить.

Спустя несколько месяцев я узнала из просторов интернета, что Эвана посадили в тюрьму за убийство. Я была в ужасе, долго сидела на месте, не в силах поверить, что он действительно сделал это. Как он мог? Неужели в нем сидела настолько сильная злость? Когда я узнала кто именно стал его жертвой, то побелела как лист бумаги. Дженифер. И тогда мне стало все понятно. Он узнал, что Дженифер открыла мне правду и хладнокровно ее убил. Эта новость не укладывалась в голове. Я всю ночь проплакала в подушку, оплакивая Эвана, Дженифер и себя. Я не могла понять, как мне жить дальше и куда двигаться. Жить

бесконечно в доме отца я не могла, возвращаться в Лондон тоже не было желания. Тогда что?

Отец сказал, что я могу жить у него столько, сколько захочу. Папина семья за это время стала мне близкой, мы даже подружились с его женой Мией.

Мне часто звонила мама, пыталась узнать, где я, но мне не хотелось ей рассказывать, говорила лишь, что со мной все хорошо. Но материнское сердце нельзя обмануть, она слышала все в моем голосе, даже если я пыталась казаться веселой. Каждый наш разговор я порывалась спросить об Эване, но обрывала себя, не находя в себе достаточно смелости. Иногда мне хотелось, чтобы мама сама завела о нем речь, но она ничего не говорила. Она понимала, что мой побег связан с Эваном и не хотела беречь еще свежие раны.

Я жила в доме отца уже полгода и за это время мое моральное состояние немного улучшилось. Я старалась помогать по дому Мие, она научила меня прекрасно готовить и мне, признаться, очень это нравилось. Я часто ловила себя на мысли, что безумно хочу, чтобы Эван попробовал все те вкусности, которым научилась. Мне хотелось все больше вернуться в Лондон, чтобы увидеть Эвана, за полгода он, наверно, остыл и уже не питает ко мне столько ненависти как раньше.

Ко мне приезжал Дэвид, пытался ухаживать, звал на прогулки. Вместе мы проводили много времени, он старался развлечь меня как мог и иногда, признаться, ему удавалось это. Он был беззаботным и легким, всегда внимательный, готовый подставить в трудную минуту свое крепкое плечо. Мне это нравилось, но я воспринимала его только как друга, хотя он и пытался это изменить. Я ему нравилась, это было понятно без слов, хотя однажды он все-таки признался мне в этом. Я не могла ответить на его чувства, потому что в моем сердце уже был Эван и даже его предательство не смогло это чувство уничтожить. Он понимал это и не настаивал, Дэвид верил, что когда-нибудь мое сердце оттает. Только я была уверена, что этого никогда не случится.

Гуляя на улице, иногда, я ощущала на себе чей-то взгляд, он был схож с тем чувством в Лондоне, когда меня преследовали. Я старалась не думать об этом, сводила к тому, что это лишь мое разыгравшееся воображение, Эван далеко и не может следить за мной.

Однажды мне позвонила мама, начало разговора походило на все предыдущие, что у нас были раньше, но она сказала кое-что, о чем я всерьез задумалась.

— Я все забывала тебе рассказать, четыре месяца назад ко мне приходил Кайл. Он искал тебя. — радостно сказала мама, не предполагая, что от ее слов я напрягусь.

— Кайл? Зачем я ему понадобилась?

— Он сказал, что хочет тебя увидеть, ведь вы дружили в детстве. — от ее слов я нахмурилась.

— Мам, мы виделись с Кайлом и поверь, он не был так уж рад меня видеть.

— Что ты имеешь в виду?

— При встрече, он выместил на мне свою злость и обвинил в том, что вся наша семья должна гнить за решеткой.

— Нарин, он был таким дружелюбным, спрашивал, где ты и как он может тебя найти.

— И что ты ему ответила?

— Что я могла ему ответить, если не знаю, где ты. — от ее слов я немного успокоилась, хотя какая-то непонятная тревога терзала меня изнутри.

— Это все?

— Да... то есть нет, он почему-то спросил в Америке ли мы жили раньше, и я

подтвердила это.

— Надеюсь ты не сказала, что мы жили в Юджине? — с тревогой спросила я.

— Кажется, я сказала ему это.

— Боже, мама! — я не знала, как выразить словами свое возмущение. С одной стороны я понимала, что мама не со зла сболтнула лишнего, с другой понимала, что своими словами она выдала меня. Что ему понадобилось от меня? Кайл не был тем хорошим мальчиком, каким я его помнила. Рядом с ним тогда я ощутила что-то неприятное, темное, даже жутко вспоминать о нашей встрече.

— Ты ведь не в Юджине? — спросила неуверенно она.

— Да, мама, я в Юджине у папы. — призналась я и от слов признания стало немного легче, не хотелось так долго от нее это скрывать.

— Значит, я рассказала Кайлу то, что он не должен был знать.

— Да, мам. Я не знаю зачем он меня ищет, но уверена, что за этим скрывается что-то плохое. Он изменился. Сильно изменился. И его изменения мне совсем не понравились. Он был парнем Дженифер.

— Дженифер? Той убитой девушки?

— Да, мам. — кивнула я в трубку.

— Это плохо, Нарин. Что если он хочет поквитаться с тобой за ее смерть? — я тоже так подумала. — Но Эван не убивал ее! — чуть повысив голос, сказала она требовательно.

— Что? Почему ты так думаешь? — во мне загорелся огонек надежды, что если все это время я жила во лжи и все не так, как мне казалось? — Это он тебе сказал?

— Нет, он признал это. Однако ни я, ни его отец не верили в виновность Эвана. Эта девушка прислала Эвану свой дневник, думаешь, она стала бы присылать такую личную вещь именно ему? — я вновь нахмурилась. Дженифер сказала, что виновником всего был Эван, тогда зачем она отправила ему свой дневник? Что было в нем такого, о чем должен был знать именно он? Чем больше я об этом думала, тем дурнее мне становилось. Внезапная мысль, как озарение, пришла мне в голову: Эвана подставили. Он не убивал Дженифер!

— Господи, что же я натворила? — слезы полились по моим щекам, от безысходности.

— Что такое, Нарин? — беспокойный голос мамы, вопрошал из трубки.

— Как Эван? — сквозь слезы спросила я.

— Он в тюрьме, я навещаю его иногда. Эван все время спрашивает о тебе, видно, как он скучает. — слова мамы резали без ножа по сердцу.

— Она сказала, что Эван был виновником моих бед. — сквозь всхлипывания я рассказала маме про то время, когда меня преследовал сталкер. — Она показала мне снимок, где Эван держит коробку с мертвой кошкой. Я поверила... какая же я дура. — схватившись за голову я зарыдала во всю глотку, не думая о переживаниях мамы.

— Все наладится, милая. Эван простит, ведь он так сильно тебя любит. — старалась успокоить меня мама, но ее слова совсем не успокаивали. Я чувствовала, что поверив в эту ложь, тем самым предала его. Как я могла поверить в это? В наше время с помощью фотошопа можно создать нереальное! Я должна была остаться и поговорить с ним! Как бы ни было страшно, я должна была сделать это! Какая же идиотка. Если Эван и простит меня, то я никогда не смогу простить себе этого.

Наскоро попрощавшись с мамой, я побежала вниз к папе и Мие. Рассказала им все и сказала, что мне нужно срочно уехать. Папа убедил меня, что я должна дождаться утра, успокоиться и поспать, утром он меня отвезет. Я согласилась, старалась уснуть, но так и не

смогла этого сделать. Я написала папе записку, попросилась со всеми и пообещала еще приехать к ним. Извинилась за то, что вот так среди ночи убегаю, но иначе не могла. Покидав наскоро вещи в сумку, я тихо вышла ночью из дома.

На дворе стояла темная безлунная ночь, я надеялась быстро поймать такси, но их, как назло, не было. Вновь ощутила на себе чей-то темный взгляд и напряглась. Нужно скорее добраться до такси. Я услышала за своей спиной шаги. Когда я ускорила, то поняла, что преследователь ускорился в ответ. Чувство тревоги закралось в мое сердце, и я свернула в проулок, забыв о том, что там тупик. Паника и ужас охватили все мое тело, когда я обернулась и увидела его. Кайла.

— Ну вот ты и попалась. — и сердце ушло в пятки от его загробного злого голоса. Это был мой личный кошмар, ставший явью.

После прочтения дневника Дженифер я ни дня не прожил без тревоги. Я связался с отцом и попросил его о встрече. Так как у него были свои связи в тюрьме, встретиться получилось уже на следующий день. Я рассказал ему все, что узнал. Отец обрадовался и крепко обнял, он сказал, что этой улики будет достаточно, чтобы вытащить меня в кратчайшие сроки. Однако, расследование затянулось на целый месяц, и я боялся, что не смогу успеть.

Меня освободили спустя месяц, сняв все обвинения. В лесу нашли орудие убийства, на котором были отпечатки пальцев Кайла. Его вину доказали, но так и не смогли напасть на след. Родители Дженифер рассказали, что он уехал вскоре после смерти Дженифер, это значит, у него было почти шесть месяцев, чтобы найти Рину.

Когда я освободился, то сразу поехал к тете. Хотя она и говорила, что не знает где она, я был уверен, что у нее могли быть какие-то догадки на сей счет.

Приехав домой, тетя крепко меня обняла, радость на ее лице была омрачена темными кругами и красными от слез глазами.

— Эван, ты вернулся!

— Что-то случилось, тетя? — взяв ее требовательно за плечи, я ждал ее ответа.

— Вчера я разговаривала с Нарин. Моя девочка, наконец, поняла, что ты невиновен. Она так плакала, Эван. — не сдержав чувств, я обнял тетю, чувствуя, что так могу успокоить и ее, и себя. Чувство облегчения возникло в тот момент, когда я понял, что с Риной все хорошо и она в порядке. Значит, тот ублюдок так и не нашел ее.

— Где она, тетя? Я должен увидеть ее.

— Она в Юджине, у своего второго отца. — значит, она улетела в Америку. Вновь облегчение, Кайл не найдет ее там. — Но как тебя отпустили? Ты сбежал? — она как-то покосилась на меня, тем самым вызвав легкую улыбку.

— Нет, тетя. Дневник Дженифер очень помог в этом. Нашлись весомые улики, доказывающие мою невиновность.

— Эван, я так рада. Я не сомневалась, что ты этого не делал. Но тогда зачем ты признал свою вину?

— Я думал, что это сделала Рина и не хотел, чтобы ее посадили в тюрьму. — она не стала задавать вопросы, чтобы узнать почему я так подумал. Я был благодарен этому, не хотелось слишком долго затягивать разговор. Хотелось поскорее увидеть Рину.

— Тогда кто убил ту девушку?

— Ее жених, Кайл. — тетя мгновенно побледнела и едва не упала, я успел вовремя, подхватив ее за плечи. — что такое?

— Нарин в опасности, Эван. Ты должен немедленно найти ее. После того, как тебя посадили, он приходил ко мне. Я помню его еще добрым мальчиком, который всегда к ней хорошо относился. Он спрашивал, где она, сразу спросил, где в Америке жил ее отец, и я сказала...

— Тетя... — выдохнул со злости я, чувствуя, как вновь паника подбирается ко мне. Значит, он все-таки знает, где Рина.

— Мы сейчас ей позвоним, она должна быть дома. — тетя нервно стала искать свой телефон. Дрожащими руками она стала набирать Рину.

— Недоступна... — выдохнула в панике она. Я стал метаться по комнате, не находя себе места от беспокойства.

— Позвоните ее отцу! Мы должны знать, что с ней все хорошо.

— Да, да, сейчас. — сначала она позвонила на его сотовый, но на том конце ей сказали, что здесь нет человека с таким именем. Скорее всего за столько лет он сменил номер. Тогда она позвонила на домашний и все-таки сумела найти его.

После неловких слов приветствий, она спросила, где Рина и то, что мы услышали повергло нас в дикий шок. Рина ушла из дома поздно ночью, она собиралась улететь домой, ее сумку с вещами нашли недалеко от дома. Рины не было.

Услышав эти слова, я бросился прочь из дома, намереваясь лететь в Юджин. Пожалуйста, продержись еще немного до моего приезда.

Уже в самолете мне пришло сообщение от тети, она написала адрес дома отца Рины.

Весь перелет я сходил с ума от беспокойства, меня не покидали мысли, что все зря и Рину мне так и не удастся спасти.

Долгие часы перелета сводили с ума, а еще нужно было добраться до Юджина. Счет шел на минуты. Решив, что на поезде слишком долго добираться, я нанял такси, чтобы оно быстро домчало меня до Юджина.

И вот я приехал, с силой постучав в дверь дома отца Рины, я увидел его. Он сразу понял кто я и впустил в дом. В доме царил атмосфера грусти и переживания, глядя на уставшие осунувшиеся лица отца Рины и его жены, я понял, как сильно они беспокоятся о ней.

— Я просмотрел камеры видеонаблюдения у соседей. Ее преследовал мужчина.

— Мне нужно взглянуть на них. — Энтони включил ноутбук и показал мне их, я сразу узнал в темном мужчине Кайла. Это действительно был он и Рина была сейчас в руках этого психопата.

— Это он преследовал ее в Лондоне. Из-за меня он ненавидит ее. — я понимал, что сейчас не время корить себя за прошлое, но ничего не мог с собой поделать.

— Соберись, парень. Мы найдем ее. Я уже задействовал полицию, мы скоро выясним, куда он ее увез. — но будет ли этого достаточно? Прошло больше суток с ее похищения, возможно ли, чтобы она за это время была невредима? Сжав свою слабость и сомнения в кулак, я стиснул челюсти. Я найду ее и сдеру живьем кожу с того ублюдка, если он хоть немного причинил ей боль.

Видимо в Америке полиция более добросовестна и совсем скоро мы выяснили номера машины, на которой Кайл увез ее. По камерам мы отследили их примерное местонахождение, но в том месте было слишком много заброшенных зданий. Они могли быть где угодно.

Наряд полицейских, я и Энтони разделились, чтобы найти ее. «Только было бы все хорошо. Пусть она будет в порядке» — я повторял эти слова, как молитву, надеясь, что еще смогу успеть.

Узнав в лице преследователя Кайла, я сразу поняла, что изначально он стоял за всем. И Дженифер, скорее всего, убил тоже он. Встретившись с ним лицом к лицу в том темном переулке, я испытала такой дикий страх, что тотчас лишилась сознания.

Я не знала сколько времени находилась в отключке, солнце уже всю заполнило комнату. Маленькая комнатка, в которой было лишь одно окно, закрытое железной решеткой. В комнате была лишь дряхлая старая кровать, на которой я лежала и ведро, в которое, по всей видимости, должна буду справлять нужду. Обшарпанные старые стены выдавали то, что в этом месте давно никто не жил. Паутина свисала из разных уголков комнаты, расползаясь по потолку. На меня смотрели множество пауков, удивляясь, что я здесь забыла. Но я давно поборола свой страх к паукам, гораздо страшнее то чудовище, что ожидало моего пробуждения за дверью. Я слышала, как он ходит, гремит посудой и себе под нос что-то бормочет. Мне было страшно, я боялась с ним встретиться лицом к лицу. Его угрозы до сих пор кричали в моей голове, запугивая еще больше.

— Наконец проснулась. Слишком нагло с твоей стороны заставляя меня так долго ждать. — когда этот монстр с безумным взглядом, стал подходить ко мне, я отодвинулась подальше к стене, желая стать с ней единым целым.

— Чего тебе нужно от меня? — закричала я, подавляя в голосе дрожащие нотки.

— Чего? — спокойно, даже безразлично спросил он. — Еще не поняла?

Может стоит сыграть в дурочку и сделать вид, что ни о чем не знаю? Так, я смогу выиграть время.

— Что я должна понять? Ты привез меня сюда и запер.

— Хах, а ты поглупела, раньше мне казалась намного разумней.

— Давай бросим эти шутки. — отмахнулась я от его слов, подавляя в себе страх. — Давай поедem в какое-нибудь кафе и там поговорим о том, как весело нам было в детстве. — взяв себя в руки, решила я пойти на уловку. На мгновение его взгляд потеплел, но в следующую секунду потемнел, как грозное облако.

— Весело до тех пор, пока твой брат все не испортил!

— Уверена, не было и дня, чтобы он не сожалел об этом. Так как, поедem в кафе? — я с надеждой смотрела в его глаза, молясь о том, чтобы он согласился.

— Нет уж, мы останемся здесь. И кофе пить не будем и разговаривать о детстве тоже. — отрезал он. Мои надежды таяли на глазах.

— Я думала ты похитил меня, чтобы поговорить.

— О, говорить — это последнее, что я собирался с тобой сделать.

— Тогда что же? — он наклонился ко мне, чтобы взять меня за подбородок. Повертев мое лицо так, чтобы рассмотреть его с разных сторон, Кайл заключил:

— В детстве ты была красивой, но сейчас тебе нет равных. — во мне вновь загорелся огонек надежды. Что если использовать его симпатию ко мне и когда он немного отвлечется сбежать?

— Знаешь, Кайл, ты всегда мне нравился. И сейчас, глядя на тебя, я понимаю, почему именно ты стал моей первой любовью. — он смотрел на меня потрясенным взглядом, не ожидая, что вместо страха, я буду говорить ему о своей любви. Но, кажется, я попала в цель своими словами и скоро Кайл забудется и даст мне шанс сбежать на свободу. — Когда я тебя

увидела впервые спустя столько лет, я, не переставая, думала о тебе. Я завидовала Дженифер, потому что именно она должна была стать твоей женой, а не я.

— Ты ведь врешь мне, да? — с сомнением спросил он.

— Нет, милый, я не вру, для меня был всегда лишь ты один. — для пущей убедительности я положила свою ладонь на его худое гладковыбритое лицо и погладила.

— А Эван?

— Эван... — я сделала драматическую паузу. — Его я всегда боялась, поэтому мне приходилось претворяться. Я никогда его не любила. — неожиданно для меня Кайл стал смеяться, да так злорадно, что мне стало не по себе. — Что тебя так рассмешило?

— То, что ты прекрасная актриса, Рина. Сначала ты игралась с Эваном, теперь со мной. Только я не верю в твою игру. — понимая, что еще чуть-чуть и он меня разоблачит, я кинулась к нему, крепко обнимая. Подавляя в себе рвотный рефлекс, я прижалась к нему еще сильнее.

— Нет, Кайл, я говорю правду. Я люблю тебя и всегда любила. — его тело было похоже на холодную статую, до такой степени он замер, казалось, что даже дыхание покинуло его. В какой-то момент я подумала, что он ответит на мои объятия, но Кайл грубо оттолкнул меня от себя и с раздражением вышел из комнаты. Что ж, так даже лучше. У меня есть время, чтобы придумать план и сбежать от него целой и невредимой.

Я видела, как проявление моих чувств отзывалось в нем, да он ненавидел меня, но вместе с тем желал до безумия. Стоит и дальше гнуть свою линию, тогда я смогу победить его.

Он пришел спустя два часа, оставил еду и вновь ушел, не сказав ни слова. Кайл принес мне пару кусков еще горячей пиццы и чай. Не думаю, что он как-то отравил еду, его мучения будут гораздо изошренней. Мне нужны были силы противостоять ему, к тому же, я должна вести себя как ни в чем небывало, поэтому съела все, что он мне принес.

Поздно ночью он вновь ко мне пришел, на этот раз в его взгляде не было безумства, лишь интерес и какая-то надежда. Надежда на что? О чем он думал все это время?

— Ты говоришь, что любишь меня, тогда докажи мне это. — как мне доказать ему это? Любила я лишь Эвана и каждый раз доказывала ему это своими прикосновениями, объятиями и поцелуями. Мне было мерзко даже думать о том, что я буду заниматься с ним, чем-то подобным. Но понимала, что иначе не могу, он должен думать, что я влюблена в него.

На мгновение закрыв глаза и представив, что передо мной мой любимый, я бросилась к губам Кайла, целуя его со всей страстью. Почти сразу он застонал, прижимая меня к себе, он запустил в мои волосы свои пальцы и крепко сжал. Поборов в себе отвращение, я продолжала этот долгий мучительно мерзкий поцелуй. Отстранившись от него, я заглянула в его темные, подернутые дымкой возбуждения, глаза.

— Теперь ты мне веришь? — нежно прошептала я.

— Верю, но мне недостаточно. — и он вновь притянул меня к себе, целуя с еще большим пылом. Повалив меня на постель, он сделал попытку раздеть меня, но я положила свою ладонь на его руку.

— Мы можем немного подождать? Мне нужно принять душ.

— Мне нормально и так. — отрезал он непреклонно, но я стала еще нежнее говорить с ним.

— Я понимаю твое нетерпение. Поверь мне, я тоже тебя хочу, но мне хочется, чтобы

наш первый раз был идеальным. Поэтому мне нужен душ.

— Ладно. — кивнул он, соглашаясь. — Но только быстро.

Он провел меня, в такую же обшарпанную, как и вся эта квартира, ванную. У двери он вновь притянул меня к себе и грубо поцеловал.

— Только быстро, не могу долго ждать. — я кивнула, борясь с сильнейшей дурнотой, подкатывающей к горлу. Лишь скрывшись за дверью я смогла опорожнить содержимое желудка в унитаз. Что же делать? Приму ванну, а дальше что? Нужно срочно что-то придумать, но что? Включив воду, я сделала вид, что купаюсь. Оглядевшись по сторонам, я стала искать что-то, чем смогу его оглушить. Но, как назло, не было ничего подходящего. Заглянув под ванную, я заметила в глубине какой-то ящичек. Старый и заржавевший замок едва поддавался, но я все-таки сумела открыть его. В нем были старые заржавевшие инструменты, среди них я нашла большой гаечный ключ. Видимо, судьба все-таки благоволит мне и дает шанс выйти на свободу.

Надев одежду, я заткнула за пояс гаечный ключ, так, чтобы он был незаметен. Умыв лицо и намочив руки и ноги, я вышла из ванной. Он ждал меня, подперев собой стену. Мечтательная улыбка не сходила с его губ. «Психопаты тоже хотят быть любимыми» — пронеслось в голове.

Он ринулся ко мне с диким блеском желания в глазах, притянул за руку к себе и прижал к стене, вновь мучая своими поцелуями. Мне приходилось отвечать ему, создавая иллюзию желания.

— Аромат твоей кожи сводит меня с ума. — шептал он, переходя с моих губ на шею. — Как же я хочу тебя... — больше медлить нельзя было. С силой ударив его в пах коленом, я воспользовалась борьбой Кайла с болью, чтобы сильнее приложить гаечным ключом по голове. Хватило пару ударов, чтобы Кайл повалился на пол. Нужно срочно было бежать, пока он не пришел в себя. Бросившись к двери, я обнаружила, что она заперта на ключ. Бешенный страх накатил с головой, и я в панике стала искать повсюду ключ, теряя драгоценное время. Нигде его не было. Что, если он держит его при себе? Обшарив его, я нашла заветный ключ, и только я хотела бежать, как Кайл очнулся и схватил меня за ногу. Вновь паника, другой ногой я смогла ударить его пару раз по лицу, ослабляя хватку. Сумев освободиться, я побежала к двери, попыталась открыть, но старый замок заело. Бешено стучащее сердце ослабляло мое тело, делая его скованным. Я буквально чувствовала, как он дышит мне в спину. Обернувшись, я заметила, как он подорвался с места, но дверь поддалась, и я все-таки выбежала из квартиры.

— Мерзкая сука, ты мне за это заплатишь! — кричал Кайл в приступе бешенства.

Я бежала, что есть силы, перепрыгивая ступеньки одну за другой. Нужно бежать, еще быстрее, чтобы он точно меня не догнал. Но видимо я переоценила свои возможности... когда уже была близка к выходу, Кайл схватил меня за волосы, больно потянув на себя. В его глазах полыхала ярость, он с бешенством волок меня по ступеням назад в ту злополучную квартиру. Было жутко больно, стоило мне хоть немного свыкнуться с болью, как Кайл еще сильнее натягивал меня на себя. Чтобы минимизировать боль, я старалась помогать себе ногами, двигаясь назад. Но это несколько не спасало, казалось, этот монстр вместе с волосами оторвет и голову. Слезы лились градом, в отчаянной попытке справиться с болью. Я кричала и рыдала, моля его о снисхождении, но он лишь смеялся, упиваясь моими страданиями.

В квартире, он грубо толкнул меня на кровать и кулаком ударил по лицу. Я заплакала

еще сильней, чувствуя, как боль расплзается по всей щеке.

— Ты думала, что тебе удастся от меня сбежать? — он злорадно засмеялся. — Глупая лживая тварь. — следующий удар пришелся по другой стороне щеки.

— Не трогай меня... ты... чудовище! — дрожащим голосом сказала я.

— О, ты, наконец, поняла, с кем имеешь дело! — вновь смех, от которого пробирало до дрожи.

Я попыталась отползти подальше от него, но он вновь схватил меня за волосы и развернул спиной к себе.

— У меня впервые появилось желание любить тебя, но ты все испортила! Теперь получишь свое, сука! — и он впился своими губами в мою шею, оставляя багровые засосы, тем причиняя невероятную боль. Я пыталась лягнуть его ногами, но он крепко прижал их коленями, обездвиживая. — Лучше бы тебе быть послушной и не злить меня... — зловеще прошептал он, продолжая истязать меня зубами и ртом.

А потом было как в страшном сне, я кричала от боли, когда он снова и снова насиловал меня. Мой голос так охрип, что в конце концов я не могла издать и звука, лишь безмолвные слезы передавали мое отчаяние и боль. На моем теле не было ни одного пустого места, где бы он не прикасался ко мне, оставляя свои следы в виде засосов и невероятной боли. Он кончал и кончал, не в силах остановиться, получая истинное наслаждение наблюдая за моими страданиями.

— Стони мое имя! — закричал он, хватая меня за волосы и натягивая голову на себя. Сил не оставалось ни на что, хотелось здесь и сейчас умереть. Он вновь ускорился и схватив меня за шею, стал душить. Видя, как остатки воздуха покидают мое тело, психопат вновь бурно кончил.

— Завтра продолжим. — холодно подытожил он, вставая.

Безвольной тушей мое измученное тело повалилось на кровать. Он вышел, не забыв закрыть дверь на ключ.

Я лежала и тихо плакала, мечтая лишь об одном, чтобы он сжалился надо мной и подарил освобождение в смерти. Я понимала уже, что спасения неоткуда ждать и скорее всего так и умру в этой убогой квартире, терпя вновь и вновь новые порции мучений и насилия.

Перед тем, как мое сознание покинуло меня, я вспомнила, как Эван с нежностью гладил мое лицо, как целовал меня и говорил, что любит. Как сладки и нежны были его поцелуи, как хорошо нам было вместе. Почему я тогда не поговорила с ним?

Утро меня встретило неожиданным пробуждением: Кайл окатил меня ушатом ледяной воды. Отплевываясь от воды, я отползла подальше к стене.

— Смотрю, ты себя прекрасно здесь чувствуешь. Видимо, я был слишком мягок прошлой ночью. — его губы искривились в едкой усмешке.

— Просто убей меня! — сквозь слезы закричала я.

— Убить? О, моя дорогая, просто убить слишком скучно... Я хочу, чтобы ты вдоволь насладились моими мучениями. И схватив мои ноги, он притянул меня к себе. Я стала, что есть силы бить его руками, сыпать проклятиями, но он лишь распался еще сильней. Он вновь грубо овладел мной, но на этот раз его пытки были еще более мучительными и изощренными. Достав из кармана небольшой перочинный нож, он стал оставлять им неглубокие, но причиняющие острую боль, порезы на моей коже. Он слизывал мою кровь, наслаждаясь видом изрезанного тела.

— Тебе нравится то, что я делаю с тобой, Рина? — я молчала, испытывая дикий ужас от происходящего. — Скажи, что со мной тебе гораздо лучше, чем с тем ублюдком? — я продолжала молчать, не желая предавать то прекрасное, что было у нас с Эваном. — СКАЖИ!!! — заорал он, вновь хватая меня за волосы. Искривившись от боли, я со злостью в голосе ответила:

— Ты и в подметки не годишься Эвану! — эти слова его так сильно разозлили, что он стал избивать меня с отчаянной силой. Лицо, грудь, живот и ребра, мне казалось, еще один такой удар и я точно лишусь жизни. Но внезапно он остановился и замер. Застонав от боли, я упала на кровать, согнувшись пополам.

— Заткнись, сука! — я взглянула на его тревожное, испуганное лицо и затихла, пытаюсь понять, что вызвало в нем такую реакцию. Звуки сирены. Внутри загорелась огромная надежда, что этого монстра поймают и мои страдания прекратятся.

— Не радуйся раньше времени. Я еще с тобой не закончил! — и взяв в руки нож, он оставил глубокие порезы на моих щеках. — Посмотрим, как после этого он будет тебя любить. — боль была настолько сильной, что я лишилась сознания. Проваливаясь в забытье, я молилась, чтобы этот психопат получил свое и его поймали.

Было около восьми утра, когда мы приехали на место, где Кайл держал Рину. Полицейские оцепили территорию и стали прочесывать местность, ища преступника. Нас с ее отцом просили держаться подальше, но я не мог просто ждать, я рвался в бой, желая поскорее найти Рину.

Полицейские прочесывали здания один за другим, но их следов не было. Оставалось всего пару мест, которые не были обследованы. Как магнитом меня тянуло в одно здание, я чувствовал сердцем, что она там. Пока до меня не было никакого дела, я прошмыгнул туда незамеченным. Повсюду была пыль, которая осела толстым слоем на ступеньки. Благодаря этой пыли я увидел еще свежие следы, которые и привели меня к квартире на третьем этаже. Дверь была не заперта. Я вошел с дикой тревогой в груди, припася в кармане складной ножик. Осмотрев все вокруг, я понял, что первая комната была пуста. Заглянул в ванную — тоже пусто. Оставалась одна дверь, в которую я тихо вошел.

Я сразу увидел ее обнаженное, изуродованное порезами тело. Вся кровать была измазана уже потемневшей кровью, а рядом с ее лицом было огромное пятно свежей крови. Подбежав к ней, я осторожно положил ее на себя. Мои глаза застыли от ужаса, когда я увидел, что тот монстр сотворил с ней. Глубокие порезы вдоль щек, из которых медленно стекала кровь.

— Рина... — позвал я дрожащим голосом, но она не открыла глаза. Боже, что этот монстр сотворил с ней! Я убью его, когда найду. Завернув Рину в простыни, я взял ее на руки. Ей срочно нужно в больницу.

Полиция прочесала весь периметр, но Кайл успел сбежать. Его подали в розыск. Я очень надеялся, что его поймут, но пока мог думать только о том, чтобы с моей девочкой было все хорошо.

В больнице врач осмотрел ее и вынес неутешительный вердикт. Состояние плохое, множественные разрывы и переломы ребер. Нужна была срочная операция. Я ждал у дверей операционной, не в силах найти себе места. Я плакал, разрывался от отчаяния и тихо молил Бога, чтобы с Риной было все хорошо. В этот момент рядом со мной был Энтони, он тоже очень переживал за Рину, но видя, как мне плохо, пытался поддержать. Его поддержка была очень ценной, но в тот момент я лишь хотел, чтобы из операционной вышел врач и сказал, что операция прошла успешно и Рина в порядке.

Операция длилась уже семь часов, я не мог понять, почему так долго? Несколько раз я останавливал себя у входа в операционную, чтобы ворваться туда и понять, что все идет хорошо. В этот момент меня останавливал Энтони и за это я был ему очень благодарен. Мои истерики ничем не помогли бы докторам, наоборот могли отвлечь от чего-то важного.

Ближе к вечеру тетя позвонила мне, чтобы узнать нашлась ли Рина. Я сказал ей, что она в больнице. Я не знал, что она прилетела и был очень удивлен видеть ее спустя полчаса рядом. На ее щеках были слезы, весь ее вид говорил о невероятных страданиях и переживаниях о дочери.

— Как она, Эван? — крепко обняв меня, сквозь слезы спросила она.

— Операция длится слишком долго, мы ждем ее окончания. — она погладила меня по лицу и вновь обняла. — Все будет хорошо, дорогой, наша Нарин будет в порядке.

Я ничего не ответил, вспоминая в каком состоянии она была. Если операция пройдет

успешно, и она придет в себя, сможет ли она нормально жить, помня в каком аду побывала? Я очень переживал о ней, но точно знал, что буду с ней рядом не смотря ни на что.

Тетя заметила Энтони, они поздоровались друг с другом и обнялись. Тетя благодарила его за то, что все эти месяцы заботился о Рине, а он просил прощения за то, что не смог ее уберечь. На каждом из нас лежала доля вины за произошедшее. Энтони винил себя в том, что самолично не отвез Рину в аэропорт тогда, когда она хотела это сделать, тетя, что сказала Кайлу, где они живут, а я, что не успел вовремя. Но сейчас это было не важно, главное, чтобы Рина хорошо перенесла операцию.

Спустя еще час из операционной вышел уставший врач.

— Операция была очень сложной, но все прошло хорошо. При таких травмах — чудо, что она осталась в живых.

— Спасибо, доктор. Ее можно увидеть?

— Сейчас она под действием лекарств, придет в себя только утром. Лучше приходите завтра. — Энтони и тетя закивали, понимая, что это правильное решение и Рину не стоит беспокоить. Но я не понимал, мне хотелось ее увидеть прямо сейчас и удостовериться, что она в порядке.

— Я хочу ее увидеть сейчас. — твердо сказал я, врач пожал плечами.

— Хорошо, наденьте стерильную одежду и можете проходить. — обрадованный, я сделал как велел врач и вошел в палату, куда перевели Рину.

Грудь и талия были перебинтованы, на лице марлевые салфетки, закрывающие страшные раны. Ее ссадины обработали и закрыли также салфетками. Все ее тело было укрыто легкой простыней. Сев рядом с ней, я взял ее бледную холодную руку и поцеловал. По моим щекам заструились слезы от жалости и сожаления.

— Теперь все хорошо, Рина. Я рядом, больше мы никогда не расстанемся. Я так скучал по тебе. — видя родное лицо, я не мог на нее насмотреться, опухшая и избитая, но по-прежнему моя.

Я просидел рядом с ней около получаса, когда пришла медсестра и деликатно попросила меня уйти, чтобы Рина как следует отдохнула. Мне и самому нужен был отдых, но я понимал, что все равно не усну, буду думать о Рине и проклинать то чудовище, что сделало это с ней.

В приемной меня дожидались тетя и Энтони, чтобы вместе отправиться к нему домой. Тетя переживала, что его жена будет очень недовольна видеть ее, но Энтони уверил, что предупредил обо всем Мию и она уже ждет.

Мия приготовила ужин, но я отказался есть, желая оказаться как можно дальше ото всех. Не любил толпу, она вызывала во мне неприятные чувства. Меня разместили в комнате Рины. В ней все еще витал ее аромат, а подушка была насквозь пропитана запахом любимой. Уткнувшись в нее и крепко прижав к себе, я не смог сдержать слез. Рина так страдала в руках того ублюдка, страшно представить, что она перенесла.

Всю ночь я так и не смог уснуть, лежал до семи утра, чтобы тотчас побежать в больницу. Меня впустили в палату, и я вновь взял ее за руку. Ее ресницы дрогнули, она попыталась открыть глаза, но из-за отека с трудом это сделала.

— Пить... — прошептала она, еще не увидев меня. — я поднес к ее губам трубочку с водой. Попив, она взглянула на меня и ее глаза наполнились слезами.

— Эван... ты здесь... Прости меня... прости...

— Тише, любимая. — я осторожно погладил ее по лицу, стараясь не причинять боли. —

Я не сержусь на тебя. Сейчас мы наконец вместе и больше никогда не расстанемся.

— Его... поймали? — страх разгорелся в ее глазах, она боялась, что это не так. Тогда я решил ей соврать, сейчас Рине не нужны волнения. Я надеялся, что к тому моменту, как она окрепнет его и арестуют.

— Да, милая, он в тюрьме. Больше он не сможет угрожать тебе. — слезы счастья блеснули в ее глазах.

— Я так рада. Это чудовище заслуживает гнить в тюрьме.

— Как ты себя чувствуешь? — коснувшись ее руки, спросил я.

— Мне плохо, Эван, но дело даже не в физической боли... моя душа болит.

— Мне так жаль, Рина. Я виню себя в том, что не смог тебя уберечь.

— Нет, Эван! Твоей вины здесь нет, виновата только я. Если бы я не поверила в твою виновность, то не оказалась в такой ситуации. Если бы я дождалась утра, и папа отвез меня сам в аэропорт — тоже ничего не было бы. Я сама наворотила дел и поплатилась за это. — я осторожно обнял ее, стараясь не причинить боль ни ее лицу, ни сломанным ребрам.

— Теперь все позади и нам нужно забыть об этом, как о плохом сне.

— Мне снились кошмары, но ни один не сравнится с тем, что было наяву. — она вновь заплакала. — Мне страшно даже вспоминать произошедшее.

— Так не вспоминай. — ласково прошептал я. — Нужно забыть, а не прокручивать в памяти.

— Спасибо, Эван. Я очень благодарна тебе за то, что ты рядом и не оставил меня после случившегося.

— Как я могу? Ты самый дорогой в моей жизни человек. Помнишь, я тебе говорил, что, если тебя не станет — меня тоже. Я не смогу жить в этом мире без тебя. Я так сильно люблю тебя.

— Я тоже, Эван. Не было и дня, чтобы я не думала о тебе. Даже считая тебя виновником всего, я не переставала любить. — как же я хотел ее крепко обнять, прижать к себе и долго не отпускать.

— Моя девочка... — только и прошептал я, обволакивая ее лицо нежным взглядом.

— Эван, здесь есть зеркало? Я хочу на себя посмотреть. — лучше ей сейчас не видеть себя.

— Здесь нет зеркала. Твое лицо немного опухло, но совсем скоро все будет хорошо. — на мгновение она успокоилась, но вдруг взгляд Риной наполнился тревогой.

— Он изуродовал мое лицо, я помню какой сильной была боль.

— Когда все заживет, ты поймешь, что все не так страшно, как ты думаешь. — успокаивал ее я.

— Эван... я не заслуживаю быть с тобой.

— Только ты можешь быть со мной, так что не нужно из-за этого переживать.

В палату пришла медсестра, чтобы сделать Рине процедуры и напомнить, что ей нужен отдых. Мне не хотелось уходить, да и Рина не желала отпускать мою руку.

— Пожалуйста, пусть он останется со мной. Мне страшно оставаться одной. — ее голос задрожал от ужаса. Хотя я и убедил ее, что Кайл за решеткой, но страх остаться одной наедине со своими воспоминаниями до дрожи пугал Рину.

— Хорошо, думаю, врач сможет сделать исключение. — мягко улыбнулась медсестра.

Поставив Рине капельницу, медсестра вышла из палаты. В тот день я почти не отходил от ее постели, лишь когда пришла тетя и Энтони со своей семьей, оставил их, решив, что и

они хотят побыть вместе с ней.

За это время я сходил в полицейский участок, который находился неподалеку. Я хотел узнать, есть ли новости о поимке психопата, но его так и не смогли отследить. Чтобы сбежать ему нужно передвигаться ночью, потому что по всему городу были расклеены его фото. Машину, на которой привез Рину, он бросил, стало быть, передвигается пешком, либо угнал автомобиль. Но заявления об угоне никто не подавал.

Вернулся в палату к Рине, когда все уже прощались. Я вовремя, очень скучал по ней, пока отсутствовал.

Каждый день Рине делали перевязки, обрабатывали раны, ей было так больно, что каждый раз смотря на ее страдания мое сердце сжималось. В эти моменты я всегда был рядом и поддерживал как мог. Она улыбалась, стараясь терпеть и не выдавать свою боль.

Приходили полицейские, брали показания у Риной, воскрешая в ней воспоминание о страшных днях.

Когда Рина впервые увидела свое лицо она горько заплакала, скрывая его в ладонях. Она видела в нем уродство, я же продолжал видеть самую красивую девушку на всем белом свете. Рина долго плакала, не в силах успокоиться, причитала, что я не должен быть с такой уродиной, как она. Я успокаивал Рину, целовал, не до конца зажившие порезы, и говорил, что в моих глазах ее ничто не испортит. Она приняла это с благодарностью, но все же не приняла себя такой, какая она сейчас и больше перестала глядеть на себя в зеркало.

Через две недели ее выписали и, хотя ребра до сих пор не восстановились, а раны до конца не затянулись, мы вернулись домой в Лондон. В старом доме мы не смогли жить, в нем все напоминало о том времени, когда Рина жила в страхе. Поэтому мы сняли небольшой домик на берегу Темзы. Но мне все равно было не спокойно. О том, что Кайл на свободе знали только я, тетя, Энтони и Мия. Рина не поднимала больше тему Кайла и, хотя ее психическое состояние не нормализовалось, а кошмары то и дело будили ночью, внешне она выглядела спокойной. Иногда я удивлялся ее силе духа, пережить подобное и не сломиться. Я был восхищен ею.

Однажды, спустя месяц мы поехали к тете. Когда Рина уснула я постучал в тетину дверь.
— Еще не спите? — тетя уже готовилась ко сну, но увидев меня позабыла о своем намерении.

— Что-то случилось, дорогой? — с беспокойством спросила она.

— Я хотел поговорить кое о чем.

— Конечно, проходи. — она села на кровать и жестом указала на место рядом с собой. Я присел, но немного дальше, чем указала она.

— Я переживаю за Рину. Пока он на свободе мы не можем и дальше оставаться в Лондоне, зная, что в любой момент он вновь может появиться в нашей жизни. Я не могу рисковать Риной.

— Я понимаю, Эван. Ты говорил с Риной о переезде?

— Еще нет, сперва хотел поговорить с вами. Я бы хотел, чтобы и вы уехали вместе с нами.

— Я? — удивилась она. Не хотелось быть сентиментальным и говорить, что я также беспокоюсь и о ней, ведь никто не знает, что у психопата на уме. Вдруг он захочет выместить свою злобу на матери Риной?

— Да. Так Рина не будет по вам скучать.

После некоторых сомнений тетя согласилась, она тоже не хотела расставаться с

дочерью.

— Но перед отъездом я хочу его навестить. — как-то смущенно ответила она.

— Отца? — она кивнула.

— Это хорошее решение, Рина обрадуется, что вы все-таки решили встретиться с ним. — пожелав ей хорошей ночи, я вышел из комнаты, намереваясь лечь спать.

Рина спала тревожно, то и дело мечась по подушке, но, когда я лег рядом и обнял ее, стала спать намного спокойнее.

На следующий день я поговорил с Риной о переезде. Оказывается, все это время она тоже думала об этом. Когда я сказал, что с нами также поедет и мама, Рина засияла ярче солнышка. Мы решили все-таки перебраться в Германию, как и хотели.

Немного позже я стал замечать, как тело Риной стало меняться. Ее грудь стала больше и тяжелей, все чаще Рина хотела спать и много есть. Я думал, это реакция организма на стресс, но, когда, спустя еще пару месяцев, ее живот стал расти, понял, что дело не в стрессе. Рина, казалось, не замечала изменений в себе и наслаждалась днями проведенными со мной. Я начитался много разной информации и готов был поднять эту тему, раз уж Рина даже не догадывалась о том, что готовится стать матерью.

— Рина, когда у тебя были последний раз месячные? — она тогда с особым аппетитом уплетала стейк, но услышав мой вопрос, мясо упало на тарелку, а Рина с ошеломлением взглянула на меня.

— Что за вопрос, Эван? — со смешинками в глазах спросила она. Я был серьезен и не готов был шутить.

— Ответь, Рина.

— Дай подумать... — она подняла взгляд вверх, пытаясь припомнить. — Кажется это было... еще в Америке. — я обреченно выдохнул, значит, это правда, и она беременна. Наш первый секс случился спустя два месяца после приезда, а месячные у нее закончились еще четыре месяца назад. Значит, это был ребенок от него. Не передать словами какую злость в тот момент я испытал. Я вскочил с места и пнул рядом стоящий стул, выплескивая на него ярость. Я выбежал на улицу, желая проветриться. Рина бежала за мной, не понимая, что меня так взбесило. Я не мог понять, как женщина может этого не чувствовать? Мне казалось, что такие вещи для них становятся сразу понятными, ведь в их организме происходят изменения.

Понимая, что не должен поступать так с Риной, я сказал ей, чтобы она вернулась домой и ждала меня там. Она не стала задавать вопросы, отпустила меня и ушла. Я стоял на месте, ожидая, когда за ней захлопнется дверь и она точно окажется внутри.

Потом я долго думал о том, что нам делать. Так как я много читал об этом информации, понимал, что это первая беременность Риной и прерывать ее нельзя. К тому же слишком большой срок, целых 4 месяца! Это может быть чревато серьезными последствиями для здоровья и невозможностью вновь забеременеть. Оставалось только одно: родить этого ребенка, а дальше будь что будет. В любом случае злиться на то, в чем она неповинна не было смысла. Нужно не убегать, а поговорить с ней.

Вернулся я спустя час, Рина сидела в нашей спальне. Ее глаза были полны слез, я подбежал к ней и крепко обнял, сразу почувствовав вину за то, что довел ее до такого состояния.

— Извини, что разозлился.

— Я беременна, да? — спросила она обреченно.

— Кажется, да. — кивнул уже спокойно я.

— Что нам делать, Эван? Я не хочу этого ребенка... — я погладил ее по лицу, стер слезы и сказал:

— Я понимаю твое нежелание, мне и самому не хочется быть отцом ребенку, чье существование будет тебе постоянно напоминать о боли. — я выдержал паузу, прежде чем продолжить. — Я думал об этом и понял, что не зависимо от того, кто его отец — мать ты, значит, смогу принять его. — «главное, чтобы внешне он взял больше от Рины.» — подумал я про себя.

— Эван... ты не понимаешь... я хочу детей только от тебя, а не от этого монстра.

— Слишком поздно прерывать беременность, Рина. Прошло много времени. Если ты хочешь детей от меня, то не должна рисковать. — Рина вновь заплакала, уткнувшись в мою грудь лицом.

— Ты давно уже все понял?

— Я стал подозревать что что-то не так еще месяц назад, но списывал на стресс. Но вчера заметил, что твой живот округлился и стал немного больше. — лицо Рины густо покраснело и она спрятала его в ладонях.

— Это просто ужасно. Я тоже думала, что все из-за стресса... мой аппетит, прекращение месячных... даже мысли не было об этом.

— Ничего не поделаешь, малышка. Все будет хорошо. — и прижав ее к себе, мы слились в долгом сладком поцелуе.

Вскоре мы переехали в Германию и там у нас началась новая жизнь. Перед отъездом тетя навестила своего мужа в тюрьме. После этого ее жизнь уже не была прежней.

После того, как Амита посадили в тюрьму, я разочаровалась в любви и так больше никогда не смогла никому довериться. У меня было много ухажеров после, но никогда я не видела в них своих потенциальных партнеров для совместной жизни. До постели даже не доходило, потому что мне были неприятны чужие прикосновения. Я не могла смириться с тем, что в моей жизни больше не будет тех чувств, какие испытывала к Амиту, а на меньшее была не согласна. Поэтому я отдавала себя полностью семье и любимой работе, которая приносила мне осознание, что моя жизнь не проходит впустую. Я помогла сотням девушек и женщин уйти от абьюза и стать наконец счастливыми. Как легко разбираться в чужих проблемах, видеть их суть и не замечать, какой бардак творится в собственной жизни. Да, любимая работа, да, любимая семья, да, я по-прежнему была красива и притягательна для противоположного пола, но истинного женского счастья не было.

Признаться, очень часто я вспоминала Амита. Наши отношения завертелись в быстром вихре чувств, так стремительно, всепоглощающе. С ним я была по-настоящему счастлива. Я была целостной, полной и хоть наша жизнь была полна обмана, он делал все, чтобы мне никогда не стала известна темная сторона его жизни. Он заботился обо мне своего рода, ложь во благо... Иногда я думаю, что было бы, реши Амит открыться мне? Я многое ему прощала из любви и думаю, смогла бы оправдать его поступки болезнью и травмами детства. Все-таки оно у Амита было сложное и сильно повлияло на становление его личности. Я много думала об этом и в какой-то момент осознала, что хотела бы, чтобы все было иначе.

Я вычеркнула его из своей жизни, но так и не смогла убрать из сердца. Я обманывалась все это время. Все-таки я ненормальная. Какая ирония: помогать разбираться в проблемах своим клиенткам и не в силах помочь себе. Он столько натворил зла в жизни, убил столько людей, причинял мне боль неоднократно, но даже с годами я не перестаю вспоминать ощущения, которые меня окутывали только рядом с ним. Возможно, все дело было в том, что мы еще были связаны, я по-прежнему была его женой, а может, в глубине души все еще его любила.

Дети росли, становились еще дружнее. Я видела, как Эван смотрит на Нарин, но всегда думала, что его обожание и любовь, были лишь родственными. Я обманывалась на сей счет, любовь Эвана была подобна любви Амита и иногда меня это настораживало. Тем не менее, лишь раз я заговорила об этом с Эваном, они тогда только поступали в университет. Тогда он убедил меня, что любит Нарин только как сестру и я, наивная, поверила в это. Наверное, Эван сказал мне то, что я больше всего хотела услышать. Удивительный мальчик, так похожий на Амита... не внешне, внутренне. В его действиях и поступках был Амит, когда я была с ним счастлива. В тот момент я подумала, что дочери очень повезло иметь такого брата. Он никогда не дал бы ее в обиду, прошел бы огонь и воду, только бы она была довольна. Но вместе с тем, своей любовью он мог задушить ее, сделав самой несчастной.

Спустя время я все-таки узнала, что Эван не брат Нарин и, хотя это не укладывалось в голове, от чего-то я почувствовала облегчение.

В день, когда они приехали домой по раздельности, я заметила, что между ними двумя что-то происходит. Хоть Нарин и злилась на него, я видела какие взгляды она на него бросает. Вечером я спустилась вниз попить воды на кухне и услышала позвякивание бутылки

о стакан. Вошла в гостиную и увидела разбитого Эвана. Вид истерзанного внутренними страданиями Эвана очень меня встревожил и я присела с ним рядом, пытаюсь выяснить, что с ним произошло. Тогда он мне выдал всю правду своей безумной любви к Нарин. Мне было жаль его, но я понимала, что если любовь невзаимная ничего хорошего из этого не выйдет. Я пыталась поддержать его, но мои слова не возымели на него положительного эффекта, скорее наоборот. Понимая, что ничем не смогу ему помочь я пошла к себе, намереваясь на следующий день серьезно поговорить с дочерью. И каково было мое удивление, когда я увидела Нарин рано утром, выходящую из его спальни. Она вся светилась счастьем и, хотя я сделала вид, что ничего не понимаю, поняла, что дочка тоже очень любит его. Услышав эти слова из ее уст, я была очень рада. Так, словно я сама вернула свою любовь.

Они были счастливы, это было видно по их взаимопониманию, нежным взглядам и улыбкам. Они уже не сдерживались в моем присутствии, держались за руки, обнимались и украдкой целовались. Я смотрела на них и не могла сдержать переполняющее чувство нежности, гордясь тем, какими они выросли.

Потом они съехали с общаги и стали жить вместе. Нарин редко мне звонила, я списывала это на то, что соединившись, у них не осталось много времени на меня. Это жизнь, я принимала это, как данность. Но все же, какая-то необъяснимая тревога была на душе.

Однажды Нарин позвонила мне, предупредив, что она уехала. На вопросы об Эване она не хотела отвечать, но я слышала ее дрожащий голос и изменившийся тон, сразу поняв, что между ними что-то произошло. Я не стала выворачивать ей душу наизнанку, решила, что когда придет время дочь обязательно все расскажет.

Спустя пару дней я узнала, что Эвана посадили в тюрьму за убийство. Я была в диком шоке. Я не могла поверить, что это правда.

На суде я познакомилась с отцом Эвана. Он тоже не верил в виновность Эвана, хотя тот утверждал обратное. Я не могла понять, зачем он это делает, ведь для нас с его отцом, было очевидно, что Эван врет. Но Эван продолжал гнуть свое, неизменно интересуясь у меня, как Нарин. Он скучал по ней, хотел видеть, но моя дочь, почему-то, отказывалась даже говорить о нем. Моя девочка, что же она скрывала? Какую боль держала в себе?

Через некоторое время пришла посылка для Эвана. Она долго блуждала, где-то затерявшись, но в итоге все-таки попала ко мне. Увидев, кто прислал ее, я опешила. Имя мертвой девушки было указано отправителем. Я вскрыла коробку и увидела потрепанный дневник, было отчаянное желание прочитать его, но я не стала это делать. Он не для моих глаз, нужно доставить его Эвану. Вдруг там есть что-то, что укажет на его невиновность? Долгое время Эвану не разрешали свидания, в итоге я попала к нему спустя пару месяцев.

Намного позже я все-таки узнала, о чем были мысли дочки и услышанное повергло меня в шок. Все это время ее преследовали, угрожали убить, как следует поиздевавшись. И моя глупая девочка поверила, что это мог сделать с ней человек, что любил ее больше жизни. Это не укладывалось в голове. Но я не могла судить дочь, я и сама в свое время совершила много глупых поступков.

Мое сердце сжималось от боли, слыша в трубку, как плачет дочка, она наконец, поняла, что Эвана подставили. Ей было больно от того, что она бросила Эвана, отказавшись от него.

Всю ночь я не спала, плакала и тревожилась о дочке. Все, что с ней произошло было так страшно. Я боялась, что она в страшной опасности. Поэтому к лучшему, что она уехала, там до нее никто не доберется. Эван простит ее, я была уверена в этом.

Иногда мы созванивались с отцом Эвана, он был приятным мужчиной и у нас с ним была общая боль. Удивительно, что несмотря на то, что они с Эваном познакомились совсем недавно, но он полюбил его так, будто воспитывал с самого детства. От него я узнала, что Эван точно невиновен и скоро его должны были оправдать и выпустить на волю. Но, когда на следующий день он появился на моем пороге, я искренне удивилась и обрадовалась его приходу.

Однако, приятный разговор омрачился еще большей тревогой, когда я поняла, кто в действительности был виновником страданий дочки. И этому уроду я сказала, где находится Нарин. Боже, в тот момент я хотела умереть от понимания какой опасности, по своей вине, подвергла дочку. Потом мы узнали, что Нарин пропала и тогда я едва не сошла с ума, оставшись один на один со своими страданиями и горем. Эван бросился в аэропорт, я понимала, что он не знает адреса Энтони и поспешила ему написать его.

Полдня я пребывала в диком отчаянии. Я не могла взять себя в руки, все продолжала плакать и тревожиться о дочери. Рано утром я осознала, что не могу страдать и ничего не делать, я должна лететь в Америку и быть с Эваном рядом. Я верила, что он обязательно ее найдет.

В Юджине я была к вечеру, часовой пояс и дикое волнение, сказалось на мне ужасной усталостью. Нужно было позвонить Эвану и узнать о Нарин, но я так боялась услышать, что ее так и не нашли. Собравшись с силами, я набрала Эвана. Его голос был очень грустным и уставшим, я сразу почувствовала еще большую тревогу. Когда он сказал, что Нарин нашлась и она в больнице, я испытала смесь облегчения и страха. Облегчения, что она нашлась, страх от того, что в больнице. Не спрашивая больше ни о чем, я поехала туда. В приемном отделении мне рассказали, что Нарин поступила в очень тяжелом состоянии и сейчас ее оперируют. Я тут же разразилась слезами, направляясь в отделение операционной. В коридоре ожидания, из стороны в сторону ходил Эван, на его лице застыла маска скорби и переживаний. Рядом на кушетке сидел Энтони, уронив голову на ладони. Подойдя к Эвану, я заключила его в свои объятия. Я попыталась его успокоить, но понимала, что этими словами пыталась подбодрить и себя. Подойдя к Тони, я поздоровалась с ним. Обрадовавшись встрече, он крепко обнял меня. Я мягко улыбнулась: бывший муж и по-прежнему близкий друг. Он почти не изменился, стал даже лучше, чем прежде, видимо жена очень хорошо о нем заботится. Я была безмерно рада за то, что у него все сложилось. Чувство благодарности щемило мое сердце. Этот человек не был биологическим отцом Нарин, но любил и заботился о ней так, как будто им являлся.

Потом нам сказали, что операция прошла успешно и у меня отлегло от сердца. С дочкой будет все хорошо, теперь она рядом, в безопасности. Немного позже я все-таки узнала, что виновнику все-таки удалось сбежать и мое сердце вновь заполнилось тревогой. Что если он попытается вновь навредить Нарин и на этот раз доведет начатое до конца? Оставалось лишь молиться Богу о том, чтобы его поскорее нашли и посадили за решетку, где ему и место.

Эван все время был с ней рядом и дочь, хоть и пережила ужасные потрясения, расцвела. Я надеялась, что когда-нибудь она сможет забыть тот ужас, но по собственному горькому опыту понимала, что это невозможно.

Через некоторое время мы вернулись в Лондон, где, вновь оставшись одна, я стала много думать об Амите. Пережитое повлияло на меня так, что я, наконец, приняла решение навестить его в тюрьме. Я подала прошение о том, чтобы нам разрешили длительное свидание, уверенная, что за это время мы сможем с ним о многом поговорить. Признаться, я

ужасно нервничала, это чувство было похоже на то, когда Амит пригласил меня впервые встретиться. Предвкушение, вперемешку с переживаниями. Как он сейчас? Сильно ли изменился, постарел? Как тюрьма повлияла на него? Какие уроки он извлек? И главное: сожалеет ли обо всем?

Немного позже приехали Нарин и Эван, дочка все время цеплялась за его руку, боясь вновь потерять. Те полгода, что Нарин жила вдали от него, сказались и теперь она ни на минуту не хотела расставаться с Эваном. Раны на ее лице зажили, оставив глубокие шрамы, я видела, как ее это огорчало и всегда говорила, что несмотря на это, она по-прежнему остается самой красивой. Нарин горько улыбалась и благодарила за поддержку, но было видно, что мои слова нисколько ее не успокаивали. Еще бы! Благодаря модельному агентству она привыкла быть в центре внимания и теперь для нее навсегда был закрыт доступ в тот мир.

Когда Эвана посадили в тюрьму, а Рина сбежала, Андре разорвал с ними контракт в диком бешенстве. Эвану пришлось заплатить неустойку, чтобы все закончилось мирным путем. Андре считал, что они подставили его и теперь долгое время ему придется разгребать проблемы, созданные ими.

Эван сказал, что хочет увести Нарин из Англии, чтобы она была подальше от тех мест, где вновь может встретить то чудовище. Я прекрасно понимала его опасения и поддерживала в решении. Но меня крайне удивили его слова, что я также должна с ними поехать. Хотя Эван и сказал, что это все для блага моей дочери, но я видела, что он также переживал и обо мне. Мой дорогой мальчик, ставший мне настоящим сыном. Как же я любила его, он и Нарин два самых дорогих и любимых моему сердцу человека.

Через некоторое время пришло извещение, что мне одобрено свидание с Амитом. Узнав это, я не могла найти себе места, нервничая и переживая. Я перерыла свой гардероб, пытаюсь найти в нем что-то особенное. Я была уже не девчонка и подобных нарядов, что я носила раньше уже не было. В глубине шкафа я нашла пастельного цвета платье, красивое, легкое, с длинной струящейся юбкой в пол и глубоким вырезом сбоку. Лиф был немного откровенным, открывая взглядам неизменно красивые полушария больших грудей. На мгновение я подумала, что это платье слишком открытое для подобной встречи, но меня неизменно тянуло к нему. Плюнув на все, я надела его. Поняв, что моему образу чего-то не хватает, я взяла такого же оттенка легкий шарфик и повязала его на шею, очень утонченно и женственно. Волосы убрала в высокую прическу, оставив несколько прядей у лица. Совершенно очаровательно. Нанеся легкий дневной макияж, я взяла сумочку и вышла на улицу. Сев в машину, я завела ее. Любимый мини Купер довольно заурчал, когда тронулся с места.

Всю долгую дорогу до тюрьмы, я ужасно волновалась, а когда прошла необходимые процедуры и оказалась в комнате для свиданий, еще больше занервничала. Это была обычная комната, с двуспальной кроватью, телевизором, небольшим диванчиком, столом и даже холодильником с плитой. Рядом была комната с ванной и санузлом. Когда я договаривалась о длительном свидании, я не думала, что нам предоставят отдельную комнату, максимум это стол, за которым мы будем сидеть и общаться. Но полноценная комната... Пока ждала его, ужасно изнервничалась, сердце бешено колотилось в груди, грозясь вот-вот выпрыгнуть из своей клетки. Несколько раз я пыталась позорно струсить и уйти, но каждый раз отдергивала себя, нет, эта встреча должна состояться.

Взяв себя в руки, я подошла к окну. Не замечая за железными решетками ничего

интересного, я просто тревожно ждала.

Наконец, дверь за спиной скрипнула, и он вошел. С него сняли наручники и закрыли дверь на замок, оставив нас запертыми в одной комнате. Я не могла найти в себе мужества повернуться к нему лицом и взглянуть на него. Он тоже стоял у двери, не в силах приблизиться. На мгновение промелькнуло осознание, с кем в одной комнате я нахожусь, сколько людей пало от его руки, но вместе с тем пришло и понимание: мне он ничего не сделает.

Я напрягла свой слух, он стал таким острым, что слышала отчетливо шелест его одежды, дыхание и неспешные шаги, которые становились все громче, приближая Амита еще ближе ко мне. И вот я оказалась в объятиях, прижатая к его широкой каменной груди спиной. По моим щекам побежали слезы, когда я коснулась рук, сжимающих мою талию, ладонью.

— Анетт... как долго я тебя ждал... как скучал... — он крепко обнимал меня и вдыхал мой запах. — Все-таки наша дочка смогла убедить тебя. — «наша дочка», то с какой нежностью он сказал это глубоко тронуло меня, и я еще пуще зарыдала. — Прости меня, пожалуйста, прости за все, что я сделал. — Повернувшись к нему лицом и невидящими от слез глазами, я взглянула на него. Сквозь пелену слез его образ оставался прежним, точно таким, каким я его помнила.

— Амит... я пришла. — только и смогла промолвить я, когда его губы накрыли мои. Дух захватило тотчас, когда его руки впечатали меня в тело, а поцелуй стал еще глубже. Голова отключилась сразу, теряя контроль над разумом. Как долго я не испытывала ничего подобного, последний раз был именно с ним. И как после стольких лет обиды я по-прежнему могу все это ощущать с ним? Как? Я не могла этого понять.

— Пстой. — я коснулась его груди, выстраивая между нами дистанцию. Все-таки голова еще могла немного соображать и понимала, что это не выход, как бы сильно мы этого не желали.

Слезы высохли, и я смогла внимательно рассмотреть его. Прошло больше десяти лет, на его лице появилось несколько морщин на лбу и переносице, а на висках появились седые нити. Он был гладко выбрит, а черные волосы коротко пострижены, от его прекрасной густой шевелюры не осталось и следа. Он был по-прежнему хорошо сложен и все также, в моих глазах, неизменно красив и притягателен. Синие глаза Амита сияли восхищением и нежностью, когда его взгляд блуждал по моему лицу, волосам и телу. Ладонь Амита взлетела к моему лицу и погладила щеку.

— Ты все так же красива, малышка, годы не властны над тобой. — мои руки также коснулись его лица, погладили складки на переносице и лбу, разглаживая их.

— Амит, почему это произошло с нами? — дрожащим от слез голосом, спросила я. Амит устало выдохнул, вперив усталый, грустный взгляд в сторону.

— Потому что я идиот, не смог ценить то, что было самым важным в жизни.

— Ты сожалеешь? — Амит горько улыбнулся.

— Не было и дня здесь, чтобы я не сожалел. Но это все равно ничего не меняет, мои сожаления не изменят всего зла, что я совершил в жизни.

— Это так, — кивнула я. — но главное, ты осознал все. Нарин рассказывала о том, что виделась с тобой. Ты правда больше не чувствуешь к ней ненависти?

— Она хорошая и так похожа на тебя, пусть не внешне, но я сразу заметил в ней тот свет, что всегда видел в тебе. Нарин не моя мать и никогда ей не будет.

— Рада, что ты понял это. — удовлетворенно ответила я.

— И я был безумно счастлив, что она пришла ко мне.

— Она всегда тебя любила. — печально ответила я.

— Да, знаю и я сожалею, что не смог быть с ней рядом, пока она растет. Я был ей нужен.

— Ты нужен был всем нам... если бы ты только рассказал мне обо всем, все могло быть иначе.

— Теперь я это понимаю. — обреченно выдохнул он. Глядя на Амита, я испытывала невероятную бурю в груди, нежность, желание и невероятное чувство теплоты. Он по-прежнему был любим мною. И даже все зло не смогло убить во мне этого прекрасного чувства. Я глупая или же наивная, но мне так хотелось испытать все те чувства, что испытывала только с ним одним.

Подойдя к нему ближе, я коснулась его губ пальцами. Перехватив руку, он стал нежно покрывать мою кисть поцелуями. Волна нежности заполнила мое сердце, когда он прижал мою ладонь к своему сердцу.

— Чувствуешь? Мое сердце все еще бьется только для тебя. — сказал он такую знакомую фразу, которая была сказана в кафе, когда Амит впервые пригласил меня встретиться. Мои глаза наполнились слезами, а уголки губ задрожали. — Не плачь, малышка, больше не надо плакать. — и он коснулся губами моих глаз, стирая слезы своими поцелуями.

Желая всем телом большего, я обвила шею Амита руками и прижалась к его губам в бесконечном, полном страсти и отчаяния поцелуе. Все было так до боли знакомо, словно не было всех этих прошедших лет. Поцелуй захватывал дух, наши тела двигались в унисон, наполненные жаром и желания долгожданной близости.

Оторвавшись от поцелуя, он вынул шпильки из моих волос и когда они каскадом рассыпались по моей спине и плечам, Амит сгреб их в свою руку и глубоко вдохнул аромат.

— Боже, как мне не хватало этого здесь. — я улыбку, вспоминая как сильно он любил нюхать мои волосы. Подхватив меня под ягодицы, я крепко обвила ногами его торс, тесней прижимаясь к нему. Вновь глубокий поцелуй, ласкающиеся друг о друга языки и бешеный восторг, накрывающий нас с головой. Опустив меня на постель, он с трепетом стал ласкать мое тело, спуская платье с моих плеч. Стеснения или неловкости совсем не было, передо мной был прежний Амит, перед которым я всегда была открыта. Он целовал меня везде, где только можно, а я отвечала ему, не в силах насытиться этой близостью. Я понимала, что, когда выйду из этой комнаты — мы вновь расстанемся, поэтому мечтала, чтобы время остановилось и этот момент никогда не заканчивался. Когда он вошел в меня, я испытала прекрасное ощущение, словно после долгого отсутствия вернулась домой. Бешеный восторг, стоны, которые невозможно было сдержать и его имя, срывающееся с моих губ в диком блаженстве. Все это было так правильно и единственно верно. Быстрый темп, сменяющийся медленным, губы, что, не прекращая шептали мое имя, влюбленный взгляд, что с нежностью смотрит, касаясь самой глубокой части моей души, страсть, что разгоралась все сильнее.

— Люблю тебя... как же я тебя люблю... — сквозь блаженство стонал он. Долгожданная разрядка наступила одновременно, принося удивительное спокойствие и удовлетворение.

После страстных утех мы долго лежали в молчании, он гладил меня по спине, волосам, целовал волосы, лицо, я же, крепко обняв, просто наслаждалась тем, что вновь чувствую себя

счастливой.

— Знаешь, когда я узнал, что меня ждет свидание с тобой, никак не мог подумать, что оно закончится так. — он мягко улыбнулся, целуя меня в висок. — Если честно, я вообще думал, что даже не смогу тебя коснуться.

— Я долго боролась с собой, пыталась забыть, но понимала, что не смогу этого сделать. Ты крепко засел в моей голове, Амит. — он еще крепче прижал меня к себе.

— У тебя был... кто-то после меня? — заданный вопрос дался Амиту очень сложно, но напрасно он волновался, ему понравится ответ.

— После тебя, Амит, у меня был... — я выдержала паузу, чувствуя игривое настроение. — только ты. Больше никого не было. — его глаза наполнились счастьем, радость на его лице была по-детски милой.

— Я счастлив, что ты по-прежнему моя. — его объятия стали еще крепче и я счастливо улыбнулась. Вдохнув запах его кожи, я блаженно улыбнулась, он пахнет также, как и десять лет назад, разве что не было примеси французских духов. Но даже без них, его аромат всегда действовал на меня как афродизиак.

— Я бы хотела, чтобы наше свидание никогда не заканчивалось. — мои глаза наполнились слезами, от понимания, что скоро все закончится и мы, возможно, никогда больше не увидимся. Неизвестно, что нас ждет дальше, может завтра один из нас умрет и тогда мы навсегда лишимся возможности воссоединиться. — Как ты думаешь, возможно ли, чтобы тебя когда-нибудь освободили? — я поднялась на локте, с надеждой глядя в его глаза. Лицо Амита потемнело от грусти.

— Анетт, мне дали пожизненное, боюсь, это невозможно. — я уронила голову на грудь Амита и зарыдала.

— Как же так? Я так надеялась, что могут найтись лазейки.

— Не плачь, малышка. Я получил то, что заслуживаю.

Потом мы еще долго разговаривали. Я рассказала ему про свою жизнь, про то, что пережили Нарин с Эваном. Амит очень расстроился, услышав об этом, он признался, что на нем лежит вина за то, что Кайл стал таким. Тогда он рассказал мне правду о том, как повлиял на Эвана и вынудил его устранить соперника. Я была потрясена, на каждом из нас лежала ответственность за произошедшее, но именно Амит стал началом того, что повлекло такие страшные последствия. Значит, моя интуиция тогда в отношении Эвана не врал, и он все-таки был причастен к исчезновению Кайла. Мое настроение заметно омрачилось, но я понимала, что это все дела давно минувших дней. Все мы виноваты в произошедшем, кто-то больше кто-то меньше, сейчас обвинять и сыпать соль на рану человеку, который давно раскаялся во всем, было бессмысленно и жестоко.

Признаться, свидание с Амитом было самым счастливым временем за все эти годы. С ним я по-настоящему ощущала себя настоящей женщиной, хрупкой, маленькой, полной любви и нежности. Любимая работа и дети хоть и делали меня счастливой, но то, как влиял на меня Амит было совсем другим. Это чувство, такое теплое и давно забытое, появлялось только с ним. Это зависимость или любовь? Скорее все одновременно, но мне не хотелось об этом думать, я наслаждалась нашей близостью и этим временем, что мы могли быть вместе. Закончится день, наступит утро и мы вновь расстанемся и неизвестно сможем ли встретиться вновь.

Всю ночь мы не спали, разговаривали и занимались любовью. А едва утро наступило, в дверь постучали, объявив, что пора прощаться. Я тут же бросилась в слезы, крепко его

обнимая. Он прижимал меня к себе, не в силах отпустить.

— Пиши мне, Амит. Будь уверен, теперь я отвечу на каждое твое письмо.

— Извини, малышка, но больше я не стану тебе писать.

— Что? Почему?

— Анетт... — он взял меня за плечи, ища зрительного контакта со мной. — Я благодарен тебе за время, что провела со мной, за то, что вновь заставила меня почувствовать себя счастливым. Как бы сильно я тебя ни любил, как бы не хотел, чтобы всю свою жизнь ты любила только меня, оставалась моей, но я понимаю, что поступаю очень эгоистично по отношению к тебе. Я никогда не выйду отсюда. И мы никогда не сможем быть вместе, как раньше. Ты понимаешь это, я знаю. — он говорил правду, я это осознавала, но так не хотелось все это слушать. Хотелось закрыть уши и не слышать ничего из того, что он говорил. — Ты достойна счастья и любви, достойна всего того, что может дать тебе мир. Не закрывайся от него, не позволяй любви ко мне сделать тебя несчастной на всю оставшуюся жизнь. Ты еще молода... — на следующих словах его голос дрогнул. — сможешь еще найти свое счастье и полюбить кого-то, кроме меня.

— Нет, нет, Амит. — запротестовала я, не сдерживая своих слез.

— Да, Анетт. — он тяжело выдохнул, касаясь своим лбом моего. — Я отпускаю тебя...

— Нет! — закричала я, сквозь слезы. — Не поступай так со мной! Не говори таких слов!

— Так будет правильно, малышка. Не держись за чувства ко мне, не будь несчастной.

Живи! Я хочу, чтобы ты наконец жила, а не существовала! Помоги себе, как помогаешь другим! — я крепко вцепилась в него, не желая отпускать, хотелось стать с Амитом единым целым, только бы остаться с ним навсегда. — Наша любовь хоть и красивая, но принесла тебе лишь боль и несчастье. Я хочу, чтобы ты встретила мужчину, который сделает тебя счастливой.

— Ты просишь слишком многого.

— Нет, Анетт. Я лишь хочу, чтобы ты была счастлива вопреки всему, за нас двоих.

— Но как же ты? — не успокаивалась я.

— Я давно просрал свою жизнь и уже никогда не смогу жить счастливо. Для меня оно закрыто, но не для тебя. А теперь иди ко мне, я хочу как следует с тобой попрощаться. — и прижав меня к себе, он поцеловал меня. Наш поцелуй был со вкусом слез, смешавшихся воедино — его и моих. — А теперь иди, я хочу, чтобы ты ушла первой. — он подтолкнул меня к двери, а меня все еще тянуло к нему, не было сил уйти. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

— Амит, я люблю тебя. — прошептала я, вновь обнимая его. — Как же я тебя люблю, хоть и злилась, хотела ненавидеть, но продолжала любить до безумия.

— Моя девочка, моя любимая. Пообещай мне, что будешь счастлива не смотря ни на что.

— Я не могу тебе этого обещать. — честно призналась я.

— Нет, я хочу быть уверен, что ты сделаешь все от тебя зависящее, чтобы быть счастливой. Пообещай. — он умоляюще заглянул мне в глаза, ожидая моего ответа.

— Хорошо, я обещаю тебе. — слезы заструились вниз по моим щекам, выдавая мое состояние. Обхватив мое лицо ладонями, он стер пальцами слезы с моих щек.

На моей шее был повязан легкий шелковый шарф, он коснулся его.

— Оставь мне его, я хочу, чтобы у меня осталось что-то от тебя на память. — я сняла его и вложила Амиту в руку. Амит сжал его, подавляя в себе слезы, он поднес его к своему носу и понюхал.

— Он так пахнет тобой.

— Жаль, что у меня ничего нет от тебя.

— Тебе и не нужно, ведь ты пообещала забыть меня. — я вновь заплакала.

— Все будет хорошо, родная. Передай Нарин, что я очень сильно ее люблю. Я счастлив за них с Эваном. — я кивнула. — А теперь иди... — он вновь подтолкнул меня к двери, но на этот раз, хоть слезы и душили меня, я понимала, что нужно уходить. — Прощай, Анетт, будь счастлива. — у самой двери я обернулась и ответила, стараясь сквозь слезы улыбнуться.

— Прощай, Амит.

И я ушла, глотая горькие слезы. Как бы я не любила Амита, но понимала, что он во всем прав. Я должна двигаться дальше, пытаться забыть его, начать жить, не думая о прошлом и не пытаться воскресить его в памяти. Амит отпустил меня, значит и я должна сделать это ради него и себя, иначе так и не смогу исполнить данное ему обещание.

Спустя пару дней мне позвонили из тюрьмы. Амит повесился в своей камере на моем шарфе. Эта новость меня едва не убила. Он попросил мой шарф не на память, а чтобы прекратить свои страдания. Амит, ты сказал, что отпускаешь меня, но так и не смог этого сделать, предпочел просто не жить, зная, что я могу быть с кем-то кроме тебя. Глупец, какой глупец.

Я не выходила из своей комнаты пару дней, просто не могла найти в себе сил. Я все время плакала, чувствуя щемящую боль от потери любимого человека.

Хоронили его спустя три дня. Присутствовали лишь я, Нарин и Эван, самые близкие для него люди. Рядом покоился Эдмонд, я надеялась, что после смерти он сумел простить племянника. Теперь мы с Амитом сможем видеться чаще, однако, я не предполагала, что это будет при таких обстоятельствах. Смотреть на плоское надгробие с его именем, без возможности вновь к нему прикоснуться, ощутить его запах, поцелуи, было очень тяжело и каждый раз изматывающе. До нашего отъезда в Германию я приходила каждый день, плача и страдая каждый раз все больше. Когда-нибудь станет легче, но пока я просто отдавалась эмоциям горя бушевавшими внутри.

Когда я узнала о своей беременности, то испытала дикий ужас. Страшные воспоминания обрушились на меня с головой: его мерзкие поцелуи, жесткая хватка на моей коже, оставляющая багровые синяки; насилие, жуткая боль, охрипший голос и обилие крови. Почему это должно было произойти? Какой у Бога на меня план, если он подкидывает мне один за другим испытания? Этот ребенок... я уже его ненавидела... я мечтала, чтобы он исчез, так можно было бы хоть немного позабыть о случившемся. Хотя шрамы по всему телу и лице не давали мне ни на день об этом позабыть.

Я смотрела на себя в зеркало и не могла понять, как могла такой стать? Сейчас я мало чем была похожа на саму себя из-за этих уродских шрамов. Тот ублюдок ошибся, полагая, что, сделав это Эван бросит меня. Он мало того не оставил, так еще и принял меня, по-прежнему глядя с той же любовью, не замечая изъянов. Я была благодарна ему, так благодарна, как никому и никогда прежде. Раньше я считала, что Эван задушит меня своей любовью, но тогда не понимала, что именно она сделает меня настолько счастливой. Только полюбив, я поняла, что если будет он один, то никакие друзья и подруги не нужны, Эван был мне за всех. Он даже принял мою беременность так, как будто в действительности хотел этого. Но я знала точно, что ни мне ни ему этот ребенок нужен не был.

Я хотела сделать аборт. Боже, как я этого хотела! Но срок был уже слишком велик, чтобы без вреда здоровью избавиться от нежелательного плода. Как я не заметила этого раньше? Ведь были предпосылки! Я сильно утомлялась, больше спала и бесконечно ела, даже моя грудь говорила о моем состоянии, став на размер больше. Но я была глуха к подсказкам своего тела, даже отсутствия месячных не заметила. Вспоминая свое моральное состояние и тревожные мысли, жужжащие в моей голове, я не смогла долго винить себя. Я храбрилась перед Эваном, мамой, а внутри была зияющая пустота и вечный страх, что когда-нибудь я вновь с ним встречу. К счастью, полиция его поймала и теперь своего мучителя я буду видеть только в кошмарах и мучительных воспоминаниях, ах, да, еще и в ребенке. Нет, я не смогу воспитывать его, это слишком сложно давать любовь, частичку себя тому, в чьих жилах течет кровь монстра. Но меня прошибло осознание, а ведь я такая же, как и этот ребенок. Мой отец погубил столько людей, неоднократно причинял боль моей матери. Однако, между нами существовала огромная разница: мама любила папу, а я ненавижу чудовище, что ввергло мою жизнь в ад. Я понимала, что ребенок, росший во мне, ни в чем не виноват, он такая же жертва, как и я. Но я ничего не могла поделать с этим, ему не повезло иметь мать, которая мечтает избавиться от него.

Подготовки к отъезду были окончены, мама собиралась навестить папу, а через несколько дней после их свидания мы должны были уезжать. Я очень переживала за них, как пройдет их встреча спустя 10 лет? Я ожидала, что мама вернется домой разбитая, злая, будет сокрушаться на меня за то, что подбила ее на свидание с отцом, но вместо этого, увидела благодарность в ее глазах и умиротворение.

Она рассказала об их встрече, упомянув о том, что за эти десять лет вновь почувствовала себя живой. Я была рада за нее и искренне желала, чтобы она все-таки обрела свое женское счастье.

Спустя пару дней, когда я закончила собирать последний чемодан, позвонила мама. Ее голос был безжизненным и дрожал от слез, она едва могла вымолвить хоть что-то внятное,

но из ее бормотания я уловила суть: папа покончил жизнь самоубийством, повесившись на ее шарфе. Я сползла вниз на пол, подавляя в себе рыдания. Папы больше нет... Эта новость едва не лишила меня сознания, слезы безмолвным потоком стекали по изуродованным щекам. Я понимала, как бы не любила папу — утрату смогу пережить, но мамино горе нельзя было сравнить с моим, ведь она любила его иначе. Мне страшно представить, как сильно бы я страдала, лишившись Эвана. Наверное, моя жизнь закончилась бы в тот самый момент. Я понимала, что ей нужна была поддержка и не могла оставить ее наедине со своим горем. Рассказав о смерти папы Эвану, мы тотчас поехали в Ливерпуль к маме. До самых похорон я не покидала ее. Хотела, чтобы она чувствовала, что кто-то рядом и она не одна.

Смерть папы внесла свои коррективы в наши планы. Настроение и моральное состояние было на нуле и двигаться дальше совсем не хотелось. Только лежать и грустить о потере. Я задавалась вопросом: почему смерть отца так меня подкосила? Мы не общались 10 лет и виделись лишь раз, тогда почему я приняла его смерть так близко к сердцу? И ответ пришел сразу, не задумываясь, потому что я всегда любила его и верила в лучшее. Даже узнав о том, кем на самом деле был мой отец, я не переставала его любить. Я с теплом лелеяла воспоминания о том, как отец брал меня на руки, как был нежен и ласков с мамой, какие сюрпризы делал, с каждым разом делая ее все счастливее. В детстве мне нравилось наблюдать за ними, их отношения были идеальными для меня.

Пришлось поменять билеты на другую дату, чтобы немного прийти в себя. Так как мы с Эваном так и не смогли сдать выпускные экзамены, мы пошли в университет, чтобы поговорить с ректором. Высокая брюнетка с короткой стрижкой и строгом деловом костюме поднялась, увидев нас.

— Эван, Нарин, я была очень огорчена увидеть вас в списках, не сдавших экзамен. Куда вы пропали? — вдруг ее улыбка потухла, когда она заметила рубцы на моих щеках. — Что с тобой произошло? — лицо ректора наполнилось жалостью и пониманием, словно во мне она узнала себя. По этой уверенной успешной женщине никогда не скажешь, какие испытания она прошла. Ее муж был жестоким тираном, который развлечения ради избивал жену. Благодаря маме она смогла выйти из этих больных отношений и построить счастливую жизнь с хорошим человеком.

Я вкратце рассказала о том, что произошло, добавив, что именно по этой причине мы с Эваном отсутствовали.

— Я сочувствую тому, что с тобой произошло. Это ужасно. — она грустно опустила глаза. — Прошло так много времени и через два месяца состоится итоговый экзамен у потока этого года. Я включу вас в список.

— Правда? Спасибо большое! — обрадовалась я. Эван с улыбкой глянул на меня, погладив нежно по плечу.

— Заполните заявления. — она протянула нам два листка. После заполнения заявления, мы с Эваном ушли. Я была довольна тем, что несмотря на то, что прошел почти год нам все-таки удастся сдать экзамен.

— Ты довольна, Рина? — прижимая меня к себе, Эван коснулся своим лбом моего.

— Да, Эван! Наконец, мы сможем стать врачами.

— Не уверен, что хочу этого. — пожал плечами Эван.

— Тогда чем ты собираешься заниматься? — Эван загадочно улыбнулся.

— В Германии есть филиал моего отца, нынешний директор не справлялся со своими обязанностями и его уволили. Папа предложил эту должность мне. — Эван скромно

улыбнулся, понимая, что если бы он не был сыном Лайта, то никогда не смог бы получить это место.

— Я так рада за тебя, Эван. — я бросилась к нему в объятия, крепко обнимая.

— Не радуйся раньше времени, Рина. Мне еще столькому нужно научиться, ведь я ничего не знаю о бизнесе. Будет сложно заручиться уважением сотрудников, если они узнают, как я получил эту должность. — я лукаво выгнула бровь дугой и улыбнулась.

— Когда тебя стали волновать такие мелочи?

— Когда понял, что на мне лежит ответственность за тебя. Мне хочется дать тебе достойную жизнь, в которой ты не будешь себе ни в чем отказывать. А еще я хочу, чтобы наши дети гордились своим отцом. — его слова так меня растрогали, что я сквозь слезы улыбнулась.

— Уверена, не зависимо ни от чего, они будут гордиться тобой. Ты добьешься успеха, уважения и никто никогда не посмеет сказать, что ты получил это место не заслуженно. Я даже не сомневаюсь в этом. — Эван мягко улыбнулся, чувствуя мою поддержку.

Спустя неделю мы переехали в Дресден. Оказывается, Эван купил нам дом задолго до того, как я оставила его. Я была очень удивлена его поступку, а еще больше тому, что он так долго молчал об этом.

Наш новый дом был построен из красивого белого кирпича. Он был хоть и не большим, но мог вместить всю нашу семью и еще парочку детей. Просторная гостиная, красивая кухня, столовая, две ванных комнаты, две спальни и три не больших пустых комнаты. Комнаты были обставлены красивой новой мебелью, которая радовала взгляд и поднимала настроение. Вокруг дом окружала небольшая белая изгородь из кованного железа, она не могла обезопасить от вторжения, но красиво дополняла участок. Во дворе имелось множество плодовых деревьев, кустарников и цветов, которые распустились к нашему приезду. Хоть моя родная земля была и далеко, но когда я увидела наш новый дом, то поняла, как счастлива быть здесь. Рядом были самые близкие люди, и я была довольна.

Эван стал изучать бизнес, он очень был погружен в это. Было видно, что ему и самому очень интересно. Помимо бизнеса мы вместе изучали немецкий, занимаясь с репетитором. На удивление, немецкий язык давался нам очень легко и совсем скоро мы могли поддерживать беседу с носителями языка.

Я стала заново готовиться к экзаменам, параллельно со мной готовился и Эван. Ему не нужен был этот экзамен, он все уже для себя решил, но считал, что просто обязан пройти этот путь вместе со мной и завершить свое обучение.

Неподалеку от нашего дома была клиника, я встала туда на учет по беременности. Ребенок уже всю шевелился и, хотя я не любила его, но замечала в себе нежность, когда чувствовала легкие пиночки.

Беременность протекала легко, иной раз я даже забывала о своем положении. В это не легкое для меня время Эван все время был со мной рядом, он был необычайно нежен и внимателен. Я стала следить за своим питанием и, хотя ужасно хотела есть — сдерживала себя, чтобы не набрать лишних килограммов. Эван наоборот старался меня накормить повкусней. Он открыл для себя, что ему очень нравится готовить для меня. И хотя свободного времени у него было не так много, он умудрялся найти время, чтобы накормить меня чем-нибудь вкусеньким.

Хоть глаза мамы были наполнены печалью, глядя на нас она очень радовалась. О своем положении я рассказала в тот день, когда она приехала от папы. Она понимала мое

нежелание иметь этого ребенка, но вместе с тем уверяла, что в моих силах воспитать его так, что он станет для меня настоящим счастьем. Я скептически отнеслась к ее словам, потому что не верила, что можно полюбить ребенка от того уroda. А если он будет на него похож? Я боялась этого и уже заранее настроила себя, что так оно и будет.

Через месяц мы с Эваном поженились. Пышной свадьбы и белого подвенечного платья у меня не было, но мне этого было достаточно.

Мама продолжала консультировать женщин онлайн, вскоре у нее появились первые клиенты и в Германии. Мама старалась загрузить себя работой, желая избавиться от душевной боли, сжигающей изнутри. Папа был далеко не идеальным человеком, но, не смотря ни на что, она так и не смогла никого полюбить. Я очень надеялась, что она все-таки обретет новое счастье с хорошим человеком.

Время в Германии быстро летело, прошло два месяца и через неделю мы собирались вернуться в Лондон для сдачи экзаменов. Мой живот вырос и со стороны походил на мяч. Ребенок всюду шевелился и совершал необычайные кульбиты в моем животе. Иногда я ловила себя на нежности и даже ласково поглаживала его, пытаясь успокоить, а потом отдергивала себя, заставляя не чувствовать ничего. Но видимо материнский инстинкт во мне был сильно развит, потому что с каждым днем наплывы нежности случались все чаще.

За пару дней до отъезда мы с Эваном пошли в клинику для планового УЗИ. Во время исследования Эван был со мной рядом, нежно держа за руку. Он с интересом смотрел на дисплей экрана, с живым любопытством рассматривая ребенка. Он вел себя так, как если бы был настоящим отцом ребенку. Это очень трогало меня.

— Малыш развивается соответственно сроку, все хорошо. — улыбнулась ласково узистка, говоря это нам.

— Уже можно узнать пол? — спросила я, моля про себя, чтобы был не мальчик.

— Да, малыш очень открытый и не стал это скрывать. — вновь с улыбкой ответила она. — Это девочка. — в тот момент я испытала облегчение. Глядя на Эвана, поняла, что он тоже рад этому известию.

Уже выходя из клиники, Эван сказал:

— Я рад, что у нас будет девочка, так велика возможность, что она будет больше похожа на тебя.

Я пыталась убедить себя в его словах, но реальность была такова, что даже девочка может быть копией своего отца. Я тому подтверждение. Но я не стала сеять сомнения в душе Эвана, не хотелось, чтобы он думал об этом. Будь, что будет.

Через два дня мы улетели в Лондон. Сняли небольшую квартиру-студию неподалеку от университета.

В день экзамена я ужасно нервничала. Всю ночь мне снились кошмары и проснулась я в ужасном настроении. Эван приготовил завтрак и принес его в постель. От аппетитно приготовленного омлета с овощами и свежесваренного кофе, приятно заурчало в животе. Поцеловав его в губы, я стала уплетать завтрак.

— Сегодня ночью ты плохо спала, так переживаешь из-за экзаменов?

— Да, переживаю. — кивнула я, тщательно пережевывая. — Но не уверена, что дело только в нем. — Эван внимательно взглянул на меня, задавая вопрос:

— В чем тогда?

— Не знаю, как будто бы что-то нехорошее должно произойти. — Эван задумчиво уставился в пространство. — Любимый, его точно поймали? — спросила осторожно я,

желая услышать в очередной раз подтверждение.

— Точно. — выдохнул он. — Тебе не нужно больше переживать из-за этого. Это город на тебя так влияет. Еще немного и мы вернемся домой.

— Да, думаю все дело в городе. — кивнула я немного успокоившись.

Хоть я и нервничала, но экзамен сдала на отлично. Эван тоже сдал и я была невероятно горда им.

Вечером мы решили прогуляться по парку. Вначале погода радовала теплым воздухом и легким свежим ветерком, но совсем скоро все изменилось и небо заволокло темными тучами, предвещая скорый дождь. Ветер усилился, и я обхватила себя за плечи, пытаюсь согреться. Погода была зловещей и угнетающе влияла на мое, без того, тревожное состояние. До квартиры нужно было идти не менее получаса и я предложила зайти в заведение немного поесть и согреться. Обхватив за плечи, Эван повел меня в сторону небольшого уютного кафе в стиле ретро. Заказав горячий кофе и пару заварных пирожных к нему, я протянула свою ладонь через стол к Эвану. Эван мягко улыбнулся, сплетя наши пальцы. Наши платиновые кольца красиво сверкали в свете ламп. Эван погладил палец, на котором было кольцо и поцеловал его, сжав после мою ладонь.

— Ты такая красивая, Рина. Не думал, что беременность сделает тебя еще краше. — я залилась густым румянцем.

— Эван, мне очень повезло с тобой, хоть раньше я думала иначе.

— Я был эгоистичным ублюдком, Рина, не удивительно, что ты не хотела быть со мной.

— Я думала люди не меняются...

— Меняются, если очень этого захотят. Мне хотелось быть с тобой, я понимал, что такого, каким был раньше ты не смогла бы полюбить. Я никогда тебе не рассказывал, но во время учебы я посещал психотерапевта, который открыл мне глаза на многие вещи. Сейчас, вспоминая все манипуляции, которым я подвергал тебя, запреты и бесконечные обиды, я понимаю, как был не прав тогда. Потому что, когда искренне любишь не хочется делать любимую несчастной, а я тебя делал постоянно такой. Прости меня, Рина. — я заплакала, услышав его извинение.

— Я люблю тебя, Эван, очень сильно люблю. Ты ведь знаешь? — Эван нежно улыбнулся.

— Знаю, чувствую это. — если бы не стол, разделяющий нас, я бы накинулась на него со всей страстью, до того этот момент был прекрасный. Но нас разделял стол, поэтому только и оставалось улыбаться друг другу и сплестать еще крепче наши пальцы.

— Пока не принесли наш заказ, я отойду не на долго. — не удержавшись от поцелуя, я все-таки подошла к нему и нежно поцеловала, сладко касаясь его языка своим. — Я скоро, думай обо мне. — лукаво улыбнулась я и пошла в сторону уборной. Мне в спину летели его слова:

— Всегда думаю. — уходя я улыбалась, чувствуя невероятную нежность и счастье.

Справившись в уборной, я подошла к зеркалу, чтобы помыть руки. Я мечтательно улыбалась, глядя на воду, стекавшую с моих ладоней. Кожей спины я ощутила чье-то присутствие, подняв глаза к зеркалу, я похолодела от ужаса, увидев позади себя мужчину, что стягивал с себя парик и очки. У него были усы, которые он также медленно сдирал с себя. Я находилась в ступоре, не в силах ни убежать, ни закричать, ни сказать хоть слово.

— Ну, здравствуй, Рина... давно не виделись... — и по его губам расплылась кровожадная улыбка, воскрешая в моей голове все ужасы, что совершал он со мной...

— К-как ты оказался здесь? Т-ты ведь был в тюрьме? — дрожащим от страха голосом, спросила я.

— Оо, значит, он сказал тебе это. — усмехнулся злорадно Кайл. — Видимо твой любимый не так уж с тобой и честен. — сделал паузу, ехидно улыбаясь. — Я никогда там не был. — мои ноги едва не подкосились от услышанных слов. Эван врал мне, но стоило ли винить его за это? Нет. Никогда. Он хотел, чтобы я не волновалась и эти месяцы, зная, что он в тюрьме я чувствовала себя в безопасности. Зная правду, я находилась бы в постоянном страхе, что он может вновь найти меня.

Я бросила взгляд на дверь, которая находилась всего в паре метров от меня, так близко, но в тоже время далеко. Стоит мне шелохнуться, как он тотчас перехватит меня. Предупреждая дальнейшие мои действия, Кайл приблизился ко мне еще ближе. Уперевшись руками о раковину, он заключил меня в клетку своих рук. Хотелось отодвинуться от него, быть как можно дальше, но мне мешала тумба с раковиной и сковывающий тело страх.

— Знаешь, тебе очень идут эти шрамы, я рад, что сделал это в последний момент.

— Ты больной ублюдок! — прорычала я сквозь стиснутые зубы. Я понимала, что злить его в этот момент нельзя, но ничего не могла с собой поделать. Я молила Бога, чтобы Эван ворвался сюда и спас меня от этого чудовища, но вместе с тем, я боялась, что Кайл может навредить ему.

Приготовившись к тому, что после моих слов мне придется не сладко, я прикрыла глаза. Его лицо исказилось от злости, и он поднял руку для удара, но в последний момент увидел мой живот и замер. В его глазах загорелось понимание.

— Он мой? — мой взгляд забегал, выдавая ответ, который бы я хотела скрыть от него. Теперь даже если я и скажу, что это ребенок Эвана, Кайл не поверит ни единому слову. Взгляд Кайла потеплел и его руки потянулись к моему животу, но я инстинктивно закрыла его, не желая прикосновений.

— Не думал, что это случится. Но, черт, как же я рад! — он засмеялся и его глаза счастливо засверкали. — Мои детские желания начинают воплощаться.

Я смотрела на него со смесью интереса и ужаса. У меня появилась надежда, что сентиментальность Кайла сыграет мне на руку и я смогу выйти отсюда невредимой.

— Когда я шел сюда в моей голове была лишь одна мысль — закончить начатое дело и прикончить тебя. Но сейчас я этого не хочу... — мне нужно потянуть время.

— А что ты хочешь?

— Я хочу этого ребенка и тебя. Но сначала, я должен избавиться от помехи, стоящей на нашем пути. — мои глаза тревожно расширились, от понимания кого он считает помехой.

— Нет, нет, нет, только не Эван! Убей лучше меня, а его не трогая. — я схватила его за руки, прося и моля об этом.

— Ты так сильно его любишь? — не думая о последствиях, я ответила.

— Больше жизни. — и эти слова были самой большой моей ошибкой.

— Тогда я просто обязан это сделать. Дай мне телефон.

— Нет, я не дам его тебе. — я пыталась защитить сумку, в которой он лежал.

— Не заставляй меня злиться и причинять тебе боль, Рина. — но я продолжала сопротивляться, судорожно вцепившись в сумку. Тогда он с силой оторвал мои руки от

сумки, и скрутив их сзади, достал из нее телефон. Рукам было нещадно больно, но я терпела, преодолевая боль, сопротивляясь еще сильнее. — Разблокируй телефон!

— Нет! — он делал над собой усилия, пытаясь держать себя в руках, видно, каких трудов ему это стоило.

— Рина! У тебя все хорошо? — на другой стороне двери стоял Эван, с беспокойством пытаясь открыть запертую дверь. Кайл злорадно усмехнулся, прошептав мне на ухо.

— Сегодня удача на моей стороне. — Он сорвал с моего с моей шеи шарф и распрямив его, стал приближать к моему рту. — Будь хорошей девочкой, тогда останешься невредимой. — но мне было все равно, я прошла уже этот ад и знаю, что меня ждет с ним, хуже уже не будет, большее, что он сейчас может сделать со мной это убить. Но я готова была рискнуть, ради себя, ради Эвана, ради этого ребенка.

Ударив, что есть силы его в пах, я кинулась к замку на двери, чтобы открыть ее. Замок с легкостью открылся, но не успела я открыть дверь, как Кайл схватил меня за волосы и откинул назад. Я больно стукнулась головой о кабинку, когда заметила, как в руках Кайла блеснул длинный острый нож.

— Осторожно, Эван! У него нож! — Глаза Эвана были наполнены беспокойством, но вместе с тем были полны ярости и бешенства.

— Каково это знать, что твоя любимая беременна от другого? — ехидно спросил Кайл, подходя ближе к Эвану.

— Это не важно, главное, что она рядом.

— Не на долго. — спокойный ответ взбесил Кайла, и он напал на него, но Эван среагировал быстро, толкнув его ногой в грудь.

Эван был умелым бойцом, не даром он занимал первые места на соревнованиях. Его удары были мощными и молниеносными, точно попадая в цель. Эван был сильнее и опытней, Кайл же был психопатом, который несмотря на кровь и боль пытался атаковать с диким рвением.

— Что у вас здесь происходит? — в туалет заглянул официант. — Прекратите немедленно, иначе я вызову охрану.

— Вызовите полицию! — закричала я. — Здесь преступник! — быстро оценив ситуацию, официант попытался убежать, но Кайл пырнул его ножом в бок и тот свалился на пол, теряя сознание. Я закричала от ужаса. Эван поднял на меня тревожный взгляд и на мгновение отвлекся от Кайла, чем тот и воспользовался, ударив Эвана ножом в бедро. Нееееет! Только не он! Что есть силы я поднялась, чтобы ударить Кайла по сильнее, но моих усилий было недостаточно, чтобы как-то остановить его.

— Рина, спрячься в кабинку! — закричал Эван. Кровь на бедре Эвана обильно пропитывала джинсы, вызывая ужас и дикий страх, что потеряв слишком много крови, Эван может потерять сознание.

Хоть мне была невыносима идея прятаться в кабинке, но я сделала это, чтобы позвонить в полицию и сообщить обо всем. Полиция обещала приехать через пять минут. А между тем, борьба все еще продолжалась, слышны были удары и неистовое сопротивление двух противников. Эван держался и, хотя мне было необычайно страшно, я верила, что все обойдется и мы выйдем из этой битвы победителями.

Вновь удар и я услышала, как недалеко от меня приземлился нож. Я вышла из кабинки и схватила его. Переведя взгляд на Эвана и Кайла, я увидела, что мой возлюбленный находится в ужасном положении и вот-вот потеряет сознание. Кайл сидел на груди Эвана и отчаянно

наносил неистовые удары по лицу моего любимого. Страх за Эвана уступил место решимости, и я крепче сжала рукоять ножа. С фанатичным блеском в глазах я медленно приблизилась к нему, чтобы со спины ударить Кайла ножом в бок. Кайл перестал бить Эвана, с потрясением взглянул на нож, торчащий из его плоти и на меня. Он взвыл от боли и упал, повалившись на бок. Я подбежала к Эвану, не в силах сдержать слезы. Эван был в сознании, но достаточно слаб.

— Ты как? — я стала осторожно гладить опухшее лицо Эвана ладонями, стараясь не причинять сильной боли.

— Жить буду. — простонал он. Я испытала облегчение, вперемешку с благодарностью, за то, что с ним все хорошо. Коснувшись его лица губами, я стала причитать:

— Я так испугалась за тебя, Эван. Так боялась потерять тебя. — слезы обильным потоком стекали по моим щекам, падая на лицо Эвана.

— Я рискую утонуть в твоих слезах. — попытался пошутить он.

— Лучше так, чем умереть от лап этого уродца. — Я почувствовала позади себя, какое-то движение, но была слишком впечатлена событиями, чтобы обратить на это внимание. Взгляд Эвана стал тревожным, он попытался что-то сказать, но резко прижал меня к себе, тем самым спасая от удара. И когда нож Кайла должен был соприкоснуться с моим телом послышался выстрел и Кайл упал позади меня на пол. Эван облегченно выдохнул, прижимая меня к себе.

— Я чуть не потерял тебя... не подоспей полиция вовремя, он бы убил тебя.

— Вы как? — к нам подошел молодой полицейский, мы рассказали ему все о происшествии. Кайл был жив, но сильно ранен, его забрала полиция в участок, а для нас и того бедолаги официанта была вызвана скорая.

Я была в порядке, несмотря на ушиб головы. У Эвана были проблемы посерьезней. Помимо множественных ссадин и гематом, он потерял много крови из-за глубокой раны на бедре. Нужно было срочное переливание, чтобы восполнить недостачу. Я хотела бы ему помочь, но наша кровь имела разную группу. К счастью, у Лайта была та же группа и он с большим удовольствием предоставил ее своему сыну.

Судебно-психологическая экспертиза показала, что Кайл не здоров и вместо заключения, было решено отбывание в психбольнице. Я искренне надеялась, чтобы это чудовище больше никогда не вышло оттуда, хотя мне известно много случаев, когда после проступка определенного срока преступника отпускали на свободу.

Кайл признался во всех своих преступлениях. Рассказал в каких городах убивал, где оставлял труп, какой возраст его жертв, имена — он знал о них все, что говорило о том, что это были вовсе не спонтанные убийства, а тщательно спланированные преступления. Он рассказывал все, наслаждаясь воспоминаниями убийств.

— Мы породили чудовище! — ужасалась я, обсуждая эту тему с Эваном в больнице. Меня уже выписали, но я отчаянно не хотела оставлять Эвана одного, поэтому договорилась с врачом, чтобы на время пребывания Эвана в больнице, делить палату вместе с ним. Я не могла вернуться домой одна, мне все еще было страшно оставаться самой. А возвращаться в Германию без него — тоже не хотелось.

— Твоей вины в том не было, Рина. — выдохнул Эван. — Это все я и моя ревность.

— А из-за кого ты так поступил? — продолжала настаивать я. — Правильно, из-за меня. Значит, моя вина также присутствует. И Кайл считал так же, ведь именно мне он пытался отомстить.

— Мне жаль, малышка. — он потянулся к моему лицу, чтобы погладить. — Как ты себя чувствуешь? С дочкой все хорошо? — я мягко улыбнулась.

— Да, все хорошо. — кивнула я.

За то время, что мы пробыли в больнице, я немного переосмыслила мысль, что у меня скоро будет ребенок от того монстра. Да, меня это не радует, но я не животное, чтобы причинять вред своему ребенку. А она именно МОЯ и неважно кто ее отец, мать — я и в моих силах сделать все, чтобы она выросла хорошим человеком. Я рада, что Эван относился к моей беременности так, как будто бы это был его ребенок и уверена, он станет замечательным отцом, хоть нормального примера у него и не было.

— Я думала над именем. — несколько смущенно сказала я. — Как тебе Эва?

— Почти Эван. — любимый мягко засмеялся. — Мне очень нравится. — Эван звонко поцеловал меня в губы, а потом прикоснулся к моему животу и мягко погладил. — Мне не терпится с ней познакомиться. — получив легкий пинок в руку, мы с Эваном довольно улыбались.

Через пару дней Эвана выписали из больницы, мы получили наши дипломы и довольные вернулись домой. Дома мы отпраздновали это событие, а также то, что преступник, наконец, был пойман и теперь я точно могу успокоиться. На праздник прилетал также и отец Эвана, он очень сдружился с мамой на фоне переживаний за Эвана, и они стали очень близки. Я видела, что Лайту нравится мама и в тайне надеялась, что и ей он симпатичен. Все-таки Лайт был очень симпатичным мужчиной, полная противоположность внешности папы, но все же. Там же, Лайт поведал нам о своем намерении быть ближе к нам, поэтому он решил купить здесь дом и переехать. Эван хоть и был отстраненным, но я видела, как все трудности сблизили их и они стали настоящими отцом и сыном. Я очень была рада за Эвана, ему повезло с отцом.

Спустя месяц после возвращения, когда Эван полностью восстановился, подтянул свои знания в сфере бизнеса, набрался опыта в деле управления компанией у своего отца — он вышел на работу. Сотрудники сперва отнеслись предвзято к молодому начальнику, но совсем скоро Эван показал им, что достоин уважения. Управление бизнесом, деловая хватка — были у него в крови, поэтому Эван быстро влился в эту роль и ему это очень нравилось. Бунтарский гардероб постепенно сменился на деловые костюмы, которые полностью вытеснили мальчишеский образ. Это было не плохо, Эвану безумно шли костюмы и признаться, каждый раз глядя на него, я безумно его хотела. Несмотря на занятость, Эван по-прежнему уделял мне достаточно внимания и заботы, а наши ночи по страсти становились еще горячеей.

Близился закат моей беременности, я старалась быть активной, ела достаточно, но не переедала, за счет этого не набрала лишних килограммов. В день, когда у меня начались схватки был сильный дождь. Эван был на работе, а мы с мамой занимались своими делами. Я читалась разной информации, которую нужно знать беременной, поэтому не паниковала. Я знала, что схватки могут быть достаточно долгими, поэтому не спешила панически бежать в больницу. Я неспеша приняла душ, немного подкрасилась, чтобы быть посвежей, дождалась, когда вечером вернется с работы Эван и только тогда преподнесла ему новость, что нужно ехать в больницу. К тому моменту, схватки усилились, и я уже понимала, что медлить нельзя.

Эван вел себя очень нервно, он тревожился и беспокоился каждый раз, стоило ему взглянуть на меня. Между схватками я смеялась и улыбалась, делая вид, что все хорошо и

происходящее ни чуть меня не пугает. А страшно было, особенно в момент схваток, они были такими сильными, что казалось я лишусь сознания от такой боли. Но я успокаивала себя тем, что через это проходит каждая женщина, рожая свое дитя.

Эван настаивал на совместных родах, но я не хотела в этот момент переживать, что он, не дай Бог, лишится сознания от тревоги за меня. Лучше уж спокойно родить и не переживать ни о чем. В приемном мы расстались, Эван крепко меня обнял и поцеловал, пожелав мне быть сильной и ничего не бояться. Я улыбнулась его наставлениям, уверенная в том, что он, все же, боится больше, чем я сама.

Не дойдя до кабинета гинеколога, у меня отошли воды — процесс неприятный, но естественный. На гинекологическом кресле врач определил, что раскрытие максимальное и нужно готовиться к родам. Роды длились стремительно и совсем скоро на мою грудь положили кричащий сморщенный комочек. Как и все новорожденные она не отличалась красотой, но заглянув в ее глаза — началась наша любовь.

— Добро пожаловать, Эва. — пока еще рано было говорить о сходстве с Кайлом, но меня порадовало то, что она имела светлые волосы, хотя у нас они были темные.

Когда нас перевели в палату, Эван вошел к нам с букетом шикарных пионов. Я была счастлива, их сладкий аромат сразу заполнил все пространство помещения.

— Поздравляю, любимая. — Эву уже обмыли и туго запеленали в пеленки, сейчас она добывала себе пропитание, трудясь у моей груди. — Прекрасное зрелище. — Эван заморожено глядел на Эву. — Она хорошенькая, да? — спросил он с нежностью.

— Видел бы ты ее сразу после рождения. — улыбнулась я.

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного непривычно, но я в порядке.

— Я рад, малышка. Тетя с папой приедут совсем скоро, чтобы навестить вас.

— Ты хочешь подержать ее? — к тому моменту Эва уже наелась и посапывала на моих руках.

— А можно? — удивился он.

— Конечно же, ты ведь ее папа. — мягко улыбнулась я. Поймав мою улыбку, он ответил мне тем же и протянул руки к Эве. Девочка даже не шелохнулась, продолжая крепко спать.

— Удивительно, как из таких маленьких человечков, вырастают большие люди. — я улыбнулась немного наивным словам Эвана. Глядя на него с младенцем на руках, я испытала ни с чем не сравнимое счастье.

Три года пролетели очень быстро, Эва росла очень активным и веселым ребенком. Всех любила, обнимала и целовала. Эван был ее кумиром, с которым она всегда любила проводить время. Надо признать Эван тоже ее обожал и ни словом, ни действием никогда не заикнулся, что она не его дочь. Она была очень похожа на меня, но имела светлые волосы моей мамы. Ничего в ней не напоминало мне Кайла, поэтому я просто любила ее.

Лайт часто заходил к нам, неизменно приходя с подарком для Эвы и букетом цветов для мамы. Мама расплывалась в улыбке, принимая его ухаживания. Я видела, что он тоже очень сильно нравится ей и была очень счастлива за нее.

Я устроилась работать в больницу врачом-педиатром. Сначала Эван был против моей работы, считал, что может содержать семью сам, а мне не обязательно трудиться. Но я убедила его в том, что безумно мечтала об этом и работать я иду не ради денег, а для того, что искренне хочу помогать больным детям и внести свой положительный вклад в общество. Тогда Эван сдался и не стал вставать на моем пути. Я была безумно благодарна ему за это.

Работа в больнице была тяжелой, столько больных детей каждый день и все нуждались в моей помощи. Я сталкивалась со слезами, истериками и порой мне было невыносимо ощущать их боль, но их улыбки и благодарность после выздоровления — были огромным стимулом любить свою работу еще больше.

Мы подружились с соседями, это была приличная пара, влюбленная друг в друга до мозга костей. Они напоминали чем-то нас с Эваном. С девушкой Милой мы сразу нашли общий язык, что не могло не радовать. Прошлый опыт дружбы с девочкой был плохим, но я не перенесла свои страхи, а отпустила их. С Майком подружился Эван, он был таким же бизнесменом и у них были общие темы для разговора. Совсем скоро они заключили сделку между своими компаниями и стали партнерами. Эта сделка принесла немало плюсов обеим сторонам. Мы часто виделись, наши дети играли вместе, у них был сын старше Эвы на год. Они ладили и были лучшими друзьями.

Когда Эве было пять лет, я узнала, что вновь беременна. Мы с Эваном были самыми счастливыми в тот момент. Эван безумно хотел сына, но упомянул, что еще от одной проказницы в доме не отказался бы. А когда мы узнали, что я была беременна двойней, Эван еще больше обрадовался. Он хотел большую семью и был доволен таким поворотом событий.

Через время мы узнали о том, что у нас будет мальчик и девочка, полный комплект. Я была безумно счастлива, что желание Эвана исполнится, мне же совсем был не важен пол, главное, чтобы было все хорошо.

Когда мы сказали Эве о том, что у нее появится братик и сестричка, девочка погрузилась и зарыдала. Она была убеждена, что теперь мы станем меньше любить ее. Конечно, это была не правда. За это время я полюбила Эву так, что не смыслила жизни без нее и мне было ужасно стыдно за то, что когда-то я мечтала избавиться от этой крохи.

— Милая, — Эван посадил ее к себе на колени и ласково погладив по голове, продолжил. — когда у тебя появятся братик и сестричка, мы не перестанем любить тебя. Мы будем любить тебя даже больше, а знаешь, почему?

— Почему? — спросила она, внимательно слушая Эвана.

— Потому что ты наш первый ребенок, а это многого стоит. Конечно, сначала мы будем много времени уделять малышам, потому что маленьким всегда нужно больше внимания. Ты ведь понимаешь?

— Да, папочка.

— Поэтому мы с мамой очень хотим, чтобы ты помогла нам. Потому что, боюсь, без твоей помощи нам будет очень нелегко. — Эван послал мне лукавую улыбку. Это были правильные слова, которые нужны были Эве.

— Конечно, папочка, я вам помогу. — кивнула малышка, радостно улыбаясь.

После этого разговора она перестала переживать о скором появлении брата и сестры. Она с нетерпением ждала этого момента.

Наши двойняшки родились летом, темноволосые и красивые. Мы назвали их: Киран и Кьяра. Доченька была очень похожа на новорожденную Эву, но имела изначально темные волосы, поэтому мы предположили, что она также будет похожа на меня. Она была очень активной и любопытной, постоянно требовала, чтобы ее взяли на руки. Кьяра была эдаким маленьким деспотом, на крик, который сбегались все. Киран был полной противоположностью своей сестры: спокойный, серьезный и казалось, ему вообще нет дела до чьих-либо рук. Иногда, когда Кьяра поднимала крик, Киран глядел на нее удивленно, не понимая зачем вообще она орет. Это было так смешно наблюдать за ними со стороны. Киран

внешне очень был похож на Эвана, он и Кьяра были почти полными нашими копиями, хотя с возрастом мы начали замечать, что у них своя индивидуальность и став совсем взрослыми, они обязательно переплюнут нас в красоте.

Эва очень любила своих младших брата и сестру. Иногда Кьяра ее раздражала своими воплями, но в целом Эва быстро отходила и с трепетом и любовью ухаживала за ними. Она действительно была прекрасной помощницей, за что мы были благодарны.

Спустя пять лет после смерти папы, мама вышла замуж за Лайта. Она светила изнутри, когда была с ним. Он был заботливым, внимательным и нежным и она, наконец, призналась, что наконец обрела счастье. Она переехала в дом к Лайту, а уже через год у них родилась дочь. Она была на пару месяцев младше наших двойняшек. Тетя, которая младше своих племянников, как смешно.

Бизнес Эвана процветал все больше. Эван заключал одну за другой сделки, которые совсем скоро сделали нас достаточно богатыми людьми. Лайт гордился своим сыном, а я гордилась мужем.

Моя жизнь пронеслась перед глазами. Я вспомнила, как любовь Эвана меня пугала, как хотела сбежать от него и влюбиться в кого-то другого, какой же дурой я была, не видела своего счастья. Но это было так давно, казалось целую вечность назад.

Имея большую семью, любовь, которая с каждым днем делала меня еще счастливей, любимую работу — я была не сказано благодарна тому, что все в моей жизни сложилось именно так. Я даже была благодарна Кайлу за то, что подарил мне Эву.

Несмотря на сложности жизни я не сдалась и продолжаю жить, встречая новый день счастливой улыбкой на губах.

Больше книг на сайте - Knigoed.net